Лирика 40-х годов

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»

Лирика 40-х годов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО,
СОСТАВЛЕНИЕ И РЕДАКЦИЯ
В. Я. ВАКУЛЕНКО

ФРУНЗЕ — 1977

Р 2
Л62

7—4—2

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

О лирике 40-х годов

Война — жесточе нету слова.
Война — печальней нету слова,
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.

Александр Твардовский

Эти заметки о лирике 40-х годов я хочу начать с цитаты.

«...Недавно в вагоне метро, на новой линии «Спортивная — Университет»,— рассказывает участник Великой Отечественной войны поэт Константин Ваншенкин,— я услышал разговор двух маленьких школьников. Они спорили о том, когда началась война.

Один утверждал:

— Великая Отечественная война началась в тысяча девятьсот сорок первом году!..

Второй сомневался, потом согласился. И все, кто слышал это,— пожилая женщина, капитан-летчик, рабочий, опустивший на колени газету,— все переглянулись и задумчиво улыбнулись своим мыслям.

Да, для них это уже история. Они не помнят войны, они родились позже, чем она кончилась. Они будут знать эту войну только по книгам и рассказам. И пусть при их жизни никогда не будет войны.

Мы делаем и сделаем для этого все, что можем...»

Книга эта адресована им — тем, для кого минувшая война — уже история, кто может узнать о ней, о людях военного времени из книг, из различных человеческих документов эпохи, величайшим из которых, по нашему убеждению, является литература, а также тем, кто пережил эту войну и запомнил её такой, какою она была.

* * *

Пафос социалистического строительства, нравственного обновления человека был характерен в сущ-

ности для всей лирической поэзии 30-х годов, сосредоточившей свое внимание на рядовом герое, представлявшем духовное величие и творческий энтузиазм народных масс, создающих и созидающих новый небывалый прежде мир,— именно это определяло тематику и характер лирической поэзии предвоенного десятилетия.

Не хочу сказать, что наша лирическая поэзия того времени оказалась глуха к внешнеполитическим событиям в мире и не ощущала в должной мере надвигающейся грозной опасности воинствующего фашизма. Напротив, о войне писали и в 30-е годы. Но писали преимущественно в ретроспективном плане, вспоминая героические рейды и отчаянные сабельные походы времен гражданской войны. И нельзя не согласиться с историками литературы, справедливо утверждающими, что в предвоенные годы «...в целом поэты редко заглядывали в глаза беде и трактовали эту тему в слишком оптимистическом духе: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим» (История русской советской литературы. Под ред. проф. П. С. Выходцева. Изд. «Высшая школа», М., 1970, стр. 392).

По существу только лишь к концу 30-х годов, в начале сороковых, главным образом творчеством тех, кто сам повидал смерть и ощутил запах пороховой гари в недолгие кровопролитные месяцы предвоенных инцидентов в Монголии и Финляндии (например, А. Твардовский, К. Симонов и др.), заговорила наша поэзия всерьез, мужественно и правдиво об угрозе новой войны. Ее разрушительное, смертоносное дыхание почувствовали и те, кто был далек от фронтов военных кампаний.

Я так боюсь, что всех, кого люблю,
утрачу вновь.
Я так теперь лелею и коплю
людей любовь.
И если кто смеется — не боюсь:
настанут дни,
когда тревогу вещую мою
поймут они,—

писала в мае 1941 года Ольга Федоровна Берггольц.

И эти дни скоро настали. Грянула война. Великой

и Отечественной назовет ее советский народ, вставший от мала до велика на защиту Родины от немецко-фашистских захватчиков.

И с первых же дней встала на боевую вахту советская многонациональная литература. Свыше тысячи человек из писательской организации ушло на фронт, половина из них была награждена орденами и медалями, 18 стали Героями Советского Союза, свыше четырехсот человек не вернулись с поля боя.

Никогда еще наша литература не откликалась так единодушно и оперативно на события времени, как в годы борьбы с фашизмом. Особенно активно развивались в эти годы публицистика и лирическая поэзия. В газетах военного времени трудно найти номер, в котором не было бы проникновенных и пламенных лирических стихов или острой публицистической статьи, написанных под свежим впечатлением, по следам недавних событий. В творчестве А. Твардовского, Н. Асеева, К. Симонова, А. Суркова, М. Исаковского, Н. Тихонова, А. Ахматовой, А. Прокофьева, Д. Кедрина, С. Щипачева, И. Сельвинского, В. Лебедева-Кумача, Н. Рыленкова, И. Уткина, М. Алигер, О. Берггольц, С. Орлова, Ю. Друниной, А. Межирова, М. Дудина, С. Наровчатова, А. Недогонова, Н. Майорова, Г. Суворова, П. Когана и многих, многих других замечательных советских поэтов война и люди на войне предстали в своем подлинном реалистическом обличье. Примером творческого и гражданского подвижничества можно назвать деятельность И. Эренбурга, опубликовавшего только за годы войны свыше трех тысяч статей. Его публицистику в то время М. И. Калинин справедливо и метко охарактеризовал как «рукопашную схватку с фашистами».

На войне люди не только воюют, но и мыслят и чувствуют, мечтают и ждут, любят и ненавидят. Наиболее полно и ярко сложную, многообразную жизнь советского человека в годы борьбы с фашизмом и в последующее пятилетие отразила русская советская лирическая поэзия, многие лучшие образцы которой представлены в этой книге. Конечно же, не все произведения, вошедшие в антологию «Лирика 40-х годов», равноценны. Не все — ибо неодинаков уровень художнического дарования поэтов, стихи которых читатель найдет в этой книге, разные у них судьбы, характеры,

жизненный и творческий опыт—все это и запечатлёно в стихах. Но есть у поэтов 40-х годов и нечто общее — время, в которое они жили, любили, сражались неистово и беззаветно, жертвуя всем — для того, чтобы мы сегодня имели главное: свободу, право на жизнь, труд и будущее.

Лирика 40-х годов — как и вообще искусство — не только отражение жизни тех суровых и мужественных лет, но и самая частичка героической жизни. Массовость всенародного подвига в годы войны, духовная монолитность советского народа, вставшего на защиту Отечества, естественно, не могли не найти такого же массового единодушия в литературе, в лирической поэзии в частности. «Пожалуй, никогда за время существования советской поэзии не было написано столько лирических стихов»,— справедливо заметил в то время А. Сурков. Этот всеобъемный и всеобъемлющий духовный контакт поэзии и народа оказался для нас решающим и в выборе принципа составления настоящего тома.

Тревога за судьбы мира и судьбу Родины с первых же дней войны получила горячий отклик в литературе, и прежде всего — в лирической поэзии, нашедшей в себе мужество и силы не только трезво оценить всю сложность и опасность момента, но и сделать все возможное для того, чтобы еще теснее сплотить весь советский народ на борьбу с захватчиками.

В самые тяжелые дни, когда страна оказалась в опасности, были созданы лучшие лирические произведения о Родине. Причем и самое понятие Родины в лирике военных лет не только углубилось психологически, но и приобрело более конкретные формы: за этим словом в лирических произведениях вставали запоминающиеся черты реальных географических широт, любимых городов, деревень и поселков. «...Когда грозные пороховые тучи застлали землю,— писал в заметках военных лет И. Эренбург,— в сердце встали ясные видения домов, деревьев, реки, неба. В грозную первую зиму войны ленинградцы поняли, как они любят Ленинград. Когда по Крещатику прошли гитлеровские полчища, киевляне узнали всю силу своей привязанности к родному городу. Этот местный патриотизм оживил большой патриотизм, любовь к родному городу укрепила любовь к Родине, к России. Она была

сильна и до войны, но это была дремлющая сила. Теперь она стала действенной, на ней покоится наша уверенность в победе...» Таковы, например, помимо взволнованных стихов о Родине, о России вообще, многочисленные искренние стихи о Москве — В. Гусева, А. Суркова, А. Прокофьева, Н. Тихонова, А. Жарова, П. Железнова, В. Лебедева-Кумача, М. Лисянского, М. Матусовского, о Ленинграде—М. Алигер, А. Ахматовой, А. Яшина, О. Берггольц, И. Авраменко, А. Прокофьева, Вс. Рождественского, Г. Некрасова, об Одессе — Вс. Багрицкого, о Севастополе — И. Сельвинского, о Сталинграде — Б. Палийчука, о Харькове — Н. Ушакова, о Брянщине — А. Софронова, о Сибири — С. Васильева и П. Комарова, о Волхове — А. Гитовича и П. Шубина, о Смоленщине — М. Исаковского, Н. Рыленкова и др.

Лирической поэзией утверждалась незыблемость национально-патриотических традиций советского народа. Поэты обращались к историческому прошлому России, чтобы показать закономерность преемственности национально-патриотических традиций советского народа, любовь которого к Родине и ненависть к врагу определяли все помыслы и дела.

«Я никогда не знал, что так люблю жизнь,— писал с фронта Павел Коган.— Должно быть, мы умели крепко любить в юности. Я сужу об этом по тому, какой лютой ненависти я научился...»

Эта любовь и ненависть наметили и предопределили основной путь лирической поэзии тех лет: от плакатных (ораторских) стихов-воззваний — к глубокому поэтическому осмыслению времени и человека, к психологически яркой, простой и точной картине внутреннего состояния духа советского человека. Так, уже с самых первых дней войны, наряду со стихотворениями-призывами («К оружью, патриот!» П. Комарова, «Слушай, Отчизна» И. Авраменко, «Умрем, но не допустим!» А. Прокофьева, «Бей врага!» В. Инбер и др.), появились лирически тонкие и проникновенные стихи-письма, стихи-обращения, стихи-размышления, раздумья, монологи, обращенные к вполне конкретному, зрительно осязаемому, а не абстрактному герою, в которых гражданское чувство и глубоко личные, интимные переживания выступали в редкостном органическом единстве («Бьется в тесной печурке огонь»

А. Суркова, «Огонек» М. Исаковского, «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» К. Симонова, «Когда пройдешь путем колонн», «Я убит подо Ржевом» А. Твардовского, «Письма на Каму» О. Берггольц, «Письмо в Невель» А. Решетова, «Рассказ солдата» С. Орлова, «Есть в памяти мгновения войны», С. Поделкова и многие другие). Это выдающееся достижение лирической поэзии военных лет не только не было утрачено в последующие годы, но, напротив, получило дальнейшее творческое развитие.

Темы войны и Родины оказались в сущности преобладающими и в лирике последующего пятилетия. Не случайно эпиграфом к этим заметкам о лирике 40-х годов избраны замечательные строки выдающегося поэта нашей эпохи А. Твардовского. Действительно, военный смерч, пронесшийся по нашей земле, настолько жестоко разрушил привычный уклад мирной довоенной жизни, настолько глубоко ранил и разволновал человеческие сердца, что и впрямь еще долго в сознании каждого иных слов не могло быть и не было. И даже темы строительства, восстановления Родины из руин, темы любви и защиты мира в сущности в течение всего последующего периода самым тесным образом перекликались и переплетались с воспоминаниями о недавних боях, с тяжелым чувством горечи, с незажившей и незаживающей болью недавних утрат.

Успешно выдержавшие испытание духа огнем войны, ее участники, окрыленные победой, полные творческой созидательной энергии, возвращались к мирному труду. Стремительно и энергично расширялся диапазон советской лирической поэзии, захватывая в ином ракурсе темы мирного строительства и международной жизни, темы, связанные с изображением чувств, духа, настроений человека-труженика.

Нам не отдыха надо
И не тишины,
Не ласкайте нас маркой:
«Участник войны».
Нам —
　　　трудом обновить
　　　　　　ордена и почет,
Жажда трудной работы
　　　　　　　　нам ладони сечет,—

писал Михаил Луконин в стихотворении «Пришедшим с войны». В мирную трудовую жизнь, так же как и в советскую литературу, полноправным хозяином входило новое поколение: Ольга Берггольц, Сергей Орлов, Василий Субботин, Юлия Друнина, Сергей Наровчатов, Константин Ваншенкин, Александр Межиров, Евгений Винокуров, Михаил Луконин, Михаил Дудин, Борис Слуцкий, Николай Старшинов и многие другие замечательные поэты — с этими именами связано развитие русской советской поэзии в последующий период.

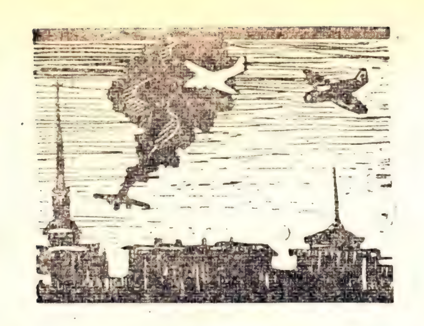
Особое место в лирике 40-х годов принадлежит массовой советской песне. Этот жанр, бурно начавший свое развитие в 30-е годы в творчестве М. Исаковского, А. Суркова, В. Лебедева-Кумача, С. Алымова, В. Гусева и многих других, в годы войны не был забыт. Напротив, он развивается еще более энергично. Для песни военных лет, так же как и для лирической поэзии в целом, характерно жанровое и тематическое богатство.

Своеобразным музыкально-поэтическим символом тех грозных лет стала «Священная война» В. Лебедева-Кумача (музыка А. Александрова), открывающая собой ряд замечательных гимнических песен военного времени. 24 июня 1941 года она увидела свет, а уже буквально на другой день под ее аккомпанемент с вокзалов столицы уходили на фронт воинские эшелоны. Песни маршевые и песни-призывы, песни о Родине, о Москве, песни партизанские и бытовые — о солдатском житье на фронте, песни интимно-лирические...— только один перечень наиболее популярных из них занял бы многие страницы. «Темная ночь» В. Агатова, «Вася-Василек» С. Алымова, «Песня о Ладоге» П. Богданова, «Песня о Москве», «Как за Камой за рекой», «Вася Крючкин» В. Гусева, «Моя любимая» и «Песня о Днепре» Е. Долматовского, «В прифронтовом лесу», «Враги сожгли родную хату», «Лучше нету того цвету», «Снова замерло все до рассвета», «Летят перелетные птицы» М. Исаковского, «Дороги», «Ехал я из Берлина», «Гимн демократической молодежи мира» Л. Ошанина, «Ходит по полю девчонка» Н. Рыленкова, «Шумел сурово брянский лес», «Расцвела сирень» А. Софронова, «Бьется в тесной печурке огонь» А. Суркова, «Соловьи», «Где же вы теперь, друзья-однополчане» А. Фатьянова. «Вечер на рейде» А. Чур-

кина, «Смуглянка» Я. Шведова и многие, многие другие песни 40-х годов,— без них невозможно представить лирическую поэзию тех лет, без них невозможно представить советский песенный репертуар и наших дней, они пользуются заслуженной популярностью, не забыты и не забываются народом вот уже третье десятилетие. Их приумножают другие: эпоха 40-х годов— вечно живой родник вдохновения и творчества. И не раз еще сегодня, спустя тридцать два года после Победного салюта, сожмутся сердца наших современников, слушающих нескончаемые списки «Бюллетеня розыска родных», передаваемого в эфир советским радио, читающих книги, смотрящих фильмы о том жестоком и героическом времени, ибо вечно жива боль и памятны утраты, которые принесла советскому народу война с фашизмом.

Памяти тех, кто погиб на фронтах Великой Отечественной войны, памяти тех, кто сражался штыком и словом за свободу и независимость нашей Родины, мы и посвящаем эту книгу.

Валерий Вакуленко



ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПОЛЕТА

Они входили молча в тихий дом,
с полуночи покинув самолеты,
тяжелым изнуренные трудом,
суровой облегченные работой.

За ними тень металась по углам...
Нес капитан в охапке туго сжатый,
подшитый мехом кожаный реглан
и грязный шлем с клочками дымной ваты.

Их раздражал не в меру яркий свет,
невозмутимость мнимого покоя...
И понял я: меж ними друга нет,
что прикрывал их там, над полем боя.

Еще в глазах мерещились мосты,
клубки разрывов, черный дым парома
и мертвый истребитель — полверсты
не дотянувший до аэродрома.

Входило пять... В боях погиб шестой,—
реглан в крови, изодран шлем пилота...
Усталость гнет, но спать уж неохота,—
какой тут сон! Скорей бы день, и — в бой.

* * *

Слушай, отчизна!
С тобой говорит Ленинград
гулом заводов, не знающих сна и покоя.
Флаги приподняты.
Полон решимости взгляд.
В панцирь бесстрашия сердце одето людское.
Снегом глубоким засыпан асфальт площадей.
Шумные шествия мирных колонн
позабыты.
Пусто на улицах.
Окна фанерой забиты.
Только свирепствует в бешенстве лютый злодей:
бьет дальнобойными,
шлет за снарядом снаряд...
Слушай, отчизна!
В тяжелые дни испытаний
голосом крови с тобой говорит Ленинград,—
пеплом сожженных
и камнем разрушенных зданий.
Нет, не опустит он гордой своей головы!
Перед врагом никогда не падет на колени
верный соратник —
собрат неприступной Москвы,
город,
в котором творил несгибаемый Ленин!
Слушай, отчизна!
С тобой говорит Ленинград —
тысячеустый,
зовущий к отпору и мести,
доблестный сын твой —
огнем опаленный солдат,
вставший защитником
счастья,
свободы
и чести.

* * *

Ночной туман окутывает рощи,
на блиндажи ложится лунный свет.

А там,
вдали,
опять зловещий росчерк
взлетающих и гаснущих ракет.

Весь полог неба выстрелами вспорот,
стремительными трассами прошит...
Опять налет!
Опять любимый город,
огромный и встревоженный, не спит!

И все острее боль от этих пыток.
За тридцать верст в холодной вышине
гремит огонь, но выстрелы зениток
оттуда не доносятся ко мне.

Передний край умолк перед атакой...
О, как невыносимо тяжело
смотреть на пламя, вставшее из мрака,
что заревом над городом легло!

Но трижды тяжелее от сознанья,
что перед нами, в нескольких шагах,
за рощей, растворившейся в тумане,
злорадствует и тешит душу враг.

Он захватил крутых высоток склоны,
он оседлал дороги полотно...
Но до него, сквозь все его заслоны,
мы доберемся нынче —
все равно!

* * *

Все сбудется — мы встретимся с тобой...
Над нами вскинет парус голубой
безветренное солнечное небо.
И, радуясь блаженству тишины,
мы вспомним о смертельных днях войны,
о черствой корке ладожского хлеба.

Мы, верно, не забудем никогда,
как стыла в трубах невская вода,
как падали на улицах снаряды,

как по путям трамвайным шла зима
и замирали темные дома
в глухом кольце тревоги и блокады.

Мы сквозь огонь губительный свинца
достойно пронесли свои сердца
и выдержали горечь испытаний...
О том, что наша молодость прошла,—
какой бы эта встреча ни была —
с тобою сожалеть уже не станем.

В страданиях родной своей земли
мы правду золотую обрели,
нас мудростью война обогатила.
Нам верность нашу волю берегла.
А ненависти — той, что души жгла,—
на два бы поколения хватило!

У ЗИМНЕГО

Безгласна и безлюдна площадь,
со всех открытая сторон,—
холодный ветер не полощет
веселых праздничных знамен.
И только разве песне клена,
однообразной и простой,
крестом венчанная колонна
внимает с площади пустой.
Поток людской, шумливо-юный,
заполонявший все мосты,
и в этот год с крыла трибуны,
как в прошлый, не увидишь ты.
Он словно схлынул по каналам
и там, за Невской стороной,
отяжелел застывшим валом,
неколебимою стеной.
Он вышел, гневный, на просторы,
туда, где в зареве ночей
дымятся Пулковские горы
в крови и в щебне кирпичей.
И в светлый день безмерно веря,

среди болот, в равнинах нив
он встал, дорогу немцу-зверю
солдатским сердцем заслонив.
И третий год безгласна площадь,
со всех открытая сторон,
и ветер с моря не полощет
расшитых золотом знамен.
Но верю я: не за горами
и наш подъем, и наш черед...
Вслед за днепровскими ветрами
мы шумно двинемся вперед.
И прочь от северной твердыни
отбросив, к черту на рога,
за Штеттин, Кенигсберг и Гдыню
осатаневшего врага,
опять, любви моей отрада,
к тебе вернемся в добрый час.
И вновь под небом Ленинграда
балтийский ветер встретит нас.
И мы взволнованным потоком
к веселой площади свернем,
крещенные в бою жестоком
железом, кровью и огнем.

МЕРТВЫЙ НЕМЕЦ

Вот он лежит, скореженный, в снегу.
Под ним, как студень, кровь его застыла.
Остроконечной пулей на бегу
ты раскроил тупой его затылок.
И панцирь не помог ему в тот час,
и черный крест на вытянутой шее,
когда рывком — с Невы,— ожесточась,
по крутизне ты выбился к траншее
и разомкнул проклятое кольцо,
и распахнул к родным просторам двери...
Запомни же косматое лицо
насильника, мучителя и зверя.
Ведь это он убил твою жену,
ему твой дом с добром твоим достался.
Ты свел с ним личный счет, но за страну
еще не полной мерой расквитался.
Вот он лежит, поверженный во прах,

раскинув рук обугленные крючья.
Ты видишь, как сковал смертельный страх
глаза остекленевшие, паучьи?
А он еще надеялся и ждал,
малайским ромом брюхо грел в окопе,
полмира испохабивший вандал,
с триумфом прошагавший по Европе!
Как звать его?
Не все ль тебе равно,—
твой русский гнев искал его давно.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗЕМЛЯ

За высоткой Пулковской отлогой,
меж траншей и дзотов, напрямик,
вдаль бежит военная дорога,
и по ней — военный грузовик.

Здесь уже атака отгремела,
сломлен враг, отброшен и разбит,
а земли израненное тело
все еще дымится и скорбит.

Все еще скорбит, не принимая
разом наступившей тишины,—
страшная, открытая, немая
летопись неволи и войны.

Сколько здесь остывшей мертвой стали,
пепла и развалин на пути!
Даже слова — так тебя пытали!—
трудно для сравнения найти.

Бьет в лицо январь морозным ветром.
Взорваны развилки и мосты.
И кругом, на сотни километров,
вся обезображенная — ты.

Только и такая — под колючей
проволокой, ржавой и тупой,—
ты для нас осталась самой лучшей,
самой светлой, самой дорогой.

Пусть мертво и тихо, как в пустыне,
нет нам утешения — и все ж,
нами отвоеванная ныне,
этой же весною зацветешь.

Мы поля сражений перепашем,
чтоб от них не веяло тоской,
чтобы сыновьям и внукам нашим
ты дарила радость и покой.

Громыхает под гору и в гору
кузов моего грузовика.
Рядом по дорогам на Ижору
тянутся обозы и войска.

НА МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСПЕКТЕ

(8 ИЮЛЯ 1945 ГОДА)

Дорогой смелых вдаль ушла война.
И снова к нам вернулась тишина.
Примкнув к винтовкам плоские штыки,
сквозь город шли гвардейские полки.
Держали шаг за Пулковской горой,
а тут смешался воинский их строй.
Спешили жены в радости к мужьям,
и матери бросались к сыновьям,
и дети — со слезами на щеках —
смеялись у гвардейцев на руках.
Невесты женихам несли цветы,
как знак своей любви, своей мечты,
что сердце их сумело уберечь
всю теплоту недолгих первых встреч.
Июльской ночи благостный покой
дыханьем счастья хлынул над рекой.
И эта ночь — прозрачна и светла —
в века неповторимою вошла.

ДУМА

Над могилами братскими ветер поземку метет.
Ни траншей, ни воронок.
Безрукие сосны угрюмы.
Берег крут.

И прозрачен и звонок
синий лед, ровный лед...
И опять уношусь я в огнем опаляющий год,
в тот январь—не похожий на этот, встающий в черед,—
и сжимается сердце от сладко нахлынувшей думы.

Здесь лежал пулеметчик. К рукам прикипел пулемет.
В час горячей атаки
гудела пред ним переправа:
на заре,
в расступившемся мраке,
словно птицы в полет,—
на измученный, черный, маталлом изжеванный лед,
с накипевшею болью и яростью — сердцем вперед —
устремились гвардейцы... Да будет им вечная слава!

И веснушчатый парень, пришедший в наш город с полей,
прикрывал наступленье...
И в грохоте, в вое и в стоне,
о заструги
сдирая колени,
полз Невою смелей
и кричал пехотинец:
«Наддай им, сынок! Не жалей!..»
И казалось, что не было в жизни солдату милей
этой страшной минуты, что стала началом погони.

Вот стою, вспоминая... Друзьям благодарный навек
за короткие встречи,
за общие наши победы.
Легкий снег
осыпает мне плечи...
Сколько речек и рек
мы до Эльбы прошли — от Невы начиная разбег,—
навсегда присягнув нашей верностью памяти тех,
что пробили нам путь торжества своего не изведав.
Над могилами братскими ветер поземку метет.
Берег крут над Невою.
Угрюмы безрукие сосны,
высоко
возносясь головою
в голубеющий свод.
И лучится под солнцем метелью раскатанный лед.
И рекою спокойно к Дубровке спешит пешеход...
А за лесом встает город Ленина в дымке морозной.

ВЛАДИМИР АГАТОВ

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи...
Вот и сейчас надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю: со мной ничего не случится.

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

* * *

В этой комнате все не мое:
Стол треногий, чужая кровать.
Только стопочкой книги, белье,
Долго ль с вами еще кочевать?

А на книгах — твой давний портрет,
Юга, юности нежной черты.
Улыбаешься мне столько лет
Девятнадцатилетняя ты.

Ты со мной под обстрелом была,
Приходила в голодную тьму,
Вдохновляла, жалела, вела,
Чтобы легче шагать одному.

Тридцать лет тебе, тридцать и мне,
В черном волосе белая нить
Не от старости, мы на войне,
Мы еще только начали жить!

КРОНШТАДТСКИЕ НОЧИ

Вы легендой покажетесь в будущем людям.
Никогда мы кронштадтских ночей не забудем.

К темным брустверам вал набегает сурово.
Отблеск месяца лег на штыке часового.

«Кто идет?» Для врага здесь дорога закрыта.
Боевой аванпост — Ленинграда защита.

Мы в бою друг за друга встаем, брат за брата.
Это стойкость и гнев, это верность Кронштадта.

День и ночь, где бы враг, подбираясь, ни рыскал,
Бьют форты канонадою артиллерийской.

Я узнал заряжающих гордую радость,
Как бойцы, торопясь, подносили снаряды,

Я увидел, как били врагов комендоры,
Защищая тебя, Революции город,

За священное Марсово поле, за Смольный
И за каждую горстку земли твоей вольной.

«Ленинградский боец — это мужества имя».
Пусть гордятся потомки отцами своими.

Вы легендой покажетесь в будущем людям,
Никогда мы кронштадтских ночей не забудем!

ГУСЕЙН АЛИЕВ

Синеет над аэродромом
Снег, заметая все углы,
Мы вспоминаем по-родному
Тебя, Гусейн Бала-оглы.

Пилота губы сжаты плотно,
И на глаза упала тень...
Кто нам припомнился в нелетный
Повитый изморозью день?

Кто смел повелевать стихией,
Кто знал одну отраду — бой?
Все это ты, Гусейн Алиев,
Азербайджанец молодой.

Одной мечте и страсти отдал
Отвагу, юношеский пыл.
Ты нашу русскую природу
С сыновней нежностью любил.

Березы, сосен перелески,
Необозримые поля...
Взвиваясь к небесам отвесно,
Ты знал:
«Здесь Родина моя!»

Бывало, мстителен, бесстрашен,
Ты мчался, атакуя строй,
И падал наземь коршун вражий,
Повержен дерзостью такой.

О, если б возвратить горенье
Большого яркого огня.
Читаем строки заявленья:
«Примите в партию меня».

Просты слова рекомендаций,
Пусть песни о тебе споют.
А ты любил летать и драться,
И жить, и побеждать в бою.

Вокруг четыре «мессершмитта»
Как молнии переплелись.
Тобой, Алиевым, подбитый,
Был первый сброшен камнем вниз.

Второй упал! Твоя награда,
Но обнаглевший хищник лют,
И три безжалостных снаряда
Кабину, сектор газа рвут.

И тридцать, не забудем, тридцать
Осколков вражеских в груди,
Но сердце продолжает биться
И отдает приказ:
«Дойди!»

«Дойди!»
Пусть легкие пробиты
И в баках пусто, сдал мотор,
Но, гибели наперекор,
Шел на посадку истребитель,
Со смертью продолжая спор.

Все сознавая, не вслепую,
В вершинах сосен и берез...
И на прогалину лесную
Пришел, не выпустив колес.

Он завершил свой подвиг трудный...
Вдали шумел аэродром.
Через минуту непробудным
Алиев спал последним сном.

Но в этом сне штурвал спокойно
Сжимал он мертвою рукой...
Пройдут года, минуют войны,
Мы не забудем подвиг твой.

Когда на круг аэродрома
Приходят стаями орлы,
То как не вспомнить по-родному
Тебя, Гусейн Бала-оглы!

ВЛАДИМИР АЛАТЫРЦЕВ

ПЕСНЯ О ЧЕРЕМУХЕ

Дом немецким снарядом
Разворочен, разбит,
А черемуха рядом
Невредима стоит.

Все село опустело,
Всюду пепел и прах,
Лишь черемуха в белых
И тяжелых цветах.

И сверкают у дома
Под холодной росой
Нашей русскою скромной,
Но бессмертной красой...

Мы устали на марше,
Но над мертвым селом
Нам черемуха машет
Белым легким крылом.

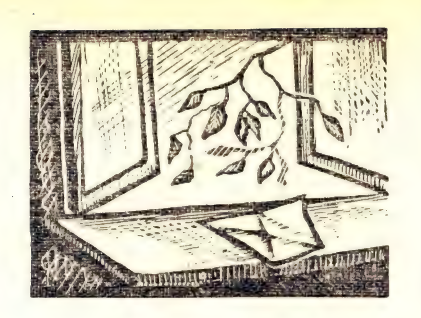
Чем-то милым и близким
Сердце тронуло вдруг,
И улыбки на лицах
Появились вокруг.

Сразу в памяти ожил
Тот покинутый дом,
Где черемуха тоже
Расцвела под окном,

Лепестки осыпает,
Словно снег, на крыльцо,
А в окошке мелькает
Дорогое лицо...

И от этого стало
И легко и тепло,
Словно ветром усталость
С наших плеч унесло.

Рота снова на марше
Далеко за селом...
Вслед черемуха машет
Легким белым крылом.



МАРГАРИТА АЛИГЕР

МУЗЫКА

Я в комнате той,
на диване промятом,
где пахнет мастикой и кленом сухим,
наполненной музыкой и закатом,
движеньями,
голосом,
шумом твоим.

Я в комнате той,
где смущенно и чинно
стоит у стены, прижимается к ней
чужое, заигранное пианино,
как маленький памятник жизни твоей.
Всей жизни твоей.
До чего же немного!
Неистовый,
жадный,
земной,
молодой,
ты засветло вышел.
Лежала дорога
по вольному полю,
над ясной водой.
Все музыкой было —
взвивался ли ветер,
плескалась ли рыба,
текла ли вода.

И счастье играло в рожок на рассвете,
и в бубен безжалостный била беда.
И сердце твое грохотало, любило,
и в солнечном дождике смеха и слез
все музыкой было, все музыкой было,
все пело, гремело, летело, рвалось.
И ты,
        как присягу,
                        влюбленно и честно,
почти без дыхания слушал ее.
В победное медное сердце оркестра
как верило бедное сердце твое!

На миг очутиться бы рядом с тобою,
чтоб всей своей силою, нежностью всей
понять и услышать симфонию боя,
последнюю музыку жизни твоей.
Она загремела,
                        святая и злая,
и не было звуков над миром грозней.
И, музыки чище и проще не зная,
ты, раненный в сердце,
                        склонился пред ней.
Навеки.
        И вот уже больше не будет
ни славы,
        ни бед,
                ни обид,
                        ни молвы...
И ласка моя никогда не остудит
горячей, бедовой твоей головы.
Навеки.
        Мои опускаются руки.
Мои одинокие руки лежат...
Я в комнате той, где последние звуки,
как крылья подстреленной птицы, дрожат.
Я в комнате той,
                у дверей,
                        у порога,
у нашего прошлого на краю...

Но ты мне оставил так много, так много:
две вольные жизни — мою и твою.
Но ты мне оставил не жалобу вдовью —
мою неуступчивую судьбу

с ее задыханьями,
жаром,
любовью,
с ночною тревогой, трубящей в трубу.
Позволь мне остаться такой же,
такою,
какою ты некогда обнял меня,
готовою в путь,
непривычной к покою,
как поезда, ждущею встречного дня.
И верить позволь немудреною верой,
что все-таки быть еще счастью
и жить,
как ты научил меня,
полною мерой,
себя не умея беречь и делить.
Всем сердцем и всем существом в человеке,
страстей и порывов своих не тая,
так жить,
чтоб остаться достойной навеки
и жизни
и смерти
такой, как твоя.

ХОЗЯЙКА

Отклонились мы маленько.
Путь дороги не видать.
Деревенька Лутовенька,—
до войны рукой подать.

Высоки леса Валдая,
по колено крепкий снег.
Нас хозяйка молодая
приютила на ночлег.

Занялась своей работой,
самовар внесла большой,
с напускною неохотой
и с открытою душой.

Вот ее обитель в мире.
Дом и прибран и обжит.
— Сколько деток-то?

— Четыре.
— А хозяин где?
— Убит.

Молвила, и замолчала,
и, не опуская глаз,
колыбельку покачала,
села прямо против нас.

Говорила ясность взгляда,
проникавшего до дна:
этой — жалости не надо,
эта — справится одна.

Гордо голову носила,
плавно двигалась она
и ни разу не спросила,
скоро ль кончится война.

Неохоча к пустословью,
не роняя лишних фраз,
видно, всей душой, всей кровью,
знала это лучше нас.

Знала тем спокойным знаньем,
что навек хранит народ:
вслед за горем и страданьем
облегчение придет.

Чтобы не было иначе —
кровью плачено большой.
Потому она не плачет,
устоявшая душой.

Потому она не хочет
пасть под натиском беды.
Мы легли, она хлопочет,—
звон посуды, плеск воды.

Вот и вымыта посуда.
Гасит лампочку она.
А рукой подать отсюда —
продолжается война.

Пусть же будет трижды свято
знамя гнева твоего,
женщина, жена солдата,
мать народа моего.

ЛЕНИНГРАД. ВЕСНА 1946

Будний день похож на воскресенье,—
на душе ни тягот, ни обид.
За окном смятение весеннее,
розовый исаакиевский гранит.

Теплый дождик... Спутанная пряжа
ветреных бездомных облаков...
Оползает краска камуфляжа
с крутолобых вечных куполов.

Ветром сдуем, дождиками смоем
черные твои, война, следы.
Далеко от глаз досужих скроем
знаки несмываемой беды.

Чтоб осталось время только славой,
утренним лучом над головой,
красотой, осанкой величавой,
розовым гранитом над Невой.

ВОСПОМИНАНИЕ

...На скрещенье путей непреложных
дом возник из сырой темноты.
В этой комнате умер художник,
и соседи свернули холсты.

Изумляли тяжелые рамы
бесполезной своей пустотой
на диковинных зорях, пока мы
были счастливы в комнате той.

Как звучит эта строчка нелепо!
Были счастливы... Что за слова!
Ленинградское бедное небо,
беззащитна твоя синева.

Ты не знаешь минуты покоя.
Бьют зенитки, сгущается дым.
Не чудесно ль, что небо такое
было все-таки голубым?

Что оно без оглядки осталось
с бедным городом с глазу на глаз?
Не чудесно ль, что злая усталость
стала доброю силою в нас?

Может, нас потому не убили
ни снаряды, ни бомбы врага,
что мы верили, жили, любили,
что была нам стократ дорога

та сырая весна Ленинграда,
не упавшая в ноги врагам...
И почти неземная отрада
нисходила нечаянно к нам.

Чем приметы ее бесполезней,
тем щедрее себя раскрывай.
...Осторожно, как после болезни,
дребезжит ослабевший трамвай.

Набухают побеги на ветках,
страшно первой неяркой траве...
Корабли в маскировочных сетках,
Как невесты, стоят на Неве.

Сколько в городе терпких и нежных,
ледяных и горячих ветров!
Только жалко, что нету подснежных,
голубых и холодных цветов.

Впрочем, можно купить у старушки,
угадавшей чужие мечты,
из нехитро раскрашенной стружки
неживые, сухие цветы.

И тебя, мое сердце, впервые,
может быть до скончания дней,
волновали цветы неживые
сверхъестественной жизнью своей.

Быстро, медленно ли проходили
эти годы жестоких потерь,
не смирились мы, а победили
и поэтому смеем теперь

нашей собственной волей и властью
все, что мечено было огнем,
все, что минуло, помнить, как счастье,
и беречь его в сердце своем.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

РОДИНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ

Я в дом вошел, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло.
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но все о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся пестрый мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудою в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд, и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед Мороз — весь запылился он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами,

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом в белой рамке на столе
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным ясным взглядом...

А я стоял, молчание храня.
Скрипели ставни жалобно и тонко.

И родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

ВАСЯ-ВАСИЛЕК

— Что ты, Вася, приуныл,
Голову повесил,
Ясны очи замутил,
Хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой
Хаживал, дружочек,
Что случилось вдруг с тобой,
Вася-Василечек?

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Бить врага — вопрос другой —
С шуткой веселее,
Нет письма от дорогой —
Думушки темнее.
Письмеца недель пяток
Почта не приносит,
Понимаешь ли, браток,
Сердце ласки просит...

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Что ж ты, Вася, друг большой,
Зря себя так мучишь?
Если любит всей душой,
Весточку получишь.
Не захочет написать —
Значит, позабыла,
Значит — надо понимать —
Вовсе не любила.

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

Прижимай к плечу плечо —
Дружба остается.
Если сердце горячо —
Девушка найдется.
Нынче больно — не тужи,
Завтра твой денечек,
Выше голову держи,
Вася-Василечек!

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Ночь. Землянка. Фитилек
Разгорелся еле-еле.
Что же рано ты прилег?
Погляди, как дремлют ели,

Как в серебряной красе
Звезды вымылись сегодня
И спустились к людям все
Ради ночи новогодней.

Вот и мы, старинный друг,
Ради праздника такого
Оглядимся, что вокруг,
Покалякаем толково.

Говорят, за этот год
Все мы постарели малость.
Разве ж не было невзгод?
Разве сердце не сжималось?

Мальчик мой лежит в земле.
Твой подался к партизанам.
Посидим, старик, в тепле.
Огонек глядит в глаза нам.

Милый слабый огонек
Ненадежен и неровен,
Но и он не одинок
Под накатом толстых бревен.

Много теплится огней,
Много звезд в России снежной.
В полночь вспомним мы о ней
Честно, празднично и нежно.

Слов не надо... Ни к чему.
Разве мы перед собраньем?
Лучше в сумраке, в дыму
Боевую песню грянем.

...Вот и полночь. Фитилек
Разгорается, как надо.
Фронт отсюда недалек.
Слышишь нашу канонаду?

Слышишь славный гул вдали?
Это в заревах пожарищ
Наши к западу пошли.
С новым мужеством, товарищ!

ГЕРМАНИЯ

Широк наш фронт, неслыханно широк!
И нам не хватит крыл воображенья,
Чтобы обнять размах его дорог.
Но всюду, где идут сейчас сраженья,
Ты трупы их замерзшие найдешь.
Они лежат ничком, согнув колени,—
То павшего народа поколенье,
Краса германской крови, молодежь.

Народ. Он был и будет славной частью
Великой человеческой семьи.
Чем смерить глубину его несчастья,
Его отверженности меж людьми?
Когда-то был он чист, бессмертен, молод.
Звенел по наковальне тяжкий молот.
Веретено жужжало, словно шмель.
Курчавился в отцовской кружке хмель,
Как вдохновенье Себастьяна Баха.
И Фауст по вселенной колесил
Так вольно, так без устали и страха,
Что на сто лет хватило этих сил.

Мы помним, как в притонах, в звоне джазов,
Подземный ключ инфляции вскормил
Ораву дрессированных громил,
На лицах их зловещий грим размазав.
И в Спорт-паласе под свистки и вой
Вертлявый, щуплый, наглый человечек,
Баварский писарь, прусский контрразведчик,
Уже готовил номер боевой.
По части мокрых дел он был не промах
И, года два на месте протопчась,
Пошел ва-банк на ста аэродромах,
Чтоб обогнать Европу хоть на час.

Война! На дне его мыслишек злобных
Гнездилась греза злейшая стократ.
Дымили жерла дул слоноподобных,
Шли танки по цементу автострад.
Война, война! Еще не пал Мадрид.
А где-то в буре завтрашней, недальной
Уже летел дракон войны тотальной,
Париж и Прага плакали навзрыд.

Так вот зачем покончил Вертер с жизнью
И сто раз жить его творец хотел,
Чтоб этот шпик без чести, без отчизны
Плясал на свалке юношеских тел!
Так вот зачем ребята Карла Моора
Шли на тиранов, шли на штурм веков,
Чтоб этот шум завел штурмовиков
По своему подобью! Вот умора!

Германия! Всех скрипок голоса,
Всей шиллеровской молодости буря,
Все просветленной готики леса,—
Все было передернуто в сумбуре...

Тогда герр доктор Геббельс возгласил
По радио во все концы вселенной,
Что над его Германией растленной,
Тащившей лямку из последних сил,
Нависла гибель. Несмотря на ругань,
На фельетонный и блатной словарь,
Заметно было, что министр испуган:
Затрепетала пакостная тварь.

С тех пор прошли не месяцы и годы
В огне фугасных и термитных бомб —
Прошло тысячелетье непогоды,
Забывшее о небе голубом.

И год настал, и год еще не прожит,
Когда, любовь и жалость истребя,
Неслыханная битва подытожит
Решенье, роковое для тебя.

Пока вопила в Подмосковье вьюга,
Пока гудел от севера до юга,
От Балтики до Черноморья шквал,
Пока он в океанах бушевал,
Лохмотья пены по свету кидая,—
Стремился к Бирме, угрожал в Китае
Труду народа и его борьбе,—
В какой-нибудь нетопленной избе,
В колхозе, не отмеченном на карте,
Вчера, сегодня, в январе иль в марте
Грозил разгром, Германия, тебе!

Когда мои товарищи вчера
Входили в пункт, недавно населенный,
Который стал землей испепеленной,
И с песней их встречала детвора;
Когда на перекрестке черных улиц
Три призрака, три оборванца, три
Фашиста с автоматами рванулись:
«Gib uns dein Brot! Дай хлеба иль умри!» —
Что это было?
Гибель человечья!

Не только кровь, и пламя, и свинец,
А сквозь свинец, и пламя, и увечья
Фашистского чудовища конец.

На облаках, в столбах огня сплошного,
На южном море, в северном краю,
В снегах, в провалах сумрака лесного
Мы боремся — и победим в бою!

Тогда народ германский вспомнит снова
И молодость и музыку свою.

АЛЕКСАНДР АРТЕМОВ

НАСТУПЛЕНИЕ

Пугливо метнулись вороны
Над врытыми в снег валунами.
Вся в оспинах черных воронок
Поляна легла перед нами.

Немного правей, у болота,
Где бой завязался, наверно,
Как дятлы, стучат пулеметы,
Упорно и чуточку нервно.

Мы прыгаем с кочки на кочку,
Ложимся, за ротою рота,
И ухает глухо, как в бочку,
За спинами бас миномета.

«Вперед!..» Поднимаемся молча,
Повзводно, готовые к бою.
Над нами тягуче, по-волчьи,
Снаряды бризантные воют.

Невидные лыжные тропы
К поляне ведут, а за нею
От едкого дыма темнеют
В пологих сугробах окопы.

До них недалеко. Мы снова
Встаем, ожидая приказа.

Короткое резкое слово
По ротам проносится сразу.

«В атаку!..» Четыреста глоток
«Ура!» понесли, подхватили
На скованных льдами болотах,
В наносах серебряной пыли.

Когда же надолго устали
Гранаты греметь,
Над штыками
Деревья, как пленные, встали
С простертыми к тучам руками.

ЭДУАРД АСАДОВ

ЛЕТНИЙ ПОХОД

Ветер воет и звенит над рекой,
Возле обрыва трещит камышами,
Сосны зелеными машут платками,
Небо надулось, как парус тугой!

Мы уплываем все дальше и дальше.
Шлюпки взлетают на зыбкой волне,
Тянется нить журавлей в вышине.
Справа темнеют еловые чащи.

Летний поход: полевые дорожки,
Яркого солнца и песен пора,
Время рыбалок, печеной картошки,
Время ночевок в лесу у костра.

Крепче на весла, друзья, налегайте,
Спят еще села в предутренний час,
Хочется крикнуть: — Проснитесь, вставайте!
Солнце над рощами брызнет сейчас!

Сильные руки, упругие взмахи,
Волны кругами бегут к берегам,
Вон и рассвет в кумачовой рубахе,
Встав, по росистым шагает лугам.

Выйдем на берег, товарищ, и встанем
Возле обрыва над самой водой.
Встретим горячий поток золотой,
Руки друг другу в пожатье протянем.

Взглядом ты смело округу обшаришь,
Видишь, как речка под солнцем блестит?
Слышишь, как весело ветер звенит?
Вот она молодость наша, товарищ!

Нам по земле еще много шагать,
Нам еще много учиться упорно,
Нам еще много рассветов встречать,
Много пропеть еще песен задорных.

Нам еще много работать с тобою,
Долгую жизнь надо славно прожить:
Если дружить, так уж верно дружить!
Если любить, так любить всей душою!

Что ж, нам, пожалуй, пора и назад.
Травы и листья росою сверкают,
Едем, товарищ, уж день наступает!
Вон и ребята из лодок кричат...

ВЛЮБЛЕННЫЙ

День окончился, шумен и жарок,
Вдоль бульвара прошла тишина...
Словно детский упущенный шарик,
В темном небе всплывает луна...

Все распахнуто: двери, окошки,
Где-то слышно бренчанье гитар,
Желтый коврик швырнул на дорожку
Ярко вспыхнувший круглый фонарь.

И от этого света девчонка
В ночь метнулась, пропав без следа,
Только в воздухе нежно и звонко
Все дрожало счастливое «да!».

Он идет, как хмельной, чуть шатаясь,
Шар земной под ногами гудит!
Так, как он, на весь мир улыбаясь,
Лишь счастливый влюбленный глядит.

Люди, граждане, сердцем поймите:
Он теперь человек не простой —
Он влюбленный, и вы извините
Шаг его и поступок любой.

На панелях его не сшибайте,
Не грубите в трамваях ему,
От обид его оберегайте,
Не давайте толкнуть никому.

Вы, шоферы, его пощадите,
Штраф с него не бери, постовой!
Люди, граждане, сердцем поймите:
Он сейчас человек не простой!

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

ЭТО — МЕДЛЕННЫЙ РАССКАЗ...

Это — медленный рассказ,
как полет
туч.
Это Северный Кавказ —
мощный взмет
круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
не пройдет
скор,—
через Нальчик и Моздок
смотрит смерть
с гор.

Все затянется корой,
схлынет в шум
рек.
Грозный год сорок второй
не забыть
ввек!

Враг ударил на Черкесск,
Пятигорск
пал.
Враг пошел наперерез
вековых
скал.

По долине Теберды,
через горб —
мост,
перекинул он ряды,
растянул
хвост.

Он преграды прорывал,
бил гранат
град,
на Клухорский перевал
подымал
взгляд.

Вот куда он залетел,
до каких
мест!
В сердце гор он захотел
вбить кривой
крест.

Подымалось на дыбы
все —
врагу встречь:
корнем вверх пошли дубы
на завал
лечь.

На альпийские луга
с ледников
сверк,
чтоб скользящая нога
не прошла
вверх.

Злобно щерил враг клыки,
щурил злой
глаз.
Волчьи горные полки
тщились сбить
нас.

Но у наших медвежат
не был дух

слаб,—
враг был стиснут и зажат
между их
лап.

Захрустел его костяк,
унялась
спесь,
и недолго он в гостях
побывал
здесь.

Обвалился грязи груз,
вновь чиста
даль.
Не склонился Эльбрус
под его
сталь.

Это — медленный рассказ,
тяжкий ход
туч.
Это Северный Кавказ —
мощный взмет
круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
не пройдет
скор,—
через Нальчик и Моздок
шел громов
спор!

НАДЕЖДА

Насилье родит насилье,
и ложь умножает ложь;
когда нас берут за горло,
естественно взяться за нож.

Но нож объявлять святыней
и, вглядываясь в лезвиё,
начать находить отныне
лишь в нем отраженье свое,—

нет, этого я не сумею,
и этого я не смогу:
от ярости онемею,
но в ярости не солгу!

Убийство зовет убийство,
но нечего утверждать,
что резаться и рубиться —
великая благодать.

У всех увлеченных боем,
надежда горит в любом:
мы руки от крови отмоем,
и грязь с лица отскребем,

и станем людьми, как прежде,
не в ярости до кости!
И в этой одной надежде
на смертный рубеж вести.

ВЯЧЕСЛАВ АФАНАСЬЕВ

* * *

Вслед за огненными лосями,
В сновиденье ль, наяву ль,
Золотые стрелы осени
Просвистели в синеву.

Просвистели, и рассветная
Вновь струится тишина.
Только издали заветная
Чья-то песня мне слышна.

Беспокойное и жгучее —
Что там в сердце, в глубине:
Или молодость кипучая
Возвращается ко мне?

Что ж, пути ей не заказаны...
Друг далекий, подходи!
Сколько слов еще не сказано,
Сколько песен впереди!

АННА АХМАТОВА

* * *

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

КЛЕОПАТРА

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.

И входит последний плененный ее красотою,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя—как рабыню... в триумфе пошлет пред собою...»

Но шеи лебяжьей все так же спокоен наклон.
А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

В СОРОКОВОМ ГОДУ

I

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,—
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

2. ЛОНДОНЦАМ

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать,—
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

* * *

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкой — девичий рот,
А золото — ничем.

Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни,
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома.

* * *

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду — за мной беда,
Не прямо и некосо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.

На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

* * *

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

NOX
СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей!
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки,—
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,—
Внуки, братики, сыновья!

* * *

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!
                    Ведь все равно — вы с нами!..
Все на колени, все!
                    Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами—
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

* * *

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина.

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безыменной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку, и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь — трезвит и сушит
Их все сжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя страдальческая тень.

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз,—
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

ОСВОБОЖДЕННАЯ

Чистый ветер еле колышет,
Чистый снег заметает поля.
Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.

* * *

Прошло пять лет,— и залечила раны.
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя,
и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.

И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят.
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря моряки глядят.

Где танк гремел — там ныне мирный трактор,
Где выл пожар — благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью — зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки,—
Там мать поет, качая колыбель.

Ты стала вновь могучей и свободной,
страна моя!
Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Для мирной жизни юных поколений,
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ

ОДЕССА, ГОРОД МОЙ!

Я помню,
Мы вставали на рассвете:
Холодный ветер
Был солоноват и горек.
Как на ладони,
Ясное лежало море,
Шаландами
Начало дня отметив,
А под большими
Черными камнями,
Под мягкой, маслянистою травой
Бычки крутили львиной головой
И шевелили узкими хвостами.
Был пароход приклеен к горизонту,
Сверкало солнце, млея и рябя,
Пустынных берегов был неразборчив контур...
Одесса, город мой! Мы не сдадим тебя!
Пусть рушатся, хрипя, дома в огне пожарищ,
Пусть смерть бредет по улицам твоим,
Пусть жжет глаза горячий черный дым,
Пусть пахнет хлеб теплом пороховым,
Одесса, город мой,
Мой спутник и товарищ,
Одесса, город мой,
Тебя мы не сдадим!

ВСТРЕЧА

Был глух и печален простой рассказ
(Мы в горе многое познаём)
Про смерть, что черной грозой пронеслась
Над тихой деревней ее.
...Немало дорог нам пришлось пройти,
Мы поняли цену войне.
Кто, встретив женщину на пути,
О милой не вспомнит жене!
...Она стояла, к стене прислонясь,
В промерзших худых башмаках.
Большими глазами смотрел на нас
Сын на ее руках.
«Германец хату мою поджег,
С сынишкой загнал в окоп.
Никто на улицу выйти не мог.
Появишься — пуля в лоб.
Пять месяцев солнца не видели мы.
И только ночью, ползком,
Из липкой копоти, грязи и тьмы
Мы выбирались тайком.
Пусть знает сын мой, пусть видит сам,
Что этот разбитый дом,
Студеные звезды, луну, леса
Родиной мы зовем!
Я верила — вы придете назад,
Я верила, я ждала...»
И медленно навернулась слеза,
По бледной щеке потекла...
Над трупами немцев кружит воронье.
На запад лежит наш путь.
О женщине этой, о сыне ее,
Товарищ мой, не забудь!

* * *

Над головой раскаленный свист.
По мягкому снегу ползет связист.

Хрипнул и замолчал телефон.
Сжала трубку ладонь.
Артиллерийский дивизион
Не может вести огонь.
Замолкли тяжелые батареи.
В путь уходит связист Андреев.

Над головой раскаленный свист,
Не приподнять головы.
По мягкому снегу ползет связист
Через овраги и рвы.
Тонкою черной полосой
Провод ведет связист за собой.
Дорог каждый потерянный час,
Каждые пять минут.
И дважды прострелен противогаз,
И воздух шрапнели рвут.
Но вот на краю глухого обрыва
Андреев находит место разрыва.
Замерзшие пальцы скрепляют медь.
А солнце бредет на запад.
И медленно начинает темнеть.
И можно идти назад.

ОЖИДАНИЕ

Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замерз, не могу».
Видели мы — и вскипала кровь —
Немцы сидели у жарких костров.

Но, побеждая, надо уметь
Ждать негодуя, ждать и терпеть.
По черным деревьям всходил рассвет,
По черным деревьям спускалась мгла...
Но тихо лежи, раз приказа нет.
Минута боя еще не пришла.

Слышали (таял снег в кулаке)
Чужие слова на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, коль дома сын,
Звезды февральские пересчитал.

Ракета всплывает и сумрак рвет.
Теперь не жди, товарищ! Вперед!

Мы окружили их блиндажи,
Мы половину взяли живьем...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твое.

Кончился бой. Теперь отдохнуть,
Ответить на письма... И снова в путь!

АГНИЯ БАРТО

* * *

Глаза девчонки семилетней,
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней
Большая, тяжкая тоска.

Она молчит, о чем ни спросишь,
Пошутишь с ней — молчит в ответ,
Как будто ей не семь, не восемь,
А много, много горьких лет.

Вдруг сразу словно ветер свежий
Пройдет по детскому лицу,
И, оживленная надеждой,
Она бросается к бойцу.

Защиты ищет у него:
— Убей их всех до одного!

ИВАН БАУКОВ

ГОРИТ ВАРШАВА

Девятый день горит Варшава,
Девятый день бойцы не спят,
И галки красные пожара
В ночи летят, летят, летят.

И Висла, бледная от горя,
Волной игривой не шумит,
И древний Ян, нахмурив брови,
На запад день и ночь глядит.

В костеле догорают свечи,
Рука застыла на груди.
Усердно ксендз молитву шепчет,
Взывает к господу: «Приди...»

Но бог молчит, пылает запад,
Лютует немец по ночам...
И древний Ян снимает шляпу
И земно кланяется нам.

Полячки, ладные собою,
На перекрестке двух дорог
Взирают на бойцов с мольбою
И шепчут: «Помоги вам бог».

И дарят нам в тумане синем
Цветы и ласку влажных глаз,—
Для них солдаты из России
Дороже братьев в этот час.

А впереди горит Варшава,
Вот так же, как горел Смоленск,
И галки красные пожара
Стремятся в почерневший лес.

Проходят беженцы босые,
Вокруг гремит орудий гром.
Все так же, как вчера в России,
Под Сталинградом, под Орлом.

ГОВОРИ МНЕ О РОССИИ...

Говори о звездной ночи,
О березах, об осинах,—
Говори о чем захочешь,
Лишь бы только о России.

Лишь бы только за беседой
Отдохнул я от чужбины.
Говори мне о соседях,
Говори мне о рябине.

Говори о черных пашнях,
О высоком темном боре,
Говори о реках наших,
Что играют на просторе.

Говори мне об угодьях,
О лесных тропинках узких,
О весеннем половодье —
О раздолье нашем русском.

Говори о звездной ночи,
О рязанском небе синем,—
Говори о чем захочешь,
Лишь бы только о России.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

ЛЕНИН — С НАМИ!

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: Ленин — с нами!
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом Ленина на нем!

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

Я БРАЛ ПАРИЖ

Я брал Париж! Я. Кровный сын России.
Я — Красной Армии солдат.
Поля войны —
свидетели прямые —
Перед веками это подтвердят.

Я брал Париж. И в этом нету чуда!
Его твердыни были мне сданы!
Я брал Париж издалека. Отсюда.
На всех фронтах родной моей страны.

Нигде б
никто
не вынес то, что было!
Мечом священным яростно рубя,
Весь, весь напор безумной вражьей силы
Я принимал
три года
на себя.

Спасли весь мир знамена русской славы!
На запад пяля мертвые белки,
Успели сгнить от Волги до Варшавы
Фашистских армий лучшие полки.

Ряды врагов редели на Ла-Манше.
От стен Парижа снятые войска
Пришли сюда
сменить убитых раньше,
Чтоб пасть самим от русского штыка.

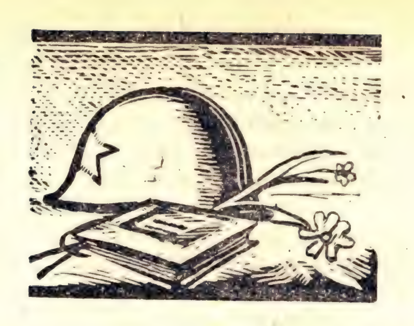
Тех, кто ушел,
никем не заменили,
А тех, кто пал,
ничем не воскресишь!
Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил
дорогу на Париж.

Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас
вторгался у Митавы.
Я в Пантеон
из Жешува входил.

Я шел вперед сквозь битвы грохот адов,
И мой удар во фронт фашистских орд,
Мой грозный шаг
и гул моих снарядов
Преображали Пляс де ля Конкорд!

И тем я горд,
что в годы грозовые
Мы золотую Францию спасли,
Что брал Париж любой солдат России,
Как честный рыцарь счастья всей земли.

Во все века грядущей светлой жизни,
Когда об этих днях заговоришь,
Могу сказать я
миру и отчизне:
— Я брал Париж!



ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ

ПЧЕЛИНЫЙ ДЕНЬ

Вчера у пчел была нелетная погода —
Шел долгий дождь. Мир спал под сеткой брызг.
Жужжали в ульях рыжие пилоты
И, хмурясь, выходили на карниз.

Но день прошел. И ночь. А на рассвете
Метнулось солнце в чистых облаках.
Мир, залитый прозрачным, ясным светом,
Зацвел, защелкал, засиял, запах!..

Наверно, в ульях все готовы были.
Возня... Галдеж... «Летишь?» — «Лечу, лечу!»
В сады, в поля поплыли эскадрильи
По солнечному теплому лучу.

И мы у леса на траве зеленой
Заждались этих голубых высот,
Рулим на старт тяжелые «бостоны»,
Готовые в очередной полет.

Не за нектаром, не за мирным медом,
Не на лесные нежные цветы —
Летим бомбить фашистские заводы
И через Одер длинные мосты...

Земля дрожит от бомбовой работы
В столбах железа и в столбах воды,
Чтоб светлым медом набухали соты,
Чтоб жили наши русские сады.

СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

Твердил я сербского склады,
Учил я сербский стих.
Как сербские слова тверды,
Как мало гласных в них.

Но как в бою они звучат,
Тогда лишь ты поймешь,
Когда в штыки идет отряд,
По-сербскому — «на нож».

Я понял трудный их язык,
Народа дух открыв,
Язык, разящий точно штык:
Срб. Смрт. Крв.

КОНСТАНТИН БЕЛЬХИН

ПИСЬМА

Они приходят и сюда,
на край земли,
где сказочным сияньем
небо щедро,
где ночь без края,
где снега и ветры
надолго
все дороги замели.
Они приходят,
дорогие письма,
из дальних сел,
из дальних городов,
где жили,
где росли,
где родились мы,
где каждый встречный
нас обнять готов.
Мы верили,
что письма вновь придут
с знакомою печатью
на конверте.
Мы знали:
каждый дом наш —
наш редут.
И каждая семья —
сильнее смерти.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

БОРИСУ КОРНИЛОВУ

...И все не так, и ты теперь иная,
поешь другое, плачешь о другом...
Б. Корнилов

Перебирая в памяти былое,
я вспоминаю песни первые свои:
«Звезды горят над розовой Невою,
заставские бормочут соловьи...»
...Но годы шли все горестней и слаще,
земля необозримая кругом.
Теперь — ты прав, мой первый и
пропащий,—
пою другое,
плачу о другом...
А юные девчонки и мальчишки —
они — о том же: сумерки, Нева...
И та же нега в этих песнях дышит,
и молодость по-прежнему права.

* * *

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Я и в этот день не позабыла
горьких лет гонения и зла,

но в слепящей вспышке поняла:
это не со мной — с Тобою было,
это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена,—
встала бы на зов Твой из могилы,
все б мы встали, а не я одна.

Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.

Он настал, наш час,
и что он значит —
только нам с тобою знать дано.
Я люблю Тебя — я н е м о г у и н а ч е,
я и Ты — по-прежнему — одно.

ИЗ БЛОКНОТА СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

* * *

Я так боюсь, что всех, кого люблю,
утрачу вновь.
Я так теперь лелею и коплю
людей любовь.
И если кто смеется — не боюсь:
настанут дни,
когда тревогу вещую мою
поймут они.

* * *

В бомбоубежище, в подвале
нагие лампочки горят.
Быть может, нас сейчас завалит,—
кругом о бомбах говорят...

...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была...

* * *

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады —
мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою.

Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей!

СЕСТРЕ

Машенька, сестра моя, москвичка!
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной перекличке
слышишь ли далекий голос мой?

Знаю — слышишь. Знаю — всем знакомым
ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
говорила старшая сестра.—

...Старый дом на Палевском, за Невской,
низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство,
школа, елка, пионеротряд...
Вечер, клены, мандолины струны
с соловьем заставским вперебой.
Машенька, ведь это наша юность,
комсомол и первая любовь.
А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют,
прямо в город, прямо в нашу жизнь.
Пленом и позором угрожают,
кандалы готовят и ножи.
Но, жестоко душу напрягая,
смертно ненавидя и скорбя,
я со всеми вместе присягаю
и даю присягу за тебя.
Присягаю ленинградским ранам,
первым разоренным очагам:
не сломлюсь, не дрогну, не устану,
ни крупицы не прощу врагам.
Нет! По жизни и по Ленинграду
полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом палисаде
лучше мертвой наземь упаду.
Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой.
Мы пройдемся по заставе милой,
по зеленой, синей, голубой.
Мы пройдемся улицею длинной,
вспомним эти горестные дни
и услышим говор мандолины,
и увидим мирные огни.
Расскажи ж друзьям своим в столице:

— Стоек и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится,—
так сказала старшая сестра.

СТИХИ О ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ

Нет в стране такой далекой дали,
не найдешь такого уголка,
где бы не любили, где б не знали
ленинградского большевика.

В этом имени — осенний Смольный,
Балтика, «Аврора», Петроград.
Это имя той железной воли,
о которой гимном говорят.

В этом имени бессмертен Ленин,
и прославлен город на века,
город, воспринявший облик гневный
ленинградского большевика.

Вот опять земля к сынам воззвала,
крикнула:
— Вперед, большевики! —
Страдный путь к победе указала
ленинским движением руки.

И, верны уставу, как присяге,
вышли первыми они на бой,
те же, те же смольнинские стяги
высоко подняв над головой.

Там они, где ближе гибель рыщет,
всюду, где угроза велика.
Не щадить себя — таков обычай
ленинградского большевика.

И идут, в огонь идут за ними,
все идут — от взрослых до ребят,
за безжалостными, за своими,
не щадящими самих себя.

Нет, земля, в неволю, в когти смерти
ты не будешь отдана, пока
бьется хоть единственное сердце
ленинградского большевика.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

Я знаю — далеко́ на Каме
тревожится, тоскует мать.
Что написать далекой маме?
Как успокоить? Как солгать?

Она в открытках каждой строчкой,
страшась и всей душой любя,
все время молит:
«Дочка, дочка,
прошу, побереги себя...»

О, я любой ценою рада
тревогу матери унять.
Я напишу ей только правду.
Пусть не боится за меня.

«Я берегу себя, родная.
Не бойся, очень берегу:
я город наш обороняю
со всеми вместе, как могу.
Я берегу себя от плена,
позорнейшего на земле.
Мне кровь твоя, чернея в венах,
диктует: «Гибель, но не плен!»

Не бойся, мама, я не струшу,
не отступлю, не побегу.
Взращенную тобою душу
непобежденной сберегу.
Не бойся, нет во мне смятенья,
еще надолго хватит сил:
победоносному терпенью
недаром Ленин нас учил.
Не бойся, мама,— я с друзьями,
а ты люби моих друзей...»

...Так я пишу далекой маме.
Я написала правду ей.

Я не пишу — и так вернее,—
что старый дом разрушен наш,
что ранен брат, что я старею,
что мало хлеба, мало сна.

И главная, быть может, правда
в том, что не все узнает мать.
Ведь мы залечим эти раны,
мы всё вернем себе опять!
И сон — спокойный, долгий, теплый,
и песни с самого утра,
и будет в доме, в ясных стеклах
заря вечерняя играть...

И я кричу знакомым людям:
— Пишите правду матерям!
Пишите им о том, что будет.
Не жалуйтесь, что трудно нам...

* * *

...Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но мы не забыты с тобой, не одни,—
и это уже победа.

Смотри — материнской тоскою полна,
за дымной грядою осады,
не сводит очей воспаленных страна
с защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
на подвиг тяжелый и славный,
рыдая, глядела века напролет
со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
до друга сквозь дебри и выси...
А письма летят к Ленинграду сейчас,
как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
«Мы с вами, товарищи, с вами!»

А сколько посылок приходит с утра
сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки, и свитера
забытым покоем и счастьем...

И нам самолеты послала страна,—
да будем еще неустанней,—
их мерная, гулкая песня слышна,
и видно их крыльев блистанье.

Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись
и с вызовом миру поведай:
— За город сражаемся мы не одни,—
и это уже победа.

Спасибо. Спасибо, родная страна,
за помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас,
за варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою,—
она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
защитники Ленинграда.

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но Родина с нами, и мы не одни,
и нашею будет победа.

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтораста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,

бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...

Для того, чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист,—
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаёшь:
— Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

Дарья Власьевна, еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою ставни,
сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише, тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

ВТОРОЕ ПИСЬМО НА КАМУ

...Вот я снова пишу на далекую Каму.
Ставлю дату: двадцатое декабря.
Как я счастлива,
что горячо и упрямо
штемпеля Ленинграда
на конверте горят.
Штемпеля Ленинграда! Это надо понять.
Все защитники города понимают меня.

Ленинградец, товарищ, оглянись-ка назад,
в полугодье войны, изумляясь себе:
мы ведь смерти самой поглядели в глаза.
Мы готовились к самой последней борьбе.

Ленинград в сентябре, Ленинград в сентябре...
Златосумрачный, царственный листопад,
скрежет первых бомбежек, рыданье сирен,
темно-ржавые контуры баррикад.

Только все, что тогда я на Каму писала,
все, о чем я так скупо теперь говорю,—
ленинградец, ты знаешь—было только началом,
было только вступленьем
к твоему декабрю.
Ленинград в декабре, Ленинград в декабре!
О, как ставенки стонут на темной заре,
как угрюмо твое ледяное жилье,
как изглодано голодом тело твое...

Мама, Родина светлая, из-за кольца
ты твердишь:
«Ежечасно гордимся тобой».
Да, мы вновь не отводим от смерти лица,
принимаем голодный и медленный бой.

Ленинградец, мой спутник,
мой испытанный друг,
нам декабрьские дни сентября тяжелей.
Все равно не разнимем
слабеющих рук:
мы и это, и это должны одолеть.
Он придет, ленинградский торжественный полдень,

тишины и покоя, и хлеба душистого полный.
О, какая отрада,
какая великая гордость
знать, что в будущем каждому скажешь в ответ:
«Я жила в Ленинграде
в декабре сорок первого года,
вместе с ним принимала
известия первых побед».

...Нет, не вышло второе письмо
на далекую Каму.
Это гимн ленинградцам—опухшим, упрямым,
родным.
Я отправлю от имени их за кольцо телеграмму:
«Живы. Выдержим. Победим!»

АРМИЯ

Мне скажут — Армия... Я вспомню день —
зимой,
январский день сорок второго года.
Моя подруга шла с детьми домой —
они несли с реки в бутылках воду.
Их путь был страшен,
хоть и недалек.
И подошел к ним человек в шинели,
взглянул —
и вынул хлебный свой паек,
трехсотграммовый, весь обледенелый,
и разломил, и детям дал чужим,
и постоял, пока они поели.
И мать рукою серою, как дым,
дотронулась до рукава шинели.
Дотронулась, не посветлев в лице...
Не ведал мир движенья благодарней!
Мы знали всё о жизни наших армий,
стоявших с нами в городе, в кольце.
...Они расстались. Мать пошла направо,
боец вперед — по снегу и по льду.
Он шел на фронт, за Нарвскую заставу,
от голода качаясь на ходу.
Он шел на фронт, мучительно палим
стыдом отца, мужчины и солдата:
огромный город умирал за ним

в седых лучах январского заката.
Он шел на фронт, одолевая бред,
все время помня — нет, не помня — зная,
что женщина глядит ему вослед,
благодаря его, не укоряя.
Он снег глотал, он чувствовал с досадой,
что слишком тяжелеет автомат,
добрел до фронта и пополз в засаду
на истребленье вражеских солдат...
...Теперь ты понимаешь — почему
нет Армии на всей земле любимей,
нет преданней ее народу своему,
великодушней и непобедимей!

ИЗ ФЕВРАЛЬСКОГО ДНЕВНИКА

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.
И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.
И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.
В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.
О да, мы счастье страшное открыли —
достойно не воспетое пока,—
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака;
когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить, когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни, будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.
Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.
Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,
основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда!
Да здравствует суровый и спокойный,
глядевший смерти в самое лицо,
удушливое вынесший кольцо
как Человек,
как Труженик,
как Воин.
Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.
Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним, счастливым, щедрым днем —
мы сами этот день завоевали.
И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице — армии навстречу
в освобожденном городе своем.
Мы выйдем без цветов, в помятых касках,
в тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венок в обугленных руках.

СТИХИ О СЕБЕ

...И вот в послевоенной тишине
к себе прислушалась наедине.
. . . .

Какое сердце стало у меня...
Сама не знаю — лучше или хуже:
не отогреть у мирного огня,
не остудить на самой лютой стуже.

И в черный час зажженные войною
затем, чтобы не гаснуть, не стихать,
неженские созвездья надо мною,
неженский ямб в черствеющих стихах...

Но даже тем, кто все хотел бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.
И как стволы, поднявшиеся рядом,
сплетают корни в душной глубине
и слили кроны в чистой вышине,
даря прохожим мощную прохладу,
так скорбь и счастие живут во мне:
единым корнем — в муке Ленинграда,
единой кроною — в грядущем дне.

И все неукротимей год от года
к неистовству зенита своего
растет свобода сердца моего —
единственная на земле свобода.

БЛОКАДНАЯ ЛАСТОЧКА

Весной сорок второго года множество ленинградцев носило на груди жетон — ласточку с письмом в клюве.

Сквозь года, и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна —
та весна сорок второго года,
в осажденном городе весна.

Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.
Это было знаком доброй вести,
это означало: «жду письма».

Этот знак придумала блокада.
Знали мы, что только самолет,
только птица к нам до Ленинграда
с милой-милой родины дойдет.

...Сколько писем с той поры мне было.
Отчего же кажется самой,
что доныне я не получила
самое желанное письмо?!

Чтобы к жизни, вставшей за словами,
к правде, влитой в каждую строку,
совестью припасть бы, как устами
в раскаленный полдень — к роднику.

Кто не написал его? Не выслал?
Счастье ли? Победа ли? Беда?
Или друг, который не отыскан
и не узнан мною навсегда?

Или где-нибудь доныне бродит
то письмо, желанное как свет?
Ищет адрес мой, и не находит,
и, томясь, тоскует: где ж ответ?

Или близок день — и непременно
в час большой душевной тишины
я приму неслыханной, нетленной
весть, идущую еще с войны...

О, найди меня, гори со мною,
ты, давно обещанная мне
всем, что было,— даже той смешною
ласточкой, в осаде, на войне...

НАКАНУНЕ

...Запомни эти дни.
Прислушайся немного,
и ты — душой — услышишь в тот же час:
она пришла и встала у порога,
она готова в двери постучать.

Она стоит на лестничной площадке,
на темной,
              на знакомой до конца,
в солдатской, рваной, дымной плащ-палатке,
кровавый пот не вытерла с лица.

Она к тебе спешила из похода
столь тяжкого,
                    что слов не обрести.
Она ведь знала: все четыре года
ты ждал ее,
              ты знал ее пути.

Ты отдал все, что мог, ее дерзанью:
всю жизнь свою,
                    всю душу,
                          радость,
                                плач.
Ты в ней не усомнился в дни страданья,
не возгордился праздно в дни удач.
Ты с этой самой лестничной площадки
подряд четыре года провожал
тех — самых лучших,
                    тех, кто без оглядки
ушел к ее бессмертным рубежам.

И вот — она у твоего порога.
Дыханье переводит и молчит.
Ну — день, ну — два, еще совсем немного,
ну — через час — возьмет и постучит.

И в тот же миг серебряным звучаньем
столицы позывные запоют.
Знакомый голос вымолвит:
                              «Вниманье...»,
а после трубы грянут и салют,
и хлынет свет,
зальет твою квартиру,
подобный свету радуг и зари,—
и всею правдой,
                    всей отрадой мира
твое существованье озарит.
Запомни ж все.
                    Пускай навеки память

до мелочи, до капли сохранит
все, чем ты жил,
что говорил с друзьями,
все, что видал,
что думал в эти дни.
Запомни даже небо и погоду,
все впитывай в себя,
всему внемли:
ведь ты живешь весной такого года,
который назовут — Весной Земли.

Запомни ж все! И в будничных тревогах
на всем чистейший отблеск отмечай.
Стоит Победа на твоем пороге.
Сейчас она войдет к тебе.
Встречай!

* * *

От сердца к сердцу.
Только этот путь
я выбрала тебе. Он прям и страшен.
Стремителен. С него не повернуть.
Он виден всем и славой не украшен.
. . . .
Я говорю за всех, кто здесь погиб.
В моих стихах глухие их шаги,
их вечное и жаркое дыханье.
Я говорю за всех, кто здесь живет,
кто проходил огонь, и смерть, и лед,
я говорю, как плоть твоя, народ,
по праву разделенного страданья...

И вот я становлюся многоликой,
и многодушной, и многоязыкой.
Но мне же суждено самой собой
остаться в разных обликах и душах
и в чьем-то горе, в радости чужой
свой тайный стон и тайный шепот слушать
и знать, что ничего не утаишь...
Все слышат всё, до скрытого рыданья...
И друг придет с ненужным состраданьем,
и посмеются недруги мои.
Пусть будет так. Я не могу иначе,

Не ты ли учишь, Родина, опять:
не брать, не ждать и не просить подачек
за счастие творить и отдавать.
...И вновь я вижу все твои приметы,
бессмертный твой, кровавый, горький зной,
сорок второй, неистовое лето
и все живое, вставшее стеной
на бой со смертью...

* * *

Друзья твердят: «Все средства хороши,
чтобы спасти от злобы и напасти
хоть часть Трагедии,
хоть часть души...»
А кто сказал, что я делюсь на части?

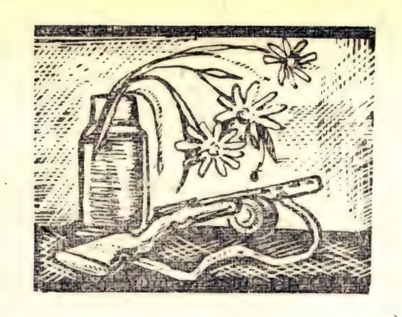
И как мне скрыть — наполовину — страсть,
чтоб страстью быть она не перестала?
Как мне отдать на зов народа часть,
когда и жизни слишком мало?
Нет, если боль, то вся душа болит,
а радость — вся пред всеми пламенеет.
И ей не страх открытой быть велит —
ее свобода,
та, что всех сильнее.

Я так хочу, так верю, так люблю.
Не смейте проявлять ко мне участья.
Я даже гибели своей не уступлю
за ваше принудительное счастье...

ЕВГЕНИЙ БЕРЕЗНИЦКИЙ

ЗА ЧЕСТЬ РОДИНЫ

За каждый колос, опавший
С твоих, отчизна, полей;
За каждый волос, упавший
С головок наших детей;
За стон от боли жестокой,
Слетающий с братских губ,
Отплатим мы око за око,
Отплатим мы зуб за зуб.
Не быть рабыней отчизне,
И нам рабами не жить!
За счастье свободной жизни
Не жалко голов сложить!
Отсюда наше бесстрашье
Начало свое берет.
Священна ненависть наша,
Расплаты близок черед!
Нет краше, страна родная,
Счастья — тебе служить,
Идем мы, смерть презирая,
Не умирать, а жить!



ВИКТОР БЕРШАДСКИЙ

БАЛЛАДА О МУЖЕСТВЕ

Славно воевали моряки,
Перед смертью смазали замки.

Спит эсминец на глубоком дне
Со смертельной раною в броне.
В амбразуры, немы и круглы,
Смотрят орудийные стволы.

Прибыл аварийный мотобот,
Вьется змейкой воздухопровод.
Под водою, как в лесу, темно,
Водолаз спускается на дно.

Здесь мои товарищи клялись,
Моряки погибли — не сдались!
И волна смертельной синевы
Смыла бескозырки с головы.

Будут жить морские корабли,—
Вот уже понтоны подвели.
Вот уж
Рубка над водой видна
Миноносца, всплывшего со дна.

Если бы я мог когда-нибудь
И моих товарищей вернуть!

БОРИС БОГАТКОВ

НАКОНЕЦ-ТО!

Новый чемодан длиной в полметра,
Кружка, ложка, ножик, котелок...
Я заранее припас все это,
Чтоб явиться по повестке в срок.

Как я ждал ее! И наконец-то
Вот она, желанная, в руках!..
...Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.

Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.

Молодость за все родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам моим!

* * *

Впереди — города пустые,
Нераспаханные поля
Тяжко знать, что моя Россия —
От того леска не моя...

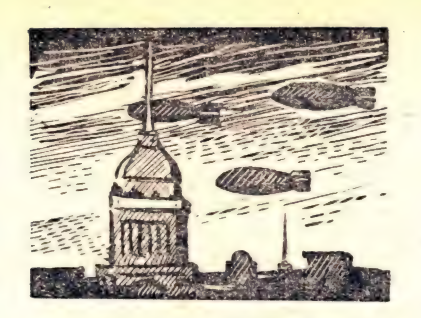
Посмотрю на друзей-гвардейцев:
Брови сдвинули, помрачнев.
Как и мне, им сжимает сердце
Справедливый, священный гнев.

Поклялись мы, что встанем снова
На родимые рубежи!
И в минуты битвы суровой
Нас, гвардейцев, не устрашит

Ливень пуль, сносящий пилотки,
И оживший немецкий дзот...
Только бы прозвучал короткий,
Долгожданный приказ: «Вперед!».

* * *

...Не просил ли я,
Не молил ли я —
Неизвестно, что — впереди,—
Приходи ко мне, моя милая,
Не печаль меня, приходи...
Между долгими, между страстными
Поцелуями, как в бреду,
Встретив взгляд мой очами ясными,
Отвечала она:
— Приду...
Ждал с надеждою,
Ждал с тревогою
Свою нежную,
Светлоокую,
Но лишь снег кружил над дорогою,
Над березою одинокою.
Ты, красавица моя стройная,
Ты скажи мне, береза русская:
Где она, моя беспокойная?
Моя гордая, моя русая?



ПЕТР БОГДАНОВ

ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

Сквозь шторм и бури, через все преграды
Ты, песнь о Ладоге, лети!
Дорога здесь пробита сквозь блокаду,
Родней дороги не найти!
Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.

Пусть ветер Ладоги поведает народу,
Как летом баржу за баржой
Грузили мы и в шторм и в непогоду,
Забыв про отдых и покой.

Зимой машины мчались вереницей,
И лед на Ладоге трещал,—
Возили хлеб для северной столицы,
И радостно нас Ленинград встречал.

И знаем мы, кровавая блокада
Исчезнет скоро, словно тень:
Растут и крепнут силы Ленинграда,
Растут и крепнут каждый день!

Когда пройдут года войны суровой,
Залечит раны город мой,
Народ вздохнет и песню с силой новой
Споет о Ладоге родной.
Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа.

ВИКТОР БОКОВ

* * *

Колокольчик позванивал
Всю дорогу,
Каждый встречный выранивал:
— Ну, и народу!
Присаживался иногда,
Вынимал кисет.
— Какие берут города?
— Все!
Впереди нас маячило
Столько дуг, столько дуг.
Что бы все это значило?
Расставанье, мой друг!

Расставались с тобой
Мы на камском на льду.
— Где тебя, дорогой,
Я теперь найду?

В синем ли небе звездочкой,
В черном ли хлебе корочкой?
На лугу былинкой?
На шляху пылинкой?

Пусть уж будет враг
Подкопытный прах,
А тебе под каской-невидимкою
Сквозь бои пройти
Невредимкою.

Слезы наших разлук
Я умел беречь.
Я их помню, мой друг,
Не о них речь.

Слезы этой разлуки
Камский лед прожгли.
Они каплями ртути
Сквозь меня прошли.

Слезы этой разлуки,
Как ртуть, во мне,
Никогда их не высушить,
Ни в каком огне!

* * *

Капли падают с кровель.
Каплям сливы в саду
Тихо вторят. Не ровен
Час, и я упаду.

Но поднимутся капли,
Будут сливы в саду.
Да и сам я — не так ли —
Повторюсь и приду!

* * *

Когда шумящая дубрава
Насторожится тишиной,
Молчать и сделаться немой
Ее естественное право.

Когда поэт молчит, тогда
Кричит толпа неискушенных,
Не видя глаз его зажженных
И взлетов скрытого труда.

Поэт!
Бери пример с дубравы:
Как замолчалось — не пиши!
Пусть зреют гроздья новой славы
И новый гром растет в тиши!

СЕМЕН БОТВИННИК

* * *

Разбитые дзоты у станции Мга.
Кирпич и железо, и в пепле снега,
И тишь обгоревшего сада,
И след от воздушных боев в синеве,
И первая кровь на колючей траве,
И первый обстрел Ленинграда...

Лежит мой товарищ на ладожском льду.
Клубится у Гатчины бой.
И это — цена тишине, и труду,
И каждой минуте с тобой.

* * *

Берлин горит. Подтаявшая тьма
Все выше подымается и выше...
Огонь вошел в угрюмые дома,
И с тяжким гулом оседают крыши,
И наземь балки падают, звеня,
И жаркий пепел сыплется за ворот...

Я много видел пепла и огня;
Я видел свой, войну познавший, город
И пламя, полыхающее в нем...
Берлин горит совсем другим огнем.

НИКОЛАЙ БРАУН

ЛЕНИНГРАДСКАЯ НОЧЬ

Ложится ночь на крыши Ленинграда.
В провалах туч давно померк закат.
Вдали гремит орудий канонада.
Дрожит от вспышек ночь. Враги не спят.

И город весь, до края погруженный
В кромешный мрак, не спит, гудит, живет,
Как будто лагерь, сплошь вооруженный,
Как будто он сигнала к бою ждет.

И зорко с крыш следят сторожевые:
Над головой — тяжелый полог туч,
Вдали — орудий вспышки искровые,
Внизу — трамваев тусклый синий луч.

Едва заметной черной вереницей
По мостовой, гремя, пройдет отряд,—
Туда, на фронт, за этот город биться,
За близкий сердцу, кровный Ленинград.

Замрут шаги. Все глуше ночь. Но где-то,
Зарокотав, под тучами, во мгле,
Крадется враг. И вдруг сигнал ракеты:
Лазутчик вражий бродит по земле!

Сирены вой. Тревога. Звонким хором
Зенитки бьют. Скользят прожектора.
Ты гибель нес, кровавый, жадный ворог,—
Ты сгинешь сам: пришла твоя пора!

Тебе и ночью никуда не скрыться,
Тебя настигнут наши «ястребки»,
Ты упадешь подбитой хищной птицей
На камни, в поле, в топь, на дно реки!

И каждый дом, готовый к обороне,
Отбросив дрему, словно часовой,
Стоит в строю и чести не уронит,
Давно привыкнув к жизни фронтовой.

Всё вынесем: ночей бессонных стужу,
И непроглядный мрак, и едкий дым,
Но мы из рук не выпустим оружья,
Переживем, пробьемся, победим!

РОДИНЕ

Родина, страна моя, Россия!
Ясный свет! Дыхание мое!
Над тобою — тучи грозовые,
Грудь твою терзает воронье!

Жадными кровавыми когтями
Землю рвет и черным клювом бьет,
Кружится над древними полями,
Лезет, оголтелое, вперед.

Трупами дороги устилая,
Вот оно ползет в огне, в дыму,
Задыхаясь, кровью истекая,
Подползает к сердцу твоему,—

К твоему горячему, родному,—
Черный клюв над сердцем занесен.
Только ворону не быть живому,
Будет сам он в клочья разнесен!

Вся страна единым гневом дышит,
Даль в снегу. Чуть брезжит зимний день.
Не о мести ли взывают крыши
Разоренных черных деревень?

Не огнем ли мести запылали
Те мосты, что партизаны жгут?
Даже дети в гневе старше стали,
Матери с оружием идут.

Эта месть пускает под откосы
Вражьи танки, вражьи поезда...
Вот идут балтийские матросы
В бой, неколебимы, как всегда.

И не зря их ненавистью черной
Ненавидит недруг искони:
Не впервые след его тлетворный
Выжигают начисто они.

Ленинград! Твоя земля под нами,
Навсегда священная земля!
Лениным здесь поднятое знамя
Реет и над башнями Кремля.

Мы — одно. Мы насмерть будем драться
За Москву, за Родину свою,
Не дадим над нею надругаться
Никакому злому воронью.

Обломаем клюв его несытый,
Вырвем когти жадные его,
Чтоб над ним, повергнутым, разбитым,
Нашей правды встало торжество!

ВОЕННАЯ ВЕСНА

Опять весна шумит над кораблями,
Опять лучами даль озарена.
По всем дорогам к западу с боями
Идет в поход военная весна.

И город весь, как бивуак походный,
Оберегая выход на залив,
Как знаменосец доблести народной,
Стоит, лицо на запад обратив.

Подъяты к тучам хоботы зениток,
И «ястребки» обходят небосвод,
И счет врагов расстрелянных, подбитых,
День ото дня умноженный, растет.

Для внуков станут сказкой наши были,
Войдут в преданья гордые дела.
Зима прошла. Ее мы пережили.
Нам не забыть, какой она была.

Звенел мороз. Дома, как люди, зябли.
Свет не горел. Пошли лучины в ход.
И, отзвенев скупой последней каплей,
Отбормотав, застыл водопровод.

С утра хозяйки за водой студеной
К Неве, тропинки протоптав, брели,
Гремели ведра, чайники, бидоны
Везли на санках и в руках несли.

Порой снаряды, воя, пролетали,
И обагрялся кровью снег зимы,
Но не сдавались, бились, воевали —
И выдержали, выстояли мы.

Пускай у нас чуть-чуть погнулись плечи
И в волосах чуть больше седины —
Мы, как бойцы, идем боям навстречу,
Как воины, мы слышим клич весны.

«В поход, в поход!» — поет весенний ветер.
«В моря, в моря!» — курлычут журавли.
«Вперед, вперед!» — все как один ответят
Герои моря, неба и земли.

И наша сила вражью силу скосит,
И снова город станет молодым,
И, серый пепел с купола отбросив,
Опять Исакий будет золотым.

И вновь, напомнив пушкинское имя,
Адмиралтейства славная игла
Навеки свой чехол защитный снимет
И станет новой славою светла.

И Всадник Медный, бережно укрытый
Рукой достойных правнуков своих,
Подъяв коня тяжелые копыта,
Взлетит, «победы новые вкусих».

Залечит раны победитель-город
И пыль боев с могучих плеч стряхнет,
И площадей притихшие просторы
Опять поток веселья захлестнет.

Настанет день: отцы вернутся к детям,
И цветом яблонь зацветут сады.
Шуми, весна! Труби, походный ветер!
Плывите в море, ладожские льды!

ПОДРУГА-ПЕСНЯ

То грустная, то вольная, как ветер,
То грозная, зовущая на бой,
Подруга-песня! Нет нигде на свете
Другой такой подруги дорогой.

Я уходил от берега родного,
И смерть, и подвиг видел я в бою,
И мне открылось песенное слово,
И отдал бою песню я свою.

И в дни блокады, по ночам, бывало,
Когда я, шапки не снимая, спал,
Когда к стене подушка примерзала,—
За словом слово песню я слагал.

Последней спичкой запалив лучину,
Я второпях записывал ее,
И снова в ночь, как в черную пучину,
Меня вело горение мое.

И слушал я, как в мерзлые кварталы,
Во тьму, в метель, над мертвой тишиной,
В сто рупоров незримый запевала
Заводит песню, сложенную мной.

В ней — шум волны, морской пехоты поступь,
И вымпела, идущие в поход,
И тот, вошедший в сказки, полуостров,
И легендарных соколов полет.

В ее словах душа народа бьется,
В ней мать поет о сыне на морях,
В ней все: и месть, и удаль краснофлотца,
И молодость, окрепшая в боях.

Она дышала гневом и призывом,
Она катилась бурей по снегам...
Я выпрямлялся, гордый и счастливый,
И новые созвучия слагал.

И разве сердце громче не забьется,
Когда она, зовущая к боям,
Привольная — над берегом поется,
Призывная — идет по кораблям.

Но песни той, чтобы по всем баянам
Плыла, цвела, рвалась, текла рекой,
Из уст в уста летела безымянной,—
Нет, я ещё не написал такой.

Но и в любые штормы и невзгоды
Я сохраню горение мое,
Я вместе напишу ее с народом —
Победы песней назовут ее.

ВОЗМЕЗДИЕ

В те дни безмолвны были дали.
Все замерло: приказа ждали,
Чтоб двинуть бурю на врага.
Все на одном сходилось слове:
Вперед! Все было наготове.
Белели тихие снега.
Все было наготове: воля,
Глаза, и руки, и сердца.
Но так безмолвно было поле,
Был час, томительный до боли,
Казалось: нет ему конца.
А вдалеке, за снежной мглою,
Раскинув щупальца на юг,
Зарылся враг, стальной дугою
Замкнув осады полукруг.

Он врылся в землю, врос по плечи,
Он ощетинил каждый шаг,
Уж он не верил в то, что вечен
И что незыблем он в боях.

Мы ждали. Терпеливо ждали.
Год миновал. Другой прошел.
Считали дни, часы считали,
Счет на минуты перешел.
За нами— раненый, но гордый,
Из строя прочь не выходя,—
Стоял наш город, воин-город,
Удары молний отводя.
Мы ждали. Наше сердце ждало,
Не забывая ничего:
Домов зияющих провалы —
Насквозь, от крыши до подвала,—
Твое, убийца, торжество!
И длинный вой шальных снарядов,
Плач матерей и детский плач —
Всю ночь кромешную блокады —
Мы всё припомнили, палач!
Мы ждали. Полем шла поземка,
Сугробов космы шевеля.
Вдруг, словно охнувши негромко,
Под нами дрогнула земля.
И снова охнуло, рвануло.
Мигнула света полоса.
Гул нарастал. И в гущу гула
Вступали боя голоса.
Они сливались в голос хора,
В непрерываемую связь,
И уж не выстрелы в просторах —
Сама земля кругом рвалась.

То артиллерия вступала,
Как непреложный бог войны.
Она рвала, мела, сжигала
И с корнем доты вырывала
Из их бетонной глубины.
И, не скупясь, по-флотски грея,
Подбрасывали «огонька»
Морские наши батареи.
Была их ярость велика.
И как не быть ей?

Синь морская,
Родимой Балтики простор!
Пути волны пересекая,
В твои глубины вторгся вор.
Не быть ему!
И с кораблей,
Чтоб отстоять родные воды,
Пошли на сушу мореходы,
Забыв на время шум зыбей.
Но где бы ни были — в пехоте,
У батареи огневой,—
Припоминали дни на флоте,
И свой корабль, и кубрик свой —
Всё, что любили, что хранили,
Что невозможно разлюбить...
И вот они сегодня мстили.
Дай силы, сердце, чтобы мстить!

Над полем плыли бомбовозы
И ревом оглашали воздух,
И видно было вдалеке,
Как, цель нащупав под собою,
Они развертывались к бою
И шли стремительно в пике.
И, взрывом сотрясая дали,
Земля вставала на дыбы,
И в черном облаке взлетали
Куски бетона, брусья стали,
Накатов тяжкие дубы.
Но вот пришла пора пехоты,
Пора гранаты и штыка.
Ты помнишь, как шагнули роты
Железной твердостью пехоты?
Ты помнишь поступь моряка?
Мы шли вперед, в победу веря,
Работой становился бой,
И только черный лагерь зверя
Мы видели перед собой.
Он в снежной зáмети дымился,
Уж мы бежали, мы не шли,
Над нами шквал огня катился,
Минуты вечностью текли.
Тогда-то из груди бегущих,
Как выдох, выплыло «ура»,

Оно нас вынесло на кручи,—
Окрасив кровью снег сыпучий,
В январский день вошла жара.
Врагов корежили штыками,
Гранатой рвали в блиндажах,
«Ура!» — катилось над полками
И уторапливало шаг.
«Полундра!» — моряки кричали,
И пар вздымался к небесам,
По лицам пот бежал ручьями,
И время шло не по часам.
И расступилась ночи мгла,
И утро новое настало
И новым светом заиграло
На кровлях Красного Села.
Казалось, выше стали выси,
И сердце ухало в груди,
И слава ропшинских дивизий
Уже вставала впереди.
Росли над Пушкином раскаты,
Невы гудели берега.
К шагам спасенья и расплаты
Уже прислушивалась Мга.
И, сам в плену своей осады,
Ошеломленный, падал враг...
Вставало солнце Ленинграда,
Огнем пронизывая мрак.

МЕДАЛЬ

Пройдя сквозь долгий грохот боя,
На слиток бронзовый легла,
Как символ города-героя,
Адмиралтейская игла.

Взгляни — заговорит без слов
Металла трепетный язык.
И воздух города морского,
И над Невой подъятый штык.

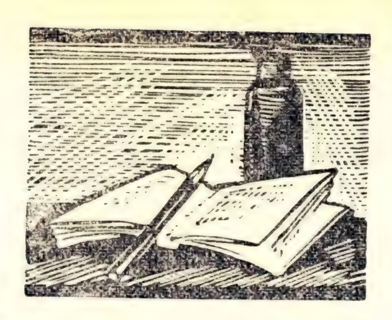
Вся бронза дышит, как живая,
В граните плещется река,
И ветер ленты развевает
На бескозырке моряка.

И даль пылает золотая,
И синью светят небеса.
И вдруг, до слуха долетая,
Встают из бронзы голоса:

«Мы так за город наш стояли,
Так эту землю берегли,
Что нынче музыкою стали,
Из боя в песню перешли.

Мы слиты из такого сплава,
Через такой прошли нагрев,
Что стала бронзой наша слава,
Навек в металле затвердев».

Слова уходят, затихая,
В металл, в бессмертье, в немоту,—
И, снова бронзой полыхая,
Игла пронзает высоту.



НИКОЛАЙ БУКИН

ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг отчизна зовет,
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля.
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна,
Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.
Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня.
Я знаю, друзья, что не жить мне без моря,
Как море мертво без меня.

Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.
Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий —
Родимая наша земля.

ИЛЬЯ БЫСТРОВ

ЗАВОД В БОЮ

Завод стоит на рубеже борьбы
Лицом к лицу с проклятыми врагами.
Тяжелый дым торжественно, как знамя,
Врагам назло струится из трубы.

Печать свою на все кладет война:
Вокруг цехов израненные стены.
Гудок не возвещает часа смены,
В провал от бомбы свет, как из окна.

Но он живет! Он борется! Гляди:
Вот ордена — высокая награда! —
Как жар, горят на каменной груди,
Истерзанной осколками снаряда.

Завод — в бою. Он грозен, как вулкан,
В нем ненависть к врагу кипит, как лава.
Десятилетьями он шел дорогой славы,—
Оплот труда, железный великан.

И в час борьбы решительной с врагом,
Своих наград заслуженных достоин,
Завод-герой сражается, как воин,
И смерть врагу несет своим трудом.

ВОЕННАЯ ОСЕНЬ

Нева... Горбатый мостик... Летний сад...
Знакомая чугунная ограда...
Стоят бойцы. Теперь они хранят
Червонную сокровищницу сада.

О мрамор статуй! Кто не помнит их
Прозрачные, как у слепых, улыбки
И лист осенний, ласковый и липкий,
Что на плече покоился у них!

Немецкого ефрейтора сапог
Не запятнает золота аллеи,
Где вижу я сторожевой дымок
И двух бойцов, стоящих у траншеи.

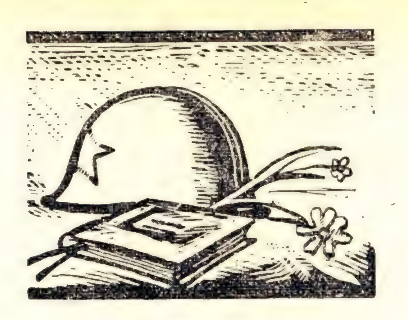
Осенний воздух ясен, строг и чист,
Пылают клены, липы пожелтели.
Стоят бойцы... Солдатской их шинели
Касается, кружась, осенний лист.

ЛИЦО ГЕРОЯ

Суровое, решимости полно,
Пороховым овеянное дымом,
Видением, вовек неизгладимым,
Повсюду мне встречается оно.

Блокады год на нем оставил след,
Чуть тверже рот, и взгляд прямой чуть строже,
Сквозь сотни лиц лицо одно и то же
Я вижу, принимаясь за портрет,—
Лицо героя...
Есть одна черта,
Есть на лице одна такая складка...
Найдешь ее на лбу иль возле рта
И скажешь:
«Ленинградец, ленинградка!»

Ты не забудешь этого лица.
В нем светит воля города-героя.
И складка та, как шрам, как память боя,
Как след раненья на лице бойца.



КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

БЫВШИЙ РОТНЫЙ

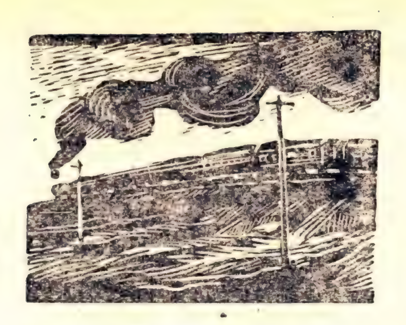
В село приехав из Москвы,
Я повстречался с бывшим ротным.
Гляжу: он спит среди ботвы
В зеленом царстве огородном.
Зашел, видать, помочь жене,
Армейский навести порядок,
И, растянувшись, на спине,
Уснул внезапно среди грядок.
Не в гимнастерке боевой,
Прошедшей длинную дорогу,
А просто в майке голубой
И в тапочках на босу ногу.
Он показался странным мне
В таком наряде небывалом.
Лежит мой ротный на спине
И наслаждается привалом.
Плывут на запад облака,
И я опять припоминаю
Прорыв гвардейского полка
И волны мутного Дуная.
В тяжелой мартовской грязи
Завязли пушки полковые.
«А ну, пехота, вывози!
А ну, ребята, не впервые!»...
Могли бы плыть весь день вполне
Воспоминанья предо мною,
Но я в полнейшей тишине
Шаги услышал за спиною.

И чей-то голос за плетнем:
— Простите, что побеспокою,
Но срочно нужен агроном...—
Я тронул ротного рукою.
...Мы пили с ним два дня спустя,
Вина достав его в подвале,
И то серьезно, то шутя
Дороги наши вспоминали.
Потом уехал я домой,
Отдав поклон полям и хатам,
Остался славный ротный мой
В краю далеком и богатом.
И снится мне, как за окном
Деревья вздрагивают сонно.
С утра шагает агроном
По территории района.
По временам на большаке
Пылит пехота —
взвод за взводом,—
Да серебрится в далеке
Гречиха, пахнущая медом.

* * *

В реке умывшись перед сном,
Спустилось солнце в долы.
Не слышно шума за окном
Давно закрытой школы.
Ушла из школы детвора,
Закончив стенгазету.
И все затихло, до утра:
Ни говора, ни смеха...
А ты к экзаменам сейчас
Готовишься, робея.
И вот уже который раз
Пишу в Москву тебе я
О том, как рыжики растут
На солнечных полянах,
Какой невиданный уют
Среди озер стеклянных,
Как удивительна вода
Под крышей краснотала
И чтобы ты ко мне сюда
Скорее приезжала.

...Стучат на столике часы,
Давнишний твой подарок,
Девчата в лентах (для красы)
Глядят с почтовых марок.
А за селом овсы шумят,
Качается гречиха.
Идет тропинкою солдат,
Насвистывая тихо.
Ведет он девушку одну
Росистой стороною...
Луна похожа на луну
и ни на что иное.



СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ПОЛЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

Медленно и бережно ступая,
мы идем под небом голубым,
в полевых ромашках утопая,
вежливо дорогу уступая
синим колокольчикам степным.
Любо здесь увидеть стаи птичьи
и не видеть дым пороховой.
Вот оно во всем своем величье,
поле нашей славы боевой.
Вот оно простерлось перед нами.
Встань к нему, родимому, лицом,
полюбуйся пышными цветами,
политыми кровью и свинцом.
Все, что было выжжено и смято,
заново оделось в зеленя.
Но хранит земля
торжественно и свято
страшный стон железа и огня.
Кажется, пригнись к земле холодной,
чутким ухом ближе припади —
и услышишь звук трубы походной
у пригорка тихого в груди.
Это здесь, под хмурым небом бранным,
шел туляк на смертный бой с врагом,
пробивая путь четырехгранным
кованым карающим штыком.
Это здесь в неистовом разгоне
на роскошных седлах расписных

в бой несли каурой масти кони
забубенных всадников донских.
Это здесь, на голубом просторе,
на виду у меркнущей зари
разливали огненное море
яростные наши пушкари.
Это здесь, на этом самом месте,
не ходивший к страху на поклон,
испытав всю жгучесть нашей мести,
содрогнулся сам Наполеон.
Поле брани! Поле русской славы!
Это здесь, черней горелых пней,
полегли фашистские оравы
под огнем советских батарей.
Русский воин!
Разве ты в неволе
можешь быть, пока ты сердцем жив?
Разве ты минуешь это поле,
гордой головы не обнажив?
Разве вдохновенно и сурово
слово клятвы вслух не повторишь?
Разве боевое это слово
в славные дела не воплотишь?
Где б ты ни был, честный русский воин,
помни: о тебе гремит молва.
Будь всегда носить в крови достоин
гневный жар великого родства.
Бейся в схватках равных и неравных
до конца! Плати врагу сполна!
Помни, что ты правнук и праправнук
доблестных солдат Бородина.

ЗЕМЛЯКАМ-СИБИРЯКАМ

Я вас славлю за геройство,
за уменье воевать,
за решительное свойство
никогда не унывать;
за обычай рвать с размаха
вьюги огненной кольцо
и всегда глядеть без страха
смерти бешеной в лицо;
за любовь к своей винтовке,

за привычку к зимовью,
за ухватку, за сноровку,
за находчивость в бою;
за искусство видеть зверя
в глубине лесных берлог,
за уменье твердо верить
в свой охотничий зарок;
за упрямый норов ловчий,
перешедший в мастерство,
за особый говор певчий
с ударением на «о».
Я вас славлю за единство,
за пленительный, простой,
братский дух гостеприимства,
за характер золотой;
за выносливость, которой
нет преград и нет застав,
за могучий рост матерый,
за крутой гвардейский нрав;
за испытанный, таежный,
с детства выверенный слух,
за хозяйственный, надежный
ум, который лучше двух.
Славя вас и воспевая,
я горжусь, что у меня
есть такая боевая
знаменитая родня!

ЕЛЕНА ВЕЧТОМОВА

КАНУН 1942 ГОДА

Новый год был в семь часов. Позднее
Не пройти без пропуска домой.
Был обстрел. Колючим снегом веял
Смертоносный ветер над Невой.

Стены иней затянул в столовой.
В полушубках, при мерцанье свеч
Мы клялись дожить до жизни новой,
Выстоять и ненависть сберечь.

Горсть скупая драгоценной каши,
Золотое светлое вино,—
Пиршество сегодняшнее наше,
Краткое, нешумное оно.

Мы о тех, кто умер, говорили,
Как о тех, кто с нами.
                                        В свой черед
Шел обстрел. Снаряды били мимо
Кировского моста. Недолет.

Лед одолевал нас. Лед блокады.
В новом, начинавшемся году
Победить хотел и тот, кто падал,—
Не остановиться на ходу.

Так сквозь смерть росли и крепли силы,
Билась жизнь меж ледяных камней.

Мне тогда бы много легче было,
Если б ты подумал обо мне.

Но каким бы счастьем ни встречали
Год другой, встают пред нами в рост
Те друзья, что в гулком темном зале
За победу возглашали тост.

В КОЛЬЦЕ

Это наша любовь. Про нее говорят,
Но никто не сумел рассказать.
Где стояли вчера — там сегодня снаряд
Землю вырвал, и даже следов не сыскать.

Ни скамьи, ни деревьев. И только у ног
Распрямленный перил завиток.

Это — наша любовь. Как ни жди — вся в начале,
Освященная кровью, тревогой, свинцом.
Но, как прежде кольцом обручали,
Нас с тобой разлучили кольцом.

Как нам надо любить, чтоб в огне и крови
Разорвав его, выйти к началу любви!

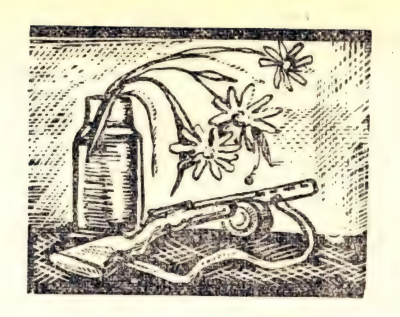
Это наша любовь,— ледяная луна.
Звезды подняты пламенем. Где ты? Ты есть!
Отзовись! Пусть хоть молния грянет одна,
Принося долгожданную весть

От тебя, от Большой и далекой земли,
До которой еще мы дойти не смогли.

Это наша любовь. Оторваться не мог.
Возвращался, прощался, все медлил любя.

Посмотри — у меня на ладонях ожог,—
Я дотронулась до тебя.

Будет знак оттого, что любовь обожгла.
В небе — рокот мотора и отсвет крыла.



ЛЕОНИД ВИЛКОМИР

* * *

Мы победим. Мои — слова,
Моя — над миром синева,
Мои — деревья и кусты,
Мои — сомненья и мечты.

Пусть на дыбы встает земля,
Вопит, и злобствует, и гонит —
Меня к своим ногам не склонит,
Как в бурю — мачты корабля.

Я буду жить, как я хочу;
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травою прорасту,

В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — все могу!

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

* * *

Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми, по-пластунски лазил
Сквозь черные поля на животе.

Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Я с тяжким потом добытые строки,
Как и себя, от смерти не берег.

Их ритм простой мне был напет метелью,
Задувшею костер, и в полночь ту
Я песни грел у сердца, под шинелью,
Одной огромной верой в теплоту.

Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя, как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды побороть.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ГОДА РОЖДЕНЬЯ

Вчера мы писали диктанты,
Чертили на досках круги,
А утром уже интенданты
Нам выдали сапоги.

В широкой армейской шинели
Мы ростом казались малы,
Мы песни заливисто пели,
Скребли, провинившись, полы.
Когда же, идя на ученья,
Мы путали ногу подчас:
— Двадцать пятого года рожденья! —
С усмешкой кивали на нас.
Но фронт наступил!
Мы мужали
В сражениях день ото дня,
С соседом до битвы сдружаясь,
Друзей после битв хороня.
Орудия, танки, повозки
Гремели по городам,
И пели по-чешски и польски
Веселые девушки нам.
А в час, когда звезды студены,
Над онемевшей рекой
Немецкие аккордеоны
Рыдали рязанской тоской...

СОЛДАТ

Мимо лип прибрежных оробелых,
Мимо длинных, длинных, длинных сел
В сапогах больших, от пыли белых,
Полк пехотный шел —
С развеселой песнею военной.
А последним, замыкавшим ряд,
Был в строю совсем обыкновенный,
Роста невеликого солдат.
На спине был щит от пулемета,
Ранец, как положено бойцу.
Пел он громче всех,
и струйка пота
Медленно стекала по лицу.
Пыльная дорога. Полдень. Душно.
Это стало все давно былым...

Вспомнил же его я потому, что
Это я был им.

* * *

Про смерть поэты с болью говорили
Высокие, печальные слова
И умирали, и на их могиле
Кладбищенская высилась трава.

Смерть неизбежно явится за всяким.
О жизнь моя, как ты мне дорога!
Но я умру когда-нибудь в атаке,
Остывшей грудью придавив врага,

Иль — с палкою в руке, в смешной панаме,
С тропы сорвавшись, в бездну упаду.
И я умру под горными камнями
У звезд остекленевших на виду.

А может, просто: где дорога вьется,
Где, кроме неба, нету ничего,
Замолкнет сердце вдруг и разорвется
От песен,
                    переполнивших его!

СКАТКА

Вы умеете скручивать плотные скатки?
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придавите складки
И согните
                    вот так — подковой.
Завяжите концы, подогнавши по росту.
Все!
Осталось теперь нарядиться...
Это так интересно, и мудро, и просто,
Это вам еще пригодится!

ВАРВАРА ВОЛЬТМАН-СПАССКАЯ

ДЕВОЧКА У РОЯЛЯ

Дочери моей,
Марине Дранишниковой

Стрелки непочиненных часов,
Как трамваи, неподвижно стали.
Но спокойно, под набат гудков,
Девочка играет на рояле.

У нее косички за спиной.
На диване в ряд уселись куклы.
Бомба, слышишь? В корпус угловой...
Дрогнул пол... Коптилка вдруг потухла...

Кто-то вскрикнул. Стекла, как песок,
Заскрипели под ногой. Где спички?
Девочка учила свой урок,
В темноте играя по привычке.

Так еще не пел нам Мендельсон,
Как сейчас в тревогу. И весь дом был
Музыкой нежданной потрясен
В грозный час разрыва близкой бомбы.

И наутро, в очередь идя,
Постояла я под тем окошком.
Ты играешь, ты жива, дитя.
Потерпи еще, еще немножко.

Зимовать остался Мендельсон.
Как надежда, музыка бессмертна.
Стали стрелки. Город окружен.
До своих — большие километры.

Хлеб, как пряник, съеден по пути.
Раскладушка в ледяном подвале.
...Но, как прежде, ровно с девяти
Девочка играёт на рояле.

ПО ВОДУ

Я в гору саночки толкаю.
Еще немного — и конец.
Вода, в дороге замерзая,
Тяжелой стала, как свинец.

Метет колючая пороша,
А ветер каменит слезу.
Изнемогая, точно лошадь,
Не хлеб, а воду я везу.

И Смерть сама сидит на козлах,
Упряжкой странною горда...
Как хорошо, что ты замерзла
Святая невская вода!

Когда я поскользнусь под горкой,
На той тропинке ледяной,
Ты не прольешься из ведерка,
Я привезу тебя домой.

МАТЬ

Мужчина вдруг на улице упал,
Раскрытым ртом ловя дыханье полдня.
Не собралась вокруг него толпа,
Никто не подбежал к нему, не поднял.

Кто мог бы это сделать,— все в цехах,
А кто на улице, сам еле ползает.
Лежит упавший. Слезы на глазах,
Зовет срывающимся тонким голосом.

И женщина, с ребенком на руках,
Остановилась и присела возле.
В ней тоже ни кровинки. На висках
Седые пряди, и ресницы смерзлись.

Привычным жестом обнажила грудь
И губы умиравшего прижала
К соску упругому. Дала глотнуть...
А рядом, в голубое одеяло

Завернутый, как в кокон, на снегу
Ребенок ждал. Он долю отдал брату.
Забыть я этой встречи не могу...
О женщина, гражданка Ленинграда!

ЧАШКА

Тишина стояла бы над городом,
Да в порту зенитки очень громки.
Из детсада в чашечке фарфоровой
Мальчик нес сметану для сестренки.

Целых двести граммов! Это здóрово,
Мама и ему даст половину.
А в дороге он ее не пробовал,
Даже варежку с руки не скинул.

Поскользнулся тут, в подъезде. Господи!
Чашка оземь, сразу раскололась.
И сметаны он наелся досыта,
Ползая по каменному полу.

А потом заплакал вдруг и выбежал.
Нет, домой нельзя ему вернуться!
...Мама и сестренка — обе выжили,
И осталось голубое блюдце...

ТИШИНА

Был день наш ярок и высок,
Прозрачен летний зной.
Я из сосны варила сок
Для девочки больной.

О счастье хрупкое мое,
Дыши и оживай!
Густое хвойное питье —
Целебный крепкий чай.

Обстрела не было в тот день,
А царство тишины.
Цвела душистая сирень,
Как в первый день войны.

НА БАЛКОНЕ

Я помню отлично — на этом балконе
Старушка сидела в качалке плетеной.
Сверкали на солнце веселые спицы.
Внучатам вязала она рукавицы.
И вился по стенке горошек капризный,
А кот ярко-рыжий гулял по карнизам.
Как франт, шевелил золотыми усами,
Любуясь летающими голубями.
Но фронт приближался. Ощерившись грозно,
Фасад приютил пулеметные гнезда,
И плотно закрыты балконные двери,
А в смерть той старушки не хочется верить.
Фантазия, верно, простится поэту:
Мне кажется, там она, в комнатке этой,
За тусклым оконцем с фанерной заплатой,
И что-нибудь теплое вяжет солдатам.
Блестят при коптилке проворные спицы,
И кот еще жив тот, ведь может случиться!
Она свой паек с ним, наверное, делит,
И спит он в ногах у нее на постели.
Но снова, окутан оранжевой дымкой,
Собор наш снимает свою невидимку,
И всходят на мост наши Клодтовы кони,
Распахнута дверь на знакомом балконе.
И вышла старушка с работой под мышкой,
Седая совсем, точно белая мышка.
Садится в качалку — и та уцелела!
А кот ярко-рыжий скучает без дела:
Еще не сверкает в полете фигурном
Над улицей мирной серебряный турман.

САЛЮТ

О первый взрыв салюта над Невой!
Среди толпы стоят у сфинксов двое:
Один из них незрячий, а другой
Оглох, контуженный на поле боя.

Над нами залпы щелкают бичом,
И все дрожит от музыки и света.
Зеленые и красные ракеты
Павлиньим распускаются хвостом.

То корабли военные, линкоры
Палят в честь нас и в честь самих себя.
Свою победу торжествует город,
И не снаряды в воздухе свистят.

Нет, мир вокруг такой прекрасный, звонкий,
Что хочется нам каждого обнять...
А дети на руках, раскрыв глазенки,
Огни ракет пытаются поймать.

Казалось, елка в новогодних блестках
Повисла над ликующей рекой...
Так в эту ночь слепой — увидел звезды,
И гимн победе услыхал глухой.

ЮРИЙ ВОРОНОВ

ТРОЕ

Я к ним подойду. Одеялом укрою,
О чем-то скажу, но они не услышат.
Спрошу — не ответят...
А в комнате трое.
Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я знаю: не встанут.
Я все понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?

ЛИСТОВКИ

Над городом
Немецкие листовки:
«Сдавайтесь
И свергайте комиссаров!»
Нам обещают
Жизнь без голодовки.
Покой
Взамен блокадного кошмара.
...Им не понять,
Что люди
Здесь, в кольце,
Солдат и комиссар —
В одном лице.

ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ВСТУПАЕМ В НЕМЕЦКОЕ СЕЛО

Плющом от света отгорожены,
стоят дома старинной моды:
они из карт как будто сложены —
из красных карт одной колоды.

Я на село смотрю и думаю:
здесь, может, тот фашист родился,
с которым я в бою под Уманью
за смерть ребенка расплатился...

Ко мне рука за хлебом тянется,
и женщина с голодным взглядом
не устает шептать и кланяться...
Я не могу ее — прикладом!

Пускай борьба до бесконечности
мне злом испытывает душу —
нигде закона человечности
в борьбе за правду не нарушу.

Детей не брошу ради мщения
в дыру колодезя сырую...
Не потому ль в конце сражения
я здесь победу торжествую?!

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

СЕНТЯБРЬ

Ни страха, ни слез, ни жалоб!
Присяге своей верны,
Спокойным и твердым взглядом
Мы смотрим в лицо Войны.

Огромный любимый город,—
Всю жизнь за него отдашь,
Чтоб жил, и цвел, и работал
Гранитный красавец наш.

Здесь выросли мы и жили
В счастливых наших домах,
Над нами пылали флаги
На праздничных площадях.

И чистый песок у взморья,
Где солнечный луч горяч,
Где в зелени стадионов
Взлетает футбольный мяч.

И яхты в Финском заливе,
Весла над водою взмах,
И вечер, полный веселья,
На Кировских островах.

Ни страха, ни слез, ни жалоб!
Присяге своей верны,
Спокойно, прямо и твердо
Мы смотрим в лицо Войны.

Где зарево полыхает
Осеннюю ночь подряд.
Где в стены родного дома
Фугасный летит снаряд,

Где город весь опоясан
Стальным кольцом баррикад,
Таким ты еще дороже,
Любимый наш Ленинград.

Здесь нашей судьбы решенье,—
А битва шумит вокруг;
Здесь вырыты волчьи ямы
Руками наших подруг.

Мы в них похороним зверя —
Так приказал народ,
Кто должен нести оружье,
Тот с честью его несет.

Никто нас не сломит, братья,
Не сломит и не согнет,—
Суровая верность долгу
Нам говорит:
Вперед!

СТРОИТЕЛЬ ДОРОГИ

Он шел по болоту, не глядя назад,
Он бога не звал на подмогу,
Он просто работал, как русский солдат,
И выстроил эту дорогу.

На запад взгляни и на север взгляни —
Болото, болото, болото.
Кто ночи и дни выкорчевывал пни,
Тот знает, что значит работа.

Пойми, чтобы помнить всегда и везде:
Как надо поверить в победу,
Чтоб месяц работать по пояс в воде,
Не жалуясь даже соседу!

Все вытерпи ради родимой земли,
Все сделай, чтоб вовремя, ровно,
Одно к одному по болоту легли
Настила тяжелые бревна.

...На западе розовый тлеет закат,
Поет одинокая птица.
Стоит у дороги и смотрит солдат
На запад, где солнце садится.

Он курит и смотрит далёко вперед,
Задумавший точно и строго,
Что только на запад бойцов поведет
Его фронтовая дорога.

* * *

Вперед, вперед, не зная малодушья,—
Нам предстоит пройти сквозь смерть и кровь.
Товарищ мой! И сердце и оружье
К решающему бою приготовь.
Ты знаешь сам, защитник Ленинграда,
Как бой жесток, как долог трудный путь.
Забудь об отдыхе и, если надо,
Не спи по суткам — и о сне забудь.
Была зима, бежали дни без счета,
Мы прожили их с бодростью в душе.
Никто не отошел от пулемета
В траншее каждой, в каждом блиндаже.
Теперь — к Победе! В бой — за нею следом,
Ей отдадим все помыслы свои.
Мы понимаем: если нет Победы —
Нет жизни нам, нет дома, нет семьи.
Мы будем биться, верные отчизне,
Как бились наши деды и отцы.
— Жизнь Родины для нас дороже жизни! —
Так перед боем говорят бойцы.

СОЛДАТЫ ВОЛХОВА

Мы не верим, что горы на свете есть,
Мы не верим, что есть холмы.
Может, с Марса о них долетела весть
И ее услыхали мы.

Только сосны да мхи окружают нас,
Да болото — куда ни глянь.
Ты заврался, друг, что видал Кавказ,
Вру и я, что видал Тянь-Шань.

Мы забыли, что улицы в мире есть,
Городских домов этажи,—
Только низкий блиндаж, где ни стать, ни сесть,
Как сменился с поста — лежи.
А пойдешь на пост да, неровен час,
Соскользнешь в темноте с мостков —
Значит, снова по пояс в грязи увяз,
Вот у нас тротуар каков.

Мы не верим, что где-то на свете есть
Шелест платья и женский смех,—
Может, в книжке про то довелось прочесть
Да и вспомнилось как на грех.
В мертвом свете ракеты нам снится сон,
Снится лампы домашний свет,
И у края земли освещает он
Все, чего уже больше нет.

Мы забыли, что отдых на свете есть,
Тишина и тенистый сад,
И не дятел стучит на рассвете здесь —
Пулеметы во мгле стучат.
А дождешься, что в полк привезут кино,—
Неохота глядеть глазам,
Потому что пальбы и огня давно
Без кино тут хватает нам.

Но мы знаем, что мужество в мире есть,
Что ведет нас оно из тьмы.
И не дрогнет солдатская наша честь,
Хоть о ней не болтаем мы.
Не болтаем, а терпим, в грязи скользя,
И не веря ни в ад, ни в рай,
Потому что мы Волховский фронт, друзья,
Не тылы, а передний край.

ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Мы знали всё: дороги отступлений,
Забитые машинами шоссе,

Всю боль и горечь первых поражений,
Все наши беды и печали все.

И нам с овчинку показалось небо
Сквозь «мессершмиттов» яростную тьму.
И тот, кто с нами в это время не был,—
Не стоит и рассказывать тому.

За днями дни. Забыть бы, бога ради,
Солдатских трупов мерзлые холмы,
Забыть, как голодали в Ленинграде
И скольких там не досчитались мы.

Нет, не забыть — и забывать не надо
Ни злобы, ни печали, ничего...
Одно мы знали там, у Ленинграда,
Что никогда не отдадим его.

И если уж газетчиками были
И звали в бой на недругов лихих,
То с летчиками вместе их бомбили
И с пехотинцами стреляли в них.

И, возвратясь в редакцию с рассветом,
Мы спрашивали, живы ли друзья?..
Пусть говорить не принято об этом,
Но и в стихах не написать нельзя.

Стихи не для печати. Нам едва ли
Друзьями станут те редактора,
Что даже свиста пули не слыхали,—
А за два года б услыхать пора.

Да будет так. На них мы не в обиде.
Они и ныне, веря в тишину,
За мирными приемниками сидя,
По радио прослушают войну.

Но в час, когда советские знамена
Победа светлым осенит крылом,
Мы, как солдаты, знаем поименно,
Кому за нашим пировать столом.

* * *

Где, окутан сизой мглою,
Вечер душен и багров,
Где, как по сердцу пилою,
Звон стоит от комаров,

Где зимой в сырой землянке
Заметали вьюги нас,
Где по месяцу портянки
Не просохнут ни на час,

В январе или в июле,
Помни, волховский солдат,—
Ты не просто, друг, воюешь,
А за город Ленинград.

От рассвета до рассвета,
Постоянно помни, друг,
Сколько гордый город этот
Вынес горя, принял мук.

Вот земля. Немецким ротам
Не дадим топтать ее,
Потому что хоть болото,
А российское — свое.

Не пробьется враг голодный,
Не пройти ему нигде,
И сгниет он в той болотной,
Торфом крашенной воде.

И пойдет вперед к победе
Славный волховский солдат,
Что сейчас в болотах этих
Защищает Ленинград.

ВОЛХОВЦЫ

В атаку, волховцы, вперед!
Враг отступает по болотам,
Уж он ударами измотан,
И смертный страх его берет.

Уж он забыл покой и сон,
И пусть трещат его «кукушки»,
И пусть за каждую опушку
В отчаяньи дерется он,

Для немца Волхова леса
Не лучше, чем донские степи.
Идут пехоты нашей цепи
Неотвратимо, как гроза.

Бей, артиллерия, по дзотам,
Прямой наводкою — в упор!
Штыком достань врага, пехота,
И толом рви его, сапер!

Чтоб мертвым падал он на снег,
Чтоб в дзотах, грязных и постылых,
Как в про́клятых людьми могилах,
Похоронить его навек.

МИХАИЛ ГОДЕНКО

НА СТЕНКЕ

Поблескивая краской свежей,
На стенке катера стоят.
Их вешним светом солнце нежит,
Над ними облака парят.

Как им наскучили кильблоки,
Как надоели холода!
И грезится простор широкий,
Освобожденный ото льда.

У катеров вразвалку ходит,
Нахмурен и нетерпелив,
Усатый мичман.
                        Он сегодня
Весь день косится на залив.

Когда же волны солью брызнут?
Когда ж начнется ледолом?
Весь смысл его суровой жизни
Там, вдалеке, за маяком.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ

ДВА ЖЕЛЕЗНЯКА

В степи под Херсоном
В одной из атак
Пал смертью героя
Матрос Железняк.
На мирном привале,
В походе ночном
Мы песню с тобой
Запевали о нем.
Мы пели про бой,
Про удар штыковой,
Матрос Железняк
Проходил, как живой.
Врагов не щадил
Легендарный матрос
И к нам свою славу
Сквозь время донес.
Былая пора,
Словно буря, прошла —
Иные герои,
Иные дела.
У энской реки
Лейтенант Железняк
Штыками встречает
Удары атак.
Шел трижды в атаку
Его батальон.
(Героя матроса
Припомнил ли он?)

Семь раз отбивался
Штыком Железняк,
Семь трупов оставил
Разгромленный враг.
Так, значит, то правда —
Герой не умрет,
Он, смерть попирая,
В народе живет.
Живые за павших
В атаку идут,
И мертвые к славе
Живого зовут!

НАД УБИТЫМ РЕБЕНКОМ

В траве некошеной — замученный ребенок.
Смерть не дала ему больших ресниц смежить.
И светлые глаза глядят как бы спросонок
На этот мир в цвету, где я остался жить.

А солнце высоко; не зная преступленья,
Щебечут птицы, сердце полонив.
И, словно в пьяном сне, над жертвою глумленья
Рой синих мух жужжит среди цветущих нив!

И, вспомнив вдруг о том, что за поселком где-то
Мать жаркую слезу смахнет с лица тайком,
Не жду я от друзей ни вздоха, ни ответа,—
Хочу я одного — врага найти штыком!

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

* * *

Когда тебя бессонной ночью
Снарядный визг в окоп швырнет,
И ты поймешь, что жизнь короче,
Чем южной звездочки полет...

Пусть, славя жизнь, и ночь, и осень,
Отбой горнисты протрубят...
Глотая кровь, ты сам попросишь
Своих друзей добить тебя.

Но не добьют...
Внесут в палату,
Дадут железных капель пить,
Наложат гипс, и в белых латах,
Как памятник, ты станешь жить.

И выходят!
Как из пеленок,
Ты в жизнь шагнешь из простыней,
Нетерпеливый, как ребенок,
Спешащий к матери своей.

* * *

Меняются цифры, стираются даты,
Но в памяти вечно шагают солдаты.
Стучат и стучат в голове батальоны

И сон выбивают из глаз воспаленных.
И снова и снова — разъезды, заставы,
Составы, и рельсы, и стрелок суставы.
Зудят провода, провожая депеши,
Леса, да болота, да топи, да леший —
На ветке закрученный домик улитки
Да ветер осенний, продрогший до нитки.
Там липкое небо стекает за ворот,
Там город рукою ракеты распорот.
Там корчатся в судорогах танки и люди.
И кажется, нет им конца и не будет...
Разрывы то сбоку, то дальше, то ближе!
Там рухнул отец мой в дорожную жижу.
Дома догорают, и плавятся крыши...
Там младший братишка упал и не дышит!
Дым, дым, дым...
На этой земле, где сгинул брат,
Где кости сложил отец,—
Меня на испуг не возьмет снаряд,
Ни бомба и ни свинец!

ЮРИЙ ГОРДИЕНКО

УПРЯЖКИ

Рысцою размеренно-строгой,
Под танковый грохот и гуд
К переднему краю дорогой
Собачьи упряжки бегут.

С дарами пехотной каптерки
К солдатам с тридцатой версты
Спешат ездовые шестерки,
Неся калачами хвосты.

По зарослям дикой крушины,
Где минные дремлют поля
И где не проскочишь машиной,
Бегут целиною, пыля;

Косматыми ловят ушами
Орудий чужих голоса.
С горячими свежими щами
В тележках стоят термоса.

Дубовая клепка бочонка
Под серым брезентом видна.
И шутят в траншеях, что четко
Работает их старшина.

Вином не забыл поделиться,
Спасибо ему — тороват!
Светлеют небритые лица
Худых и усталых солдат.

И, как бы тут ни было тяжко,
Добреет любая душа,
Когда подбегает упряжка,
Отрывисто, жадно дыша.

Бойцы вспоминают о доме,
Ссыпая в кисеты табак.
И мягко большие ладони
Ласкают загривки собак.

Но снова затянуты пряжки
Добротных постромок.
В тылы
Уходят рысцою упряжки
Под скрежет немецкой «пилы»[1].

И если их пули не тронут,
Всю ночь, налегая в ремни,
То хлеб и табак, то патроны,
То раненых возят они.

Над ними с передней кромки
Гремит орудийная ночь.
И хочется впрячься в постромки
И верной упряжке помочь.

---

[1] Так на фронте солдаты называли немецкие реактивные установки за характерный во время залпа звук, напоминавший звук далекой пилы.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

РУССКОМУ НАРОДУ

Не раз ты в горестные годы
Стоял пред недругом своим,
Терпел смертельные невзгоды,
Но был всегда непобедим.

Свой лук натягивая туго,
Москва, и Тула, и Рязань
С гостями запада и юга
Всегда выдерживали брань.

Не раз в столетьях быстрокрылых
В лицо врагам бросал Урал
Неисчерпаемые силы
Своих могучих гор и скал.

Не раз ты гордую Европу
Спасал от дерзких дикарей
И взнуздывал их грозный топот
Рукой своих богатырей.

И вновь тебе достался жребий:
Созвав возлюбленных сынов,
На суше, в море и на небе
Бить человечества врагов.

Они хотят всё уничтожить,
Чем жизнь прекрасна и добра,
Всю радость мира подытожить
Бандитским взмахом топора.

Они ораву воспитали
Убийц, смакующих погром,
И много стран четвертовали
Кровавой свастики крюком.

И бросился в наш край коварно
Поправший совесть лиходей,—
Туда, где в доле лучезарной
Уж воплотились сны людей,

Где уж лелеяли народы
Свой быт, свой гений, свой язык,
Где каждый азбуку свободы
С ребячьих лет читать привык.

Но встал грозой неотвратимой
На озверелый дикий сброд
Ты, нашей родиной любимой
Взращенный доблестный народ.

Все, что построил, все, что добыл
В суровых битвах и трудах,
Ты бросил в бой последний, чтобы
Был до конца разгромлен враг.

Народ родной, народ мой русский,
Рассеет мрак твоя звезда!
Безумье войн и крови сгустки
С земли ты смоешь навсегда.

Несокрушимою отвагой
В огне неслыханных боев
Ты завоюешь жизни благо
Для всех народов и веков.

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

ИДУ!

Взметая пыль и жаром обдавая,
Опять с утра ворчит передовая,
Проламывает блиндажи и доты,
Где чернозем с железом пополам.
Два года здесь я, офицер пехоты,
И как я жив — не понимаю сам.

Мой путь лежал над прорезью прицела,
В моей шинели смерть навылет пела.
И думаю я на исходе дня:
Чья нежность душу навсегда согрела
И чья любовь хранит в бою меня?

Не женщины. Я не поладил с ними,
Вздохнув тайком, завидую другим.
С упрямством и причудами моими
Недолго был я женщиной любим.

И та одна, что в горький час разлуки
На шею нежно положила руки,
Остыла, видно, пишет в месяц раз
По дюжине скупых и скучных фраз.

Не поняла она, что в годы бед,
Когда весь мир качает канонада,
И тяжело, и рядом друга нет,—
Сильней любить, сильнее верить надо,

Что там, где стоны, смерть и ярость сея,
Осколки осыпаются дождем,
Мы нашу нежность бережем сильнее,
Чем пулю в окруженье бережем,

Что, как молитву, шепчем это имя
Губами воспаленными своими
В часы, когда окоп накроет мгла.
Не поняла она... Не поняла!

Забыла все, ушла с другим, быть может,
И росы в травах размывают след.
Зачем ее мне письмами тревожить
И звать назад, когда в том смысла нет?

Зачем кричать в немыслимые дали?
Мой голос до нее дойдет едва ли,
И лишь с предутренней передовой
Ему ответит пулеметный вой.

Я здесь один с невысказанной болью —
И я молчу. А над моей любовью
Растет бугор окопного холма.
Не получать письма мне перед боем
И после боя не писать письма,

Не ощутить во сне прикосновенья
Ее заботливых и теплых рук.
Любовь моя, теперь ты — только звук,
Почти лишенный смысла и значенья...

Еще на сердце каждого из нас
Есть облик женщины. И в трудный час
Он нам напоминает дом и детство,
Веселых братьев за столом соседство
И ласку добрых и усталых глаз.

То — мать. Всесильно слово матерей,
В туман высот, в глубины всех морей
Оно за нами следует по свету.
Но мать осталась *там*... И может, нету
На свете старой матери моей.

Все в гости нас она к себе ждала,
Все в дом родной, в село к себе звала,
Настойки в старом погребе хранила.
Война фронтами нас разъединила,
Судьба нам попрощаться не дала.

Но есть еще одна святая сила.
Она меня любовью осенила,
Благословение дала свое —
Не женщина, не смертная —
Россия,
Великое отечество мое.

Куда б ни шел — она мне путь укажет,
Где б ни был я — она всегда со мной,
На поле боя раны перевяжет
И жажду утолит в палящий зной;

Она ко мне в часы моей печали,
Метет ли снег, ложится ли роса,
Все песни, что над юностью звучали,
И всех друзей доносит голоса.

И если за какой-то переправой
Уже мне не подняться, не вздохнуть,—
Она своею выстраданной славой
Среди других и мой отметит путь.

К ее любви, широкой, доброй, вечной,
Всей жизнью мы своей обращены,
И не найти мне на полях войны
Ни теплоты щедрей и человечней,
Ни преданнее друга и жены.

И я, покамест смерть не погасила
В моих глазах последнюю звезду,—
Я твой солдат, твоих приказов жду.
Веди меня, Советская Россия,
На труд,
на смерть,
на подвиг —
я иду!

ПРАГА

В сады Градчан, за Карлов мост
Несет фонарь луна,
В реке меж поплавками звезд
Не протолкнуть челна.

На Старой площади Ян Гус,
Окончив давний спор,
Твердит Писанья наизусть
И всходит на костер.

И, кайзера к чертям послав,—
Уже терпеть невмочь! —
Со Швейком Гашек Ярослав
Беседует всю ночь,

И свежий ратуши пролом,
И каждой арки свод
Напоминает о былом
И чеха в бой зовет...

А он вчера окончен — бой,
И мимо древних стен
Завоеватели толпой
Прошли понуро в плен,

И в улицах цветет каштан —
Не счесть его свечей! —
И слышен смех то тут, то там
И говор москвичей,

И кажется, что здесь при всех,
Родства исполнив власть,
Вацлавская во весь разбег
С Садовою слилась!

ЦИОЛКОВСКИЙ

Я представляю зим калужских
мохнатый снег и синий лед,
детишек на салазках узких,
дворняжку Жучку у ворот
и то крыльцо, тот домик тихий

и тот, на ветхих лапах, стол,
где время плавилось, как в тигле,
и космос на сближенье шел.

Еще аэроплан похожим
в те времена глухие был
на птеродактиля без кожи,
на этажерку с парой крыл,
а калужанин крутолобый,
задув в семилинейке свет,
сквозь древний потолок Европы
уже летел в семью планет,
уже, забыв судьбы обиды,
под колдовской напев зимы
рассчитывал всю ночь орбиты,
чтоб в небе не блуждали мы.

И, слыша грохот реактивный,
метеоритный свист ракет,
я вижу дом неприхотливый,
семилинейки сонный свет,
бумаги, абажура тени,
весь домик тот, весь город тот,
откуда начал русский гений
свой ослепительный полет.

ВЛАДИМИР ГРОШИКОВ

ПАРТБИЛЕТ

Его вручил мне политрук
В землянке у Великих Лук.
Он ничего мне не сказал,
Он только глянул мне в глаза,
Он только крепко руку сжал.
Накат бревенчатый дрожал...
Я не забуду этот час,
На много лет сроднивший нас.
Я слышал сердца гулкий стук,
Я был уверен в силе рук,
Я целил в дот — и дот умолк.
В атаку ринулся наш полк.
И смерти нет, и страха нет,
Лежит на сердце партбилет.

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
                    можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
                и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним
                    идет охота.
Будь проклят
                    сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
                и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
                не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий.

А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

* * *

Прожили двадцать лет.
Но за год войны
мы видели кровь
и видели смерть —
просто,
как видят сны.
Я все это в памяти сберегу —
и первую смерть на войне,
и первую ночь,
когда на снегу
мы спали спина к спине.
Я сына
верно дружить научу,—
и пусть
не придется ему воевать;
он будет с другом
плечо к плечу,
как мы,
по земле шагать.
Он будет знать:
последний сухарь
делится на двоих.
...Московская осень,
смоленский январь.
Нет многих уже в живых.
Ветром походов,
ветром весны
снова апрель налился.
Стали на время
большой войны
мужественней сердца,
руки крепче,
весомей слова.
И многое стало ясней.
...А ты
по-прежнему неправа —
я все-таки стал нежней.

ПАМЯТЬ

Был мороз.
Не измеришь по Цельсию.
Плюнь — замерзнет.
Такой мороз.
Было поле с безмолвными рельсами,
позабывшими стук колес.
Были стрелки совсем незрячие —
ни зеленых, ни красных огней.
Были щи ледяные.
Горячие
были схватки за пять этих дней.
Каждый помнит по-своему, иначе,
и Сухиничи, и Думиничи,
и лесную тропу на Людиново —
обожженное, нелюдимое.
Пусть кому-нибудь кажется мелочью,
но товарищ мой до сих пор
помнит только узоры беличьи
и в березе забытый топор.
Вот и мне: не деревни сгоревшие,
не поход по чужим следам,
а запомнились онемевшие
рельсы.
Кажется, навсегда...

ПУТЬ

Студентам ИФЛИ, однополчанам.

Наш путь, как Млечный,—
раскален и долог.
Мы начали в июне,
на заре.
В пыли
с тавром готическим осколок,
в мешке
на двое суток сухарей.
Тяжелый шаг,
как будто пыль дороги
колотят стопудовым колуном.
Я не грустил о доме и пороге,
с любимой не прощался под луной.
Мы были юны.

И мужская дружба
ценилась нами выше всяких благ.
Мы говорили:
«Что нам в мире нужно?
Устать в дороге,
воду пить из фляг».
Мы с детства не боялись расставанья.
Мальчишки,
окаянней кистеня,
мы полюбили холод расстояний
на оголтелых волжских пристанях.
И с колыбели
родина — Россия
была для нас
свободой и судьбой.
Мы ширь степей
в сердцах своих носили
и на заре
пошли за это в бой.
Был путь, как Млечный,—
раскален и долог,
Упрямо выл над соснами металл.
Обветренный,
прокуренный филолог
военную науку постигал.
Он становился старше и спокойней
и чаще письма матери писал.
Мы говорили:
«Отбушуют войны.
Мы по-другому взглянем в небеса.
Сильней полюбим
и сильней подружим.
Наш путь, как Млечный,—
вечно раскален.
Нам дня не жить
без битвы и оружия,
без шелеста
простреленных знамен».

СТАЛИНГРАДСКАЯ ТИШИНА

Последний залп.
И после дней бессонных
дождались мы
невиданного сна.

И наконец-то
с третьим эшелоном
сюда пришла
сплошная тишина.
Она лежит,
неслыханно большая,
на гильзах
и на битых кирпичах,
таким сердцебиеньем оглушая,
что с ходу засыпаешь
сгоряча.
И сталинградец
в эту ночь
впервые
снял сапоги
и расстегнул ремни.
Не всех убитых погребли живые,
но в очагах затеплились огни.
И пусть кружатся
«юнкерсы» над нами,
испуганно разглядывая флаг.
Спим без сапог.
Пудовыми кусками
прилип к ним
рыжеватый известняк.
— ...А у тебя зеленые глаза,
такие же, как у моей зазнобы,—
приятель мне задумчиво сказал.
...Раскинув руки,
мы заснули оба.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,

и осколок гранаты —
неразлучны они
даже с мертвым солдатом.
Ты подумай о нем,
молодом и веселом.
В сорок первом
окончил он
среднюю школу.

У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей.

...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Он живым завещал
город выстроить снова
здесь, где он защищал
наше дело и слово.

Пусть гранит сохранит
прямоту человека,
а стекло — чистоту
сына
трудного века.

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б
не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред
господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины
шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые
цветы.
Расцвели и опали... Проходит четвертая
осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча
грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья
ремесел,
нам досталась на долю нелегкая участь
солдат.
У погодков моих нет ни жен, ни стихов,
ни покоя —
только сила и юность. А когда
возвратимся с войны,
все долюбим сполна и напишем, ровесник,
такое,
что отцами-солдатами будут гордиться
сыны.
Ну, а кто не вернется? Кому долюбить
не придется?
Ну, а кто в сорок первом первою пулей
сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге
забьется,—
у погодков моих ни стихов, ни покоя,
ни жен.
Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б
не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился
последним куском,
тот поймет эту правду,— она к нам в
окопы и щели
приходила поспорить ворчливым,
охрипшим баском.
Пусть живые запомнят и пусть поколения
знают

эту взятую с боем, суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана
сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных
лежат,—
это наша судьба, это с ней мы ругались
и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом
мосты.
...Нас не нужно жалеть: ведь и мы никого б
не жалели.
Мы пред нашей Россией и в трудное
время чисты.
А когда мы вернемся —
а мы возвратимся с победой,
все как черти упрямы, как люди
живучи и злы,—
пусть нам пива наварят и мяса нажарят
к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду
ломились столы.
Мы поклонимся в ноги родным
исстрадавшимся людям,
матерей расцелуем и подруг, что
дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу
штыками добудем —
всё долюбим, ровесник, и работу найдём
для себя.

* * *

На снегу белизны госпитальной
умирал военврач, умирал военврач.
Ты не плачь о нем, девушка,
в городе дальнем,
о своем ненаглядном, о милом не плачь.

Наклонились над ним два сапера
с бинтами,
и шершавые руки коснулись плеча.
Только птицы кричат в тишине за
холмами.
Только двое живых над убитым молчат.

Это он их лечил в полевом медсанбате,
по ночам приходил, говорил о тебе,
о военной судьбе, о соседней палате
и опять о веселой военной судьбе.

Ты не плачь о нем, девушка в городе
дальнем,
о своем ненаглядном, о милом не плачь.
...Одного человека не спас военврач —
он лежит на снегу белизны госпитальной.

* * *

Я в гарнизонном клубе за Карпатами
читал об отступлении, читал
о том, как над убитыми солдатами
не ангел смерти, а комбат рыдал.

И слушали меня, как только слушают
друг друга люди взвода одного.
И я почувствовал, как между душами
сверкнула искра слова моего.

У каждого поэта есть провинция.
Она ему ошибки и грехи,
все мелкие обиды и провинности
прощает за правдивые стихи.

И у меня есть тоже неизменная,
на карту не внесенная, одна,
суровая моя и откровенная,
далекая провинция —
Война...

ВИКТОР ГУСЕВ

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Хорошо на московском просторе!
Светят звезды Кремля в синеве.
И, как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве.
Нас веселой толпой окружила,
Подсказала простые слова,
Познакомила нас, подружила
В этот радостный вечер Москва.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.

Не забыть мне очей твоих ясных
И простых твоих ласковых слов,
Не забыть мне московских прекрасных
Площадей, переулков, мостов.
Скоро встанет разлука меж нами,
Зазвенит колокольчик: «Прощай!»
За горами, лесами, полями
Ты хоть в песне меня вспоминай.

Волны радио ночью примчатся
Из Москвы сквозь морозы и дым.
Голос дальней Москвы мне казаться
Будет голосом дальним твоим.

Но я знаю, мы встретимся скоро,—
И тогда, дорогая, вдвоем,
На московских широких просторах
Мы опять эту песню споем.

И в какой стороне я ни буду,
По какой ни пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве.

ЕСТЬ НА СЕВЕРЕ ХОРОШИЙ ГОРОДОК

Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залег.
Русская метелица там кружит, поет,
Там моя подруженька, душенька живет.

Письмоносец, ей в окошко постучи,
Письмецо мое заветное вручи!
Принимайте весточку с дальней стороны,
С поля битвы жаркого, с мировой войны!

Слышишь, милая, далекая моя,
Защищаем мы родимые края!
В ноченьки морозные, в ясные деньки
В бой выходят грозные красные полки.

Мы захватчиков-фашистов разобьем,
С красным знаменем по родине пройдем.
А война окончится, и настанет срок —
Ворочусь я в северный милый городок.

Я по небу, небу синему промчусь,
Прямо к милому окошку опущусь,
Постучусь в окошечко, и душа замрет...
Выходи, красавица, друг любезный ждет!

Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залег.
Русская метелица там кружит, поет,
Там моя подруженька, душенька живет.

КАЗАК УХОДИЛ НА ВОЙНУ

На вольном, на синем, на тихом Дону
Походная песня звучала.
Казак уходил на большую войну,
Невеста его провожала.

— Мне счастья, родная, в пути пожелай,
Вернусь ли домой — неизвестно,—
Казак говорил, говорил ей: — Прощай!
— Прощай! — отвечала невеста.

Над степью зажегся печальный рассвет,
Донская волна засверкала.
— Дарю я тебе на прощанье кисет,
Сама я его вышивала.

Будь смелым, будь храбрым в жестоком бою,
За русскую землю сражайся.
И помни про Дон, про невесту свою,
С победою к ним возвращайся.

* * *

Когда в ночной тиши, в зенитном дальнем громе
Мне в сердце вдруг врывается тоска,
Я вспоминаю, друг, что я в родимом доме
И что вокруг меня шумит Москва.

Я выхожу на улицы родные,
Брожу под августовскою луной.
Все прошлое, все годы молодые,
Вся жизнь моя, все счастье — все со мной.

Что лучше есть, чем выйти в город этот,
Друзей на темных улицах встречать,
Под лунным светом, под неверным светом,
Знакомые громады различать!

Что лучше есть, чем русские березы,
Чем русские бескрайние леса!
Что горше есть, чем русских женщин слезы,
Чем наших буйных ветров голоса!

Я знаю Родину не по названью только,
Не по приказу я ее хвалю,—
От Мурманска и до Владивостока
Я всю ее — за пядью пядь — люблю.

За эти дни, напоенные кровью,
За эти ночи, полные тревог,
Я полюбил ее такой любовью,
Какой никто другой любить ее не мог.

СТРАНА РОДНАЯ

Россия, мать великая моя,
Страна отцов, земля моя святая,
Я в эти дни, дыханье затая,
Все уголки твои,
                    все дальние края,
Волнуясь,
                в памяти своей перебираю:
Лесов сибирских царственный покой,
И Ленинград, окутанный туманом,
И облако над Волгою-рекой,
И самолет над бурным океаном.
Я вспоминаю Каспия волну,
Камней Урала розовое пламя,
Восход в Сибири,
                    полдень на Дону,
И юность, и рассвет,
                    и городок на Каме.
Все это жизнь моя.
                    Я русский человек,
Я сын Москвы,
                    питомец русской славы,
На волосы мои ложился русский снег,
Мне русских песен не забыть вовек
Напев пленительный и величавый.
И вот теперь на Родину мою,
На все, что я люблю,
                    на все, о чем пою,
На все, что прадедами создано моими,
Идет кровавая и хищная орда
И нашим селам, нашим городам
Нерусское придумывает имя.

И там, где лишь вчера
цвели мои поля,
Где пели песни русские девчата,
Теперь покрыта трупами земля
И след врага
в нее клеймом впечатан.
И враг ползет вперед.
В крови его дорога,
Он поджигает все, осатанев.
Но в сердце русского
опасность и тревога
Лишь умножают
мужество и гнев.
Но ненависть у нас в сердцах — несметна.
О, будь благословен, карающий свинец!
Шли пулю русскую в захватчика, боец,
И помни, друг:
Отчизна, Русь—бессмертна!
Бессмертны русские бескрайные поля,
Видавшие и вьюги, и невзгоды,
Бессмертны башни древнего Кремля,
Бессмертна сила русского народа.
Встают все новые и новые полки,
Их Родина на бой вооружает,
И где-нибудь на берегу реки,
Где тишина,
где в окнах огоньки,
Любимого
подруга провожает.
По роще бродит сумрак голубой,
Рождая в сердце смутную тревогу.
И юноша уходит в грозный бой,
И смотрит девушка на дальнюю дорогу...

КАК ЗА КАМОЙ ЗА РЕКОЙ

Как за Камой за рекой
Я оставил свой покой:
Возле города Тагил
Я Марусю полюбил.

Ты ли меня, я ль тебя позабуду!
Рядом со мною ты в боях.

Ты ли меня, я ль тебя помнить буду
Во дале... далеких во краях.
Эх, Маруся! Душа моя, Маруся!
Ты ли меня, я ль тебя помнить буду
Во дале... далеких во краях.

Вся земля девчат полна,
А Маруся лишь одна.
На какую ни взгляну,
Вижу лишь ее одну.

В продолжение двух лет
Я вожу ее портрет,
Я вожу ее портрет —
Может, зря, а может, нет.

Посылаю песню я
В те уральские края
И обнять красу мою
Ей доверенность даю.

Ты ли меня, я ль тебя позабуду!
Рядом со мною ты в боях.
Ты ли меня, я ль тебя помнить буду
Во дале... далеких во краях.
Эх, Маруся! Душа моя, Маруся!
Ты ли меня, я ль тебя помнить буду
Во дале... далеких во краях.

ВАСЯ КРЮЧКИН

(ДЕВУШКА И ВЗВОД)

Вдоль квартала,
Вдоль квартала взвод шагал.
Вася Крючкин
Подходяще запевал.

А навстречу
Шла Маруся неспеша,
Шла раскрасавица-душа.

Увидала
Васю Крючкина она,
Улыбнулась,
Точно полная луна.

А наш Вася
Понимает что к чему:
Маруся нравится ему.

Позабыла
Тут Маруся про дела,
Повернула
И за нами вдруг пошла.

А наш Вася —
Он знаток сердечных ран,—
Он разливался, как баян.

Тут возникла
Эта самая любовь,
Что волнует
И тревожит нашу кровь.

Видим, Вася
От волненья побелел
И песню ту же он запел.

Так мы пели,
Может, два иль три часа,
Захрипели,
Потеряли голоса,

Но не сдаемся:
В нас самих играет кровь,
И мы стеною за любовь!

Видит взводный,
Что плохи наши дела,
Эх, Маруся,
До чего нас довела!

Крикнул взводный:
— Эту песню прекратить! —
Ну, значит, так тому и быть!

ИВАН ДЕМЬЯНОВ

У ЕГИПЕТСКИХ ВОРОТ

Здесь озверелый вражеский солдат
На нашу песню поднял автомат...
Но Пушкин от горячего свинца
Не отвернул сурового лица.

Гремел бронею сорок пятый год,
В бою огнем дышал орудий русских...
За подлость
у Египетских ворот —
Нам заплатил наш враг
у Бранденбургских!

В ПУЛКОВЕ

Фундамент лег по котлованам дзотов
Засыпан щебнем и золой окоп...
Давно уже на Пулковских высотах
Сменил зенитку зоркий телескоп.
А мне,
в просторе ночи необъятном,
На шлеме выплывающей луны
Мерещатся чернеющие пятна
Пробоинами грозных лет войны!..
Я мог бы их увидеть по-иному,
Но в памяти живет жестокий бой...
Вселенную для взора астронома
Открыли мы
солдатскою рукой!

* * *

Когда от бомб, казалось, мир оглох
И друг мой пал из нашей роты
первым...
Я знал:
нужны не слезы
и не вздох,—
а мой свинец,
мой шаг вперед
и нервы!
Мне смерть страшна,
Но в битвах не робел,
В атаку шел —
других не гнулся ниже...
Шел смело в бой
Не потому,
что смел,
А потому,
что трусость ненавижу!

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр отец-река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя, как слеза.

Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

МОЯ ЛЮБИМАЯ

Я уходил тогда в поход,
В далекие края.
Платком взмахнула у ворот
Моя любимая.

Второй стрелковый храбрый взвод —
Теперь моя семья.
Поклон-привет тебе он шлет,
Моя любимая.

Чтоб дни мои быстрей неслись
В походах и боях,
Издалека мне улыбнись,
Моя любимая.

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя —
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая.

ПЕЛЕНГ

Певица по радио пела,
И голос летел далеко,
Сперва осторожно, несмело,
А дальше — как птица, легко.

Был город в тугие объятья
Тревожного сна погружен...
Была она в бархатном платье,
И слушал ее микрофон.

А где-то в небесном молчанье,
Стараясь держаться прямой,
С далекого бомбометанья
Пошли самолеты домой.

Несли они много пробоин,
Скрываясь в ночных облаках.
Сидел за приборами воин
В своих марсианских очках.

Певица о юности пела,
О лебеде и о тоске.
Катодная лампа горела
На аспидно-черной доске.

А в Гамбурге яростный «зуммер»
В неистовой злобе урчал.
Но голос певицы не умер,—
Он только сильнее звучал.

Два мира в эфире боролись.
Сквозь бурю, сквозь грохот и свист
Услышал серебряный голос
В наушниках юный радист.

Узнав позывной Украины,
Над крышами горестных сел
Пилот утомленный машину
По песне, как лебедя, вел.

Пришли самолеты на базу,
Родные найдя берега,
И песня, пожалуй, ни разу
Им так не была дорога.

НИКОЛАЙ ДОРИЗО

БИНОКЛЬ

Мы,
стиснув зубы, шаг за шагом
Шли на восток,
шли на восток.
Остался там,
за буераком,
Наш городок.
А боль разлуки все сильнее,
А в дальней дымке все синее
Кварталы.
А потом —
От городка
Лишь два кружка
В бинокле полевом.
Дома —
глядеть не наглядеться.
Река, сады,
картины детства
В двух маленьких кружках!
Мы городок к глазам прижали,
Мы, как судьбу, бинокль держали
В своих руках.
И тополя под ветром дрогли.
И покачнулись вдруг в бинокле
Сады и зданья все,
И только пыль
да пыль густая.

А городок
исчез,
растаял
В одной скупой
слезе.
Бинокль.
Ты был
В походе с нами,
Ты шел победными путями
От волжского села.
На рощу,
на зигзаг окопа,
На пыльный тракт
глядел ты в оба,
В два дальнозоркие стекла.
И расшифровывались дымки,
Срывались шапки-невидимки,
В степи кивал ковыль,
И под твоим бессонным взглядом
Вдруг
Рыжим «фрицем» с автоматом
Оказывалась пыль...
Бинокль, бинокль,
какие дали
Тебя в те годы наполняли,
Какие скалы,
реки,
горы,
Дворцов готических узоры...
И сколько дальних стран легло
На круглое твое стекло,
Пока тебя я в руки взял
Здесь, у донских дорог,
Пока опять к глазам прижал
Мой городок!

ЮЛИЯ ДРУНИНА

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы —
девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне.
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

* * *

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

ЗИНКА

I

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступать вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы,—
Мы хотели со славой жить.
Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

— Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

* * *

Кто-то бредит.
Кто-то злобно стонет.
Кто-то очень, очень мало жил.
На мои замерзшие ладони
Голову товарищ положил.

Так спокойны пыльные ресницы.
А вокруг — нерусские края.
Спи, земляк.
Пускай тебе приснится
Город наш и девушка твоя.

Может быть, в землянке после боя
На колени теплые ее
Прилегло кудрявой головою
Счастье беспокойное мое...

* * *

Контур леса выступает резче.
Вечереет. Начало свежеть.
Запевает девушка-разведчик,
Чтобы не темнело в блиндаже.

Милый! Может, песня виновата
В том, что я сегодня не усну?
Словно в песне, мне приказ — на запад,
А тебе — «в другую сторону».

За траншеей — вечер деревенский.
Звезды и ракеты над рекой...
Я грущу сегодня очень женской,
Очень несолдатскою тоской.

* * *

Я — горожанка. Я росла, не зная,
Как тонет в реках медленный закат.
Росистой ночью, свежей ночью мая
Не выбегала я в цветущий сад.

Я не бродила по туристским тропам
Над морем в ослепительном краю,—
В семнадцать лет, кочуя по окопам,
Я увидала Родину свою.

ВЕСЕННЕЕ

Люди дрожат от стужи
Северной злой
весной,
А мне показались лужи
Небом на мостовой.

Я расплескала небо,
Волны бегут гурьбой.
Если ты здесь не был,
Мы побываем с тобой.

Мы побываем всюду:
Кто уцелел в огне,
Знает, что жизнь — чудо,
Молодость — чудо
вдвойне.

МИХАИЛ ДУДИН

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.

И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова
Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.
Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для острастки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настежь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердца раздирающего крика,—
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще второй, еще — четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.
Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».
И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той, поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

СТИХИ О ШАЛАШЕ

Мелкий лес да болото. В лиловом огне горизонт.
Грохот взрывов, и дыма тяжелая грива;
Через два километра уже начинается фронт.
Облака раздробились в чешуйчатой ряби Разлива.

Нас мороз леденил,
к нам в землянки врывалась вода,
Снег крутил, заметал переходы и щели,
Пели пули во тьме, и свистели в ночи провода,
Прорывались враги, и прорваться они не сумели.

Это воинов долг. Это подвиг решительный наш.
Это наше единство, горячая сила порыва.
Это видевший виды из веток сосновых шалаш.
Это Ленин здесь жил, в шалаше у скупого Разлива.

Разжигая костер, он, прищурясь, смотрел в темноту.
В лунном свете вода отливала холодною сталью.
Сквозь застенки и ссылки он нес золотую мечту,
И мечту эту вместе мы сделали крепкою явью.

Мы стоим на часах. Тишина. Из густой темноты
Только звезды сквозь тучи,
и ветер, летящий над миром.
...Он обходит расчеты и, проверяя посты,
Подбодряет бойцов, наставленья дает командирам.

Мы не слышали слов, но мы чувствуем наверняка,
Что вот именно так, что иначе никак не бывает,—
Этот голос, и жест, и на Запад простерта рука,
Непременно вперед, непременно вперед призывает!

Он приходит — победы решительный час.
Трубы грянут тревогу. Дорога крута и открыта.

Ленин вышел и встал.
И, прищурившись, смотрит на нас.
Мелкий лес да болото.
Бессмертный шалаш из гранита.

* * *

С. Кара

У Кинешмы и Решмы
Особая краса.
Ложится на орешник
Тяжелая роса.
И песня долго-долго
Тревожит тот покой,
Плывет над самой Волгой,
Над медленной водой.
Она почти сквозная,
И я, ее любя,
За тыщу верст узнаю
И вспомню про тебя.
А здесь, у переправы,
У смертной полосы,
Обугленные травы
Чернеют от росы.
Пусть битвы будут долги.
По пеплу черных трав
Приду на берег Волги
Сквозь сорок переправ.

СНЕГ

Метель кружится, засыпая
Глубокий след на берегу.
В овраге девочка босая
Лежит на розовом снегу.

Поет густой, протяжный ветер
Над пеплом пройденных путей.
Скажи, зачем мне снятся дети?
У нас с тобою нет детей.

Но, на привале отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.

* * *

Мне все здесь дорого и свято,
У черных Пулковских высот:
Могила русского солдата,
На желтом бруствере осот,
Мать-мачехой и повиликой
С боков обросший капонир,
Перевороченный и дикий,
Какой-то первозданный мир.
Кирпичная щербатая стена,
Моих друзей простые имена.

Мне хочется, чтоб девушки и дети
Пришли сюда на утреннем рассвете,
Чтоб день был светел, чтобы ветер тих,
Чтоб солнце золотилось на дороге.
...Забудь свои печали и тревоги,
Здесь мертвые спокойны за живых.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Без малого четыре года
Гремела грозная война.
И снова русская природа
Живого трепета полна.

Там, где мы брали кровью, с бою,
Противотанковые рвы,
Цветы, обрызганы росою,
Встают, качаясь, из травы.

Где ночь от ярких молний слепла,
Кипела в заводях вода,—
Из камня, щебня и из пепла
Встают родные города.

И вот дорогою обратной,
Непокоряемый вовек,
Идет, свершивши подвиг ратный,
Великий русский человек.

Он сделал все. Он тих и скромен.
Он мир от черной смерти спас.
И мир, прекрасен и огромен,
Его приветствует сейчас.

А сзади темные могилы
Врагов на дальнем берегу —
О нашей доблести и силе
Напоминание врагу.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

МОРЯКИ-МОСКВИЧИ

Присмирело море Баренца,
Ночь над берегом тиха.
За скалой в сторонке варится
Краснофлотская уха.

Вымыт пол водою пресною.
Придан кубрику уют...
Моряки землянку тесную
Тоже кубриком зовут.

До московских улиц близко ли
От арктической воды?
Спиридоновка, Никитская,
Патриаршие пруды...

К огоньку придвинув столики,
Вспоминать друзья пошли —
Кто Полянку, кто Сокольники,
Кто Таганку, кто Фили.

Вспомнил все москвич в волнении,
Только дома не назвал,
Где он сердце на хранение,
Расставаясь, оставлял.

Разглашать не полагается
Тут секрет сердечный свой,
Если в бой идешь — сливается
Этот дом со всей Москвой.

Море Баренца волнуется,
Словно думает о том:
Где родная эта улица,
Где любимый этот дом?

Не спеши его отыскивать,
Замела война следы...
Спиридоновка, Никитская,
Патриаршие пруды...

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря...
И грозный соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал...

В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.

Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела вода штормовая...
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес —

Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью нести его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет.
Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем...

Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,—
Он русскою кровью омыт».

Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилось спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,
Кто Родине новую славу принес.

И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

Держась,
как за личное счастье,
за каждую пядь земли,—
мы под Москвой
встали насмерть,
в грунт промерзлый
вросли.
Земля от взрывов дрожала.
Трещала танков броня...
Солнце в огне пожара
чадило, как головня...
Не только на этом взгорье,
где наш окопался взвод,—
на Балтике
и в Черноморье
Москву защищал народ.
Но лишь в подмосковной зоне
встряхнуть мое сердце
мог,
как часы на ладони,
знакомый с детства гудок...
Когда с орудийным раскатом
мы подымались в бой,—
поэт становился солдатом,
поэтом —
солдат любой!

СЛИТОК ОГНЯ

(ИЗ ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ»)

* * *

Легче подковы
ломать руками,
дыханьем своим
заменять меха,
чем тронуть
откованные веками —
непоколебимые
формы стиха.
Народ уважает
за смелость и силу
того,
кто железные ритмы ломал,
кто, словно снопы золотые
на вилы,—
подхватывал темы
и подымал.
Нет!
Он не былинный,
старинный «провитязь»,
не «молодец добрый» на новый манер,
в нем
рядом с размахом —
жила деловитость,
с глашатаем рядом —
жил инженер...
Мы больше
не встретим его
на бульваре
спешащим,
вертящим тяжелую трость,
но он
и сегодня
живой наш товарищ!
Не бронза,
не мрамор,
не «каменный гость»...
Он будет века
на своем пьедестале
стоять не как памятник,
а — как маяк!

Как слиток огня,
озаряющий дали,
светящий народу
в труде и в боях!
Недаром грохочет,
как гром над волнами,
по всем рупорам раскатившийся бас:
«И песня,
и стих —
это бомба и знамя,
и голос певца
поднимает класс!»

* * *

Я говорил с ним
лишь однажды,
но много раз
его строка
была мне
как во время жажды
глоток воды из родника.
Мне счастье выпало на долю
взойти с ним рядом
на мостки —
и ощутить своей ладонью
тепло
его большой руки.
Не как прославленный писатель,
чье имя знал
весь шар земной,
он к нам приехал
в день Печати —
в двадцать девятом,
как приятель
к приятелям
под выходной.
Врывался в окна
шум зеленый,
о чем-то спорил с дубом клен,
когда железным гостем
он
ввалился
в скромный клуб районный.
Казалось, не поэт,
а сам

простак-литейщик
дядя Ваня
нам — слесарям и кузнецам —
рассказывал,
как мылся в ванне:
«Вода в кране
холодная крайне.
Кран
другой
не тронешь рукой».
Когда же он,
голову закинув,
сказал за всех
про нашу власть,
тут
словно с грохотом лавина
с горы высокой сорвалась!
Потом журчали чьи-то речи,
потом —
ведущий этот вечер
встал
и промолвил монотонно:
— Сейчас
мы предоставим слово
поэту нашего района
Павлу Железнову!..—
Я помню,
как мои колени
тряслись
при чтении стихов
и как я
после выступленья
вдруг растерялся
от хлопков.
Не оправдались ожиданья,
что мне за ямбы нагорит.
Он
больше обратил вниманья
на содержанье, чем на ритм.
Он пожелал
сердечным тоном,
под потолок пуская дым,
чтоб я
не вечно был районным,

чтоб стал поэтом
мировым.
И, уходя,
полушутя
добавил,
трость свою вертя:
«А я заданье дал бы
вам бы.
Мою фигуру
втиснуть в ямбы!»
Что ж,
я готовил эти строфы
не как на гроб ему венок,
а как
за год до катастрофы
им,
лично,
заданный урок.

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

* * *

День и ночь над землянкой штабной —
только дождь проливной.
Только стук
рассыпает, урча, пулемет —
то ль от скуки, а то ль на испуг
пулеметчик кого-то берет,—
вот и бьет
то по фронту, то вкось,
прошивая лощину насквозь.

А потом и ему надоест —
оборвет.
Ловит шорохи лес,
жаркий шепот поспешный: «Свои»,—
в тьме кромешной
средь тихой хвои.

И опять над землянкой штабной —
только ветер
да дождь проливной,
да нет-нет за стеной
часовой
на приступок опустит приклад.
Иль шальной недотепа-снаряд
прошуршит
и влетит в перегной.
Хорошо, если не по своим!
А по ним, по нему...

Не пойму,
хоть солдат,
почему
этот дым в дождь всегда сладковат?

На войне
в тесный створ блиндажа
что я видел?
Болотная ржа
всколыхнется,
ударит огнем —
и пошла вся земля ходуном.

Справа,
так мне сказал командир,
ель — мой первый ориентир,
слева взлобок, приметный едва,—
ориентир номер два...

Я постиг и душой и умом
то,
что в секторе было моем
с первых дней
до последнего дня.
Вот о том и спросите меня.

* * *

Был снег по плечи... Я и не заметил,
когда впервые запахом земли
в лицо пахнул мне беспокойный ветер
и на березах почки отошли.
И полушубок сразу стал ненужен.
Невесть откуда взявшись,
на тропе
заголубели,
зачернели лужи,
и обвалились стенки на НП.
И запестрели рыжие пригорки
сквозь проволоку на земле ничьей.
На песню от простой скороговорки,
сливая звуки,
перешел ручей.

И, корочку листвы едва осилив,
ко мне в окоп головку наклоня,
открыл глаза подснежник бледно-синий
и изумленно смотрит на меня,
на гильзы,
на солдатские портянки,
что ветерок трепал,
отволгло свеж.
Мы этой ночью откопали танки
и выкатили пушки на рубеж.
Нам надоела нудная зимовка,
коптилок чад,
и лабиринт траншей,
и выстрелы из снайперской винтовки
с давно осточертевших рубежей.
В бездействии вконец изнылись души,
ждя наступленья,
как войны конца...

Шипя и воя, грянули «катюши»,
и, холодея, екнули сердца.

ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ

* * *

Впереди леса еловые,
темно-синие, лиловые,
Нара-река,
            Протва-река,
свинцовые облака.

Хлопьями падает снег
в полосе
Варшавского шоссе,
и низенькие ельнички
оделись в шубки беличьи.

В снежном окопе
лежит солдат.
Две гранаты и автомат.
Впереди —
дом, разбитый войной,
и Москва за спиной...

* * *

Какая ночь!
Блиндаж дремотный,
река, и берег, и камыш...

Но ты
сквозь рокот пулеметный
дыхание весны услышь.

Сумей увидеть этой ночью
деревья около пруда,
и набухающие почки,
и ручейки под кромкой льда,

и звонкие луны поводья,
мелькающие над тобой,
и половодье —
половодье,
которое не за горой.

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

СЛЕПОЙ

С опрокинутым в небо лицом,
С головой непокрытой,
Он торчит у ворот,
Этот проклятый богом старик.
Целый день он поет,
И напев его грустно-сердитый,
Ударяя в сердца,
Поражает прохожих на миг.

А вокруг старика
Молодые шумят поколенья.
Расцветая в садах,
Сумасшедшая стонет сирень.
В белом гроте черемух
По серебряным листьям растений
Поднимается к небу
Ослепительный день...

Что ж ты плачешь, слепец?
Что томишься напрасно весною?
От надежды былой
Уж давно не осталось следа.
Черной бездны твоей
Не укроешь весенней листвою,
Полумертвых очей
Не откроешь, увы, никогда.
Да и вся твоя жизнь —
Как большая привычная рана.

Не любимец ты солнцу,
И природе не родственник ты.
Научился ты жить
В глубине векового тумана,
Научился смотреть
В вековое лицо темноты...

И боюсь я подумать,
Что где-то у края природы
Я такой же слепец,
С опрокинутым в небо лицом.
Лишь во мраке души
Наблюдаю я вешние воды,
Собеседую с ними
Только в горестном сердце моем.

О, с каким я трудом
Наблюдаю земные предметы,
Весь в тумане привычек,
Невнимательный, суетный, злой!
Эти песни мои —
Сколько раз они в мире пропеты!
Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой?

И куда ты влечешь меня,
Темная грозная муза,
По великим дорогам
Необъятной отчизны моей?
Никогда, никогда
Не искал я с тобою союза,
Никогда не хотел
Подчиняться я власти твоей,—
Ты сама меня выбрала,
И сама ты мне душу пронзила,
Ты сама указала мне
На великое чудо земли...
Пой же, старый слепец!
Ночь подходит. Ночные светила,
Повторяя тебя,
Равнодушно сияют вдали.

УТРО

Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки, как пики, как выстрелы — клены,
Их корни, как шкворни, сучки, как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист.
И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

ГРОЗА

Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Все труднее дышать, в небе облачный вал шевелится,
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.
Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещий холод на темной руке,

Эту молнию мысли и медлительное появленье
Первых дальних громов — первых слов на родном
языке.
Так из темной воды появляется в мир светлоокая
дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут
и налево
Увидавшие небо стада.
А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.

БЕТХОВЕН

В тот самый день, когда твои созвучья
Преодолели сложный мир труда,
Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу
туча,
Гром двинулся на гром, в звезду вошла
звезда.
И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.

Дубравой труб и озером мелодий
Ты превозмог нестройный ураган,
И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.

И пред лицом пространства мирового
Такую мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.

В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд прошел девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

ЕЩЕ ЗАРЯ НЕ ВСТАЛА НАД СЕЛОМ

Еще заря не встала над селом,
Еще лежат в саду десятки теней,
Еще блистает лунным серебром
Замерзший мир деревьев и растений.

Какая ранняя и звонкая зима!
Еще вчера был день прозрачно-синий,
Но за ночь ветер вдруг сошел с ума,
И выпал снег, и лег на листья иней.

И я смотрю, задумавшись, в окно.
Над крышами соседнего квартала,
Прозрачным пламенем своим окружено,
Восходит солнце медленно и вяло.

Седых берез волшебные ряды
Метут снега безжизненной куделью.
В кристалл холодный убраны сады,
Внезапно занесенные метелью.

Мой старый пес стоит, насторожась,
А снег уже блистает перламутром,
И все яснее чувствуется связь
Души моей с холодным этим утром.

Так на заре просторных зимних дней
Под сенью замерзающих растений
Нам предстают свободней и полней
Живые силы наших вдохновений.

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,

Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей,—
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над-поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечье жилье,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет.

И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка,—
Встанет утро победы торжественной
На века.

• УСТУПИ МНЕ, СКВОРЕЦ, УГОЛОК

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьев околесица,
Что попробуй, покинув чердак,
Сломя голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь, литавры и бубны истории
Ты — наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница
— Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется.

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданью лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознанье скворцом
По весенним полям путешествуя.

Я НЕ ИЩУ ГАРМОНИИ В ПРИРОДЕ

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке.

Когда устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода.

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодною игрой,—
Как бы прообраз боли человечьей
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидать.

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданью горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Все, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

КУЗНЕЧИК

Настанет день, и мой забвенный прах
Вернется в лоно зарослей и речек.
Заснет мой ум, но в квантовых мирах
Откроет крылья маленький кузнечик.

Над ним, пересекая небосвод,
Мельчайших звезд возникнут очертанья,
И он, расправив крылья, запоет
Свой первый гимн во славу мирозданья.

Довольствуясь осколком бытия,
Он не поймет, что мир его чудесный
Построила живая мысль моя,
Мгновенно затвердевшая над бездной.

Кузнечик — дурень! Если б он узнал,
Что все его волшебные светила
Давным-давно подобием зеркал
Поэзия в пространствах отразила!

В ТАЙГЕ

За высокий сугроб закатилась звезда,
Блещет месяц — глазам невтерпеж.
Кедр, владыка лесов, под наростами льда
На бриллиантовый замок похож.

Посреди кристаллически-белых громад
На седом телеграфном столбе,
Оседлав изоляторы, совы сидят,
И в лицо они смотрят тебе.

Запахнув на груди исполинский тулуп
Ты стоишь над землянкой звеня.
Крепко спит в тишине молодой лесоруб,
Лишь тебе одному не до сна.

Обнимая огромный канадский топор,
Ты стоишь неподвижен и хмур.
Пред тобой голубую пустыню простер
Замурованный льдами Амур.

И далеко внизу полыхает пожар,
Рассыпая огонь по реке,
Это печи свои отворил сталевар
В Комсомольске, твоем городке.

Это он подмигнул в ледяную тайгу,
Это он побратался с тобой,
Чтобы ты не заснул на своем берегу,
Не замерз, околдован тайгой.

Так растет человеческой дружбы зерно,
Так в январской морозной пыли
Два могучие сердца, сливаясь в одно,
Пламенеют над краем земли.

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений,
Когда мильоны новых поколений

Наполнят этот мир сверканием чудес
И довершат строение природы,—
Пускай мой бедных прах покроют эти воды,
Пусть приютит меня зеленый этот лес.

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.

Над головой твоей, далекий правнук мой,
Я в небе пролечу, как медленная птица,
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая
над травой.
Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил — томление пустое.
Я жизнь мою прожил, я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я.

Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели,—
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь безжизненный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него, в лучах изнемогая.
О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний
мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

ЧИТАЯ СТИХИ

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти не похожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принесть?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир однолик, но двойственна природа,
И, подражать прообразам спеша,
В противоречьях зреет год от года
Свободная и жадная душа.

Не странно ли, что в мировом прогрессе,
В живой душе созвездий и планет
Любовь уравновешивает горе
И тьму всегда превозмогает свет?

Недаром, совершенствуясь от века,
Разумная природа в свой черед
Сама себя руками человека
Из векового праха создает.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Осветив черепицу на крыше
И согрев древесину сосны,
Поднимается выше и выше
Запоздалое солнце весны.

В розовато-коричневом дыме
Не покрытых листами ветвей,
Весь пронизан лучами косыми,
Бьет крылом и поет соловей.

Как естественно здесь повторенье
Лаконически медленных фраз,
Точно малое это творенье
Их поет специально для нас!

О любимые сердцем обманы,
Заблужденья младенческих лет!
В день, когда зеленеют поляны,
Мне от вас избавления нет

Я, как древний Коперник, разрушил
Пифагорово пенье светил
И в основе его обнаружил
Только лепет и музыку крыл.

ПОЛДЕНЬ

Понемногу вступает в права
Ослепительно знойное лето.
Раскаленная солнцем трава
Испареньями влаги одета.

Пожелтевший от зноя лопух
Развернул розоватые латы
И стоит, задыхаясь от мух,
Под высокими окнами хаты.

Есть в расцвете природы моей
Кратковременный миг пресыщенья,
Час, когда перламутровый клей
Выделяют головки растенья.

Утомились орудья любви,
Страсть иссякла, но пламя былое
Дотлевает и бродит в крови,
Уж не тело, но ум беспокоя.

Но к полудню заснет и оно.
И в средине небесного свода
Лишь смертельного зноя пятно
Различит, замирая, природа.

ЖЕНА

Откинув со лба шевелюру,
Он хмуро сидит у окна.
В зеленую рюмку микстуру
Ему наливает жена.

Как робко, как пристально-нежно
Болезненный светится взгляд,
Как эти кудряшки потешно
На тощей головке висят!

С утра он все пишет да пишет,
В неведомый труд погружен.
Она еле ходит, чуть дышит,
Лишь только бы здравствовал он.

А скрипнет под ней половица,
Он брови взметнет,— и тотчас
Готова она провалиться
От взгляда пронзительных глаз.
Так кто же ты, гений вселенной?
Подумай: ни Гете, ни Дант
Не знали любви столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.
О чем ты скребешь на бумаге?
Зачем ты так вечно сердит?
Что ищешь, копаясь во мраке
Своих неудач и обид?
Но коль ты хлопочешь на деле
О благе, о счастье людей,
Как мог ты не видеть доселе
Сокровища жизни своей?

ВЛАДИМИР ЗАМЯТИН

ПАМЯТНИК

Не там —
в пустынном переулке,
Не там, где мать
жила, ждала,—
В тяжелой бронзовой тужурке
Мой друг стоит среди села.
С дороги, прямо
из похода,—
Казалось,
Зов наш услыхал,—
По августу большого года
В село родное пришагал.
Любуясь отчим кровом,
немо
Стоит солдат и хлебороб,
И бронзовые дуги шлема
Упрямо сдвинуты на лоб.
И на его груди открытой
Пылают так,
что видно всем;
Навечно две звезды отлитых,
Знак скромный —
ВЛКСМ.
Проходят, кланяясь, сельчане.
А он, свою расправив грудь,
Стоит в торжественном молчанье —
Как будто в дом решил шагнуть.

Все так же молодо, пытливо,
Нащупав взглядом даль полей,
Глядит на бронзовые нивы
Он из-под бронзовых бровей.
Все так же, спутник
жизни нашей,
Он входит в дни,
в мои года —
Прямой, бесстрашный,
В битве павший,
Не умиравший никогда!

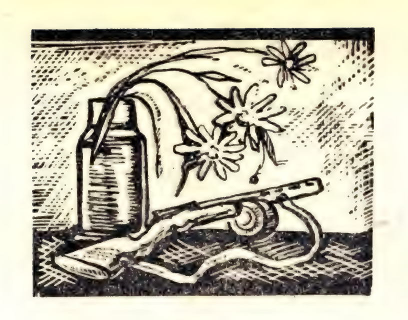
ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ

НА ВЫСОТЕ «Н»

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи.

А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, как легли,
Не подымали век тяжелых
И их увидеть не могли.

Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.



ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО

МОСТ

Он над водой упругим телом зверя
Раскинулся в стремительном прыжке.
Я подошел к нему, еще не веря,
Что смерть его сжимаю в кулаке.
Мы двадцать лет учились созидать,
По кирпичу, по капле счастье множить,
Чтобы сегодня все это опять
Прикосновеньем спички уничтожить!
В нем сто ночей моих недосыпаний,
В нем весь напор, таившийся в крови,
И улицы невыстроенных зданий,
И время, отнятое у любви.
Да, я любил его...
                              Вот так подходишь к сыну,
Которого ты создал и взрастил...
Я сам последнюю поставил мину
И шнур последней спичкой запалил.
И видел я, как над водой взлетело
Огнем исполосованное тело.
Там, за рекой, лежал любимый город,
И молодость, и материнский дом.
И я клянусь:
                    — Мы возвратимся скоро!
Мы вновь как победители придем!
Мы все вернем, оставленное нами,
Заставим петь любимые места...
И над водой раскинется, как знамя,
Литая тень висячего моста!..

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

НАША МУЗА

Нет, не печальницей кроткой,—
Муза приходит в твой дом
Краткой военной сводкой
И вдохновенным трудом,

Музыкой шума земного,
Виденьем доблестных дней,—
И зарождается слово
Песни правдивой твоей.

Это давнишние узы:
Делит с поэтом судьбу
Наша военная муза
С гневною складкой на лбу.

ВЛАДИМИР ЗОТОВ

СТОЙКОСТЬ

Не зная, скоро иль нескоро
Кольцо блокады разорвет,
Сражается бессмертный город,
Неодолимый город-дот.

И, угрожающи и хмуры,
На запад пристально глядят
Нацеленные амбразуры —
Глаза бетонных баррикад.

Наш город держится гвардейски,
Во всем заметен перелом —
Не блещет шпиль адмиралтейский,
Обшит брезентовым чехлом.

Собор Исаакия сурово
Стоит закованный в гранит,
Но вместо шлема золотого
Военной каскою покрыт.

Зарыт в кургане Всадник Медный,
Ждет в нетерпенье день победный,
Когда увидит наяву
Свою красавицу Неву.

Встает неповторимый город
В величье новой красоты,
Ни лихолетие, ни голод
Не исказят его черты!

ЛЕНИНГРАДКИ

В предместьях, в загородных парках,
Где белопенная сирень,
Девчатам нашим нынче жарко —
Траншеи роют целый день.

Рубашки вымокли в рассоле,
Мозоли разъедает соль,
Горят кровавые мозоли,
А на душе иная боль.

Судьбу на западе скрывают
Глухие заросли ольхи,
Там в битве братья умирают
И погибают женихи.

Мотыги маятно мелькают,
Сверкают лопасти лопат,
Здесь тысячи людей копают,
Как будто ищут тайный клад.

Как будто ключ к победе ищут,
Зарытый где-то под землей,
Над ними «мессершмитты» рыщут,
В открытом поле пули свищут,
А ты не бойся — бой так бой!

БЛОКАДНАЯ ЗИМА

Снеговые на Невском го́ры,
Ледяная над ним заря.
День за днем коченеет город
В холодильнике декабря.

Небо огненное нависло
Над Невой от беды седой,
Наши матери с коромыслом
Ходят к прорубям за водой.

И, поскальзываясь на спуске,
Забывают про боль и страх,
А с Вороньей Горы бьют пушки,
И снаряды рвутся в домах.

И совсем вымерзают нервы,
Где пробит в сугробах маршрут.
На санях, на листах фанеры
В путь последний родных везут.

Горожан косит голод шалый,
И осколки разят вразлет,
И горят на Невском пожары,
Озаряя блокадный лед.

ВЕРА ИНБЕР

ЛЕНИН

Он не украшен свежими цветами,
Ни флагов, ни знамен вокруг него,—
Укрытый деревянными щитами,
Стоит сегодня памятник его.

Он мог бы даже показаться мрачным,
Но и сквозь деревянные щиты,
Как будто стало дерево прозрачным,
Мы видим дорогие нам черты.

И ленинских бессмертных выступлений
Знакомый жест руки, такой живой,
Что хочется сказать: «Товарищ Ленин,
Мы здесь, мы отстояли город твой».

Лавиною огня и русской стали
Враг будет и отброшен и разбит.
Мы твой великий город отстояли,—
Мы сами встали перед ним, как щит.

И близится желанное событье,
Когда тебя опять со всех сторон
Взамен глухого, темного укрытья
Овеет полыхание знамен.

Ты будешь вновь приветствиями встречен,
Как возвратившийся издалека.
И вновь, товарищ Ленин, с краткой речью
Ты обратишься к нам с броневика.

Все захотят на площади собраться,
И все увидят жест руки живой,
И все услышат: «Слава ленинградцам
За то, что отстояли город свой!»

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.
Фанера вместо стекол,
Но это ничего,
И граждане потоком
Вливаются в него.
Немолодой рабочий —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.
Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес:
Она танкисту-внуку
Достала папирос.
Беседуя с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.
У пояса граната,
У пояса наган,
Высокий бородатый —
Похоже, партизан,
Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем-трофей —
И снова в путь-дорогу,

В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Жестокого врага,
Огнем своей винтовки
Вести фашистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет.
Везут домохозяйки
Нещедрый свой паек,
Грудной ребенок — в байке
Откинут уголок —
Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого,—
На фронт идет трамвай.
Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За обновленье мира,
За будущность твою.

СПАСИБО ВАМ!

Спасибо вам, товарищи и братья!
За все, что вы привозите ему,
Наш город заключает вас в объятья,
Вас прижимает к сердцу своему.

Он вас благодарит, великий город,
В гранитные одетый берега.
Спасибо вам! И хлеб ему ваш дорог,
И, главное, забота дорога.

Подарки ваши — мы их не забудем;
Вы жизнью рисковали, их везя.
Спасибо вам! Где есть такие люди —
Такую землю покорить нельзя.

ЭНСКАЯ ВЫСОТКА

Возле полустанка
Травы шелестят,
Гусеницы танка
Мертвые лежат.

Черную машину
Лютого врага
Насмерть сокрушила
Русская рука.

Смелостью и сметкой
Кто тебя сберег,
Энская высотка,
Малый бугорок?

Пламенной любовью
Родину любя,
Кто своею кровью
Защитил тебя?

О тебе лишь сводка
Скажет между строк,
Энская высотка,
Малый бугорок.

Чуть заметный холмик...
Но зато весной
О тебе напомнит
Аромат лесной.

О тебе кузнечик
Меж высоких трав
Простучит далече,
Точно телеграф.

Девушка-красотка
О тебе споет,
Энская высотка,
Малый эпизод.

Песнями, цветами
Век отчизна-мать
Все не перестанет
Сына поминать.

ЗАБОТЛИВАЯ ЖЕНСКАЯ РУКА

На вид она не очень-то крепка,
Когда дитя качает в колыбели...
Но как, друзья, сильна она на деле —
Заботливая женская рука!

Она не только пестует свой дом,
Не только нежность к детям ей знакома —
В родной стране она везде, как дома,
Она в беде прикроет, как щитом.

Когда от бомб в стропилах чердака —
Мгновенье — и строенье загорится,
Она уже в пожарной рукавице —
Заботливая женская рука.

Под градом пуль, под орудийный гром,
Под гул артиллерийского прибоя
Она бесстрашно вынесет из боя
И раны перевяжет под огнем.

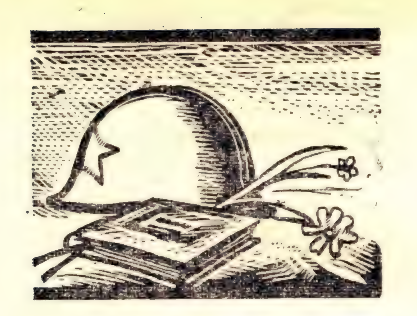
Ей ведомы лопата и кирка,
Она копает рвы, кладет настилы,
Она работает с не женской силой —
Заботливая женская рука.

За Родину, за свой родной очаг,
За детскую каштановую челку,
За детский голос, чтобы не умолк он,
За город, чтоб в него не вторгся враг,

За благородство жизненных путей
Бестрепетно она любого гада
За горло схватит, если это надо,—
Попробуй, вырвись из ее когтей!

Открытая, все жилки в ней видны,
Бесхитростная, вся как на ладони...
Но горе тем, кто честь ее затронет,
Кто посягнет на мир ее страны!

Она ответит щелканьем курка,
Движением затвора... чем придется!
Враг не уйдет. Она не промахнется —
Заботливая женская рука.



ЮРИЙ ИНГЕ

ТРАЛЬЩИКИ

Седое море в дымке и тумане,
На первый взгляд такое, как всегда,
Высоких звезд холодное мерцанье
Колеблет на поверхности вода.

А в глубине, качаясь на минрепах,
Готовы мины вдруг загрохотать
Нестройным хором выкриков свирепых
И кораблям шпангоуты сломать.

Но будет день... Живи, к нему готовясь,—
Подымется с протраленного дна,
Как наша мысль, достоинство и совесть,
Прозрачная и чистая волна.

И потому мы, как велит эпоха,
Пути родного флага бережем,
Мы подсечем ростки чертополоха,
Зовущегося минным барражом.

Где бы противник мины ни поставил —
Все море мы обыщем и найдем.
Согласно всех обычаев и правил,
Мы действуем смекалкой и огнем.

В морских просторах, зная все дороги,
Уничтожаем минные поля.
Свободен путь. Звучи, сигнал тревоги,
Дроби волну, форштевень корабля.

ОСТРОВ «Н»

Словно птица, над островами
Гордо реет багровый флаг,
И могуч, укрепленный нами,
Прибалтийский архипелаг.

Это грозные цитадели
Неприступных советских вод.
Здесь сегодня бои кипели,
Задыхаясь строчил пулемет.

Не прорваться к заливам нашим,
Не пробиться на материк,
Грозен залп орудийных башен,
И остер краснофлотский штык.

И глядят на врага сурово
Амбразуры бетонных стен.
Что ж, пускай попытаются снова
Взять атакою остров «Н».

Натыкаясь во тьме на скалы,
С каждым часом бандиты злей,
Это место кладбищем стало
Протараненных кораблей.

Снова мертвая зыбь диверсий
И воздушных боев пора,
Бьют без промаха прямо в сердце
Краснофлотские снайпера.

И когда говорят орудья,
И дрожат голоса сирен,
На защиту покоя — грудью
Подымается остров «Н».

В клочьях пены, огня и дыма
Тонет трижды отбитый враг.
Славный остров стоит нерушимо,
Гордо реет багровый флаг.

НА РЕДАН

Обгоняя скоростью мгновенья,
Прорывая яростно туман,
За кормой тугие волны вспенив,
Катера выходят на редан.

В туче брызг стремительною тенью
Головной уверенно идет,
У фашистов паника, смятенье...
Батареи мажут. Недолет!

Возникая, грозные во мраке,
Катера в один порыв слиты,
И гремит торпедная атака
Небывалым вихрем быстроты.

На редан! Стрекочут пулеметы,
И с предсмертным ревом «мессершмитт»
Падает в прибрежное болото
И, объятый пламенем, дымит.

Катера уходят. Перед ними
След подлодки тонкой бороздой.
И тогда еще неумолимей
Бомбы глухо рвутся под водой.

Дан приказ — кончать бомбометанье,
Курс на базу. Отдых до утра.
Боевое выполнив заданье,
В новый бой выходят катера.

БАЛЛАДА О МИХАИЛЕ МАРТЫЩЕНКО

Когда метнулись вспугнутые птицы
По сторонам проселочных дорог,
Казалось, никогда не прекратится
Воздушных волн колеблющийся ток.

Так начинался бой ожесточенный,
Катясь по нивам валом огневым,
Внизу шли танки длинною колонной,
А в облаках струился черный дым.

Туда пошли тяжелою угрозой,
От напряженья глухо рокоча,
Клейменные крестами бомбовозы,
Фашистская стальная саранча.

Но в этот миг со всех зенитных точек
Взлетела к небу пламенная нить...
Ну, что ж, пора! Иди, балтийский летчик,
Всю эту стаю нужно истребить.

Озлоблен враг. Он взбешен и неистов,
И, как всегда,— втроем на одного,
Но, зная эту тактику фашистов,
Отважный летчик шепчет: «Ничего!»

Мартыщенко! Пусть этот день июля
Напомнит всем фамилию твою
И мужество, ведущее сквозь пули
В неравном и отчаянном бою.

Слой облаков он пробивает низкий,
Врага короткой очередью бьет.
Лицом к лицу! В атаку по-балтийски,
Единым направлением — вперед.

Из трех машин узнает пусть любая
Законы притяжения земли.
Пилот идет в атаку, обрубая
Фашисту управления рули.

Над щупальцами свастики проклятой
Свинца и стали возникает дождь.
Ты убивал, бандит, и вот расплата,
Поднявший нож, ты от ножа умрешь!

В тот час, когда гремят войны раскаты,
Страшит врага, Мартыщенко, твой шлем,
Отважный сокол Балтики крылатой,
Герой боев, сказаний и поэм.

НАШИ КОМИССАРЫ

Мы нынче опять вспоминаем, ребята,
Былые дела и бои,
Походные вахты питомцев Кронштадта,
Дела краснофлотской семьи.

Презрением к смерти и гневом дышали
Поступки великих отцов,
И, полные ярости, речи Рошаля
Звучали сильнее ветров.

К боям призывая упорным и жарким,
Сверкало штыка острие,
Победно звучало над Волгою, Маркин,
Призывное слово твое.

И вот, по примеру обычаев старых,
На фронте священной войны
О славных отцах, боевых комиссарах
Теперь вспоминают сыны,

Идущие в битву на подступах к Ханко,
Хранящие море и твердь,
Взрывая колонны отрезанных танков,
Врагов обрекая на смерть.

Они отбивают смертельным ударом
Прорвавшийся с моря десант.
Их клич боевой вызывает недаром
Отчаянье сломленных банд.

А если коварная пуля настигла,
Прервала уверенный шаг,
Подымем штыков смертоносные иглы
Возмездьем победных атак.

И зов комиссара высоко подымет
Карающий ярости шквал,
Мы кинемся в битву рядами стальными,
Врага поразив наповал.

Так славься же, меткость огня боевого,
Греми, орудийный расчет,
Звучи над землею, партийное слово,
Горячее слово: «Вперед!»

УТРО. ДЕСАНТ

Такой тишины мы еще не знавали,—
Рассвет приближался. И где-то вдали
Стоял островок на крутом пьедестале,
К которому медленно шли корабли.

Казалось — с зарею над островом вражьим
Должны троекратно пропеть петухи,
Казалось — эскадра стоит за Лебяжьим,
Где берег такой же и роща ольхи.

Залают собаки, деревня проснется,
Шаги заскрипят через десять минут,
Послышится легкая брань у колодца,
И сонные кони в конюшнях заржут.

Мы видели белый маяк у обрыва,
На башне пульсировал красный огонь.
По правде сказать, это было красиво —
Туман над волнами ночного залива
И пáруса на горизонте ладонь.

Сигнальная ринулась в небо ракета,
Орудья подняли свои хобота,
И сразу погасли полоски рассвета,
Когда осветились эсминца борта.

Мы прыгнули в шлюпки—ну что же, встречайте,—
И гулко ударила ó борт волна,
Испуганно в небо взметнулися чайки,
Оглохшая рыба всплывала со дна.

А по небу мчались стремительно звенья,
Как будто срезающих кроны, машин.
Я думал, в горах началось изверженье,
Когда наши летчики шли в наступленье,
Бомбя гребешки укрепленных вершин.

Последняя пушка уже замолчала,
И взвился над островом Родины флаг,
Босые солдаты рубили причалы,
Бессильные пальцы сжимая в кулак.

Здесь наша земля.
                              И сигналом протяжным
Отбой прозвучал у корявой ольхи...
Здесь нынче спокойно,
                              как будто в Лебяжьем,
И утром лениво поют петухи.

ОПЯТЬ С ТОБОЙ

Опять весенний ветер вымыл
Береговую полосу,
Листву берез, тычинки примул
И хвою колкую в лесу.

Мир обновленный стал наряден,
Как в новолунье, молодой,
И гроздью синих виноградин
Нависли звезды над водой.

Но выше звезд в вечернем мраке
Над сизой дымкою полей
Опознавательные знаки
Пятимоторных кораблей.

Наш город вновь тебе приснится,
Его заставы и мосты,
На гордых арках колесницы
И кони редкой красоты.

Его прозрачные каналы,
Сиянье затемненных крон,
Но и во сне б ты не узнала,
Каким предстанет завтра он.

Ведь ты была на самом деле,
Тебя я выдумать не мог,
Мы вместе шли и вместе пели
На перепутье всех дорог.

Пожалуй, был тогда я робок,
Не смел твоих коснуться губ,
Поодаль стыли на сугробах
Косые тени черных труб.

Не осязая слов излишек,
Не чуя холода земли,
У покосившихся домишек
Мы распрощаться не могли.

Тогда от нас шагов за двести
Сторожевой костер мерцал...
Взгляни, теперь на этом месте
Ограда Зимнего дворца.

Так помнишь ты, как шли и пели
За наше счастье умирать.
Ведь это было в самом деле,
Ведь это может быть опять.

Присядем здесь. И у ограды,
Где расцветают клумбы вновь,
Мы вспомним голод, смерть, преграды
И нашу первую любовь.

ПОРОХ

Придет пора: заплесневеет порох,
Исчезнут деньги — зависти исток,
Исчезнут даже люди, для которых
Придуман смертоносный порошок.

Наступит день, и мой великий правнук
Закончит дело, начатое мной,
И наших дней торжественную правду
Он назовет последнею войной.

Не зная, как на поле битвы горек
Вкус бьющей горлом крови и слюны,
Он подойдет бесстрастно, как историк,
К неповторимым ужасам войны.

Все это взяв частицей перегноя,
На коем мир спокойствие воздвиг,
Он все, сегодня конченное мною,
Использует как первый черновик.

Наступит день, и труд мой, как основа,
Понадобится будущим векам,
Я мысль свою, заверстанную в слово,
Как эстафету в беге передам.

Двадцатый век идет в военных сборах,
С оружьем мы на рубежах стоим...
Придет пора...
Но нынче нужен порох.
Сегодня он вдвойне необходим.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед,—
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора,—
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;

Все, что было загадано,
В свой исполнится срок,—
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую родину,
За родной огонек.

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.

Кто б ни был ты: рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух,—
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А родину сберег.

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Чтó ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилася под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...
Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпáли
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
Во вражьих блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,

И плавила металл,
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест,—
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО ЦВЕТУ...

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет.

Как увижу, как услышу —
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами,—
Словно пьяные бредем.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ...

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей,
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросалися в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала,—
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву, шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж тёперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЕ ДО РАССВЕТА...

Снова замерло всё до рассвета —
Дверь не скрипнет не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдёт на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потёмках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалёко,
Да не знает — её ли ты ждёшь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даёшь?!

ОПЯТЬ ПЕЧАЛИТСЯ НАД ЛУГОМ

Опять печалится над лугом
Печаль пастушьего рожка.
И, словно гуси, друг за другом
Плывут по небу облака.

А я брожу неторопливо
По этим памятным местам.
Какого здесь ищу я дива,
Чего я жду — не знаю сам.

У этих сел, у этих речек,
На этих стежках полевых
Друзей давнишних я не встречу
И не дождусь своих родных.

Одни ушли, свой дом покинув,—
И где они, и что нашли?
Другим селибу в три аршина
Неподалеку отвели...

Какого ж здесь искать мне чуда,
Моя родная сторона?
Но я — твой сын, но я — отсюда,
И здесь прошла моя весна.

Прошла моя незолотая,
Моя незвонкая прошла.
И пусть она была такая,—
Она такая мне мила.

И мне вовеки будет дорог
Край перелесков и полей,
Где каждый дол и каждый взгорок
Напоминают мне о ней.

Пусть даже стерлись все приметы,
Пусть не найти ее следа,
И все ж меня дорога эта
Зовет неведомо куда.

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена;

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

ПРОБИЛАСЬ ЗЕЛЕНЬ ПОЛЕВАЯ

Пробилась зелень полевая
Навстречу свету и теплу,
И, настежь окна раскрывая,
Весна проходит по селу.

Ручей в овражке еле слышно
Поет о чем-то о своем,
И машет белой веткой вишня:
«Растем, товарищи, растем!»

ПО РОСИСТОЙ ЛУГОВОЙ...

По росистой луговой,
По извилистой тропинке
Провожал меня домой
Мой знакомый с вечеринки.

Возле дома он сказал,
Оглядевшись осторожно:
— Я бы вас поцеловал,
Если только это можно.

Я ответила ему,
Что, конечно, возражаю,
Что такого никому
Никогда не разрешаю.

Сразу парень загрустил,
Огорченный, стал прощаться —
Дескать, значит, я не мил,
Дескать, лучше б не встречаться.

Я в глаза ему смотрю.
— Раз такое положенье,
То уж ладно,— говорю,—
Поцелуй.. без разрешенья.

ЗЕЛЕНА БЫЛА МОЯ ДУБРАВА

Все во мне от счастья замирало,
Как к нему я шла.
Зелена́ была моя дубрава,
Зелена́ была...

Мы встречались с ним у перекрестка,
Мы бродили там.
Каждый кустик, каждая березка
Радовались нам.

Вся земля дышала и светилась,
Но прошла весна,
Птицы смолкли, небо помутилось,—
Началась война...

Он погиб у города Медыни —
Боль моя, слеза.
Навсегда закрылись молодые
Умные глаза.

У тропы-тропинки неприметной,
Между двух рябин,
Со своею славою бессмертной
Он лежит один.

Весть о нем, как горькая отрава,
Сердце мне прожгла...
Зелена́ была моя дубрава,
Зелена́ была...

СЛАВА НАРОДУ

От бескрайной равнины сибирской
До полесских лесов и болот
Поднимался народ богатырский,
Наш великий советский народ.

Выходил он — свободный и правый,
Отвечая войной на войну,
Постоять за родную державу,
За могучую нашу страну.

Сокрушая железо и камень,
Он врага беспощадно разил,
Над Берлином победное знамя —
Знамя правды своей водрузил.

Он прошел через пламя и воду,
Он с пути не свернул своего.
Слава, слава герою-народу,
Слава Армии Красной его!

В ПОЛЕ

Мне хорошо, колосья раздвигая,
Прийти сюда вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам тропинки полевой.

Всю ночь поют в пшенице перепелки
О том, что будет урожайный год,
Еще о том, что за рекой в поселке
Моя любовь, моя судьба живет.

Мы вместе с ней в одной учились школе,
Пахать и сеять выезжали с ней.
И с той поры мое родное поле
Еще дороже стало и родней.

И в час, когда над нашей стороною
Вдали заря вечерняя стоит,
Оно как будто говорит со мною,
О самом лучшем в жизни говорит.

И хорошо мне здесь остановиться
И, глядя вдаль, послушать, подождать...
Шумит, шумит высокая пшеница,
И ей конца и края не видать.

КРАЙ МОЙ СМОЛЕНСКИЙ

Край мой смоленский,
Край мой родимый!
Здесь моя юность
Когда-то бродила.

Здесь моя юность
Когда-то бродила,
По перелескам
Костры разводила.

В жите высоком
Венки заплетала,
Встречи нежданной
Здесь ожидала.

В дальние дали
Отсюда стремилась.
Где ж она делась?
Куда ж она скрылась?

Знать, отшумела
Весенней водою,
Знать, отгорела
Вечерней зарею.

В поле следы ее
Смыты дождями,
Голос развеян
Глухими ветрами...

Что ж я брожу
По родимому краю,
Что же я снова
Ее вспоминаю?

— Ей никогда
Не вернуться обратно,—
Желтые листья
Мне шепчут невнятно.

Гуси кричат,
Надо мной пролетая,
Что миновала
Пора золотая.

Кто-то чуть слышно
Ведет на гармошке:
— Позарастали
Стежки-дорожки;

Позарастали
Мохом, травою,
Где мы гуляли,
Милый, с тобою...

РАЗГОВОР НА КРЫЛЬЦЕ

Август месяц. Тихо. Сухо.
Предвечерний час.
На крыльце сидит старуха
И ведет рассказ:

— Я любое знала дело,
На любое шла.
И пахать, и жать умела,
И косить могла.

Молотила, лен трепала
До вечерних звезд.
Одного холста наткала,
Может, на сто верст.

А уж сколько спряла пряжи
За свои года!..
И никто спасибо даже
Не сказал тогда.

Да и было ль от кого там
Ожидать его?
Каждый знал свою заботу,—
Больше ничего.

Свой порог, свои полати,
Свой в окошке свет,
И свое же горе в хате,
Горе многих лет.

Каждый жил своим уделом,
Нес свою суму.
Ни до чьей судьбы — и дела
Не было ему.

. . . .

Вам, наследникам, по праву —
Думать и решать;
За Советскую державу
Вам ответ держать,—

За ее красу и силу,
За ее дела
И за свет неугасимый,
Что она зажгла.

Вам — руками молодыми,
Сердцем и умом —
Укреплять ее твердыню
И стоять на том!

Чтоб и те, что в битвах пали
За ее права,
И за гробом даже знали,
Что она жива;

Что без горя, честь по чести,
Люди здесь живут,
Что хранит ее от бедствий
Ваш сыновний труд.

Где бы вам по белу свету
Ни пришлось бродить,—
Вам нельзя, вам права нету
Это позабыть.

Вас она зовет на подвиг,
Подвиг трудовой...
Вот какой вам сказ сегодня,
Вот наказ какой!

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Летят перелетные птицы
В осенней дали́ голубой.
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой.
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать.
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

ХОРОШО ВЕСНОЮ БРОДИТСЯ

Хорошо весною бродится
По сторонке по родной,
Где заря с зарею сходится
Над полями в час ночной;

Где такое небо чистое,
Где ночами, с давних пор,
С молодыми гармонистами
Соловьи заводят спор.

Поглядишь — глазам не верится:
Вдаль на целую версту —
То ли белая метелица,
То ль сады стоят в цвету.

Ветка к ветке наклоняется —
И шумит, и не шумит.
Сердце к сердцу порывается,
Песня с песней говорит.

И легко, привольно дышится,
И тебя к себе зовет
Все, что видится и слышится,
Что живет и что цветет.

МЫ С ТОБОЮ НЕ ДРУЖИЛИ

Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,
Но глаза твои большие
Не дают покоя мне.

Думал я, что позабуду,
Обойду их стороной,
Но они всегда и всюду
Всё стоят передо мной.

Словно мне без их привета
В жизни горек каждый час,
Словно мне дороги нету
На земле без этих глаз.

Может, ты сама не рада,
Но должна же ты понять:
С этим что-то делать надо,
Надо что-то предпринять.

НАТАША

На поля, за воро́та
Родного села
В золотистой косынке
Наташа пошла.

Поднялась перед нею
Высокая рожь:
— А куда ж ты, Наталья,
Куда ты идешь?

Говорила Наташа:
— Иду на поля,—
Может, встретится снова
Мне радость моя;

Может, слово какое
Мне скажет она
И поймет, отчего я
Сегодня грустна...

Повстречалась ей радость
На том на лужке —
В пиджаке нараспашку,
Часы на руке.

Повстречалась ей радость,
Как будто ждала:
— Не ко мне ли, Наташа,
Ты в гости пришла?

Отвечала на это
Наташа ему:
— Я подобных насмешек
Никак не пойму.

Я хотела проверить,
Созрела ли рожь.
Отчего ж ты смеешься
Пройти не даешь?

Улыбается парень:
— Как видишь,— судьба:
Я ведь тоже собрался
Проверить хлеба́.

Я один собирался,
А вышло при том —
Проверять нам придется
С тобою вдвоем.

ВЫЙДИ В ПОЛЕ

Выйди в поле утренней порою,—
Небо сине, дали широки.
Самолет всплывает над землею,
По земле спешат грузовики.

Зреет жито на колхозных нивах,
Свежим сеном пахнет на лугу.
Дед-пастух коров неторопливых
У реки пасет на берегу.

На листве еще дрожат росинки,
Птичий гам несется из кустов.
И в венке из полевых цветов
Девушка проходит по тропинке.

Складная и легкая такая —
Как виденье юности самой...
Это все — страна моя родная,
Мирный край благословенный мой,—

Мирный день советского народа,
Озаренный солнцем золотым...
И его мы от любого сброда,
От любого лиха оградим!

Я ВЫРОС В ЗАХОЛУСТНОЙ СТОРОНЕ...

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что екало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет —
Нужда сидела на почетном месте.

Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялися в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Клочок земли, соха да борона —
Такой была родная сторона.
И под высоким небом наших дней
Я очень часто думаю о ней.

Я думаю о прожитых годах,
О юности глухой и непогожей,
И все, что нынче держим мы в руках,
Мне с каждым днем становится дороже.

ПОЛИНА КАГАНОВА

ТЫ

Родился он в сорок четвертом.
А ты был в том году убит...
От времени слегка истертый
Портрет на столике стоит.

Не в гимнастерке, не в пилотке
И не в армейских сапогах,—
В матросской курточке короткой
Ты снят с игрушкою в руках.

И так же рот твой сжат упрямо,
И та же родинка твоя...
И сын всегда мне шепчет: «Мама,
На той картинке — это я!»

Ему теперь всего два года,
Но с каждым уходящим днем
С предельной точностью природа
Твой образ воплощает в нем.

И я найти пытаюсь средство
Печаль и горе приглушить.
Как будто ты вернулся в детство,
Чтоб никогда не уходить...

ВАСИЛИЙ КАЗИН

ПРОВОДЫ

Казалось, «Радищева» странно
встречали:
На волны, игравшие с гордой кормой,
Все громче катился обвалом печали,
С народом, с повозками, берег крутой.

Но даже слепая, глухая могла бы
Душа заприметить, поймать наугад:
Толпясь сарафанами, камские бабы
Тут правили проводов тяжкий обряд.

То плакали, сбросив объятий
нескладность,
То плакали в мокрых объятьях опять,
Что скорбной войны беспощадная
жадность
Мужей их навеки собралась отнять.

Как будто палимы желаньем горячим,
Чтоб им посочувствовал к пристани путь,
Протяжным, прощальным, рыдающим
плачем
Старались и берег в их горе втянуть.

И берег — высокий, красный,
в суглинке —
Взирал, как толпа сарафанная вся

Бросалась к мужьям и назад,
по старинке
Рвала себе волосы, в даль голося.

Все ширился пропастью ров расставанья,
И, пролитых слез не стирая с лица,
На палубу острое буйство страданья
Врывалось, стучась пассажирам
в сердца.

И в каждом взрывалась страшная
жалость,
Но как ее ни были взрывы страшны,
Она виновато, беспомощно жалась
К сознанию твердого долга страны.

Хоть каждая к сердцу была ей кровинка,
Страна приказала: — Все муки узнай,
Жизни лишись,
Но нет, и суглинка
Вот эту немудрость
Врагу не отдай!

ВЛАДИМИР КАРПЕКО

ПОСЛЕ РАЗВЕДКИ

Жизнь у разведчика,
Как, впрочем, у всех
Одна лишь...
                    но прежде
(Остальное потом),
Но сначала,—
Чтоб ничего не бренчало,—
Проверить карманы одежды
И тщательно уложить
Запалы.
Ибо в этих
Маленьких штучках
Из красной меди
Душа динамита
Заключена.
Без нее
Молчит динамит,
И слова без нее —
На ветер.
Без нее
И песне
И динамиту —
Грош цена.
Мы недаром запалы
Кладем на место на то,
Где лежал партбилет.
Уходя, мы парторгу

Сдаем партбилеты,
И в разведку
Уходит уже «никто»,
Потому что порой...
Но опять-таки —
После об этом.
Хорошо, когда вьюга
Глушит шорох лыж.
Хорошо, когда вьюга
Лыжню заметает за нами.
Хорошо,
Когда налегке скользишь,
Только груз
Ответственности
За плечами.
Хорошо на обратном пути
Ускользать буераком узким,
И — зарево взрыва сзади,
И — лепечет растерянно пулемет.
Хорошо, когда наконец
Окликают тебя по-русски:
— Стой, кто идет?! —
Только тут вспоминаешь:
«А жизнь ведь одна
У нас-то!»
Только тут услышишь,
Как осторожные лыжи
Все громче высвистывают,
Проскальзывая по насту:
Выжил,
        выжил,
                выжил!..»

2 МАЯ 1945 ГОДА В БЕРЛИНЕ

Еще невнятна тишина,
Еще в патронниках патроны,
И по привычке старшина
Бежит, пригнувшись, к батальону.

Еще косится автомат
На окон черные провалы,
Еще «цивильные» дрожат
И не выходят из подвалов.

И, тишиною потрясен,
Солдат, открывший миру двери,
Не верит в день, в которой он
Четыре долгих года верил.

ДМИТРИЙ КЕДРИН

* * *

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокорых берез,
И эти студеные реки,
У плеса которых ты рос.

И темная роща, где свищут
Всю ночь напролет соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И синий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И деды в андреевских звездах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непочатых,
И эта хлеб-соль средь стола,
И псковских соборов стрельчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На темной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пенник на дне.

И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,
И эта — на ларчиках черных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глазея,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамен.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осинок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно́ ни зги...
Запомни: все это — Россия,
Которую топчут враги.

ГЛУХОТА

Война бетховенским пером
Чудовищные ноты пишет.
Её октав железный гром
Мертвец в гробу — и тот услышит!

Но что за уши мне даны?
Оглохший в громе этих схваток,
Из всей симфонии войны
Я слышу только плач солдаток.

КРАСОТА

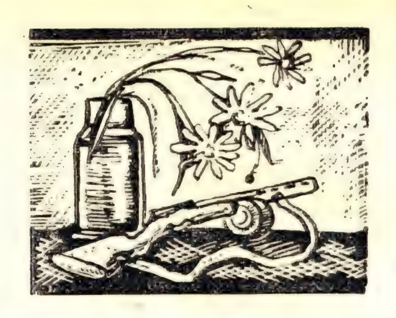
Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чьё имя — Россия!

ПОБЕДА

Шло донское войско на султана,
Табором в степи широкой стало.
И казаки землю собирали —
Кто мешком, кто шапкою бараньей.
В холм ее, сырую, насыпали,
Чтоб с кургана мать полуслепая
Озирала степь из-под ладони:
Не пылят ли где казачьи кони?
И людей была такая сила,
Столько шапок высыпано было,
Что земля струей бежала, ширясь,
И курган до звезд небесных вырос!
Год на то возвышенное место
Приходили жены и невесты,
Только, как ни вглядывались в дали,
Бунчуков казачьих не видали.
Через три-четыре долгих года
Воротилось войско из похода,
Из жестоких сеч с ордой поганой,
Чтобы возле старого кургана
Шапками курган насыпать новый —
Памятник годины той суровой.
Сколько шапок рать ни насыпала,
А казаков так осталось мало,
Что второй курган не вырос выше
Самой низкой камышовой крыши.
И когда он встал со старым рядом,
То казалось, если смерить взглядом,
Что поднялся внук в ногах у деда...
Но с него видна была победа.



БРОНИСЛАВ КЕЖУН

ВАСИЛЬКИ

Под огнем на берегу реки
Залегли усталые стрелки.
Золотая рожь сверкала рядом,
А во ржи синели васильки.

И бойцы, уже не слыша гуда
И не ощущая духоты,
Словно на невиданное чудо,
Радостно смотрели на цветы.

Синевой небесной, нестерпимой,
Полыхая, словно огоньки,
Как глаза детей, глаза любимых,
На бойцов глядели васильки.

Через миг, усталость пересилив,
Вновь пошла в атаку цепь стрелков.
Им казалось: то глядит Россия
Синими глазами васильков.

В ПАРЛАМЕНТЕ

Был город взят. С гвардейцами-орлами,
Вверх по ступенькам, через вестибюль,
Как победитель он вошел в парламент,
Где на колоннах — оспины от пуль.

Вошел — и перед ним, казалось, замер
Необозримый депутатский зал...
Пустые кресла обежав глазами,
Он ничего сначала не сказал,

А только автомат поправил быстро,
Поднялся на трибуну, прост и прям,
Как будто он, гвардеец, стал министром,—
И обратился в зал, к своим друзьям:

«Товарищи!..» И были в слове этом —
Тысячеверстный путь, зарницы битв,
И дымные февральские рассветы,
И очи матерей в слезах молитв,

И этот холод в ледяных окопах,
И кровь друзей, и ураган свинца...
Он говорил — и слушала Европа,
Мир слушал голос нашего бойца.

СЕМЕН КИРСАНОВ

ДОЛГ

Война не вмещается в оду,
и многое в ней не для книг.
Я верю, что нужен народу
души откровенный дневник.

Но это дается не сразу,—
душа ли еще не строга? —
и часто в газетную фразу
уходит живая строка.

Куда ты уходишь? Куда ты?
Тебя я с дороги верну.
Строка отвечает: — В солдаты.—
Душа говорит: — На войну.

И эти ответы простые
меня отрезвляют вполне.
Сейчас не нужны холостые
патроны бойцу на войне.

Писать — или с полною дрожью,
какую ты вытерпел сам,
когда ковылял бездорожьем
по белорусским лесам!

Писать о потерянном? Или —
писать, чтоб, как огненный штык,
бойцы твою строчку всадили
в бою под фашистский кадык.

В дыму обожженного мира
я честно смотрю в облака.
Со мной и походная лира,
и твердая рифма штыка.

Пускай эту личную лиру
я сам оброню на пути.
Я буду к далекому миру
с солдатской винтовкой ползти.

ТАНК «МАЯКОВСКИЙ»

Танки,
танки,
танки...
Здравствуй,
наша сталь!
Под шатром знамен
по мостовой московской
грохотал,
и шел,
и прогибал асфальт
грузом многих тонн
«Владимир Маяковский».
Баса
грозный тон
под броневою грудью.
Чувствую,
что он,—
по взгляду,
по орудью.
Рев
сложился в речь:
«Товарищи!
Я с вами!
Жив
и горд —
Советской родины поэт,
что, неся
на башне
боевое знамя.

двигаюсь,
как танк,
по улицам побед.
Гвардия стихов
теперь
в гвардейской части,
в ста боях прошла
тяжелая броня.
Мой читатель
броневые части
отливал в Магнитогорске
для меня.
Рифмами
детали
мне выковывая,
по эстрадам
месяц напролет
мой читатель
собирал
целковые
мне
на сталетвердый переплет...
Тыща километров.
Фронтовым зарницам
ни конца, ни края.
Орудийный гром.
Здесь я ездил прежде.
Знаю заграницу.
Приходилось
глазом
меряться с врагом.
Разве мне в новинку?
Не встречался разве
с воем их газет,
со звоном прусских шпор?..
Значит,
буду бить
по гитлеровской мрази,
как по белой
прежде,
рифмами в упор!»
Четверо читателей
присягу

повторили
про себя.
И вот —
сам
Владимир Владимыч
по рейхстагу
в свисте пуль
осколочными бьет.
Поднят флаг победы.
Враг обрушен.
«Рад я,
что моя поэзия
была
безотказным
партии оружьем,
воплотившись
в танки,
строчки
и другие долгие дела...
Расскажите это
всем поэтам,
чтобы шибче ход
и чтобы тверже ствол!
Чтоб работой,
мыслью,
песней спетой
праздновать
на улице
вот этой
коммунизма торжество...»
Под шатром знамен
пронесся
голос строгий.
И когда
отгрохотал
знакомый бас,
мы с волненьем
повторили строки,
поднимавшие
в атаки
нас:
«Слово —
полководец
человечьей силы.

Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только путаницу волос...»
Здравствуй,
танк,
советской мощи образ.
В день победы
и в другие дни
наша гордость —
это наша бодрость
и непробиваемая
твердость
выкованной
родиной
брони!

АНДРЕЙ КЛЕНОВ

БЕРЛИН ГОРИТ

Берлин горит...
Мне снится отчий дом...
Кружится белый пух и серый пепел...
— Открой мне, мама...—
Я давно там не был.
Стоит наш дом
На горке, за мостом...
Кто говорит, что он сгорел?
Он цел!
Он цел, он цел,
Знакомый, тот же самый...

— Не надо, мама.
Успокойся, мама...—
Кто говорит, что я осиротел?
Жива! Жива!
За домом у калин
Струится Неман вровень с небесами.
Я тот же мальчик с чистыми глазами,
И ты все та...
К чему же тут Берлин?
Берлина нет!

В ложбинке за кустом
Ночует славка,
Я принес ей крошек...

— Сядь рядом, мама.
Я тебя не брошу,
Я навсегда вернулся в отчий дом...—
Пожар в окне все шире,
Как рассвет.

На гулких плитах
Цокают копыта...
Мне хочется домой,
А дома нет.
Мне хочется к тебе —
А ты убита.

ПЕТР КОБРАКОВ

ВЯЗ

Он, как рукой,
Корявой веткой
Остановил:
«Не узнаешь?»
Я, вспомнив,
Вздрогнул,—
Здесь в разведку
Спешил с друзьями
Через рожь.
В овраге
Выстрел грянул сухо,
И я,
За вязом притаясь,
Почувствовал,
Как пуля глухо
В его коре разорвалась.
Сейчас
В стволе шершавом мета,
А вяз
Стоит, листвой звеня.
Спасибо, друг!
Ведь пуля эта
Предназначалась
Для меня.

ДМИТРИЙ КОВАЛЕВ

КАМЕНЬ

Когда на фронт,
К Рыбачьему, пойдешь,
Ты на откосе, в стороне, заметь:
Там камень есть,
Он на орла похож,
Готового куда-то улететь.

Быть может, он —
Потухший метеор,
Упавший там,
Где нету никого.
И только синим холодом озер
Скупая тундра смотрит на него.

И, не успев еще позеленеть,
Валяется в торфянике сыром
Задымленная гильзовая медь.
И слышится еще недальний гром.

Моряк безвестный
В боевом пути,
Который год не видя милых глаз,
На этом камне «Маша» начертил,
Когда пошел в сраженье в первый раз.

Кто скажет нам:
Он жив или убит?

Известно только:
Там, где, одинок,
Заветный камень над водой стоит,
Враг ни на шаг продвинуться не смог.

Когда на фронт,
К Рыбачьему, пойдешь,
Пускай откос напомнит о былом:
Высокий камень
На орла похож
С могучим
Чуть приподнятым крылом.

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

ОЛЕНЬ

Приснился мне олень,
В гранит копытом бьющий,
Как облачная тень,
Стремительно бегущий,
Летящий сквозь снега
Над черными горами
В зеленые луга
За синими морями.

Карелия моя —
Камней шары и кубы,
Озерные края,
Рябиновые губы!

Бежит олень, летит
С бубенчиком на шее,
Следы его копыт —
Воронки и траншеи
На просеках лесных,
В трущобах непролазных,
В болотах торфяных,
На мхах лилово-красных.

Там солнце на луну,
На камбалу похоже;
Там снится валуну
Давно одно и то же:

Прибрежных скал свинец,
Багульник да морошка.
Обрыв. Всему конец.
Последняя дорожка...

Ни кровли, ни куста
У пристани дощатой...
Знакомые места,
Я здесь бывал когда-то.
Еще следы видны,
И волны их не смыли.
Здесь в первый день войны
Оленя застрелили.

Холодный север мой —
Янтарь зрачков совиных;
Над сказочной землей
Свист крыльев лебединых.

СНЕГИРЬ

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый Снегирь?
Г. Р. Державин, «Снегирь»

Клубы дыма, танки, самолеты,
Сломанные надвое мосты,
Конские хвосты, штыки пехоты,
Взрывов желто-красные кусты,
Людоед бежит во все лопатки,
Снайпер с елки целится в него,
Войско чужестранцев в беспорядке,
Солнце видит наше торжество...
Вот что нарисовано в тетрадке
У мальчишки — сына моего.

Говорю: — Рисунок сделан смело,
Только что ж бумагу тратить зря?
Кончен бой, сраженье отгремело,
Ты изобразил бы снегиря.

Или, скажем, лодку, рыболова,
Разные деревья и цветы...
Мало ли хорошего, такого,
Что видал и что запомнил ты!

Но художник явно не согласен —
Смотрит вбок, вздыхает тяжело:
— Что там рисовать скворца иль ясень,
То ли дело — сабля наголо.

Лодку,— говорит,— я нарисую.
С парусом, чтоб плыть в далекий край.
С пушками зенитными, такую,
На которой спасся бы Чапай.

— Я пойду гулять...
— Ну что ж, ступай...—
Наперед известно по программе,
Что наследник явится домой
Весь в песке, с известкой под ногтями,
С круглою медалью жестяной.

Тут пойдет обычная беседа:
— Кто пустил стрелу в окно соседа?
— Кем и чем губа рассечена?
— Почему опять была война?

Вымоют мальчишку, спать уложат,
Скажут, улыбаясь: — Вот беда,
Каждый вечер все одно и то же,
С девочкой спокойнее куда...

И возникнет дальней песни эхо —
«Нас не трогай», и приснится ширь,
Где сидит на придорожной вехе
Зоревой суворовский снегирь.

ПАВЕЛ КОГАН

ИЗ НЕДОПИСАННОЙ ГЛАВЫ

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Косая сажень, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любыми,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,

Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!
. . . .

И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,—
Я патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох, как пес, от ностальгии
В любом кокосовом раю...

* * *

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.
. . . .
И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы.
И уж не встать, и не попасть в анналы,
И даже близким славы не сыскать.

ПИСЬМО

Жоре Лепскому

Вот и мы дожили,
Вот и мы получаем весточки
В изжеванных конвертах с треугольными
штемпелями,
Где сквозь запах армейской кожи,
Сквозь бестолочь
Слышно самое то,
То самое,

Как гудок за полями.
Вот и ты,
　　　　товарищ красноармеец
　　　　　　　　　　　　　музвзвода,
Воду пьешь по утрам из заболоченных
　　　　　　　　　　　　　　　　речек.
А поля между нами,
А леса между нами и воды.
Человек ты мой,
Человек ты мой,
Дорогой ты мой человече!

А поля между нами,
А леса между нами.
(Россия!
Разметалась, раскинулась
По лежбищам, по урочищам.
Что мне звать тебя!
Разве голосом ее осилишь,
Если в ней, словно в памяти,
　　　　　　　　　　словно в юности:
Попадешь — не воротишься.)
А зима между нами.
(Зима ты моя,
Словно матовая,
Словно ро́сшитая,
На большак, большая, хрома ты,
На проселочную горбата,
А снега по тебе — громада,
Сине-синие, запорошенные.)
Я и писем тебе писать не научен.
А твои читаю,
Особенно те, что для женщины.
Есть такое в них самое,
Что ни выдумать, ни намучить,
Словно что-то поверено,
Потом потеряно,
Потом обещано.
(...А вы все трагической героиней,
А снитесь девочкой-неспокойкой.
А трубач «тари-тари-та» трубит:
　　　　　　　　　　«По койкам!»
А ветра́ сухие на Западной Украине.)
Я вот тоже любил одну сероглазницу,

Слишком взрослую, может быть,
слишком строгую.
А уеду и вспомню такой проказницей,
Непутевой такой, такой недотрогою.
Мы пройдем через это.
Мы затопчем это, как окурки,
Мы, лобастые мальчики невиданной
революции.
В десять лет мечтатели,
В четырнадцать — поэты и урки.
В двадцать пять — внесенные в смертные
реляции.
Мое поколение —
это зубы сожми и работай,
Мое поколение —
это пулю прими и рухни.
Если соли не хватит —
хлеб намочи по́том,
Если марли не хватит —
портянкой замотай тухлой.
Ты же сам понимаешь, я не умею бить
в литавры,
Мы же вместе мечтали, что пыль, что
ковыль, что криница.
Мы с тобою вместе мечтали пошляться
по Таврии
(Ну, по Крыму по-русски),
А шляемся по заграницам.
И когда мне скомандует пуля
«не торопиться»
И последний выход на снегу воронку
выжжет
(Ты должен выжить, я хочу, чтобы ты
выжил),
Ты прости мне тогда, что я не писал
тебе писем.
А за нами женщины наши,
И годы наши босые,
И стихи наши,
И юность,
И январские рассветы.
А леса за нами,
А поля за нами —
Россия!

И наверно, земшарная Республика
Советов!
Вот и не вышло письма.
Не вышло письма,
Какое там!
Но я напишу,
Повинен.
Ведь я понимаю,
Трубач «тари-тари-та» трубит:
«По койкам!»
И ветра сухие на Западной Украине.

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

* * *

Мы за церквушкой деревенскою,
У тихой рощи на краю
Хороним Лельку Воскресенскую,
Погибшую в ночном бою.

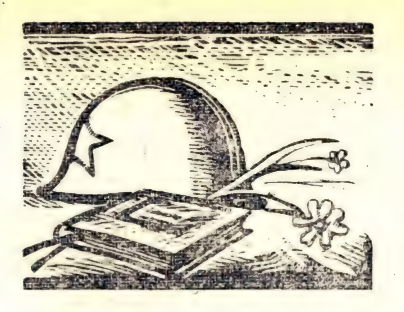
Она лежит, не легендарная,
Смежив ресницы, как во сне,
А рядом сумка санитарная
С бинтом багровым на ремне.

Свод неба вместе с лунной долькою
Туманным залит молоком.
Полковник,
стоя перед Лелькою,
Слезу стирает кулаком.

Свое забывший положение,
Седой, видавшей смерть не раз,
«Прощай» ли шепчет иль прощения
У Лельки просит в этот час?

А мне бы плакать в одиночестве
Весь день сегодня напролет...
К торжественной готовясь почести,
Винтовки зарядил мой взвод.

Женат полковник и, наверное,
Не знает он, лихой в бою,
Что хороню я нынче первую
Любовь мою.



ИОСИФ КОЛТУНОВ

ТОВАРИЩИ

Пришлось им пробить леденящую вьюгу
Путем, где другие пройти не решались,
Но руки они протянули друг другу,
И легче на трудном пути им дышалось.

Один о высоком подумал ауле,
Другой — кишлаками далекими бредил,
Но вместе не страшно идти и под пули
Сквозь зарево цвета расплавленной меди.

Под северным небом, на снежной равнине
Один мне сказал (я не помню, который),
Что он никогда не видал Украины,
Другой — что не знает, как выглядят горы.

Как многого мы увидать не успели,
Но всё впереди — не видали — увидим!
Подтянем потуже ремни на шинели —
И выстоим, выдержим, выбьемся, выйдем!

Пусть сосны над нами шумят вековые.
Товарищи, путь наш прекрасен и труден,
И памятью мертвых клянутся живые,
И клятва скрепляется громом орудий.

ОСИП КОЛЫЧЕВ

СОЛОВЬИ

Два соловья поют в лесу,
Зарю малиновую встретив.
По капле солнце пьет росу,
И песню начинает третий.
За оборотом оборот...

Замаскированные в листья,
Сегодня не пройдут вперед
Фашистские мотоциклисты.
Они сегодня лягут в топь,
В лесную ржавчину и сырость.

Гремит стремительная дробь,
Под небом Украины ширясь.
Так звонок голос одного
Над потаенною тропинкой,
Как будто в горле у него
Серебряная есть дробинка.
Другие вторят вперекат
На всем просторе поднебесья...

В тылу фашистов, в чернолесье,
Три партизана говорят.

ПЕТР КОМАРОВ

ПЕСНЯ О КРАСНОМ ГЕНЕРАЛЕ

Пути-дороги далеки.
Сверкают острые штыки,—
И там, и тут
В поход идут
Советские полки.
Победный флаг родной земли
Они в Монголию несли.
У финских гор
Трубили сбор
И славу обрели!

Ведет их красный генерал.
Он поражений не видал,—
Герой страны,
Герой войны —
Наш красный генерал!

Литовец, радостный до слез,
Цветы с полей навстречу нес.
В счастливый час
Увидеть нас
Эстонцу довелось.
Нас обнимал гуцул седой
И молдаванин молодой.
Советский штык
В короткий миг
Их разлучил с бедой.

Нас вел к победам генерал.
Он поражений не видал,—
Герой страны,
Герой войны —
Наш красный генерал!

Великой Родины сыны,
Мы ратным подвигам верны.
Мы все пойдем
На бой с врагом,
Отвагою полны.
Пути-дороги далеки,
Сверкают острые штыки,
И там, и тут
В поход идут
Советские полки!

МЕЧТА

Он с детских лет, как я, любил
Полеты стаи журавлиной,
И крики птиц, и взмахи крыл
Над пожелтевшею долиной.

И, провожая журавлей,
Мечтал он в детстве: «Вот и мне бы
Над тихой улицей моей
Лететь в безоблачное небо».

Мечта сбылась... Но почему
Все так меняется на свете?
Уже не птицам, а ему
С тех пор завидовали дети.

* * *

Что же делать, моя недотрога?
Мне печали твоей не дано.
Только, может, досадно немного
И немножко смешно.

Где-то там, у маньчжурской границы,
У китайских ветров на пути
Ты могла ото всех схорониться,
Затеряться, уйти.

Что ж не вспомнишь, в котором году я
День за днем коротал без тебя?
Ты пришла, на себя негодуя,
И как прежде — любя.

От любви мы теперь не поедем,
Не уйдем от нее никуда.
Ты меня прирученным медведем
Назовешь, как всегда.

Только я не узнаю до гроба,
Что написано в сердце твоем.
Может быть, мы приручены оба?
Может, лучше — вдвоем?..

* * *

Бывает так: сказав однажды «здравствуй»,
Вечерней восторгаясь тишиной,
Ты в парк пойдешь с девчонкою вихрастой,
Чтобы потом назвать ее женой.

А кто-то третий сердце спрячет в лоске
Своих улыбок, патоки густей,
И в новый дом ворвутся отголоски
Недолгих, переменчивых страстей.

И сразу между небылью и былью
Твоих размолвок, недомолвок, встреч
Откуда-то повеет затхлой пылью
Свистящая, приглушенная речь.

И пошлость осторожными хвощами
Немых намеков, чьих-то мелких слов
В тот час и над людьми, и над вещами
Незримо прорастет из-за углов.

Там запоет, а там заплачет кто-то...
Там слышен смех, там — тихая мольба...
В большую жизнь открыли мы ворота.
Но наша не окончена борьба!

К ОРУЖЬЮ, ПАТРИОТ!

В твой дом родной и твой очаг
Стучит прикладом лютый враг,
Он у твоих стоит ворот.
К оружью, патриот!

Расчеты варвара грубы:
Он — господин, а все — рабы.
У нас же с ним один расчет:
К оружью, патриот!

Родная мать, в твоих детей
Фашистский целится злодей.
Но — смерть за смерть! — сказал народ.
К оружью, патриот!

Гранатой бей, коли штыком.
Близка победа над врагом.
Взгляни вперед: она идет.
К оружью, патриот!

РОДИНА

Длинными солдатскими ремнями
Пролегла на запад колея.
Воином предстала перед нами
Родина любимая моя.

Вся перепоясанная строго
Поясами фронтовых дорог,
Чужеземца встретив у порога,
Мстительницей встала поперек.

В силу неизмеренную веря,
Крепостями наши города
Поднялись на панцирного зверя,
Как не поднимались никогда.

Кровью нашей политое поле,
Нашей окропленное слезой,
Русское, знакомое до боли,
Не запашет выходец чужой.

Он у нас оставит на погосте
В северном березовом краю
Прахом истлевающие кости,
Голову разбойную свою.

РЯДОМ С ТОБОЙ

Мы стали суровей и строже,
Но сердце затронешь едва —
Что может быть сердцу дороже,
Чем наша родная Москва!

Бывал ты на фронте иль не был —
Ты видишь, как дым фронтовой
Плывет по московскому небу,
Висит над твоей головой.

Любовь, что и Пушкин и Герцен
Лелеяли в сердце своем,—
Не вырвать из русского сердца,
Жестоким не выжечь огнем!

Нет, лучше в боях рукопашных
Героем погибнуть от ран,
Чем слышать на улицах наших
Густую немецкую брань!

Чье сердце сейчас не стремится
В орлиный полет боевой?
Ты вышла на битву, столица.
Родная! Мы — рядом с тобой!

СЕРДЦЕМ — К СЕРДЦУ

Куда сейчас ни загляните —
В любую хату, в каждый дом —
Сердец невидимые нити
Единым связаны узлом.

Чью жизнь сегодня ни затроньте —
От старика и до юнца —
С красноармейцами на фронте
Все наши мысли и сердца.

И далеко от нас иль рядом
Сейчас клубится дым войны,
Но выстрелы под Ленинградом
Нам и в Хабаровске слышны.

И сердце к сердцу стало ближе,
Плечо — к плечу, рука — к руке.
И вырастают силы трижды
И в молодом, и в старике.

КЕДР

На вершине горного хребта
Он стоял, ветрам наперекор,
Где орлица смелая — и та
Редко пролетала из-за гор.

А внизу, где сыростью пропах
Камень обомшелый у ствола —
Чахлая, колючая, в шипах
Дикая аралия цвела.

И когда тайфун или гроза —
Великан противился седой.
А она сгибалась, как лоза,
Перед каждой новою бедой.

Годы шли без счета и числа,
Годы не тревожили ее,
А над кедром буря занесла
Молнии гиляцкое копье.

Среди мглы — тяжелой и густой —
Старый кедр метался до утра,
И на нем, как панцирь золотой,
Вековая треснула кора.

Словно кровь в груди богатыря,
Смóлы закипели под корой,
Потекли ручьями янтаря
К почве неуютной и сырой.

Тысячами белок по стволу
Желтые запрыгали огни,
Рассыпались, падая во мглу,
Где цвела аралия в тени.

И ее коричневая ветвь
В этот час шептала все сильней,
Что ветрам неистовым в ответ
Лучше пролежать между камней.

Где-то грохот слышался вдали,
Крик орлицы в сумраке глухом,
А она склонилась до земли —
Обрастать лишайником и мхом.

На скалу поднялся человек —
И ему ответила скала,
Где тут жизнь прославилась навек,
Где тут смерть хозяйкою была.

Если мне придется умереть —
Кедром упаду я поутру.
Лучше сразу факелом сгореть,
Чем всю жизнь сгибаться на ветру!

* * *

Широких дорог многоверстьем
Раскинулась наша земля,
Снегов горностаевым ворсом
Покрыты холмы и поля.

Но есть расстоянье прямое
От нас до кремлевской стены.
С высоких отрогов Приморья
Мне древние башни видны.

Иду я по сопкам горбатым,
И кажется: дым фронтовой,
Проплыв над вечерним Арбатом,
Повис над моей головой.

Я вижу московского друга
У старых Ильинских ворот,
В привычные строгие руки
Он молча винтовку берет,

С бойцами гвардейского взвода
Уходит навстречу врагу,
Туда, где зарылась пехота
В глубоком ноябрьском снегу.

А я пограничной тропою
Один прохожу в полумгле,
Доносятся отзвуки боя
И к нашей таежной земле.

В тайге, через все расстоянья,
Я слышу, я чувствую, друг,
И слово твое, и дыханье,
И сердца отчетливый стук.

АЭРОГРАД

Сосну на диком пустыре
Да три палатки на увале
Мы не напрасно в сентябре
Аэроградом называли.

Обозначая первый шаг
И первый час Аэрограда,
К сосне прибила красный флаг
Рабочих первая бригада.

Он был началом всех начал,
Напоминал о нашей славе,
Недосыпали по ночам,
Как на передовой заставе.

А если кто вздремнет, пока
Не подоспел бригадный ужин,—
За неимением гудка
Он будет птицами разбужен.

Сама земля за нас была,
Сама тайга с ее величьем
Нас подгоняла, и звала;
И торопила криком птичьим.

Нам было мешкать не резон,
Пока враги в краю родимом,
Пока зеленый горизонт
Еще объят огнем и дымом.

За полотняным городком
Мы воздвигали кровли цеха,
И скоро утренним гудком
Встречало нас лесное эхо.

Деревья рушились, и вот —
Ни пустыря, ни сосен старых.
Стоят, готовые в полет,
Бомбардировщики в ангарах.

Уже сегодня над тобой
Они прошли в строю орлином.
Аэроград выходит в бой
С надменным городом Берлином!..

Нет, не напрасно в сентябре
Аэроградом называли
Мы три палатки на увале,
Сосну на диком пустыре...

БЕРЕЗКА

Может, это наивно немного —
Люди пусть не осудят за это,—
Но березку одну у дороги
Навещаю я каждое лето.

Здесь я девушку встретил когда-то
И назвал ее робко невестой.
Стало дорого сердцу и свято
На всю жизнь это тихое место.

Мы отсюда глядели на нивы,
На родные колхозные села
И на все, что любили ревниво
Вместе с нею любовью веселой.

В марте месяце, ранней весною
Девятьсот сорок первого года
Распростилась невеста со мною,
И следы замела непогода.

Не меня разлюбила дивчина,
Невзначай приглянувшись другому,—
Просто вышла такая причина:
Захотелось ей к матери в Гомель.

Я ее проводил до вокзала.
Семафоры огнями сверкнули...
«Жди, мой милый,— невеста сказала,—
Я обратно приеду в июле».

* * *

Облокотясь на подоконник,
Ты друга милого ждала.
В окно врывались пять гармоник
Почти со всех концов села.

Ты поднималась им навстречу,
Платок пуховый теребя.
Одна гармоника в тот вечер
Играла только для тебя.

До поздней ночи возле хаты
Тогда был слышен смех девчат.
Но на войну ушли ребята,
И все гармоники молчат.

Твой гармонист из Кишинева
Тебе в деревню шлет поклон.
Ты перечитываешь снова,
Что из похода пишет он.

Фотограф снял его в шинели,
И про себя решила ты,
Что и в боях не постарели
Его веселые черты.

Тут ошибиться не обидно,
Пусть ты немножко неправа:
На фотокарточке не видно,
Как серебрится голова.

И на тебя глядит он строже,
Но ты заметишь по всему,
Что и милее, и дороже
Ты стала другу своему.

Вернется он, и ты для встречи
Наденешь праздничный наряд.
И пять гармоник в этот вечер
Вновь о любви заговорят.

* * *

Слышу голос — нету отголоска.
Степь да степь. И только вдалеке
Гор зазейских синяя полоска,
Как туман, спускается к реке.

Здесь покоем веяло когда-то,
И сейчас не слышится пальбы,
Но идут, как старые солдаты,
На восток дорожные столбы.

* * *

Мы лишь по книгам землю изучали,
У карты отвечали невпопад,
Моря и реки путая вначале
И с Белгородом путая Белград.

Но в этот год мы жгли костры под Ригой,
Прошли Белград, и — дайте только срок —
Сама земля раскрытой ляжет книгой,
Исхоженная вдоль и поперек.

* * *

Утка быстрая в небе лиловом
Прочертила крылами дугу,
И повеяло болиголовом
От высоких стогов на лугу.

Солнце к дальним ушло перелескам,
И, касаясь озер луговых,
Рассыпным переменчивым блеском
Обожгло и осыпало их.

Ты не веришь разводьям утиным,
Поздним светом насквозь залитым —
Золотым, фиолетовым, синим,
Голубым и опять золотым.

Только, сердце другим поверяя,
Ты уже не забудешь нигде
Этот вечер далекого края
С разноцветным огнем на воде.

ИВОЛГА

Прислушайся, как иволга поет,
К нам издалека в рощу залетая.
Опять, опять покоя не дает
Тебе и мне певунья золотая.

Ей ни к чему, что через этот лес
Солдатская дорога проходила
И что травою зарастает здесь
Артиллериста свежая могила.

А ты стоишь без каски у холма,
Не думая, что, может быть когда-то
Свирелью птицы Родина сама
В бой провожала русского солдата.

И вот он спит сейчас глубоким сном,
Как будто лег под этой крышей плотной,
Чтоб вместе с нами в сумраке лесном
Всегда дивиться иволге залетной.

СУНГАРИЙСКИЕ БОЛОТА

Ты вниз поглядел из окна самолета —
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдали.

Там чахлые травы шептались и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, должно быть, с лягушкой в зобу.

Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже лететь никому неохота,—
А как же пехота все это прошла?..

* * *

Этот день по-осеннему мглист.
Погляди, как за нашим окошком
Ветер кружит рябиновый лист,
Рассыпая его по дорожкам.

Я тебе никогда не совру,
Верь тому, что вчера говорилось:
Эта осень пришла ко двору
Лишь затем, чтоб весна повторилась.

* * *

Мы с обрыва с тобой смотрели,
Как от берега в глубину
Золотые плывут форели,
Пошевеливая волну.

Рыб держа на своей примете,
Август бросил на дно реки,
Как ячейки рыбацкой сети,
Солнца трепетные кружки.

* * *

Все пески да пески окрест,
Да горячий монгольский камень.
Голубая юрта небес
Опускается над песками.

Знойной пылью плывет песок,
И колышется, оседая,
На невыбритый твой висок
Марша трудного пыль седая.

Ты отмоешь ее потом,
С плеч солдатских стряхнешь усталость,
Но заметишь, вернувшись в дом:
На висках седина осталась...

* * *

Когда бы я не был знаком
С твоими холмами зелеными,
Что пахнут лесным чесноком,
Сосновой смолой и пионами,

Когда бы не знал я дорог
К твоим соловьиным кустарникам,
К лугам, где мышиный горох
Обнялся с травой-золотарником,

Когда бы в полях не бывал,
Где зреют колхозные озими,
Где с осени каждый увал
Под пашню возделан колхозами,

Когда бы ручьи позабыл,
Где каждая струйка — хрустальная,—
Наверно бы, так не любил
Тебя, сторона моя дальняя...

* * *

Уже без малого два года
Солдат провел в стране чужой,
И вот из дальнего похода
Он возвращается домой.

Передохнув на перекрестке,
Солдат свернул в знакомый лес,
И перед воином березки
Стоят навытяжку окрест.

«Здесь все твое, на все надейся»,—
Шумят столетние дубы
И, словно старые гвардейцы,
Склоняют гордые чубы.

Идет солдат, забыв невзгоды
На травке сделает привал...
Леса родные! В эти годы
Он и за вас повоевал!

ДУБ

Словно часовой, в широкой пойме
Он стоит, оберегая рожь.
И недаром на патрон в обойме
Каждый желудь у него похож.

* * *

Прощанья и встречи с цветами в охапке,
Гудок паровозный вдали.
И тонких морщинок гусиные лапки
У глаз осторожно легли.

Свою забывая спортивную пору
И мяч у футбольных ворот,
Идешь ты—как будто взбираешься в гору:
Под старость одышка берет.

Ну, что же... И я помаленьку старею,
Как в гору иду за тобой.
Но с горной вершины мне станет виднее
Весь этот простор голубой!..

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Сторонка дальняя моя,
С перепелами вдоль обочин,—
Твоею славой славен я.
Твоей заботой озабочен.

Благословен мой край, и в нем —
Наш труд,
Наш дом, где все знакомо.
Я — нитка в знамени твоем
Над черепичной крышей дома.

МАРИЯ КОМИССАРОВА

* * *

Полыхает, полыхает
Над просторами война.
Провожает, провожает
Мужа в армию жена.

Сшила теплую фуфайку,
Сшила варежки ему,
Обернула ноги в байку
Дорогому своему.

И кисет с тоской сердечной
Подала ему в слезах,
Донесла мешок заплечный
До состава на путях.

Эшелон пошел на запад,
А жена пошла домой,
Дома — дети, надо стряпать
И везде успеть одной.

Крепче стойте, бабьи ноги,
Не ломись от горя, грудь,—
И забот и дела много,
После можно отдохнуть.

Ты лети, лети, соколик,
Высо́ко и далеко!
И жена, вздохнув от боли
Тяжело и глубоко,

Вытрет слезы и шагает.
Вот пришла домой — одна...
Дни и ночи полыхает
Над просторами война!

БОРИС КОСТРОВ

У МОГИЛЫ БОЙЦОВ

Отдав салют,
Товарищей останки
Торжественно мы предали земле,
И по команде
Боевые танки
Пошли вперед к сверкающей заре.

И я подумал вслух:
Не на чужбине —
Под сенью звезд далеких и родных
Друзья лежат...
Когда-нибудь долине
Присвоят имя одного из них.

ПОСЛЕ БОЯ

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена...
И, к печке прислонясь спиной,
Спит, стоя, старшина.

Шепчу: — Товарищ, ты бы лег
И отдохнул, солдат!
Ты накормил, как только мог,
Вернувшихся назад.

Ты не поверил нам. Ну что ж,
В том нет большой беды.
Метет метель. И не найдешь
На небе ни звезды.

Твоей заботе нет цены.
Ляг между нами, брат.
Они снежком занесены
И не придут назад.

* * *

Пусть враг коварен —
Это не беда.
Преград не знает русская пехота.
Блестят штыки,
Грохочут поезда,
К победе рвутся вымпелы Балтфлота.

А в небе,
Сделав круг и высоту
Набрав, вступают в бой орлы.
И сразу
Мы слышим сердца учащенный стук,
Но действуем — спокойно,
По приказу.

Мы знаем все,
Что нет таких врагов,
Чтоб волю русских преклонить и скомкать.
Мы — это мы.
Да будет наша кровь
Такой же чистой и в сердцах потомков.

В РАЗВЕДКЕ

Во фляге — лед.
Сухой паек.
Винтовка, пять гранат.
И пули к нам наискосок
Со всех сторон
Летят.

Быть может, миг —
И
Тронет сердце
Смерть.
Нет, я об этом не привык
Писать стихи
И петь.

Я говорю,
Что это бред!
Мы всех переживем,
На пик немеркнущих побед,
На пик судьбы
Взойдем!

А то, что день
И ночь в бою,
Так это не беда.
Ведь мы за Родину свою
Стоим горой
Всегда!

Винтовка, пять гранат.
Пурга.
Рвет флягу синий лед.
Непроходимые снега,
Но путь один —
Вперед!

* * *

Когда в атаке отгремит «ура»,
В ночи звезда скользнет по небосводу,—
Мне кажется, что ты еще вчера
Смотрела с моста каменного в воду.

О чем, о чем ты думала в тот миг?
Какие мысли сердце полонили?
Окопы. Ночь. Я ко всему привык,
В разведку мы опять сейчас ходили.

Но как до счастья далеко! Река
Бежит на запад по долине смело,
А то, что шлем прострелен у виска,
Так это ведь обыденное дело.

* * *

Красный крест на сумке цвета хаки.
Где они, твои шестнадцать лет?
До войны с тобой на «ты» не всякий
Говорить осмелился б поэт...

А теперь сидим мы вот и курим,
Под рукой у каждого наган...
Помню, как-то в огненную бурю
Первая моих коснулась ран.

Я не знал тебя тогда, Мария,
Но, прощаясь с жизнью, может быть,
Обнял землю и сказал: — Россия,
Ты ее не можешь позабыть.

Ну, а дальше — белая палата
Да повязки тяжкие в крови,
В темной биографии солдата
Светлая страница о любви.

Что еще? Про ненависть и славу
До зари беседа, а потом
Наизусть читаешь ты «Полтаву»,
Битвы вспоминая под Орлом.

Да меня украдкой даришь взглядом,
Дым табачный гонишь от лица...
Так всю ночь. И всё за то, чтоб рядом
Быть со мною вечно. До конца.

БОРИС КОТОВ

* * *

В полночь холодно, в полдень жарко.
Ветер хочет всю пыль смести.
Остается рабочий Харьков.
Вехой, пройденной на пути.

Войны слева, и войны справа,
В центре — смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.

Плач старухи и крик девчурки
На развалинах изб стоит,
Я завидую ныне Шурке,
Что в Донбассе ведет бои.

НАТАЛЬЯ КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

* * *

Я не покину город мой,
Венчанный трауром и славой,
Где каждый камень мостовой —
Свидетель жизни величавой,

Где каждый памятник воспет
Стихом пророческим поэта,
Где Пушкина и Фальконета
Вдвойне бессмертен силуэт.

О память! Верным ты верна.
Твой водоем на дне колышет
Знамена, лица, имена,
И мрамор жив, и бронза дышит.

И променять за бытие,
За тишину в глуши бесславной
Тебя, наследие мое,
Мой город великодержавный?

Нет! Это значило б предать
Себя на вечное сиротство,
За чечевицы горсть отдать
Отцовской крови первородство.

НА УЛИЦЕ

(ИЗ ЦИКЛА)

I

Иду в темноте, вдоль воронок,
Прожекторы щупают небо.
Прохожие. Плачет ребенок
И просит у матери хлеба.

А мать надорвалась от ноши
И вязнет в сугробах и ямах.
— Не плачь, потерпи, мой хороший,
И что-то бормочет о граммах.

Их лиц я во мраке не вижу,
Подслушала горе вслепую,
Но к сердцу придвинулась ближе
Осада, в которой живу я.

II

На салазках, кокон пряменький
Спеленав, везет
Мать, заплаканная, в валенках,
А метель метет.

Старушонка лезет в очередь,
Охает, крестясь:
«У моей, вот тоже, дочери
Схоронен вчерась.

Бог прибрал, и слава господу,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих со ста грамм».

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б еще,
Сможет ли зарыть?

А не сможет — сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки,—
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

* * *

Ты пишешь письма, ты зовешь,
Ты к жизни сытой просишь в гости.
Ты прав по-своему. Ну, что ж!
И я права в своем упорстве.

Мне это время по плечу,—
Не думай, что изнемогаю.
За битвой с песнею лечу
И в ногу с голодом шагаю.

И если надо выбирать
Судьбу, не обольщусь другою.
Утешусь гордою мечтою —
За этот город умирать!

* * *

Смерти злой бубенец
Зазвенел у двери.
Неужели конец?
Не хочу. Не верю!

Сложат, пятки вперед,
К санкам привяжут.
— Всем придет свой черед,—
Прохожие скажут.

Не легко проволочь
По льду, по ухабам.
Рыть совсем уж невмочь
От голода слабым.

Отдохни, мой сынок,
Сядь на холмик с лопатой,
Съешь мой смертный паек,
За два дня вперед взятый.

* * *

По радио дали тревоги отбой.
Пропел о покое знакомый гобой.
Окно раскрываю, и ветер влетает,
И музыка с ветром. И я узнаю

Тебя, многострунную бурю твою,
Чайковского стон лебединый,— Шестая,—
По-русски простая, по-русски святая,
Как Родины голос, не смолкший в бою!

* * *

Старик Кутузов,
Лукавая лиса,
Загнал французов
В смоленские леса.

Была удача
Сто тридцать лет назад!
Теперь иначе
Спасем мы Ленинград.

Хитрей подъедем,
Не в лес пошлем врага,
И не к медведям.
А к черту на рога.

НОЧНЫЕ ДЕЖУРСТВА

(ИЗ ЦИКЛА)

I

На крыше пост. Гашу фонарь.
О, эти розовые ночи!
Я белые любила встарь,
Страшнее эти и короче.

В конце пожаров расцвела
Их угрожающая алость.
В ней все сгорит, сгорит дотла
Все, что от прошлого осталось.

Но ты, бессонница моя,
Без содрогания и риска
Глядишь в огонь небытия,
Подстерегающий так близко.

Завороженная, глядишь
На запад, в зарево Кронштадта,
На тени куполов и крыш...
Какая глушь! Какая тишь!
Да был ли город здесь когда-то?

II

После ночи дежурства такая усталость,
Что не радует даже тревоги отбой.
На рассвете домой возвращалась, шаталась,
За метелью не видя ни зги пред собой.

И хоть утро во тьме уже ртутью сквозило,
Город спал еще, кутаясь в зимнюю муть.
Одиночества час. Почему-то знобило,
И хотелось согреться, хотелось уснуть.

Дома чайник вскипал на железной
времянке,
Уцелевшие окна потели теплом,
Я стелила постель на своей оттоманке,
Положив к изголовью Диккенса том.

О, блаженство покоя! Что может быть слаще
И дороже тебя? Да святится тот час,
Когда город наш, между тревогами спящий,
Тишиной утешает недолгою нас.

ОТЪЕЗД

1

Паровозик свистнул тощий,
И махнул платок,— прости!
Чем старее мы, тем проще
Нам и эту боль снести.

Только с сердцем сладить надо,
Крепко сжать его в комок.
Так. Прощай, моя отрада,
Добрый путь тебе, сынок.

2

А писем нет. И мы уж перестали
Ждать дня, который вместе проведем.
Дрожит на люстре и звенит хрусталик,
Зенитки бухают и сотрясают дом.

А за окном ханжой сирена воет,
О гибели, проклятая, скулит.
Беспечность ли, желанье ли покоя
Мне в эту гибель верить не велит?

Пишу стихи, и к смерти не готова
Я в эти дни. А ты? Ты к ней готов?
Открытку с фронта, два бы только слова,
Хотя бы молнию, что жив ты и здоров!

* * *

Раны лечат только временем,
Срок не далеко.
Даже смерть простым забвением
Залечить легко.

Будет день — на небо ясное
Тишина взойдет.
Из-за облака фугасная

К нам не упадет.
Будет день — в прихожей маленькой
Будет толчея.
Я стяну с внучонка валенки.
Вот она — семья!

Затопочут ножки быстрые
В комнату мою.
Я до той минуты выстою,
Клятву в том даю.
Если ж нет... Сотрется временем,
Станет — далеко.
Даже смерть простым забвением
Залечить легко.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ждет у моря израненный город,
Мне к его изголовью пора.
Распахнула у шубы мне ворот,
Тайно крестит меня сестра.

Я подхвачена бурей железной,
Отрываюсь легко от земли
И лечу над привычною бездной
В полыханье заката вдали.

Как и надо для летной погоды,
Ветер сух, но все крепче, острей,—
Встречный, с запада, веющий йодом,
Ветер Балтики, ветер морей.
И уже узнаю сквозь туманы,
В серебристых разливах воды,
Город, славой венчающий раны,
Город преодоленной беды.

Протянувший каналы, как струны,
Вдоль решеток дворцов и садов,
Самый мужественный, самый юный,
Самый верный среди городов!

* * *

Блокады прорвав удушье,
В город ветер ворвался с кочевья.
Неужели весна? Черной тушью
Нарисованы в небе деревья.

А мосты над Невой — как радуги.
Под мостами — крикливые стайки:
Подгоняют льдину из Ладоги,
Суетятся балтийские чайки.

Про победы летит с берегов реки
Громкий радио разговор.
И, почуяв тепло, дистрофики
Выползают из зимних нор.

Неужели весна? Все та же,
Что сводила когда-то с ума?
Что без зова приходит на стражу
И без спроса уходит сама?

* * *

Лето ленинградское в неволе.
Все брожу по новым пустырям,
И сухой репейник на подоле
Приношу я в сумерках к дверям.

Белой ночью все зудит комарик,
На обиды жалуется мне.
За окном шаги на тротуаре —
Кто-то возвращается к жене.

И всю ночь далекий запах гари
Не дает забыть мне о войне.

* * *

Этот год нас омыл, как седьмая щелочь,
О которой мы, помнишь, когда-то читали?
Оттого нас и радует каждая мелочь,
Оттого и моложе как будто бы стали.

Научились ценить всё, что буднями было:
Этой лампы рабочей лимит и отраду,
Эту горку углей, что в печи не остыла,
Этот ломтик нечаянного шоколада.

Дни тревог, отвоеванные у смерти,
Телефонный звонок — целы ль стекла?
Жива ли?
Из Елабуги твой самодельный конвертик,—
Этих радостей прежде мы не замечали.

Будет время, мы станем опять богаче,
И разборчивей станем и прихотливей,
И на многое будем смотреть иначе,
Но не будем, наверно не будем счастливей!
Ведь его не понять, это счастье, не взвесить!

Почему оно бодрствует с нами в тревогах?
Почему ему любо цвести и кудесить
Под ногами у смерти, на взрытых дорогах?

* * *

Майский жук прямо в книгу с разлета
упал,
На страницу раскрытую — «Домби и сын».
Пожужжал и по-мертвому лапки поджал.
О каком одиночестве Диккенс писал?
Человек никогда не бывает один.

* * *

Мне все привычней вдовий жребий,
Все меньше тяготит плечо.
Горит звезда высоко в небе
Заупокойною свечой.

И дольний мир с его огнями
Тускнеет пред ее огнем.
А расстоянье между нами
Короче, друг мой, с каждым днем.

* * *

...И снится мне хутор за Волгой,
Киргизская степь, ковыли,
Протяжно рыдая и долго,
Над степью летят журавли.

И мальчик глядит босоногий
Вослед им и машет рукой:
«Летите, счастливой дороги!
Ищите весну за рекой!»

И только по сердцебиенью,
По странной печали во сне
Я вдруг понимаю значенье
Того, что приснилося мне.

Твое — это детство степное,
Твои журавли с высоты
Рыдают, летя за весною,
И мальчик босой — это ты.

* * *

Торжественна и тяжела
Плита, придавившая плоско
Могилу твою, а была
Обещана сердцу березка.

К ней, к вечно зеленой вдали
Шли в ногу мы долго и дружно,—
Ты помнишь? И вот — не дошли.
Но плакать об этом не нужно.

Ведь жизнь мудрена, и труды
Предвижу немалые внукам:
Распутать и наши следы
В хождениях вечных по мукам.

* * *

Т. Б. Лозинской

Клонятся травы ко сну,
Стелется в поле дымок,
Ветер качает сосну
На перекрестке дорог.

Ворон летит в темноту,
Еле колышет крылом —
Дремлет уже на лету...
Где же ночлег мой и дом?

Буду идти до утра,
Ноги привыкли идти.
Ни огонька, ни костра
Нет у меня на пути.

* * *

Он придет и ко мне, самый страшный час,
Он, быть может, не так уж и страшен.
Вздрогнет пульс, еле слышно, в последний раз,
И заглохнет, навеки погашен.

Что ж! Представить могу, что не буду дышать,
Грудь прикрыв ледяными руками.
Что придут изголовье мое украшать
Обреченными тленью цветами.

И что «вечную память», в который уж раз,
Возгласит панихидное пенье,
Что оно сыновьям утешенья не даст,—
Да и надо ли им утешенье?

Но понять не могу, не могу не могу,
Как — незрим, невесом, бестелесен —
Он остынет со мной, на могильном снегу,
Тайный жар вдохновений и песен!

ВАСИЛИЙ КУБАНЁВ

УРОЖАЕМ УГРОЖАЕМ

Чтобы наша жизнь была крепка,
Зерном чувалы пятило,
Покоя не давай рукам,
Работай втрое, впятеро.

Друзья идут на фронт. Они
Стоят за наше дело.
Подруга, друга замени,
Иди к машине смело!

Чтоб у бойцов у наших был
Обед сытнее сытного,
Скорей сдавай в поставку, тыл,
Зерно для хлеба ситного.

Врагу богатство колет глаз,
Колхозный каждый сажень.
Враг губит все, что есть у нас,
Секретно с неба ссажен.

Чтоб диверсант, в хлебах засев,
Бедою не набаловал,
Следите за полями все,
От старого до малого.

К нам лезут, всё сметая в дым,
Непрошеные гости.
Но мы им сразу говорим:
«Не вырвете ни горсти!»

Для тех, кто к нам затеял лезть
Бандитскими отрядами,
У нас другая пища есть:
Накормим их снарядами.

МЫ НЕ ОДНИ

Берлинских бандитов берет зудеж:
«В России просторы —
богаче не сыщешь!
Сразу — только на землю взойдешь —
В карманы сами полезут тыщи...»
Мы двинули силы к вражьему стану.
Мы стали стеной,
да не мы одни!
В забитых, закрытых фашистами странах
У нас легионы рабочей родни.
На черных дымных развалинах зданий,
Душой ненавидящей не хитря,
Люди
виселицу поставили
И надпись:
«Для Гитлера эта петля».
За нас голоса поднимают народы
Во всех краях
на всех языках.
Мы к ним придем
и знамя свободы
Принесем им в своих руках.
Когда мы бились,
вы были с нами,
Одними словами горели уста.

Живите счастливо,
под Красное знамя
Вместе с нами встав.
Ходите прямо, дышите легко
Все,
сгибавшие спины низко!
Это от Берлина до Москвы
далеко,
А от Москвы до Берлина
близко!

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ

* * *

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.

Я раньше думал: лейтенант
Звучит «налейте нам»,
И, зная топографию,
Он топает по гравию.

Война ж совсем не фейерверк,
А просто — трудная работа,
Когда —
              черна от пота —
                                          вверх
Скользит по пахоте пехота.

Марш!
И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чеботы
Весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы родина
С ежедневными Бородино.

О ВОЙНЕ

Н. Турочкину

В небо вкололась черная заросль,
Вспорола белой жести бока:
Небо лилось и не выливалось,
Как банка сгущенного молока.

А под белым небом, под белым снегом,
Под черной землей, в саперной норе,
Где пахнет мраком, железом и хлебом,
Люди в сиянии фонарей.

(Они не святые, если безбожники),
Когда в цепи перед дотом лежат,
Банка неба, без бога порожняя,
Вмораживается им во взгляд.
Граната шалая и пуля шальная.
И когда прижимаемся, «мимо» — моля,
Нас отталкивает, в огонь посылая,
Наша черная, как хлеб, земля.
Война не только смерть.
И черный цвет этих строк не увидишь ты.
Сердце, как ритм эшелонов упорных:
При жизни, может, сквозь Судан,
Калифорнию
Дойдет до океанской, последней черты.

МАЯКОВСКИЙ

(Последня ночь государства Российского)
Как смертникам, жить им до утренних звезд,
и тонет подвал, словно клипер.
Из мраморных столиков сдвинут помост,
и всех угощает гибель.
Вертинский ломался, как арлекин,
в ноздри вобрав кокаина,
офицеры, припудрясь, брали Б—Е—Р—Л—И—Н,
подбирая по буквам вина.
Первое — пили борщи Бордо,
багрового, как революция,
в бокалах бокастей, чем женщин бедро,

виноградки щипая с блюдца.
Потом пили: эль, и ром, и ликер —
под маузером все есть в буфете.
Записывал переплативший сеньор
цифры полков на манжете.
Офицеры знали — что продают.
Россию. И нет России.
Полки. И в полках на штыках разорвут.
Честь. (Вы не смейтесь, мессия.)
Пустые до самого дна глаза
знали, что ночи — остаток.
И каждую рюмку — об шпоры, как залп
в осколки имперских статуй.
Вошел
человек
огромный,
как Петр,
петроградскую
ночь
стряхнувши,
пелена дождя ворвалась с ним.
Пот
отрезвил капитанские туши.
Вертинский кричал, как лунатик во сне:
«Мой дом — это звезды и ветер...
О черный, проклятый России снег —
я самый последний на свете...»
Маяковский шагнул. Он мог быть убит.
Но так, как берут бронепоезд,
воздвигнулся он на мраморе плит
как памятник и как совесть.
Он так этой банде рявкнул: «Молчать!» —
что слышно стало:
пуст
город.
И вдруг, словно эхо,— в дале-о-оких ночах
его поддержала «Аврора».

ГРИГОРИЙ КУРЕНЕВ

ПОЛОТА

Вс. Иорданскому

1

Под Полоцком
                    было так:
мутная
        Полота,
лес подобстрельный,
                                редкий,
а я —
        командир разведки.
На берегу Полоты
я еще был молодым.

2

На берегу Полоты
мы
    сколотили плоты,
автоматы,
            гранаты — на пояс.
Разведка
            уходит
                    в поиск.

3

Я с пленными
шел на рассвет,
минометы
мне били вслед.
Минометы
били не в лад,
но я
потерял
солдат.
Назад
четыре солдата
по два
несли автомата.

4

Минометы...
били...
не в лад...
Я к комдиву
пришел на доклад.
И выматерился
с досады
комдив 360-й.
Солдат
схоронили рядком
под Зеленым Городком,
а старшина
отдал нам
их четыреста грамм.
На том берегу Полоты
я не был уже молодым.

5

За Полоцком —
Двина,
и опять
война.

Опять приказ:
до рассвета
взять языка,
разведать.

Опять
спотыкались солдаты,
убитых
неся автоматы.

6

И только в Восточной Пруссии,
далеко от Полоты,
снова я
стал
молодым.

ИГОРЬ ЛАШКОВ

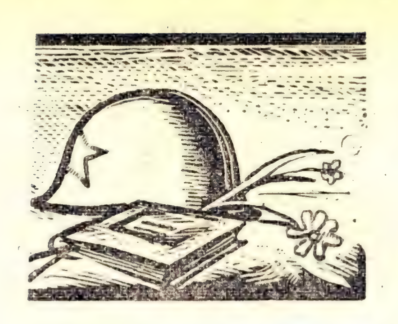
В ШТАБЕ

Диктует писарь в штабе машинистке
Фамилии погибших на войне,
А их так много в этом страшном списке,
Что боль всю грудь разламывает мне.

Землянка содрогается от гула,
С накатов осыпается песок,
И машинистка, сжав худые скулы,
Заканчивает траурный листок.

Она у печки руки согревает,
Ее лицо охвачено огнем,
И тем же шрифтом пальцы отбивают
Приказ о назначении моем.

Быть может, этой самой машинистке
Еще придется встретиться со мной,
Когда взойду строкой на обелиске
Под скромною фанерною звездой.



АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей,
Гектары минно-боновых полей,

Мы всплыли вверх,— нам показалось странно
Так близко снова видеть светлый мир,
Костер зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовой буксир.

Небритые, пропахшие соляром,
В тельняшках, что за раз не отстирать,
Мы твердо знали, что врагам задаром
Не удалось у нас в морях гулять.

А лодка шла, последний створ минуя,
Поход окончен, и фарватер чист.
И в этот миг гармонику губную
Поднес к сухим губам своим радист.

И пели звонко голоса металла
О том, чем каждый счастлив был и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили в порт.

НА ДНЕ

Лежит матрос на дне песчаном,
Во тьме зелено-голубой.
Над разъяренным океаном
Отгромыхал короткий бой,
А здесь ни грома и ни гула...
Скользнув над илистым песком,
Коснулась сытая акула
Щеки матросской плавником...
Осколком легкие пробиты,
Но в синем мраке глубины
Глаза матросские открыты
И прямо вверх устремлены.
Как будто в мертвенном покое,
Тоской суровою томим,
Он помнит о коротком бое,
Жалея, что расстался с ним.

ТЕБЕ

Мы попрощаемся в Кронштадте
У зыбких сходен, а потом
Рванется к рейду серый катер,
Раскалывая рябь винтом.

Под облаков косою тенью
Луна подернулась слегка,
И затерялась в отдаленье
Твоя простертая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров и скуп,
Балтийский ветер сушит влагу
Твоих похолодевших губ.

...И если пенные объятья
Назад не пустят ни на час
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас —

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать,—
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

* * *

Трудом и боем поверяют душу.
Не отступив, пройди моря и сушу
И уцелей в горниле грозном их,
Чтобы себя и мужество решений
Проверить сталью и огнем сражений,
И в этом право на строку и стих,

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над родиной летать.
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

НЕЗРИМАЯ РАНА

—О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет,
И ленты повисли, как траурный флаг,—
Скажи нам, что все это значит?

Не ты ли, моряк, в рукопашном бою
С врагами сражался геройски?
Так что же встревожило душу твою,
Скажи нам, товарищ, по-свойски?

— Друзья, свое горе я вам расскажу,
От вас я скрываться не стану:
Незримую рану я в сердце ношу,
Кровавую, жгучую рану.

Есть муки, которые смерти страшней,
Они мне на долю достались —
Над гордой и светлой любовью моей
Фашистские псы надругались.

Её увели на позор и на стыд,
Скрутили ей нежные руки.
Отец её ранен, братишка убит...
Так мне написали подруги.

Я сон потерял и во мраке ночей,
Чуть только глаза закрываю,
Любовь мою вижу в руках палачей
И до крови губы кусаю.

И нет мне покою ни ночью, ни днем,
От ярости я задыхаюсь.
И только в атаке, в бою под огнем
Я местью своей упиваюсь...

Рыдает и стонет по милой гармонь,—
Она так любила трехрядку...
Скорей бы услышать команду: «Огонь!»
И броситься в смертную схватку!

ГВАРДЕЙСКИЙ МАРШ

В суровых походах, в огне и бою,
Как знамя, проносим мы песню свою.
Гвардейское знамя к победе зовет,
Гвардейская песня в атаку ведет.

Мы смерти не пугаемся,
От пули не сгибаемся,
От раны не шатаемся —
Такой уж мы народ!

Не раз огнём проверены,
Не раз в боях обстреляны,
И нас недаром Родина
Гвардейцами зовёт!

Мы храбрые внуки гвардейцев лихих,
И дедам не стыдно за внуков своих.
В кровавых боях мы сумели прочесть
Гвардейскую доблесть, гвардейскую честь.

Гвардейское знамя в десятках атак
Геройски прославил сапёр и моряк,
И конник, и лётчик, и снайпер, радист,
Отважный наводчик и храбрый танкист.

Кто держит оружье в умелых руках,
Тому честь и место в гвардейских полках.
Гвардейцы не дрогнут в суровые дни,
К победе и славе готовы они!

Мы смерти не пугаемся,
От пули не сгибаемся,
От раны не шатаемся —
Такой уж мы народ!

Не раз огнём проверены,
Не раз в боях обстреляны,
И нас недаром Родина
Гвардейцами зовёт.

ТОЛЬКО Б НАШИ СЕРДЦА НЕ СТАРЕЛИ

Ничего, ничего, дорогая!..
Пусть виски серебрит седина,—
Это, наши сердца сберегая,
Нас слегка присолила война

Ничего, что щепоточку соли
Кто-то бросил на черную прядь,—
Крепче будем! Ни бури, ни боли
Нас теперь не сумеют сломать.

Огорчаться от каждой морщины
Я, ей-богу, не вижу причины:
Посуди, ну какой же мужчина
Без добротных военных морщин!

Нам досталось и радость, и муки
В эти годы пожать на земле.
Будем думать о встрече в разлуке,
Будем помнить о солнце во мгле.

Все придет: соловьиные трели
И заката малиновый час...
Только б наши сердца не старели
И не морщились души у нас!

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Комсомольский билет, комсомольский билет,
Ты у сердца согрет молодого,
Там, где спрятан заветный девичий портрет
Да от матери нежное слово.

Все мечты, всё, что было, что будет и есть,
Всё, что нас согревает на свете,
Нашей юности цвет, нашей Родины честь —
Всё слилось в комсомольском билете.

Пионерских костров золотая зола,
Необъятные наши просторы,
Наша школа, где крепкая дружба росла,
Комсомольские жаркие споры.

Вечеринки, собранья и ночи без сна,
И любовь, и работа большая...
Комсомольский билет — это наша страна,
Это молодость наша родная.

В гимнастерке походной у сердца согрет,
Верный спутник отваги и чести,
Ты на подвиг зовешь, комсомольский билет,
Неустанно взываешь о мести.

Ты как совесть живая с бойцом говоришь,
Слыша сердца биенье любое,
Прославляешь героев и трусов клеймишь,
Вдохновляешь для смертного боя.

Комсомольцы всегда и везде впереди,
Не дают они клятвы впустую,
Как святыню, они берегут на груди
Комсомольскую книжку простую.

Без победы ни жизни, ни радости нет,
Ни свободы, ни дома родного...
Комсомольский билет, ты у сердца согрет,
Ты у сердца согрет молодого!

РОДНАЯ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Над лесами необъятными,
Над полями перекатными,
Под разрывами гранатными
Песни-ласточки летят.

Пахнут рощи горьким порохом,
Шепчут травы тихим шорохом
И о том, что сердцу дорого,
Русским людям говорят.

Россия,
Любимая земля,—
Родные
Березки и поля!
Как дорога ты
Для солдата,
Родная русская земля!
Всё, что дедами построено,
Что отцовской кровью вспоено.
Мы, твои сыны и воины,
Поклялися отстоять.
Много жизней потревожено,
Много вёрст в боях исхожено,
Много храбрых душ положено
За тебя, родная мать!
Мы ведём войну священную,
Мы несём страду военную
За красу твою нетленную,
За сокровища твои
Битвы кончатся кровавые,
Мы придём домой со славою,
И опять в леса кудрявые
Возвратятся соловьи!
Россия,
Любимая страна,—
Родные
Берёзки и поля!
Как дорога ты
Для солдата,
Родная русская земля!

РОССИЯ

Россия, Россия, Россия!
Ты Ленина миру дала,
Ты знамя Советов впервые
Могучей рукой подняла.

Навеки слилась величаво
Под сенью советских знамён
Былая российская слава
Со славою новых времён.

Кремлёвские звезды родные
Над миром горят, как маяк,
Как светочи новой России,
Рождённой в трудах и боях.

С востока легла до заката
Великая наша страна,
Народною дружбой богата
И правдой народной сильна.

Не страшны нам грозы любые,
Бессмертен советский народ.
Россия, Россия, Россия,—
Веди нас к победам вперёд.

ЛЕНИНГРАД

Город мужества суровый,
Над прославленной Невой
Весь в огне, в пурге свинцовой
Ты стоял как часовой.

О тебе мы вспоминали
Всюду, где вели бои,
Как свои, переживали
Раны свежие твои.

И слыхали наши люди
Богатырский голос твой
В каждом радостном салюте
Над великою Москвой.

Расцветай же, наш любимец,
Большевик, моряк, солдат,
Наш гвардеец, наш балтиец,
Наш товарищ — Ленинград!

МОСКВА

И города, как люди и народы,
Свою судьбу имеют на земле:
Одни живут века, другие — только годы
И навсегда теряются во мгле.

Иной из городов когда-то был в почёте,
Стоял в истории на титульных листах,
А нынче вы его на карте не найдёте —
Он тихо одряхлел и медленно зачах.

Зато другой, как день весенний, молод
Растет, цветет, решителен и горд:
Вчера — посёлок, нынче — людный город,
А завтра—крупный центр и всем известный порт.

Есть города, овеянные славой,
Их памятники — точно ордена.
Есть города, носящие по праву
Прославленных людей большие имена...

Но среди многих городов вселенной,
Похожих и различных меж собой
Один есть город, навсегда нетленный,
С неповторимой, сказочной судьбой.

М-о-с-к-в-а! Шесть букв. Короткое названье.
Но в это слово краткое легли
Все долгие людские упованья,
Все лучшие надежды всей земли.

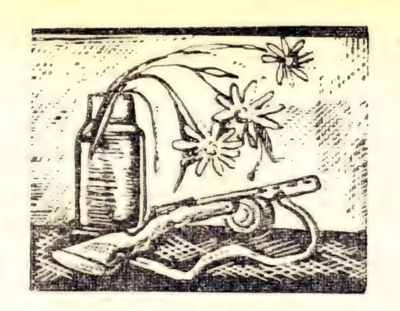
В её истории история народа —
Строителя, героя и бойца.
Написано: Москва! Читается: Свобода!
Так чувствуют все честные сердца.

Враги её смертельно ненавидят,
Друзья готовы жизни ей отдать.

Свои мечты в ней труженики видят —
Свою защиту, Родину и мать.

Все силы мрака смело побеждая,
Озарена сияньем алых звёзд,
Восьмисотлетняя, но вечно молодая,
Она стоит, как в будущее мост.

Все города, как люди и народы,
Свою судьбу имеют на земле.
Но Честь и Правда, Совесть и Свобода
Живут в Москве, в её седом Кремле!



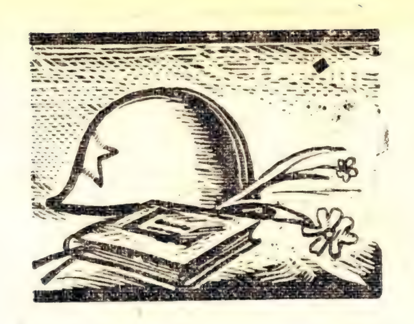
ГРИГОРИЙ ЛЕВИН

НУ, Я ПОЙДУ...

Перед своим подвигом Александр Матросов просто сказал: «Ну, я пойду»

Когда меж взглядов,
как сквозь строй,
прогоним,
Узнаем мы,
кто раб, кто червь,
кто бог!
Солдата узнают не по погонам,
А по подметкам стоптанных сапог.

Он высшей славой на земле отмечен,
Бессмертной, громкой памятью в ряду,
Не статуей предстал,
велик и вечен,
Вполголоса сказал:
— Ну, я пойду.
Но с этим
и погибнуть хорошо нам.
И в нужный час,
опять незаменим,
Он скажет нам,
как о давно решенном;
— Ну, я пойду!..—
И мы
пойдем
за ним.



ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

ЛЕНИН В ПРАГЕ

Есть даты, что не старятся с веками.
Их повторяют мрамор и гранит...
Я видел в Праге дом,
где каждый камень
О Ленине сказание хранит.
Там навсегда впечатаны у входа
следы его стремительных шагов.
...Летел январь двенадцатого года
над крышами чужих особняков.
И снег летел.
Шуршали хлопья, тая
и сразу исчезая на лету...
Был Ленин непреклонен, утверждая
грядущих революций правоту.
В параграфах партийной директивы
и в страстном выступленье Ильича
такие открывались перспективы,
что сердце замирало сгоряча.
В далекий год
в конспиративном зале,
в неровном свете тусклого огня,
он говорил — и люди осязали
величие сегодняшнего дня.
А вечером,
когда лучи косые
окрашивали окна этажа,
в старинном доме пели о России,

о Волге
и о бреге Иртыша...

...В предместии,
пожарами объятом,
еще алеет кровь у баррикад.
Мы входим в Прагу
в славном сорок пятом
тяжелою походкою солдат.
Уже в Градчанах вывесили флаги,
к ним рвется ветер волжских берегов.
И Ленин вновь
идет по шумной Праге
в огне знамен прославленных полков.

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

МОЯ МОСКВА

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Москвою привык я гордиться,
И везде повторяю слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлевских курантов бой.
В городах и далеких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

* * *

Алексею Недогонову

Так давно повелось на свете,
Что, солдатскому долгу верны,
На войну уезжают дети,
Приезжают мужчины с войны.

Может, мне тогда показалось
Или впрямь от нежданных вьюг
Все, к чему зима прикасалась,
Побелело вокруг.

Я невольно смотрю с уваженьем,
Даже с завистью, на виски,
Опаленные вихрем сраженья,
Белым пламенем первой пурги.

И в ответ мне глядят родные,
Те, которых забыть нельзя,
Чуть жестокие, озорные,
Повидавшие смерть глаза.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

БАЛЛАДА О ЧЕРСТВОМ КУСКЕ

(ЗИМА 1941/42 ГОДА)

По безлюдным проспектам оглушительно звонко
Громыкала — на дьявольской смеси — трехтонка.
Леденистый брезент прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны замечательных грузов.

Молчаливый водитель, примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты, хлеба вез он буханки,
Вез он сало и масло, вез консервы и водку,
И махорку он вез, проклиная погодку.

Рядом с ним лейтенант прятал нос в рукавицу,
Был он худ. Был похож на голодную птицу.
И казалось ему, что водителя нету,
Что забрел грузовик на другую планету.

Вдруг навстречу лучам — синим, трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул, покорежен пожаром,
А сквозь эти лучи снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука,— плавно, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант.— Погодите, водитель.
Я,— сказал лейтенант,— местный все-таки житель.—
И шофер осадил перед домом машину,
И пронзительный ветер ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант по знакомым ступеням.
И вошел. И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные ребрышки... бледные губки...
Старичок семилетний в потрепанной шубке...

— Как живешь, мальчуган? Отвечай без обмана!..—
И достал лейтенант свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок дал он сыну:
— Пожуй-ка,—
И шагнул он туда, где дымила буржуйка.

Там, поверх одеяла, распухшие руки.
Там жену он увидел после долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться, взял за бедные плечи
И в глаза заглянул, что мерцали, как свечи.

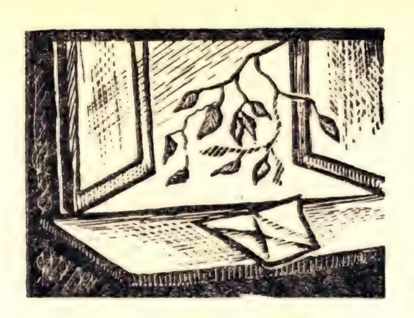
Но не знал лейтенант семилетнего сына.
Был мальчишка в отца — настоящий мужчина!
И, когда замигал догоревший огарок,
Маме в руку вложил он отцовский подарок,

А когда лейтенант вновь садился в трехтонку,
— Приезжай! — закричал ему мальчик вдогонку
И опять сквозь лучи снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука,— плавно, медленно, сыто...

Грузовик отмахал уже многие версты.
Освещали ракеты неба черного купол.
Тот же самый кусок — ненадкушенный, черствый —
Лейтенант в том же самом кармане нащупал.

Потому что жена не могла быть иною
И кусок этот снова ему подложила,
Потому что была настоящей женою,
Потому что ждала, потому что любила.

Грузовик по мостам проносился горбатым,
И внимал лейтенант орудийным раскатам,
И ворчал, что глаза снегом застит слепящим,
Потому что солдатом он был настоящим



БОРИС ЛИХАРЕВ

* * *

Написал я все, что надо,
А увижусь — доскажу.
А теперь письмо солдата
Треугольником сложу.

Угол первый — самый главный.
Этот угол я загну,
Чтоб с победою и славой
Мы окончили войну.

Я сложу края второго,
Вот и вышел уголок,
Чтоб вернуться мне здоровым
На отеческий порог.

Ну а третий, ну а третий
В честь твою сложу скорей,
Чтоб тебя, как прежде, встретить
И назвать тебя своей.

Так лети с приветом жарким
На заветное крыльцо,
Треугольное, без марки,
Фронтовое письмецо!

КАМЕНЬ

Он выщерблен ветром,
Облизан метелью,
Он голый и синий, как лед.
Все камень да камень,
Он был нам постелью
Средь этих полярных широт.

Все камень да камень,
От Западной Лицы
До моря лишь камни видны.
Ни дома, ни дыма,
Ни зверя, ни птицы;
Куда ни взгляни — валуны.

Из них мы себе
Воздвигали жилище.
А с полюса хлынет зима —
И вьюга заплачет
Застонет, засвищет,
И стужа нагрянет и тьма.

Но градом по камню
Ударили пули,
От грома качнулась гора,
Мы с камня поднялись,
По камню шагнули,
Когда нам настала пора.

Об этом словами
Не скажешь сегодня,
Об этом лишь буря гремит.

И те, кто остались
В той преисподней,
Не в землю легли,
А в гранит.

Его мы запомним
В краю невеселом:
Блестит он в полярной ночи,—
Все камень да камень,

Холодный и голый...
— Мы тверже, чем камень,
Молчи!

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Вся в багрянце, сияет полночная высь,
В красоте несказанной и строгой.
Столько было огня на земле, что зажглись
Небеса и погаснуть не могут.

Словно там, в вышине, разгорается бой,
Полыхая то ярче, то глуше.
И живут продолжением жизни земной
С честью павших бессмертные души.

Это — вечная почесть героям горит
Над полярною тундрой глухою,
Это — небо земли отраженье хранит
И гордится отвагой земною.

ВСЕВОЛОД ЛОБОДА

НАЧАЛО

Лес раскололся тяжело,
Седой и хмурый.
Под каждым деревом жерло
Дышало бурей...

Стволам и людям горячо,
Но мы в азарте.
Кричим наводчикам:
«Еще,
Еще ударьте!..»

Дрожит оглохшая земля.
Какая сила
Ручьи, и рощи, и поля
Перемесила!

И вот к победе прямиком
За ротой рота
То по-пластунски,
то бегом
Пошла пехота.

ДОРОГА

Солдатские дороги,
коричневая грязь.

С трудом волочишь ноги,
на климат разъярясь.
Лицо твое багрово —
холодные ветра
сговаривались снова
буянить до утра.
Набухла плащ-палатка,
лоснится под дождем,
На то ноябрь.
Порядка
от осени не ждем.

Боец, идешь куда ты
и думаешь о ком?
Шрапнельные снаряды
свистят над большаком.
А где же дом, в котором
просох бы да прилег?..
За голым косогором
не блещет огонек.
Тебе шагать далече —
холмов не перечтешь,
лафет сгибает плечи,
а все-таки идешь.

Ведут витые тропы,
лежат пути твои
в траншеи да в окопы,
в сраженья да в бои.
Шофер потушит фары
под вспышками ракет...
На западе
пожарам
конца и края нет.
Кричит земля сырая:

— Спеши, боец, вперед,
оружием карая
того, кто села жжет!
От гнева — дрожь по коже,
соленый пот на лбу;
ногам легко,
и ноши
не чуешь на горбу.

И греет жарче водки
нас воздух фронтовой.
И радостные сводки
рождает подвиг твой.

Солдатские дороги
придут издалека
к домашнему порогу
со славой на века.

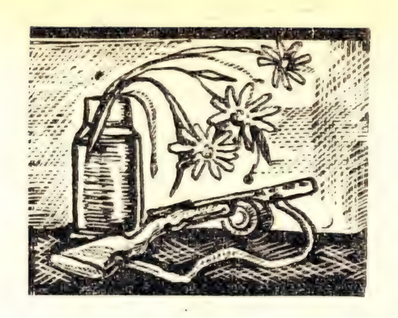
* * *

Петру Назарову

Над полем рвалась раскаленная сталь.
Завьюжил округу колючий февраль.
В тот день
как награду за молодость лет
вручили бойцу комсомольский билет.

Он груз драгоценный у сердца носил,
в бою не жалел нерастраченных сил,
и к сердцу билет комсомольский прирос,
бойца согревая в метель и в мороз.

Прошел незаметно неслыханный год
окопных тревог, фронтовых непогод.
Ефрейтор с билетом заветным своим
отважен, и весел, и неуязвим:
не страшно солдату дыханье огня,
покуда на сердце такая броня.



ДАВИД ЛОНДОН

ПРИВАЛ

Хорошо на пять минуток
Вещмешок стянуть с плеча,
В кучу свежих незабудок
Рухнуть телом сгоряча.

И, зажав в ногах винтовку,
Растянуться на земле,
Отпустив при этом ловко
Восемь дырок на ремне;

Положить с собою рядом
Запыленный шлем стальной,
Что отмечен был снарядом
В жаркой битве над Невой.

Иль свернуть к избе дощатой,
Дверь откроется на стук.
Что же слаще для солдата,
Чем вода из женских рук?

Но положено солдату
Брать на отдых и уют —
Всем: женатым, неженатым —
Ровным счетом пять минут.

Срок прошел. Бери винтовку.
Жаркий пот сотри с лица.
И шагай без остановки
До победы, до конца.

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

ТАНКИСТЫ

Своими танками окружены,
Танкисты, видят боевые сны.
На серых одеялах спят они.
Кругом стоит стена седой брони.

На гусеницах — грязь лесных дорог,
По серой краске — пулевой поток.
И лунный свет,
                играя в нечет-чет,
Через листву по кожухам течет.

Была броня от пуль накалена,
Но выдержала семь боев она.
Теперь луна наводит чудеса
На злые молчаливые леса.

Дозорные машины начеку.
Пролетный ветер трогает щеку.
Да политрук,
                огарок засветив,
Насвистывает все один мотив
И вспоминает,
                вынув карандаш,
Про каждый танк
                и каждый экипаж,
Хорошие ребята!
                Нет цены.

Рабочие, крестьянские сыны.
С таким народом —
только захоти —
Полсвета
можно смело обойти.

ДРУГУ

Опять, как в те года, когда над головой
У нас с тобой летел ветров пустынных вой,
Я верную тебе протягиваю руку,—
Ведь мы давным-давно поверили друг другу,

Мы оба северяне. Нам сродни
Чудачества, и хмель, и пасмурные дни,
И одиночество, и пыльный запах юга,—
Ведь мы давным-давно проверили друг друга.

Что скажешь, старый друг? Что слишком жадно жил,
Что был нетерпелив, стихом не дорожил,
Душой не дорожил? Что вечно шел навстречу
Звериной теплоте и ласке человечьей?

Ну что же, я приму упрек твой справедливый,
Приму, благословив хребты, моря, заливы
И многих дальних стран пути и города,
Где тратил я себя без важного труда,
Но чтобы жизнью жить и вкус земли почуять,
Воюя и учась, влюбляясь и кочуя.

А время движется. И войны и судьба
Идут навстречу нам, и темная резьба
На лбах упрямых все ясней, и сроки
Уже приходят. Но, клянусь тобой,
Стихи, как трубачи, нам протрубят отбой.

Е. Л. Б.

Перекрёсток. Красный светофор,
Тормозят машины в красном свете.
Как ребячий монотонный хор,

Мягко запевает вьюжный ветер.
Вот и всё. Земля опять тиха
Или... притворяется такою.
Разодевшись в белые меха,
Может быть, она пришла к покою?
Может быть?
Но столько мёртвых вьюг
Занесло, что сердцу было мило.
На восток, на север и на юг
И на запад бросило могилы.
Взвешенная на стальных весах,
Середина, века нам досталась,
Снег дорог... Горелые леса...
Щебень городов... Сердец усталость...
И такая жажда жить, дружа
С песней, ёлкой, лёгкою порошей,
И такая гордость, что душа
Хочет быть и быть должна хорошей.
И такая ярость, что порой
Слышат люди, даже умирая,
Как земля под ледяной корой
Волнами огня шутя играет.
Вдоль стены Кремлёвской по прямой —
Старая московская дорога.
Поздно возвращаюсь я домой.
Много прожил, а сказал немного.
Но ложится в руки шар огня,
Вдруг дыханье сделалось короче.
Поднимает и несет меня
Дикое знахарство этой ночи.
Кажется — вот-вот я всё пойму,
Мышцы, волю, разум напрягая,
Но земля спокойна, и в дому
Ты, грустя, заснула дорогая.
Ты летишь и видишь сон во сне,
Будто всё чудесно между нами.
В заячьих фуфайках пухлый снег
Кружится, снуёт под фонарями.
Вот и снегом всё заметено.
Белый цвет и черный без оттенков.
В комнате твоей темным-темно,
Только вещи чуть сквозят в простенках.
Сон качает круглой головой,
Детские показывает страны.

Ходит шерстолапый домовой,
Ледяные капли пьёт из крана.
Снова так мучительно знаком
Отраженный свет привычных окон.
Кончилась война, и снова дом
Полон той же жизнью, тем же соком.
Может, правду говорят, что смерти нет?
Только свет, и снег, и сон, и строки...
И опять не хочет дать ответ
Город мой, столь доблестный и строгий.
И опять ночная жизнь стиха
Лжёт о том, что всё полно покоя.
Вот и всё.
Земля опять тиха
Или ... притворяется такою.

БАРСУК

Е. Л. Быковой

Боз-су. Ни ветра, ни души,
Вечерний взлёт тумана.
Барсук убрался в камыши —
Он вылез из капкана.
Отец с утра сажает рис,
И мама встала рано...
Он тихо лапу перегрыз
И вылез из капкана.
А что за сторож ты при нём,
Всегда весна туманна,
Цветочной пылью и огнём
Мчит день Узбекистана.
Для маленькой твоей души
Раскрасил мак поляны.
Барсук убрался в камыши —
Он вылез из капкана.
Тебе бы нужно сторожить,
Но столько пчёл и мошек,
И рыбок острых, как ножи,
И ящериц хороших.
И столько сказок здесь лежит

На глиняных откосах...
Пусть милый край спокойно спит
В апрельских чистых росах.
Не бойся, девочка, не плачь,
Ушёл зверёныш хмурый.
Дороже родинка твоя
Его паршивой шкуры.
Я отведу твою беду.
Он вылез из капкана...
По всем ущельям я пройду.
Заря. Полёт тумана.
Ты знаешь, долго думал я,
Что нет волшебных песен,
Что в западне любовь моя,
Но вечер так чудесен.
Так радостно,
шумит Боз-су!
Не надо больше плакать.
Быть может, я и есть барсук,
Себе отгрызший лапу?!

ПЛАТОК ЭТЬЕНЕТТЫ

Дождь весны.
Вокзальные перила.
Так прощанье было нам дано.
Ты тогда платок мне подарила
На ночном вокзале «Care du Nord».
Глазом немигающим и рыжим
В темноту глядел локомотив,
И над всем блистающим Парижем
Дождь метался, гриву распустив,
Золото витрин, огней потоки
Через пять минут умчатся прочь,
Я рванусь на Родину,
к востоку,
Сквозь германскую глухую ночь.
Расставанья час всегда непрошен.
Загрустил я,
твой Париж
любя.

Не забуду я друзей хороших
Дольше всех мне не забыть тебя.
Это было так давно, товарищ,
Будто дымом всё заволокло.
От Дюнкерка, от ночных пожарищ
Багровело каждое стекло.
И сказал подлец, что больше нету
Франции,
Тут гады вылезли из нор.
Но платок твой помню, Этьенетта,
На ночном вокзале «Care du Nord».
Ты вдали как будто бы читала
Список бед, скитаний и разлук,
Агитпроп Латинского вокзала,
Этьенетта,
                незабвенный друг.
Это не в кино идёт картина —
Сердцем слышу гневный голос твой.
Дохлый флаг ефрейтора — кретина
Над Парижем взвился, как живой.
И дожди великой скорби льются
Первый год,
                второй и третий год.
Над страной громовых революций.
Слышишь, Франция?
                                Не умер твой народ!
«Франция» — скажу,
                                и сердце радо.
Мы пришли — ушла чумная мгла.
И судьба твоя у Сталинграда
Мощным взмахом решена была.
И над мерзостью, унылым тленьем
Пушки русских издалёка бьют,
Грозные бои Сопротивленья
На парижских площадях встают.
Это не в кафе звенит гитара,
Не в Палате нудный разговор —
Это ты идёшь с винтовкой старой
На вокзале полночный «Care du Nord».
Для меня была ты чистым светом
Франции, всегда любимой мной,
Девочка с Монмартра,
                                Этьенетта,

Алый флаг над древнею страной.
Помни, друг, что всюду на планете
Есть твои заветные друзья,
Огонёк Парижа,
Этьенетта,
Есть на свете родина моя.
Твой платок храню я, Этьенетта.
Пусть он будет лучшей из примет —
Тот кроваво — красный цвет рассвета,
Цвет Коммуны —
наш единый цвет.

СОН

Ты забылась в тёплой дрёме.
Зеркало. Кусок стены.
Тихо, словно в этом доме
Всё спокойствие страны.
Золотая бродит дрёма.
Дрёма, ляг, угомонись.
С ближнего аэродрома
Самолёты унеслись.
И плывут они над нами,
Выше туч, в лучах луны.
Стерегут, свистя крылами,
Всё спокойствие страны.
Чистый, праздничный, весёлый,
Снег летит со всех сторон.
В одеяло весь посёлок
Заворачивает он.
Пересчитывая стрелки,
Мчат ночные поезда.
И на кухне
мелко-мелко,
Дробно капает вода.
Свет луны слепящий, пышный.
Льются лунные струи...
Только б целовать неслышно
Веки сонные твои.

МИХАИЛ ЛУКОНИН

ХОРОШО

Хорошо перед боем,
Когда верится просто
В то, что встретимся двое,
В то, что выживем до ста.
В то, что
не оборвется
Все свистящим снарядом,
Что не тут разорвется,
Дальше где-нибудь, рядом.

В то, что с тоненьким воем
Пуля кинется мимо.
В то,
чему перед боем
Верить
Необходимо.

ПРИДУ К ТЕБЕ

Ты думаешь:
Принесу с собой
Усталое тело свое.
Сумею ли быть тогда с тобой

Целый день вдвоем?
Захочу рассказать о смертном дожде,
Как горела трава,
А ты —
и ты жила в беде,
Тебе не нужны слова.
Про то, как чудом выжил, начну,
Как смерть меня обожгла.
А ты —
ты в ночь роковую одну
Волгу переплыла.
Спеть попрошу,
а ты сама
Забыла, как поют.
Потом
меня
сведет с ума
Непривычный уют:
Будешь к завтраку накрывать,
А я усядусь в углу,
Начнешь, как прежде,
стелить кровать,
А я
усну
на полу.
Потом покоя тебя лишу,
Вырою щель у ворот,
Ночью,
вздрогнув,
тебя спрошу:
— Стой! Кто идет?!

Нет,
не думай, что так приду.
В этой большой войне
Мы научились ломать беду,
Работать и жить вдвойне.
Не так вернемся мы!
Если так,
То лучше не приходить.
Придем — работать,
курить табак,
В комнате начадить.
Не за благодарностью я бегу —

Благодарить лечу.
Все, что хотел, я сказал врагу,
Теперь работать хочу.
Не за утешением —
утешать
Переступлю порог.
То, что я сделал, к тебе спеша,
Не одолженье,
а долг.
Друзей увидеть, в гостях побывать,
И трудно
и жадно жить.
Работать — в кузницу,
спать — в кровать.
Стихи про любовь сложить.
В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

* * *

Ты в эти дни жила вдали,
Не на войне со мной,
Жила на краешке земли,
И нелегко одной;

Три лета,
три больших зимы
Просил: повремени!
Теперь я рад, что жили мы
В разлуке эти дни.

Теперь хочу тебя просить:
Будь той же самой ты,
Чтоб было у кого спросить:
— А как цветут цветы?

— А что же нет окопа тут?
— Что ночи так тихи?
— А где,
когда,
на чем растут
Хорошие стихи?

Чтоб объяснила: — Вот река
(Не крови, а воды),
А вот на трубочке листка
Есть гусениц следы.

Чтоб я поднялся в полный рост,
Узнав из милых слов,
Что, кроме пулеметных гнезд,
Есть гнезда воробьев.
Чтоб я,
покамест я живу,
Увидел — жизнь сложней.

Чтоб я и счастье и беду
Сердечные
узнал.
Чтоб я не понимал траву
Как средство
скрыться в ней,
Или упавшую звезду
Не принял за сигнал.

Шалун уронит барабан,
Гроза пройдет в окне
Иль в щель метнется таракан,—
Я вспомню о войне.

А ты догадку утаи
И все сумей понять,
Чтоб я взглянул в глаза твои
И мог любить опять.

Ведь в эти взорванные дни,
В дышащий местью час
Был должен к празднику хранить
Добро один из нас.

Я счастлив:
ядовитый дым
Не тронул глаз твоих!
Того, что видел я один,
Нам хватит на двоих.

ПРИШЕДШИМ С ВОЙНЫ

Нам не речи хвалебные,
Нам не лавры нужны,
Не цветы под ногами,—
Нам, пришедшим с войны,
Нет,
      не это.
Нам надо,
Чтоб ступила нога
На хлебные степи,
На цветные луга.
Не жалейте,
                    не жалуйте отдыхом нас:
Мы совсем не устали,
Нам —
      в дорогу как раз!
Не глядите на нас
                    с умилением,
Не
   удивляйтесь
                    живым.
Жили мы на войне!
Нам не отдыха надо
И не тишины.
Не ласкайте нас маркой:
«Участник войны».
Нам —
        трудом обновить
                    ордена и почет,
Жажда трудной работы
                    нам ладони сечет.
Мы окопами землю изрыли,
                    пора
Нам точить лемехи
И водить трактора.
Нам пора
        звон оружья —
                    на звон топора,
Посвист пуль —
                    на шипенье пилы
                    и пера.
Ты прости меня, милая,

Ты мне жить помоги,—
Сам шинель я повешу,
Сам сниму сапоги,
Сам тебя поведу,
Где дома и гроза.
Пальцы в пальцы вплету,
И глазами — в глаза.
Я вернулся к тебе,
Но кольцо твоих рук —
Не замок,
не венок,
не спасательный круг.
Нам —
не праздновать праздно,
Нам — хмелеть от труда.
Чтоб работой прославить
В мире мир навсегда.

МОИ ДРУЗЬЯ

Госпиталь.
Всё в белом.
Стены пахнут сыроватым мелом.
Запеленав нас туго в одеяла
И подтрунив над тем, как мы малы,
Нагнувшись, воду по полу гоняла
Сестра.

А мы глядели на полы,
И нам в глаза влетала синева,
Вода, полы...
Кружилась голова.
Слова кружились:
«Друг, какое нынче? Суббота?
Вот, не вижу двадцать дней...»
Пол голубой в воде, а воздух дымчат.
«Послушай, друг...» —
И все о ней, о ней.

Несли обед.
Их с ложек всех кормили,

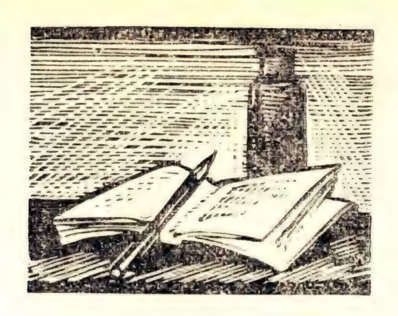
А я уже сидел спиной к стене.
И капли щей на одеяле стыли.
Завидует танкист ослепший мне,
И говорит про то,
как двадцать дней
Не видит. И —
о ней, о ней, о ней...
— А вот сестра,
ты письма продиктуй ей!
— Она не сможет, друг,
тут сложность есть.
— Какая сложность? Ты о ней не думай...
— Вот ты бы взялся!
— Я?
— Ведь руки есть?!
— Я не смогу!
— Ты сможешь!
— Слов не знаю!
— Я дам слова!
— Я не любил...
— Люби!
Я научу тебя, припоминая...—
Я взял перо.
А он сказал: — «Родная!» —
Я записал. Он:
— «Думай, что убит...» —
«Живу»,— я написал. Он:
—«Ждать не надо...»—
А я, у правды всей на поводу,
Водил пером: «Дождись, моя награда...»
Он: — «Не вернусь...» —
А я: «Приду! Приду!» —

Шли письма от нее. Он пел и плакал,
Письмо держал у просветленных глаз.
Теперь меня просила вся палата:
— Пиши! —
Их мог обидеть мой отказ.
— Пиши!
— Но ты же сам сумеешь, левой! —
— Пиши!
— Но ты же видишь сам?!
— Пиши!..

Всё в белом.
Стены пахнут сыроватым мелом.
Где это все? Ни звука. Ни души.

Друзья, где вы?..
Светает у причала.
Вот мой сосед дежурит у руля.
Все в памяти переберу сначала.
Друзей моих ведет ко мне земля.
Один — мотор заводит на заставе,
Другой — с утра пускает жернова.

А я?
А я молчать уже не вправе,
Порученные мне, горят слова.
— Пиши! — диктуют мне они.
Сквозная
Летит строка.
— Пиши о нас! Труби!..
— Я не смогу!
— Ты сможешь!
— Слов не знаю...
— Я дам слова!
Ты только жизнь люби!



МИХАИЛ ЛЬВОВ

* * *

Чтоб стать мужчиной — мало им родиться,
Как стать железом — мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Как трудно в сапогах шагать в июле.
Но ты — солдат и все сумей принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти — тоже ведь оружье,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

ВЫСОТА

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята,
И знают уцелевшие солдаты —
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,

Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

ЗВЕЗДОЧЕТУ

Еще придут такие ночи —
Травой окопы зарастут,—
И, разбирая звездный почерк,
Забудут все, что было тут.

Поймет ли это, кто здесь не был,
А нам, встававшим в полный рост,
Земля была дороже неба
И сухари нужнее звезд.

ПИСЬМО

Возможно, будет мрачная погода,
Тебе покажется, что мало строк.
Что я тебе за целые полгода
И полстраницы написать не смог...

Не доверяй погоде и досаде
И хоть открытку в ящик оброни...
Торопимся к берлинской автостраде
И письма пишем не сходя с брони.

МИХАИЛ ЛЬВОВСКИЙ

СОЛДАТЫ ИДУТ

Вот солдаты идут
По степи опаленной,
Тихо песни поют
Про березки да клены,
Про задумчивый сад
И плакучую иву,
Про родные леса,
Про родные леса
Да широкую ниву.

Вот солдаты идут —
Звонче песня несется,
И про грозный редут
В этой песне поется,
Про отвагу в бою,
И про смерть ради жизни,
И про верность свою,
И про верность свою
Нашей славной отчизне.

Вот солдаты идут
Стороной незнакомой,
Всех врагов разобьют
И вернутся до дому,
Где задумчивый сад
И плакучая ива,
Где родные леса,
Где родные леса
Да широкая нива.

ГРИГОРИЙ ЛЮШНИН

* * *

Бейте, бейте шомполами,
Все равно не закричу!
На решетке, сжав зубами,
Гайку ржавую верчу.
На свободе быть хочу!

Вот она в цветах,
смотрите:
До нее подать рукой!
Только очень трудно выйти
Мне из камеры сырой:
Смотрит зорко часовой.

Смотрит,
грубо окликая,
С вышки пули сыплет вниз.
Есть ли сила в нем такая —
Удержать меня?
Не знаю!
Я ведь гайку перегрыз.

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

МЫ

Это время
трудновато для пера.
Маяковский

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатого плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.

Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх — и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть неточны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

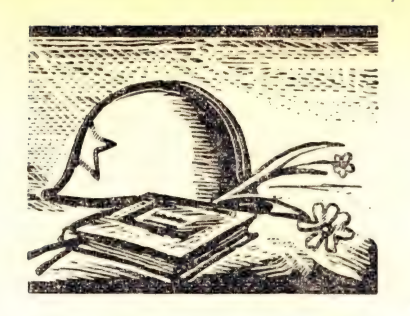
* * *

Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре
И бились честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, еще — в бока.
Но на лицо не подымалась
Сухая детская рука.

А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.

И мы росли, не понимая,
Зачем туда сошлись полки:
Неужли взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?
Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имелась жалость,
Которой взрослый не имел.

А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города,
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.



МАРК МАКСИМОВ

МАТЬ

Жен вспоминали
                на привале,
друзей — в бою.
                И только мать
не то и вправду забывали,
не то стеснялись вспоминать.

Но было,
что пред смертью самой
видавший не один поход
седой рубака крикнет:
— Мама!
...И под копыта упадет.

БАЛЛАДА О ЧАСАХ

Врага мы в полночь окружить хотели.
Разведчик сверил время — и в седло!
Следы подков запрыгали в метели,
и подхватило их и понесло...

Но без него вернулся конь
                сначала,
а после — мы дошли до сосняка,
где из сугроба желтая торчала
с ногтями почернелыми рука.

Стояли сосны, словно часовые...
И слушали мы, губы закусив,
как весело — по-прежнему живые —
шли на руке у мертвого часы.

И взводный снял их.
Рукавом шершавым
сердито льдинки стер с небритых щек,
и пальцем — влево от часов и вправо —
разгладил на ладони ремешок.

— Так, значит, в полночь, хлопцы!
Время сверьте!..
И мы впервые поняли в тот час:
как просто начинается бессмертье,
когда шагает время через нас!

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

РАССТРЕЛ

Привели сынишку коммуниста.
Встал он рядом с матерью у рва.
А стрижи резвились в небе чистом,
И росла веселая трава.

Дал команду офицер немецкий.
Автоматы глянули в упор.
Вот взметнутся огненные всплески,
И окончен будет разговор.

Но иначе думает курносый,
И улыбка на его лице:
Не докурит немец папиросы,
Все не так получится в конце!

Из-за леса вылетит тачанка,
И враги рванутся наутек.
Пулеметом прострочит их Анка.
Слышишь, конский топот недалек!

Или красных партизан засада
Пленников избавит все равно,
Или Павка налетит с отрядом...
Словом, так, как видел он в кино.

И упал мальчишка навзничь с верой,
С ожиданьем радостным в глазах,
Что покончат с этим офицером
Красные, примчавшись на рысях!

СЕРГЕЙ МАРКОВ

СУСАНИН

Поет синеволосая зима
Под окнами сусанинской светлицы...
Приснились — золотая Кострома,
Колокола Ипатьевской звонницы.

Трещат лучины ровные пучки,
Стучит о кровлю мерзлая береза.
Всю ночь звенят запечные сверчки
И лопаются бревна от мороза.

А на полу под ворохом овчин
Кричат во сне похмельные гусары —
И ляхи, и оборванный немчин,
И черные усатые мадьяры.

Прощайте, избы, мерзлые луга,
И темный пруд в серебряной оправе...
Сколь радостно идти через снега
Навстречу смерти, подвигу и славе...

Сверкает ледяная бахрома.
Сусанин смотрит грустными глазами
На полдень, где укрылась Кострома
За древними брусничными лесами.

И верная союзница — метель
По соснам вдруг ударила с размаху.
«Метель, стели мне снежную постель,
Не зря надел я смертную рубаху...»

И почему-то вспомнил тут старик
Свой теплый кров... «Оборони, владыко:
Вчера забыл на лавке кочедык
И золотое липовое лыко.

И кочедык для озорных затей
Утащат неразумные ребята.
Ленился, грешник, не доплел лаптей,
Не сколотил дубового ушата...»

И вздрогнул лес, и засветился снег,
Далеким звоном огласились дали,
И завершился стариковский век
Причастьем крови и туманной стали.

...Горжусь, что золотая Кострома
И у моей звенела колыбели,
В просторах, где лесные терема
Встают навстречу солнцу и метели.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солоны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

* * *

Замечали —
По городу ходит прохожий?
Вы встречали —
По городу ходит прохожий,
Вероятно приезжий, на нас не похожий?
То вблизи он появится, то в отдаленье,
То в кафе, то в почтовом мелькнет отделенье.
Опускает он гривенник в цель автомата,
Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата
и всегда об одном затевает беседу:
«Успокойтесь, утешьтесь — я скоро уеду!»
Это — я!
Тридцать три мне исполнилось года.
Проникал к вам в квартиры я с черного хода.
На потертых диванах я спал у знакомых,
Приклонивши главу на семейных альбомах.
Выходил по утрам я из комнаты ванной.
«Это — гость, вспоминали вы,— гость не незванный,
Но с другой стороны, и не слишком желанный.
Ничего! Беспорядок у нас постоянный».
— Это гость,— пояснили вы рядом соседу
И попутно со мной затевали беседу:
— Вы надолго к нам снова?
— Я скоро уеду!
— Почему же? Гостите. Придете к обеду?
— Нет.
— Напрасно торопитесь! Чаю попейте!
Отдохните да, кстати, сыграйте на флейте.—
Да! Имел я такую волшебную флейту.
За мильоны рублей ту не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь одну я из песен:
«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»
Вот о чем вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните соседу,
Но, друзья, торопитесь,— я скоро уеду!
Я уеду туда, где горят изумруды,

Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря!
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдете вы края чудесней!
И являлись тогда, возбужденные песней,
Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Помню — некий строитель допрашивал строго:
— Где чертог, каковы очертанья чертога? —
Помню также — истории некий учитель
Все пытал: — Лукоморья кто был покоритель? —
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккрая,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетел еще старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной палатой:
— Лукоморье? Изволите звать в Лукоморье?
Лукоморье отыщите только в фольклоре! —
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: — Вы воздушные строите замки! —
И соседи, никак не участвуя в споре,
За стеной толковали:
— А?
— Что?
— Лукоморье?
— Мукомолье?
— Какое еще Мухоморье?
— Да о чем вы толкуете? Что за исторья?
— Рукомойня? В исправности.
— На пол не лейте!
— Погодите — в соседях играют на флейте! —
Флейта, флейта!
Охотно я брал тебя в руки.
Дети, севши у ног моих, делали луки,
Но, нахмурившись, их отбирали мамаши:
— Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!
Вот сначала своих воспитать вы сумейте,
А потом в Лукоморье зовите на флейте! —
Флейту прятал в карман.
Почему ж до сих пор я
Не уехал с экспрессом туда, в Лукоморье?
Ведь давным бы давно уж добрался до гор я,
Уж давно на широкий бы вышел простор я.

Объясните знакомым, шепните соседу,
Успокойте, утешьте,— я скоро уеду!
Я уеду, и гнев стариков прекратится,
Злая мать на ребенка не станет сердиться,
Смолкнут толки соседей, забулькает ванна,
Распрямятся со звоном пружины дивана.
Но сознайтесь!
Недаром я звал вас, недаром!
Пробил час — по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За моею спиною, за моею спиною.
Все вы тут! Все вы тут! Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта —
Злая спорщица с нами, и клоп из дивана...
О, холодная ясность в чертоге рассвета,
Мерный грохот валов — голоса океана.
Так случилось —
Мы вместе!
Ничуть не колдуя,
В силу разных причин за собой вас веду я.
Успокойтесь, утешьтесь!
Не надо тревоги!
Я веду вас по ясной широкой дороге.
Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,
Скороходу подобный, на вас не похожий,—
Тот прохожий, который стеснялся в прихожей,
Тот приезжий, что пахнет коричневой кожей,
Неуклюжий, не дюжий, в тужурке медвежьей.
...Реки, рощи, равнины, печаль побережий.
Разглядели? В тумане алеют предгорья.
Где-то там, за горами, волнуется море.
Горе, море... Но где же оно, Лукоморье?
Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

И вдруг мне вспомнилось:
Я — царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь,
Что человек есть царь природы!

Одевши ткани и меха,
На улицу я молча вышел.
Прислушиваюсь.
Ночь тиха.
Себе я гимнов не услышал.
Но посмотрел тогда я ввысь,
Уверенности не теряя,
И вижу:
Звезды вдруг зажглись,
Как будто путь мне озаряя
И благосклонно повторяя:
«Ты — царь природы! Убедись!»

Что ж, хорошо!
Не торопись,
Как будто просто так я, некто,
Не царь и даже и не князь,
Дошел я молча до проспекта.
Как убедиться мне скорей,
Высок удел мой иль плачевен?
При свете фар и фонарей
Толпу подобных мне царей,
Цариц, царевичей, царевен
Я наблюдал. Со всех сторон
Шли властелины без корон.

Я знал, что в этот поздний час
Царь воздуха, забыв про нас,
Витал меж туч. Владыка касс
Свои расчеты вел сейчас.
Царь лыж блуждал по снежным тропам,
Царь звезд владычил телескопом.
А царь бацилл над микроскопом
Склонился, щуря мудрый глаз.

Я наблюдал. Издалека
Заметил я: царь — оборванец,
Великий князь запойных пьяниц,
Ничком лежит у кабака.
А тоже царь. Не самозванец.

А вот я вижу пешехода,
Одетого вдвойне пестрей
Всех этих остальных царей

И при короне. Брадобрей
Ему корону на полгода
Завил, как то диктует мода.
Эй, вы! Подвластна вам природа!
Ну, отвечайте поскорей!
Вам сотворили чудеса
В искусствах, равно как в науке,
Вам покорили небеса,
Вам атом передали в руки.

Цари вы или не цари,
А существа иной породы?
Быть может врали буквари,
Что человек есть царь природы
Во множестве своем один?
«Эй, ты, природы господин!

Скажи мне: царь ты или князь?
Дерзаешь ты природой править?»
А он в ответ: «Прошу оставить
Меня в покое!» И, боясь,
Что, может быть, его ударю,
Что кулаки я, вздрогнув, сжал,
Он, недостойно государя,
По-мышьи пискнув, отбежал.

О царь! Прошу тебя: цари!
Вынь из ушей скорее вату!
К тебе, возлюбленному брату,
Я обращаюсь — посмотри!
Разбужен оттепелью ранней,
Услышишь завтра даже ты:
Она трубит из темноты
Со снежных крыш высоких зданий
В свой серебристый звонкий рог,
Сама Весна! Ясак, оброк —
Как звать не знаю эту дань —
И ты берешь с природы. Встань!
Ведь это же твоя земля!
Твои обрубки-тополя
Стоят, сучками шевеля,
Тебя о милости моля!
Прислушайся к хвале ручьев,
Прими посольство соловьев

И через задние дворы
Иди, о царь своей свободы,
Принять высокие дары
От верноподданной природы!

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушел он рано вечером,
Сказал:
— Не жди. Дела...
Шел первый снег.
И улица
Была белым-бела.

В киоске он у девушки
Спросил стакан вина.
«Дела... —
Твердил он мысленно, —
И не моя вина».
Но позвонил он с площади:
— Ты спишь?

— Нет, я не сплю.
— Не спишь? А что ты делаешь?
Ответила:
— Люблю!

... Вернулся поздно утром он,
В двенадцатом часу
И озирался в комнате,
Как будто бы в лесу.
В лесу, где ветви черные
И черные стволы,
И все портьеры черные,
И черные углы,
И кресла черно-бурые,
Толпясь, молчат вокруг...
Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь?

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
— Что это? —
Сказал он:
— Первый снег!

ВОДА

Вода
Благоволила
Литься!
Она
Блистала
Столь чиста,

Что ни напиться,
Ни умыться.
И это было неспроста.
    Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.
    Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.
    Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой
Дистиллированной Воде!

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Строятся разные небоскребы —
Зодчим слава и честь,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Лучше и лучше пишутся книги,
Всех их не перечесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уж не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути,—
Этому чувству, шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Определить это чувство седьмое
Каждый по-своему прав.
Может быть, это простое уменье
Видеть грядущее въявь!

САМУИЛ МАРШАК

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Башня есть под Ленинградом,
А на башне — циферблат.
Разорвался с башней рядом
Неприятельский снаряд.

Бил по башне в перестрелке
Частым градом пулемет.
Но ползут по кругу стрелки,—
Время движется вперед!

Под землей лежит в подвале
Сердце башенных часов,
Чтоб его не колебали
Даже звуки голосов.

Управляет ходом терций
И движением секунд
Металлическое сердце,
Крепко вделанное в грунт.

К башне — к Пулковским высотам —
Много месяцев подряд
Рвался враг, стремясь к воротам,
Замыкавшим Ленинград.

Но надежен, неизменен
Ход часов и бег минут.
Устоял твой город, Ленин,
А часы идут, идут.

Сбиты вражьи батареи,
Сметены с лица земли.
И на Запад мы быстрее
Стрелок времени пошли!

ГОРОДУ-ГЕРОЮ

Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись:
«Отстоим!»
А сверху «р» добавлено:
«Отстроим!»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ КОЛЬЦО

У кольца нет конца.
Пословица

Враги кричали: «Нет конца
У ленинградского кольца!»

Мечом рассек его боец —
И вот кольцу пришел конец.

БЕРЛИНСКАЯ ЭПИГРАММА

«Год восемнадцатый не повторится ныне!» —
Кричат со стен слова фашистских лидеров.

А сверху надпись мелом: «Я в Берлине» —
И подпись выразительная: «Сидоров».

НАШ ГЕРБ

Различным образом державы
Свои украсили гербы:
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы.

Таков обычай был старинный,
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.

То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв свое,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копье.

Но не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб.
А золотой узор пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

Мы не грозим другим народам,
Но бережем просторный дом,
Где место есть под небосводом
Для всех, кто кормится трудом.

Но если рано или поздно
На дом наш недруг посягнет,
Его расплющит молот грозный
И острый серп его сожнет.

Не будет недругом расколот
Союз народов никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля, и колос, и звезда!

СЛОВАРЬ

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

На всех словах — события печать,
Они дались не даром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать,
Век доживать. Бог сыну не дал веку,
Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

26—160

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ В МОСКВЕ

Наверное, помните вы,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.

Была непогода скупа,
Снежком припушенная малость,
Как будто бы эта крупа
По карточкам нам выдавалась.

Но город, окованный тьмой,
С уныло ползущим трамваем
Был этой осадной зимой
Прекрасен и незабываем.

Когда композитор бочком
Пробрался к подножью рояля,
В оркестре, смычок за смычком,
Проснулись, зажглись, засияли.

Как будто из мрака ночей
Дошли к нам порывы метели,
И сразу у всех скрипачей
С подставок листы полетели.

И эта ненастная мгла,
В траншеях свиставшая хмуро,
Никем до него не была
Расписана, как партитура.

Над миром взрывалась гроза.
Еще никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.

Как дом, от полов до стропил
Охваченный пламенем сразу,
Оркестр, обезумев, вопил
Одну музыкальную фразу.

Ей пламя дышало в лицо,
Глушила ее канонада.
Она прорывала кольцо
Блокадных ночей Ленинграда.

Гудела в глухой синеве,
Весь день пребывала в дороге
И ночью кончалась в Москве
Сиреной воздушной тревоги.

СЧАСТЬЕ

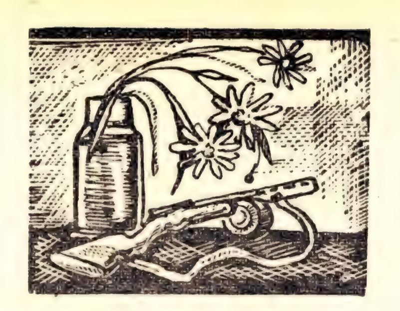
Когда от неба и до земли
Летели клочья седого дыма,
И только люди сносить могли
Все, что для камней невыносимо,

Когда, одетый в огонь и дым,
Мир накренился, как в бурю судно,
И было трудно лежать живым,
А мертвым было уже нетрудно,

Когда под скрежет весенних льдин,
Прощаясь с миром последним взглядом
Я оставался в снегу один,
А немцы были почти что рядом,

Когда, разбужен ночной стрельбой,
Весь лес был полон предсмертной дрожи,—
Я не прельщался другой судьбой,
Я повторял лишь одно и то же:

Жить не украдкой, жить не ползком,
Подобно горной лететь лавине.
Мне нужно счастье все целиком,
Мы не сойдемся на половине.



АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

ЛАДОЖСКИЙ ЛЕД

Страшный путь!
На тридцатой,
последней версте
Ничего не сулит хорошего...
Под моими ногами
устало
хрустеть
Ледяное
ломкое
крошево.
Страшный путь!
Ты в блокаду меня ведешь,
Только небо с тобой,
над тобой
высоко́
И нет на тебе
никаких одеж:
Гол
как
соко́л.
Страшный путь!
Ты на пятой своей версте
Потерял
для меня конец,
И ветер устал
над тобой свистеть,

И устал
грохотать
свинец...
Почему не проходит над Ладогой
мост?!
Нам подошвы
невмочь
ото льда
отрывать
Сумасшедшие мысли
буравят мозг:
Почему на льду не растет трава?!
Самый страшный путь
из моих путей!
На двадцатой версте
как я мог идти!
Шли навстречу из города
сотни
детей...
Сотни детей!
Замерзали в пути...
Одинокие дети
на взорванном льду —
Эту теплую смерть
распознать не могли они сами,—
И смотрели на падающую звезду.
Непонимающими глазами.

Мне в атаках не надобно слово
«вперед»,
Под каким бы нам
ни бывать огнем —
У меня в зрачках
черный
ладожский
лед,
Ленинградские дети
лежат на нем.

СТИХИ О МАЛЬЧИКЕ

Мальчик жил на окраине города Колпино.
Фантазер и мечтатель.
Его называли лгунишкой,

Много самых веселых и грустных историй
накоплено
Было им
за рассказом случайным,
за книжкой.
По ночам ему снилось — дорога гремит
и пылится.
И за конницей гонится рыжее пламя во ржи.
А наутро выдумывал он небылицы —
Просто так.
И его обвиняли во лжи.
Презирал этот мальчик солдатиков оловянных
И другие веселые игры в войну,

Но окопом казались ему придорожные
котлованы,—
А такая фантазия ставилась тоже в вину.

Мальчик рос и мужал на тревожной, недоброй
планете,
И когда в сорок первом году, зимой,
Был убит он,
в его офицерском планшете
Я нашел небольшое письмо домой.

Над оврагом летели холодные белые тучи
Вдоль последнего смертного рубежа.
Предо мной умирал фантазер невезучий,
На шинель
кучерявую голову положа.

А в письме были те же
мальчишечьи небылицы.
Только я улыбнуться не мог...
Угол серой, исписанной плотно страницы
Кровью намок.

...За спиной на ветру полыхающий Колпино,
Горизонт в невеселом косом дыму.
Здесь он жил.
Много разных историй накоплено
Было им.
Я поверил ему.

УТРОМ

Ах, шоферша,
                пути перепутаны!
Где позиции?
                Где санбат?
К ней пристроились на попутную
Из разведки десять ребят...

Только-только с ночной операции,
Боем вымученные все.
— Помоги, шоферша, добраться им
До дивизии,
                до шоссе.
Встали в ряд.
                Поперек дорога
Перерезана.
                — Тормози!
Не смотри, пожалуйста, строго,
Будь любезною, подвези!

Утро майское,
                ветер свежий.
Гнется даль морская дугой,
И с балтийского побережья
Нажимает ветер тугой.
Из-за Ладоги солнце движется
Придорожные лунки сушить.
Глубоко
                в это утро дышится,
Хорошо
                в это утро жить.

Зацветает поле ромашками,
Их не косит никто,
                не рвет.
Над обочиной
                вверх тормашками
Облак пороховой плывет

Эй, шоферша,
                верней выруливай!
Над развилкой снаряд гудит.

На дорогу, не сбитый пулями,
Наблюдатель чужой глядит...

Затянули песню сначала,
Да едва пошла
подпевать,—
На второй версте укачала
Неустойчивая кровать.
Эй, шоферша,
правь осторожней!
Путь ухабистый впереди.
На волнах колеи дорожной
Пассажиров
не разбуди!
Спит старшой,
не сняв автомата.
Стать расписывать не берусь!
Ты смотри, какие ребята!
Это, я понимаю, груз!

А до следующего боя
Сутки целые жить и жить.
А над кузовом голубое
Небо к передовой бежит.
В даль кромешную
пороховую,
Через степи, луга, леса,
На гремящую передовую
Брызжут чистые небеса...

Ничего мне не надо лучшего,
Кроме этого — чем живу,
Кроме солнца
в зените,
колючего,
Густо впутанного в траву.

Кроме этого тряского кузова,
Русской дали
в рассветном дыму,
Кроме песни разведчика русого
Про красавицу в терему.

ПЕСНЯ

Ветер крученый,
верченый,
гнутый.
То ребром,
то стеной,
то кольцом.
Ночь...
Бессилье...
Кто выжил, тот вспомнит
про эти минуты
Люди тихо ложатся
на лед
лицом.
Снежные над Ладогой летели паруса,
Батальон поземицу плечами разрывал.
Я упал — умереть.
Вдруг вдали голоса:
«Эй, баргузин, пошевеливай вал...»
А вокруг такая была темнота!
И тепло замерзать!
И к чему проволочка?
И правильно всё!
И конец
Но там
Пели люди:
«...плы-ыть недалечко».
И был в голосах бесконечный задор,
Сила несметная в них была.
И я ладонью
глаза протер
И увидел, что ладонь бела.
А ветер все дул,
мне глаза закрывал
И вдруг ко льду припадал,
распятый.
«Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты...»
Я
не дослушать тех слов не мог.
Я бросился к песне.
Бежал, пока

Мой подшлемник пóтом намок.
«Славное море — священный Байкал! —
Пели у берега голоса.
А я за песней шагал
и шагал,
И слезы грели мои глаза.
«Славное море — священный Байкал...»
А песня гремела уже на земле.
Я шел спокойно
вперед
по льду.
Это было очень давно,
в феврале...
Это было в сорок втором году...
Я шел по свистящему февралю,
Сильный,
прямой,
согретый,
Впервые осмысливший,
как люблю
Родину песни этой.

ПЛЫЛ ПЛАВНЫЙ ДОЖДЬ

Плыл плавный дождь. Совсем такой, как тот,
Когда в траве, размокшей и примятой,
Я полз впервые по полю на дот,
Чтоб в амбразуру запустить гранатой.
И был одной лишь мыслью поглощен —
Чтоб туча вдруг с пути не своротила,
Чтобы луна меня не осветила...
Об этом думал. Больше ни о чем.
Плыл плавный дождь. Совсем такой, как тот,
Который поле темнотой наполнил,
Который спас ползущего на дот.
Плыл плавный дождь. И я его припомнил.
Плыл плавный дождь. Висела тишина.
Тяжелая, угрюмая погода.
Плыла над полем черная весна
Блокадного, истерзанного года...

И вот сегодня снова дождь плывет,
До каждой капли памятный солдату,

И я, гуляя, вдруг набрел на дот,
Который сам же подрывал когда-то.

Окраина Урицка. Тишь. Покой.
Всё так же стебли трав дождем примяты.
Я трогаю дрожащею рукой
Осколок ржавый от моей гранаты.
И вспоминаю о дожде густом,
О первом доте, пламенем объятом,
О ремесле суровом и простом...

. . . .

Плыл плавный дождь.
В июне.
В сорок пятом...

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, подымающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый.
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,—
Но стучит над шинельным сукном пулемет,

И тогда
еле слышно
сказал
комиссар:
—Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем,
Получившим оружье,
Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на реќах.
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскорузлых
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль на Днепре.
И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.
И когда не хватало
«...Предложенных мер...»
И шкафы с чертежами грузили на плот,
Еле слышно
сказал
молодой инженер:
— Коммунисты, вперед!.. Коммунисты,
вперед!
Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова

Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин в синеву,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях
Закопанных в пашни «КВ».
Высыхали тяжелые капли дождя.

И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим».
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда
еле слышно
сказал командир:
— Коммунисты, вперед!.. Коммунисты, вперед!
Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В мае
Прошли у древка...
Под февральскими тучами —
Ветер и снег,
Но железом нестынущим пахнет земля.
Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах Кремля...

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного невпроворот,
Или там, где кипенье великих работ,
Сквозь века,
на века,
навсегда, до конца:
—Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ПОСЫЛКА

Две нательные фуфайки,
На портянки — серой байки,
Чтоб ногам стоять в тепле
На снегу и на земле.

Меховые рукавицы,
Чтоб не страшен был мороз.
Чтоб с друзьями поделиться —
Десять пачек папирос.

Чтобы тело чисто было
После долгого пути,
Два куска простого мыла —
Лучше мыла не найти!

Земляничное варенье
Своего приготовленья,—
Наварили мы его,
Будто знали для кого!

Все, что нужно для бритья,
Если бритва есть своя.
Было б время да вода —
Будешь выбритым всегда.

Нитки, ножницы, иголка —
Если что нибудь порвешь,
Сядешь где-нибудь под елкой
И спокойно все зашьешь.

Острый ножик перочинный —
Колбасу и сало режь!
Банка каши со свининой —
Открывай ее и ешь!

Все завязано, зашито,
Крышка к ящику прибита —
Дело близится к концу.
Отправляется посылка,
Очень важная посылка,
Пионерская посылка
Неизвестному бойцу!

КАРТА

Вторые сутки город был в огне,
Нещадно день и ночь его бомбили.
Осталась в школе карта на стене —
Ушли ребята, снять ее забыли.

И сквозь окно врывался ветер к ней,
И зарево пожаров освещало
Просторы плоскогорий и морей,
Вершины гор Кавказа и Урала.

На третьи сутки, в предрассветный час,
По половицам тяжело ступая,
Вошел боец в пустой, холодный класс.
Он долгим взглядом воспаленных глаз
Смотрел на карту, что-то вспоминая.

Но вдруг, решив, он снял ее с гвоздей
И, вчетверо сложив, унес куда-то,
Изображенье родины своей
Спасая от захватчика-солдата.

Случилось это памятной зимой
В разрушенном, пылающем районе,
Когда бойцы под самою Москвой
В незыблемой стояли обороне.

Шел день за днем, как шел за боем бой,
И тот боец, что карту взял с собою,
Свою судьбу связал с ее судьбой,
Не расставаясь с ней на поле боя.

Когда же становились на привал,
Он, расстегнув крючки своей шинели,
В кругу друзей ту карту раскрывал,
И молча на нее бойцы смотрели.

И каждый узнавал свой край родной,
Искал свой дом: Казань, Рязань, Калугу,
Один — Баку, Алма-Ату — другой.
И так, склонившись над своей страной,
Хранить ее клялись они друг другу.

Родные очищая города,
Освобождая из-под ига села,
Солдат с боями вновь пришел туда,
Где карту он когда-то взял из школы.

И, на урок явившись как-то раз,
Один парнишка положил на парту
Откуда-то вернувшуюся в класс
Помятую, потрепанную карту.

Она осколком прорвана была
От города Орла до Приднепровья,
И пятнышко темнело у Орла.
Да! Было то красноармейской кровью.

И место ей нашли ученики,
Чтоб, каждый день с понятным нетерпеньем
Переставляя красные флажки,
Идти вперед на запад, в наступленье.

ИВАН МОЛЧАНОВ

ДОРОГИ

Чуть горит зари полоска узкая,
Золотая, тихая струя...
Ой, ты, мать-земля родная, русская,
Дорогая родина моя!

В серебре деревья, как хрустальные,
Но тревожен зимний их узор...
И бегут, бегут дороги дальние
Средь полей в немеренный простор.

Чья душа с тоскою ни оглянется:
Сквозь туман, взрывая ночь и тьму,
Вражья рать по тем дорогам тянется
К городу родному твоему.

Ой, дороги, дымные, военные,
За Москву тяжелые бои!
На дорогах воры иноземные
Растеряли головы свои.

Не для них сады у нас посажены,
Молодые, светлые сады;
Не для них дороги наши лажены,
Не для них построены мосты!

Ты гори, зари полоска узкая,
По земле ползет пожаров дым...
Мы тебя, земля родная, русская,
Никогда в обиду не дадим!

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

ОТЪЕЗД

Проходим перроном, молодые до неприличия,
Утреннюю сводку оживленно комментируя.
Оружие личное,
Знаки различия,
Ремни непривычные:
Командиры!

Поезд на Брянск. Голубой, как вчерашние
Тосты и речи, прощальные здравицы.
И дождь над вокзалом. И крыши влажные,
И асфальт на перроне —
Все нам нравится!

Семафор на пути отправленье маячит
(После поймем — в окруженье прямо!).
А мама задумалась...
— Что ты, мама?
— На вторую войну уходишь, мальчик!

В ТЕ ГОДЫ

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казненных городов
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал,
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой местью мстить мне за тебя!

ТРЕХМИНУТНЫЙ ПРАЗДНИК

(Прорыв блокады)

Еще три залпа по сволочам!
И вот в одиннадцать сорок
Врываемся первыми из волховчан
В горящий Первый поселок.

С другого конца мимо шатких стен,
Огнем на ветру распятых,
Люди ль, фашисты ль сквозь чадную темь
В дымных сквозят маскхалатах.

К бою! Но искрой негаданных встреч
Вспыхнуло слово далече.
Все ярче и шире русская речь
Разгорается нам навстречу.

И там, где разгромленный замер дот,—
Хоть памятник ставь над ними,—
Питерец волховцу руки жмет,
Целуются... Не разнимешь!

Стоило жизнью не дорожить,
Снова рискуя и снова,
Чтоб не мы, так другие смогли дожить
До этого дня большого.

И прямо на улице фляжки с ремней
Срываем и светлым утром
За нашу победу, за память о ней
На празднике пьем трехминутном.

Еще раз целуемся. Время не ждет,
Боевые порядки выстроив,
Навек неразлучные вместе в поход
До последнего вздоха и выстрела.

Я праздники лета знал и зимы —
Только лишь память тронь,—
На приисках золотой Колымы
Я пил голубой огонь.

Я чтил обычаи Кабарды,
Гулянья помню Урала,
Со всей Ферганой я выпил на «ты»
На стройке большого канала.

Я шел навстречу веселым речам,
Где б ни скитался по свету,
Но лучше празднества не встречал,
Чем трехминутное это.

ДОРОГА В ТЧЕВ

Я сегодня расскажу вам про дорогу в Тчев,
Как на пыльном перекрестке битых три часа
Я стоял ошеломленный, вовсе проглядев
Все видавшие на свете синие глаза.

Вел колонну итальянцев однорукий серб,
Под норвежским флагом фура проплелась, пыля,
И мне честь, шагая мимо, отдал офицер
В непривычном мне мундире службы короля.

Шли цивильные поляки,— пестрая толпа! —
Шел француз под руку с чешкой — пара на большой!
Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра снова их наделит разною судьбой.

Шел старик в опорках рваных, сгорблен, сед и хром,
С рюкзаком полуистлевшим на худой спине.
— Где батрачил ты?—спросил я.—Где свой ищешь дом?
— Я профессор из Гааги,— он ответил мне.

Шла девчонка. Платье — в клочья, косы — как кудель...
«Вот,— подумал я,— красотка с городского дна».
— Как вы хлеб свой добывали, о мадемуазель? —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.

Шел в диковинных отрепьях, сношенных вконец,
Черномазенький мальчишка — что за странный взгляд.
— Где ж ты родичей оставил, расскажи, малец?!
— Их повесили в Софии год тому назад.

Так и шли людские толпы... Что там толпы — тьмы!
Всех языков и наречий, всех земных племен.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами новый Вавилон.

МОЛОДЫЕ КОММУНИСТЫ

Наш стаж еще не вымерен годами,
Пять лет от силы — вот он, кровный, наш.
Но он шагал такими большаками,
Где день за год засчитывался в стаж.

Нам партия дала свои начала
И вехи, по которым нас вела,
Рукой отдела кадров записала
Навечно в наши личные дела.

Не раз мы были пулями отпеты,
Но, исходив все смертные пути,
Мы с семизначной цифрой партбилеты
Сквозь семь смертей сумели пронести.

И правильность законов диамата
Проверили с гранатами в руках
На улицах Орла и Сталинграда,
На венских и берлинских площадях.

Чужую старь сличая с нашей новью,
Мы, повидав полдюжины столиц,
Узнали цену каждому присловью
Изрядно обветшавших заграниц.

Испытанные партией на деле,
Мы с ней пришли к черте большого дня,
Когда нам приказали снять шинели,
Не оставляя
линии
огня!

ПЛОТНИК

Шесть лет войны запомнил шар земной!
И в светлом, в легендарном сорок пятом
Через порог шагает вестовой,
Навытяжку встает перед комбатом.

И говорит: — Солдаты привели
Прохвоста из державы чужедальной,
Сам черт не разберет, какой земли,
Но уверяет, сволочь, что нейтральной...

— А что он сделал? — спрашиваю я.—
Убийца? За добром чужим охотник?
— Да здесь, комбат, особая статья,
История особая... Он — плотник.

И вот стоит перед моим столом
Широкоплечий и широколапый,
Тяжелый парень в пиджаке простом,
Стоит и мнет потрепанную шляпу.

— Так, значит, был не прав мой вестовой?
Задерживать вас не было причины?
— Да, сударь. Я простой мастеровой,
Я не казнил, я делал гильотины.

Я даже и на казнях не бывал,
Лишь день за днем, с утра до поздней ночи,
Строгал, пилил да гвозди забивал...
Рабочий я.
— Ты раб, а не рабочий,

Ты в холуях ходил у палача! —
И, не сумев и не посмев сдержаться,
Я в морду залепил ему сплеча
От имени Объединенных Наций.

Потом его прогнал я со двора
И вычеркнул из памяти приметы
Пока он сам ко мне позавчера
Не постучался со страниц газеты.

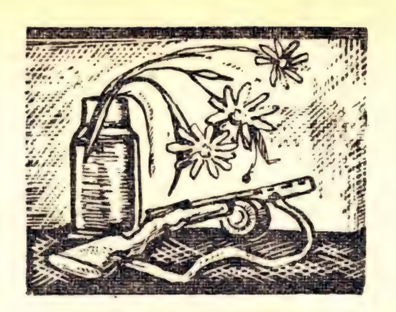
Десяток строк о казни партизан...
Так, значит, снова с палачами мира
Мой плотник на виду полсотни стран
Казнит свободу в деревнях Эпира?

И со стыдом и болью я сейчас —
Не прикасаться б к наболевшим ранам,
Не думать бы! Но думаю о вас,
Товарищи мои за океаном.

Как можете вы спать среди ночей
Под тенью многозвезднейшего флага,
Кующие оружье палачей
Рабочие Детройта и Чикаго?

Не для того я поднял голос свой,
Чтоб оскорбить вас яростью сравненья...
Но вырвите ж из рук семьи земной
Вы самую возможность обвиненья!

А сам я для того лишь и живу,
Чтоб честным людям даже в снах
бесплотных
Не появлялся мой проклятый плотник,
Которого я видел наяву!



АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

ВЕСНА НА СТАРОЙ ГРАНИЦЕ

Александру Лильеру

В лицо солдату дул низовый,
взор промывала темнота,
и горизонт
на бирюзовый
и розовый менял цвета.

Передрассветный час атаки.
Почти у самого плеча
звезда мигала, как во мраке
недогоревшая свеча.

И в сумраке, не огибая
готовой зареветь земли,
метели клином вышибая,
на Каму плыли журавли.

Сейчас рассвет на Каме перист,
лучист и чист реки поток,
в ее низовьях — щучий нерест,
в лесах — тетеревиный ток.

Солдат изведал пулевые,
веселым сердцем рисковал,
тоски не знал, а тут впервые,
как девочка, затосковал.

Ему б вослед за журавлями,—
но только так, чтобы успеть,
шумя упругими крылами,
к началу боя прилететь...

Возникнуть тут, чтоб отделенье
и не могло подозревать,
что до начала наступленья
солдат сумел одно мгновенье
на милой Каме побывать...

Вдруг — словно лезвие кинжала:
вдоль задремавшего ствола
мышь полевая пробежала,
потом рукав переползла.

Потом... свистка оповещенье.
Потом ударил с двух сторон
уральский бог землетрясенья —
стальных кровей дивизион!

Взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля,
в дыму трава.
Пред гребнем бруствера —
Европа,
за гранью траверза —
Москва!

БАШМАКИ

Открыта дорога степная,
к Дунаю подходят полки,
и слышно —
гремит корпусная,
и слышно —
гремят башмаки.

Солдат Украинского фронта
до нервов подошвы протер,—
в походе ему

для ремонта
минуту отводит каптер.
И дальше:
Добруджа лесная,
идет в наступленье солдат,
гремит по лесам корпусная,
ботинки о камни гремят.

И входят они во вторую
державу —
вон Шипка видна!
За ними вослед мастерскую
несет в вещмешке старшина.

— Обужа, ведь, братец, твоя-то
избилась.
Смени, старина...
— Не буду, солдаты-ребята:
В России ковалась она...

И только в Белграде ботинки
снимает пехоты ходок:
короткое время починки —
по клену стучит молоток.

(Кленовые гвозди полезней,—
испытаны морем дождей;
кленовые гвозди железней
граненых германских гвоздей!)

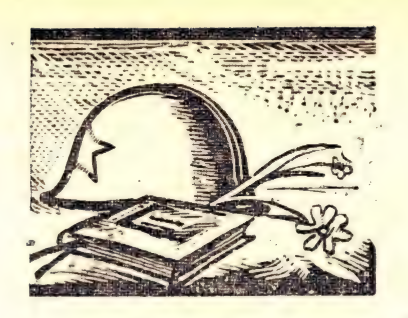
Вновь ладит ефрейтор обмотки,
трофейную «козью» сосет,
читает московские сводки
и — вдоль Балатона —
вперед.

На Вену пути пробивая,
по Марсу проходят стрелки:
идет
на таран
полковая,
мелькают
в траве
башмаки!

...С распахнутым воротом —
жарко! —
пыльца в седине на висках —
аллеей Шенбруннского парка
ефрейтор идет в башмаках.

Встает изваянием Штраус —
волшебные звуки летят,
железное мужество пауз:
пилотку снимает солдат.

Ах, звуки!
Ни тени,
ни веса!
Он бредит в лучах голосов
и «Сказкою Венского леса»,
и ласкою Брянских лесов,
и чем-то таким васильковым.
которому
тысячи лет,
которому в веке суровом
ни смерти,
ни имени нет,
в котором стоят,
как живые,
свидетели наших веков,
полотна военной России
и пара его башмаков!



ЕВГЕНИЙ НЕЖИНЦЕВ

* * *

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны.

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьется локон твой у синего виска...

БОРИС НЕКРАСОВ

У Н-СКОЙ ЗАСТАВЫ

Осколки и пули, промчавшие даже,
Нацелены, кажется, только в меня...
Но кто-то останется, кто-то расскажет,
Дойдя до победного ясного дня:
— У Н-ской заставы, за злым перекрестьем
Разбитых войною дорог,
Стояли мы насмерть. И с этого места
Сам черт нас бы сдвинуть не мог!
Когда б оглянулся, увидел бы всякий
Из нас за своею спиной
Окутанный дымкой седой Исаакий,
Наш раненый город родной.
Но мы ни на шаг отступить из предместья,
Ни взгляда назад обратить не могли —
Мы знали: за вздыбленным тем перекрестьем
Для нас — уже нету земли!..

ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ

ИЗ БЛОКАДНОГО ДНЕВНИКА

1

Слепая тьма.
За дальними домами,
Дрожа, встает в смятении ветров
Большое зарево.
Оно плывет над нами
И ширится, как пролитая кровь.
Часы полны тревогою суровой,
Часы полны печалей и утрат...
На окнах черных
Отблеском багровым
Ночь, словно птица, бьется до утра.

2

Проспекта настороженную ширь
Загородили шлаковые глыбы.
Как в потемневших латах богатырь,
Взирает баррикада на пустырь,
Чтоб здесь враги пробраться не могли бы.
А перед ней —
Мне это не забыть —
Стоит в траве сентябрьской,
Непоблеклой,
Дощечка:

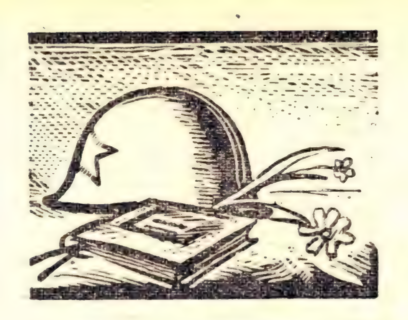
«По газонам не ходить»...
О мирный день,
Как близок и далек ты!

3

Я проходил вчера здесь.
На окне
Цветы клевали тюлевые птицы.
Окна уж нет:
В сомкнувшейся стене
Застыл квадрат нацеленной бойницы.
Он каждый миг убийственным огнем
Готов был вспыхнуть,
Рассыпая пули...
И все-таки я вновь увидел в нем
Окно и птиц,
Взмывающих на тюле.

4

Как и всегда, он цех покинул поздно
Уже катился месяц на привал.
Рукой схватив морозный синий воздух,
Старик остановился и упал...
Его накрыла тень большого зданья...
Поземка стала свой плести венок.
И горькою слезою мирозданья
Над ним скатился звездный огонек.
Качнулся мир.
Из дальнего квартала
Снаряд рванулся...
Вспыхнул свет на миг...
Не та ли это пушка грохотала,
Что утром ремонтировал старик?



ПЕТР НЕФЕДОВ

БЕССМЕРТИЕ

Враги партизана вели на расстрел.
Безусый, молоденький, шел он и пел,
О том, что ему восемнадцатый год,
Что родине жизнь он свою отдает...
В березовой роще убили его,
И не было рядом родных никого,
Никто молодые глаза не закрыл,
Никто не оплакал, никто не зарыл.
Горячею кровью березу омыв,
Лежал он, глаза в синеву устремив,
Как будто и мертвый он видеть хотел,
Как птицу, ту песню, которую пел.
А песня взметнулась, быстра и легка,
И вдаль полетела, навстречу векам.

НИКОЛАЙ НОВОСЕЛОВ

НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

«Пот — не кровь,
Не жалейте пота! —
Проповедовал старшина.—
Такая у нас работа:
Война».

Гимнастерки мокры от глины.
Мы копаем траншеи опять.
Нам до Гитлера, до Берлина
Очень нужно их докопать.

Капитана лицо рябое...
Не дойдет до Берлина он.
На рассвете в разведку боем
Поднимается батальон.

За нами блокадный город
Горя,
Веры,
Любви.
С нами пушки «Авроры»
И ленинский броневик.

И мы копаем,
Копаем,
Не разгибая спин.
Глохнет ночь над передним краем
От кошачьего визга мин.

Лицо застилает потом.
Дорога домой длинна.
Вгрызается в грунт пехота,
Ворочает глину рота
Четвертую ночь без сна.
Такая у нас работа —
Война.

В ЗАВОДСКОМ ЦЕХЕ

Цех дрожит от близкой канонады...
Привела блокада паренька
Прямо из тимуровской команды
К суппорту токарного станка.

У станка на ящике стоит он,
Похудевший,
В ватнике большом.
Режет сталь резец из победита,
Закипает стружка под резцом.

И флажок пылает над станиной,
Кумачовый,
В точности такой,
Как над взятой
                на пути к Берлину
Энскою высоткой подо Мгой...

* * *

И был февраль.
Был он или не был?
...Слепит глаза мне дым пороховой.
В свинцовое, неласковое небо
Глядят стволы зениток над Невой.

И ночь кружит — блокадная седая,
Снегами заволакивая даль,
И падает, на сердце оседая
Всем, что оставил в памяти февраль!

Уральской степью без конца, без края,
В глухой пурге — мерцаньем бубенца,
Где заблудилась тройка почтовая,
Любимой песней моего отца;

Иль дедовской березою тверскою,
Иль токсовской сосною над ручьем —
Всем, что такою русскою тоскою
Сошлось в нерусском имени твоем.

Я смерть встречал в дыму полей безбрежных,
Я выживал — наперекор судьбе.
Какую нерастраченную нежность
Я через горы горя нес тебе!

Как были мне желанны и как любы
Глаза твои — бездонной глубины...

Осколков свист.
И дрогнувшие губы
Последним поцелуем сведены:
«А как же ты? Весна? Конец войны?»

И несдержим ни ласкою, ни силой
Уходит целый мир в небытие...
Но ты со мной — бессмертна, как Россия,
Моя любовь, спасение мое.

Мне эту боль,
Душою не старея,
Нести всю жизнь.

...Была снегов печаль.
Осколков свист.
Тропа на батарею.
И был февраль.

СЕРГЕЙ ОБРАДОВИЧ

БЕЖЕНЦЫ

Пути на все четыре стороны,—
Но беженцам путь на восток.
Бомбардировщик вьется вороном,
И бомбы падают у ног...

Могилы роют по обочинам,
Чернеет взрытая земля,
И колосом необмолоченным
До хрипоты кричат поля.

Но красным зверем ветер гонится
От поля к полю второпях.
Бессильно бьется у околицы
Подбитой птицею ветряк...

А там, где враг, в краю Смоленщины,—
Темней могилы белый свет...
Скрипят телеги. Плачут женщины:
Разрушен дом, затерян след.

Лишь горсть земли с родной окраины
Таят у сердца, как зарок:
Земле прапрадедов хозяин
Ее вернет в победный срок.

* * *

Сожженные отстроят города,
Сравняют рвы, вернутся в улей пчелы.
Но эти годы — их забыть когда?
И не в земле — в веках их след тяжелый.

И возмужали мы. И наши дети
Взросли в огне и городов и нив.
За эти годы поседев, столетье
Мы пережили, юность сохранив.

Мы верили: отеческий в бою
Над нами взор склоняется бессонный.
Мы Истину увидели свою
Еще яснее в мире затемненном.

Она сияет ныне торжеством,
Неповторимой вещею весною
На знамени задымленном и в том
Огне салюта над Москвою.

* * *

О скалы разбиваясь, с криком
Шла насмерть за волной волна.
Покоя нет в просторе диком,
Но глубь недвижна и темна.

Так и в минуты вдохновенья
Слова, теснясь под бурей чувств,
Не высказав души волненья,
Теряются, срываясь с уст.

Но в глубине таится где-то
Все то, что песней быть должно,—
Жить вечно в поисках поэту
Слов сокровенных суждено.

Что там, за гранью перевала?
Стремлюсь и одного хочу —
Чтоб молодость не отставала,
Шла до конца плечом к плечу,

Чтоб крепла песнь, как под грозою
Седые крепнут паруса,
Чтоб лаской, гневом иль слезою
Откликнулись твои глаза.

* * *

Мне врач твердит: — Поберегите сердце,—
И жить и чувствовать спешит оно;
Всходите медленнее на высоты,—
На высоту взойти не всем дано...

Чудак старик. Мне сердце не подвластно.
Я от друзей отстану ль по труду?
На много лет меня моложе сердце,—
В бой позовет, и я в огонь пойду.

Так пусть в строю, не нарушая строя,
Оно ведет меня в краю родном,
Печалясь, радуясь и не старея,
Всю жизнь мою вместив в себе одном.

ЛЕВ ОЗЕРОВ

* * *

Было тихо и тепло в избе,—
Нет избы. Котенок на трубе,—
Нет трубы. Испепеленный пень,—
Нету пня. Осиротелый день.
Кованый сундук молчал в углу,—
Нету. Ветер разметал золу.
Глянцевитый черепок в песке.

Больно мне. Но нет тоски в строке.
Есть строка, которая сильна
Тем, что сердцем сказана она.

Нечего стыдиться честных слез!
Пусть слезу оледенит мороз,
Чтоб она, упавшая из глаз,
Стала резкой, острой, как алмаз.

Но алмазу долго надо ждать,
Чтоб таким, как сердце, твердым стать,

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

ВЫСАДКА ДЕСАНТА

Шел головным торпедный катер,—
И берег, пушки наклоня,
Вдруг оживал, как дымный кратер
От извержения огня.

Но, зачерпнув воды с разлета,
Всю ночь, быть может, до утра,
Сквозь эти чертовы ворота
Врывались в бухту катера.

И страшно было небосводу
Смотреть на то, как моряки,
Бросаясь в огненную воду,
Держали шаткие мостки,

Чтобы советская пехота
Сухою на берег сошла
И, выкорчевывая доты,
Дорогу верную нашла.

Как прежде, мины шелестели,
В глухом ущелье ветер выл —
И раненые не хотели
Эвакуироваться в тыл.

И даже мертвые, казалось,
Уже не сдали б ни за что
Ту пядь, что с кровью их смешалась
На отвоеванном плато!

ПЕТР ОЙФА

АВГУСТ 1941 ГОДА

Ласточки на бреющем полете
Задевают тихую траву.
Я не знаю, как вы все живете,—
Здесь я очень буднично живу.

Друг пробитую снимает каску —
Кровь струится по загару щек.
Мы прошли болот зеленой ряской,
Вдоль лесных завалов и дорог.

Вот идем горящею Покровкой
(Сколько их, Покровок, на Руси!),
Две гранаты сбоку да винтовка...
Новгородский дождик моросит.

Над земли ковровой луговиной
Дали затуманены грозой,
Первым боем, первым маршем длинным,
Первой материнскою слезой,

Первым сбитым наземь «мессершмиттом»,
Тлеющим за Оредеж-рекой,
Чтобы снова звездным и открытым
Я увидел небо над собой.

ПЕРВАЯ ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА

Опять в Ленинграде зима
Завьюжила вьюгой бедовой
Мосты, и сады, и дома,
И копья решетки садовой.

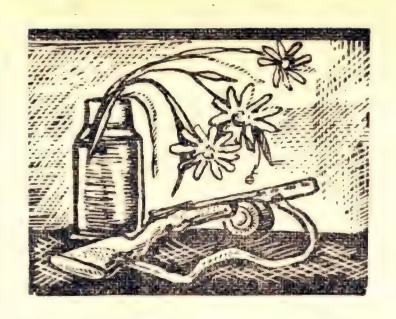
Опять на Садовой огни
В ночи загораются рано.
Весь город пред нами возник
Подобьем ночного экрана.

И детство вернув детворе,
Со всех переулков слетаясь,
На солнечный круг фонарей
Снежинок торопится стая.

Они над мостами летят,
Как россыпь листков календарных,
Где каждая дата подряд
О битвах твердит легендарных!

Как быстрое время прошло
В разрядах разгневанных молний!
Заделанный в доме пролом —
Вот памятник века безмолвный.

Затеплен в высоком окне
Свет тихий, вечерний, чудесный.
И входит в свой дом, как во сне,
Дубровки солдат неизвестный.



ЮРИЙ ОКУНЕВ

ИОГАННА

Такого не забудешь дня.
Здесь память входит в силу:
В Берлине девочка меня
Дать хлеба попросила.

Ей кажутся темней теней
Земля, руины, небо.
Забыли взрослые о ней
И не дают ей хлеба.

Ей непонятно, почему
Ты, небо, так устало,
Что даже богу самому
Не до нее вдруг стало.

Страшнее самых страшных снов
Тот взгляд, упрек тот жесткий.
Старушка девяти годов
Стоит на перекрестке.

Раскрою вещмешок, отдам
Свой хлеб. Но где взять средство,
Чтоб годы возвратить годам
И вновь дать детству детство?..

Чтоб сбросить груз невзгод и зла,
Сдавившего ей плечи...
Когда б она понять могла
Значенье нашей встречи!

Молчит. Одни глаза живут.
Мрачна и безымянна...
Боится.
— Как тебя зовут?
Чуть слышно:
— Иоганна.

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

* * *

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег, пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому...

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш,—
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

КАРБУСЕЛЬ

Памяти товарищей.
погибших под Карбуселью

Мы ребят хоронили в вечерний час,
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
— Завтра мы возьмем Карбусель!

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий, на век моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, растрепав чубы...

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды.

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

РАССКАЗ СОЛДАТА

Мне вовек не забыть ту пору,
Был тогда я еще юнцом,
Но солдатом, нюхавшим порох,
Защищал над Невою город
И срывал блокады кольцо.
Разве вспомнишь все про блокаду?
Девятьсот ее дней горят,
Как скрижали мужества. Надо
Их читать со всем Ленинградом,
Я же был лишь его солдат
В январе много лет назад.
...Был по ротам и батальонам
Нам зачитан приказ — и вот
Клич по фронту пошел поименный,
Ни в один устав не внесенный,—
Коммунисты идут вперед!
И пошли вперед коммунисты,
Честью этою дорожа,
Над землей огневой и мглистой

Первый в грудь принимая выстрел,
И качнулась земля, дрожа.
Дым окутал Воронью гору,
Грянул гром из тыщи стволов,
Взвыли танковые моторы,
И глядел легендарный город
На работу своих сынов.
На снегу, кипящем от стали,
Встал весь фронт, как один солдат,
Как мы верили — день настанет!
Как мы часа этого ждали —
Знает только лишь Ленинград.
На прямую наводку пушки
На руках расчеты несли.
Водрузив на спину катушки,
Связь тянули связисты. Катюши
Били с ходу огнем ревущим,
Пулеметы землю мели.
Не какой-то отдельный гений
Этот день в штаба́х начертал,
А народ с великим терпеньем
Сам готовил его в сраженьях,
В непомерных своих лишеньях
Сам победу эту ковал.
И теперь, когда жарким светом
Вновь горит салют на Неве,
Я-то знаю — над парапетом
Хоть одна да летит ракета
И за наш экипаж КВ.
Город празднует, веселится,
Золотой рассыпает дождь.
И, наверное, за границей
Кой-кому при этом не спится,
Кто-то злобствует. Ну так что ж!
Было дело в сорок четвертом,
Нам не грех вспомянуть о том,—
Как мы доты сметали к черту,
Как завидовал немец мертвым
И с ума сходил под огнем.
Как на город сошла минута
Тишины победных годов
После дней тех блокадных, лютых...
Как народ громыхал салютом
Сам себе изо всех стволов.

* * *

Как стога стоят снега,
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь алела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайпера́ за Черной речкой,
А у танка настежь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной названье
Получил наутро полк.
Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел,—
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.
Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался нипочем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

ДМИТРИЙ ОСИН

ПОСЛЕ ДАЛЬНИХ ПОХОДОВ

Пахнет дегтем и пылью,
дорогою русской —
неширокой, проселочной,
с детства родной,
и петровским сенцом
по лозинам в раструску,
и на солнце, в тиши,
терпкой смолкой лесной.

После дальних походов
и стран заграничных —
как мила ты
и снова до боли родна,
вся в разливах пшеничных,
в цветах земляничных
полевая, простая
моя сторона!

В сорок первом,
когда отступали мы с болью,
когда горечь мне
душу в бою обожгла,
под немецким огнем
и в немецкой неволе
ты все тою же —
русской и гордой была.

Сколько раз ты нам снилась,
бывало, за фронтом —
полевая, простая,
родная до слез,
с неоглядным
днепровским твоим горизонтом,
с поредевшей семьей
придорожных берез.

Все ты знала, родная:
глумленье и пытки,
и пожары, и голод,
и мор, и беду,
все снесла ты в неволе,
всего натерпелась в избытке,
что с войной тебе выпало
вновь на роду...

Снова веет теплом,
снова вспаханы пашни,
поднялась, расцвела
и обстроилась ты,
даже вдовье убранство
пожарищ вчерашних
не сгубило, не скрыло
твоей красоты.

И, вернувшись обратно
с чужбины немилой,
верен гордой твоей
и суровой судьбе,
я с сыновней любовью
и с прежнею нежною силой
вновь к тебе припадаю
и кланяюсь низко тебе.

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

БРАТЬЯ

Еще минувшей ночью берегá
Трясясь от орудийной канонады,
Как два смертельных, яростных врага,
На грозный бой сходились без пощады.

А поутру, когда был кончен бой,
Когда мелькали вспышки издалека,
В рассветный час, над гладью голубой,
Зашелестела мирная осока.

Прошли саперы. Сваи поднялись.
Легла в сосновых стружках переправа.
И берега, как братья, обнялись:
Спокойно. Нерушимо. Величаво.

ПЕЙЗАЖ

Лес в осенних подпалинах.
Лист, несущийся прочь.
В травах, наземь поваленных,
Ветер свищет всю ночь.

Ни домов. Ни околицы.
Даль глухая темна.
Где-то выстрел расколется —
И опять тишина.

Бродят шелесты. Шорохи.
Что-то шепчут ручьи.
Пожелтевшие ворохи
Разметались в ночи.

Одиноко, из милости,
Тусклый месяц блестит.
Тянет запахом сырости
От намокших ракит.

Утро. Пни разворочены.
Зябкий дождь моросит.
И в кустах, у обочины,
Мертвый недруг лежит.

ЛЕВ ОШАНИН

* * *

Кем я был на войне?
Полузрячим посланцем из тыла,
Забракованный напрочно всеми врачами земли.
Только песня моя
с батальоном в атаку ходила,—
Ясноглазые люди ее сквозь огонь пронесли.
Я подслушал в народной душе
эту песню когда-то —
И, ничем не прикрасив, тихонько сказал ей:
— Лети!—
И за песню солдаты
встречали меня как солдата,
А враги нас обоих старались убить на пути.
Что я делал в тылу?
Резал сталь огневыми резцами.
Взявшись за руки,
в тундре шагали мы в белую мглу.
Город строили мы, воевали с водой и снегами.
С комсомольских времен никогда не бывал я в тылу.

Дай же силу мне, время,—
сверкающим словом и чистым
Так пропеть, чтоб цвели небывалым цветеньем поля,
Где танкисты и конники
шляхом прошли каменистым,
Где за тем батальоном дымилась дорога-земля.

ДОРОГИ

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Вьется пыль под сапогами —
степями,
полями —

А кругом бушует пламя
Да пули свистят.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит —
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...
А дорога дальше мчится,
пылится,
клубится.

А кругом земля дымится —
Чужая земля!
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый.
Солнце встает.
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.
И бескрайними путями —
степями
полями
Все глядят вслед за нами
Родные глаза.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья.
...Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

ЕХАЛ Я ИЗ БЕРЛИНА

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла —
Там, где русская слава
Все тропинки прошла.

Очень дальние дали
Мы с друзьями прошли
И нигде не видали
Лучше нашей земли.
Наше солнышко краше,
И скажу, не тая:
Лучше девушек наших
Нет на свете, друзья!

За весенние ночи,
За родную страну
Да за карие очи
Я ходил на войну.
Вы цветите пышнее,
Золотые края.
Ты целуй горячее,
Дорогая моя!

ГИМН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МИРА

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях-океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки —
В наши ряды, друзья!

Песню дружбы запевает молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

Помним грохот металла
И друзей боевых имена.
Кровью праведной алой
Наша дружба навек скреплена.
Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою.
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!

Молодыми сердцами
Повторяем мы клятвы слова,
Подымаем мы знамя
За священные наши права.
Снова черные силы
Роют миру могилу.
Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!

Песню дружбы запевает молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной.
Эту песню не задушишь, не убьешь!

ГЛЕБ ПАГИРЕВ

В ДОЖДЬ

Раскрой окно — и мы услышим,
Как над землей, на высоте,
Тяжелый дождь гремит по крышам
В своей весенней правоте.

И нам припомнится обоим
Такой же спорый, проливной
За две недели перед боем,
Когда ты вновь была со мной.

Стоял октябрь под Ленинградом,
И, как нарочно, в то число
Шел дождь попеременно с градом,
С утра дороги развезло.

А ты решилась в дождь, под ветром,
В потемках на исходе дня
Пройти семнадцать километров
От полустанка до меня!

И странно вспомнить, как в землянке,
Где протекали потолки,
Я у дымящейся времянки
Всю ночь сушил твои чулки.

Неясный свет бродил по стенам,
Шумел, согревшись, котелок,
И, угасая постепенно,
Мигал в жестянке фитилек.

Горбом стояла плащ-палатка,
Дымилась мокрая пола,
У печки, всхрапывая сладко,
Босая женщина спала.

И тот, который терпеливо
Сидел впотьмах у очага,
Вдруг понял, как она красива,
Как бесконечно дорога...

Мы снова влажным ветром дышим,
Припоминая годы те.
Весенний дождь гремит по крышам
В непроходимой темноте.

А на земле, в квадрате света
Под нашим первым этажом,
Два неподвижных силуэта
Стоят, обнявшись, под дождем.

ПРАВДА

Сегодня утром ты мне позвонила,
Твой голос прилетел ко мне в Москву.
— Ну как живешь, что делаешь? — спросила,
И я соврал, что хорошо живу.

Я не сказал, что в неспокойном мире,
С твоим отъездом похудев лицом,
Живу один, мне трудно, и в квартире
Меня зовут соломенным вдовцом.

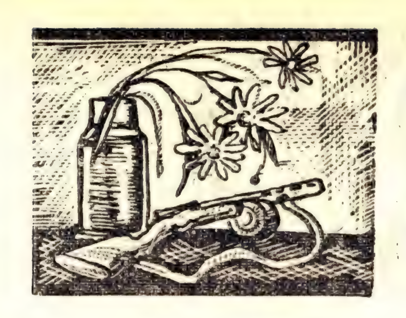
Так всю войну у нас с тобою было:
Стерпеть, смолчать и слез не показать.
О самом трудном, сколько хватит силы,
Старались мы ни слова не сказать.

Землянки были сумрачны и сыры,
Но, согревая руки над огнем,
Я в письмах врал про зимние квартиры:
Мол, уж теперь-то правду отдохнем.

Мол, жив, здоров...И дальше — в том же роде.
Откуда же ты знать тогда могла,
Что нет в моем солдатском обиходе
Ни отдыха, ни крова, ни тепла!

В твоих же письмах не было ни слова
О горьких муках города-бойца.
Писала только: мол, жива, здорова...
И дальше — в том же роде до конца.

Откуда ж мог я знать тогда, в походе,
Читая письма про твои дела,
Что нет в твоем блокадном обиходе
Ни хлеба, ни покоя, ни тепла!



БОРИС ПАЛИЙЧУК

* * *

На бульваре пыльном в Сталинграде
Девушка-зенитчица лежит.
Перерыв случился в канонаде,
И девчонка сладко-сладко спит.

Примостилась в холодке у стенки,
Прилегла, уснула на часок.
У нее на согнутой коленке —
Бережно заштопанный чулок.

Шелестели мины, грохотали,
Но, привычке девичьей верна,
При коптилке где-нибудь в подвале
Тот чулок заштопала она.

Может быть, ей в этой мгле суровой,
В том дыму, что горек и тяжел,
Улыбнулся парень чернобровый,
Только улыбнулся и ушел.

Ничего — ни встречи, ни беседы,
Паренек ушел в огонь и дым...
Спи, невеста!.. Может, День Победы
Ты на счастье встретишь вместе с ним!

И еще в какой-нибудь усадьбе,
Где высокий тополь у ворот,
Чарка на веселой вашей свадьбе,
Может быть, и мне перепадет!

НИКОЛАЙ ПАНОВ

ДОМ СТАРШИНЫ

После трудного боя достался матросам
Этот каменный полуразрушенный дом,
Что стоял у дороги, над самым откосом,
Озаренный огнем, на пригорке крутом.

С подоконника вражеский автоматчик
Мертвым рухнул на камни. Пришла тишина...
И снаружи, гранату за пазуху пряча,
В едкий комнатный дым ворвался старшина.

Возле детской кроватки игрушки стояли,
Опрокинулся плюшевый желтый медведь...
И в распахнутом взрывом крылатом рояле
Золотилась широкая струнная медь.

Старшина озирался — в надвинутой каске,
В полушубке бараньем, высокий, прямой,
От снегов Заполярья, предгорий кавказских
По дорогам войны он вернулся домой!

Он вернулся домой... Стены были, как в тире,
В пулевых отпечатках... Скрипело стекло...
Сколько времени не был он в этой квартире!
Сколько дней, как расстался он с ней, истекло!

Он любил говорить: «Вот добудем победу,
Мир подпишем, винтовки держа на весу,
И домой я к жене и к мальчонке приеду,
И хороших подарков семье навезу».

Но когда прочитал он короткую сводку —
Что враги подступили к родимым местам,
Отправляясь на юг, покидая подлодку,
Он совсем говорить о семье перестал.

С автоматом, на серых камнях у Моздока,
Поджидал он часами — и немцу каюк...
А потом мы рванулись на запад с востока,
Проходя опаленный, дымящийся юг.

Шли на запад морская пехота и танки.
Старшина не смотрел на счастливых людей,
Только будто от тайной мучительной ранки
Становился лицом все мрачней и худей.

И теперь вот — прострелены стены,
как в тире,
И от крови врага подоконник намок...
Он стоял в разоренной, холодной квартире
И еще в свое горе поверить не мог.

Он буфет распахнул... Опустелые полки...
Он вдоль выбитых окон к столу пробежал.
На столе, на полу, где посуды осколки,
Лишь следы разоренья, следы грабежа.

Что искал он в вещах этих, некогда близких?
Что надеялся здесь увидать старшина?
Неужели двух строчек, короткой записки
Не могла на прощанье оставить жена?

Краснофлотцы входили, стараясь
не топать,—
В блеске ближних пожаров, в мерцанье
ракет.
И, с лица вытирая тяжелую копоть,
Кто-то вдруг наклонился, взглянув
на паркет.

Из-под шкафа чуть видно бумажка торчала.
Старшине передали ее моряки.
Старшина посмотрел — и не понял сначала
Торопливых каракулей детской руки.

Сын писал: «Угоняют в Германию, папа.
Мы не плачем. Мы ждем — ты придешь нам
помочь».
...По широким ступеням парадного трапа
Мы спускались гурьбой в озаренную ночь.

Старшина отошел, успокоиться силясь.
Загремели гранаты на черном ремне.
Только щеки небритые перекосились...
И таким навсегда он запомнился мне.

Он смотрел на письмо неотрывно и странно,
И казалось — плывет под ногами земля.
И сказал чернобровый сигнальщик
с «Тумана»,
С легендарного северного корабля:

— То, что мы увидали, товарищи, с вами,
Это горькое горе за сердце берет.
Невозможно помочь никакими словами,
Так поможем делами! На запад, вперед!

Чтоб о нашем походе слагалась былина,
Чтобы песни звенели о нем в вышине...
Если нужно, матросы, рванем до Берлина,
Но клянемся семью возвратить старшине!

И вошли мы в Берлин через битвы и муки,
Сквозь огонь, через смерть, на немолкнущий
зов,
И сомкнулись детей исхудалые руки
На обветренных шеях суровых отцов.

Всех врагов краснозвездная сила сломила,
Разгромила оплот угнетенья и зла —
То Советская Армия, армия мира
Человечеству новую жизнь принесла.

НИКОЛАЙ ПАНЧЕНКО

ИЗ ДНЕВНИКА СОЛДАТА

Я в коммунизм вхожу
не как в гостиную:
открыл,
вошел,
представился — не так!
Ты, будущий,
взволнованность прости мою:
я шел к тебе сквозь крошево атак,
сквозь хлябь болот,
путей разбитых месиво,
сквозь свет ночей,
сквозь дни в сплошном бреду.
И если мне
порой
бывает весело,
то только оттого,
что я — иду.

БОРИС ПАСТЕРНАК

НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор несся всей махиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразье поз,
Читали дети и подростки
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

СОСНЫ

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.

Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся — и снова
Меняем позы и места.

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болезней, эпидемий
И смерти освобождены.

С намеренным однообразьем,
Как мазь, густая синева
Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава.

Мы делим отдых краснолесья,
Под копошенье мураша
Сосновою снотворной смесью
Лимона с ладаном дыша.

И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,
И мы так долго рук не вынем
Из-под заломленных голов,

И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится все время мне.

Там волны выше этих веток,
И, сваливаясь с валуна,
Обрушивают град креветок
Со взбаламученного дна.

А вечерами за буксиром
На пробках тянется заря
И отливает рыбьим жиром
И мглистой дымкой янтаря.

Смеркается, и постепенно
Луна хоронит все следы
Под белой магиею пены
И черной магией воды.

А волны все шумней и выше,
И публика на поплавке
Толпится у столба с афишей,
Неразличимой вдалеке.

ИНЕЙ

Глухая пора листопада.
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.

Пусть ветер, рябину занянчив,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.

Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопоухий
Шутом маскарадным одет.

Все обледенело с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся росомахой
Подсматривают с ветвей.

Ты дальше идешь с недоверьем,
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь инея сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаща видна.

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

ДРОЗДЫ

На захолустном полустанке
Обеденная тишина.
Безжизненно поют овсянки
В кустарнике у полотна.

Бескрайный, жаркий, как желанье,
Прямой проселочный простор.
Лиловый лес на заднем плане,
Седого облака вихор.

Лесной дорогою деревья
Заигрывают с пристяжной.
По углубленьям на корчевье
Фиалки, снег и перегной.

Наверное, из этих впадин
И пьют дрозды, когда взамен
Раззванивают слухи за день
Огнем и льдом своих колен.

Вот долгий слог, а вот короткий,
Вот жаркий, вот холодный душ.
Вот что выделывают глоткой,
Луженой лоском этих луж.

У них на кочках свой поселок,
Подглядыванье из-за штор,
Шушуканье в углах светелок
И целодневный таратор.

По их распахнутым покоям
Загадки в гласности снуют.
У них часы с дремучим боем,
Им ветви четверти поют.

Таков притон дроздов тенистый.
Они в неубранном бору
Живут, как жить должны артисты.
Я тоже с них пример беру.

СМЕРТЬ САПЕРА

Мы время по часам заметили
И кверху поползли по склону.
Вот и обрыв. Мы без свидетелей
У края вражьей обороны.

Вот там она, и там, и тут она —
Везде, везде, до самой кручи.
Как паутиною, опутана
Вся проволокою колючей.

Он наших мыслей не подслушивал
И не заглядывал нам в душу.
Он из конюшни вниз обрушивал
Свой бешеный огонь по Зуше.

Прожекторы, как ножки циркуля,
Лучом вонзались в коновязи.
Прямые попаданья фыркали
Фонтанами земли и грязи.

Но чем обстрел дымил багровее,
Тем равнодушнее к осколкам,
В спокойствии и хладнокровии
Работали мы тихомолком.

Со мною были люди смелые.
Я знал, что в проволочной чаще
Проходы нужные проделаю
Для битвы, завтра предстоящей.

Вдруг одного сапера ранило.
Он отползал от вражьих линий,
Привстал, и дух от боли заняло
И он упал в густой полыни.

Он приходил в себя урывками,
Осматривался на пригорке
И щупал место под нашивками
На почерневшей гимнастерке.

И думал: глупость, оцарапали,
И он отвалит от Казани
К жене и детям вверх, к Сарапулю,—
И вновь и-вновь терял сознанье.

Все в жизни может быть издержано,
Изведаны все положенья,—
Следы любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.

Хоть землю грыз от боли раненый,
Но стонами не выдал братьев,
Врожденной стойкости крестьянина
И в обмороке не утратив.

Его живым успели вынести.
Час продышал он через силу.
Хотя за речкой почва глинистей,
Там вырыли ему могилу.

Когда убитые потерею,
К нему сошлись мы на прощанье,
Заговорила артиллерия
В две тысячи своих гортаней.

В часах задвигались колесики.
Проснулись рычаги и шкивы.
К проделанной покойным просеке
Шагнула армия прорыва.

Сраженье хлынуло в пробоину
И выкатилось на равнину,
Как входит море в край застроенный,
С разбега проломив плотину.

Пехота шла вперед маршрутами,
Как их располагал умерший.
Поздней немногими минутами
Противник дрогнул у Завершья,

Он оставлял снарядов штабели,
Котлы дымящегося супа,
Все, что обозные награбили,
Палатки, ящики и трупы.

Потом дорогою завещанной
Прошло с победами все войско.
Края расширившейся трещины
У Криворожья и Пропойска.

Мы оттого теперь у Гомеля,
Что на поляне в полнолунье
Своей души не экономили
В пластунском деле накануне.

Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.

ВЕСНА

Все нынешней весной особое,
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвесть столетье.

ВЕТЕР

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все дерева
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ

ОФИЦЕР

От бега задохнувшийся связной —
пот по щекам, кривые брови взмокли...
А солнце катится.
И дышит бой.
И офицер в кустарнике с биноклем.

И он увидел хутор, крутояр,
солдат, пересекающих яругу.
Звенит над ухом яростно комар.
Весна раскрашивает, как маляр,
в зеленое и пестрое округу.

И он увидел: в пламени поветь...
Стремительна атака, как пружина.
И офицер, чтоб лучше разглядеть,
раздвинул ломкие кусты крушины.

Бесплодные, в пролысинах поля,
над всем войны навязанное иго.
Враги — назад,
через плетни, за выгон,
сползают в дол по гривам ковыля!..
Он усмехнулся: «Русская земля
покатая, как русская коврига».

Но взрыв.
Визжит снаряд один, другой...
Игольчатая зыбь бежит по коже.
Относит ветром дым.
Но что с ногой?
Не может быть? Да, он ступить не может.

А жаворонок в синеве висит,
а корни трав приникли жадно к влаге,
а медсестра настойчиво твердит,
что медсанбат недалеко, в овраге.
От злости выругался:
«Черт — не встать!»
Швырнул растерзанный сапог в траншею.
«Что делать там? Матрацы обминать?
Еще облатки запивать успею».

Он этот бой семь дней в себе носил, —
семь дней в душе сперва сраженье длилось.
Да у него теперь не хватит сил
отдать его слепой судьбе на милость.

Он — там, с солдатами.
Взять крутояр...
Корчуют бомбы сад.
В дыму строенья.
Там мысль его, как молнии удар,
там ненависть его, как вдохновенье.
А степь раскинута, как западня,
дрожит в ознобе будто в лихорадке.
Его среди кромешного огня
несут бойцы вперед на плащ-палатке.

* * *

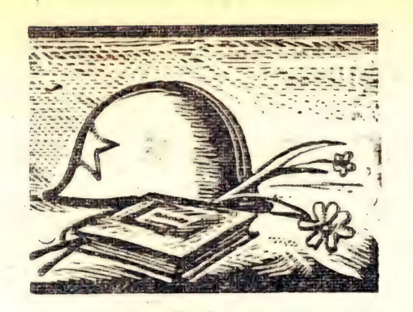
Есть в памяти мгновения войны,
что молниями светятся до смерти, —
не в час прощальный острый крик жены,
не жесткий блеск внезапной седины,
не детский почерк на цветном конверте.
Они полны священной немоты,

и — смертные — преграды мы не знаем,
когда в кистях тяжелых, золотых
перед глазами — полковое знамя.

И тишина мгновенная страшна
врагам, оцепеневшим в черных травах.
Со всех дистанций боевых видна
сердца нам осветившая волна —
судьба живых и храбро павших слава.

И ты уже не ты. Глаза — в глаза,
удар — в удар и пламя — в пламя...

Цветы, раздавленные сапогами,
обглоданные пулями леса
нам вслед цветут сильней стократ
и крылья веток к солнцу поднимают.
Пусть женщины тот миг благословят,
когда о них солдаты забывают.



ЮРИЙ ПЕТРОВ

ИСТРЕБИТЕЛЬ МИХАЙЛОВ

Прощай, каспийская волна!
Прощай, колхоз, родная хата!
Своих защитников страна
Зовет на бой с врагом проклятым!

Как давний сон, сирень в цвету,
Каспийского прибоя грива...
Михайлов Федор на посту
В снегах у Финского залива.

Он помнит Родины приказ —
Врагов нещадно истребляет.
Как на охоте, зоркий глаз
Ему в бою не изменяет.

До тридцати довел он счет
Фашистам, выбитым из строя.
И, как награду, он берет
Винтовку снайперского боя.

И люди всей земли моей
Недаром видят в нем героя.
К нему летит привет друзей
И волн каспийского прибоя.

КРАСНОЙ АРМИИ

Могучая, как наш герой-народ,
В своем порыве мощном ты едина,
Ты — детище народа-исполина,
Рванувшего историю вперед.

С священной верою,
что скоро ты придешь,
Взирают угнетенные народы.
Надежда мира, Армия свободы,
Дух Ленина в тебя вселяет мощь.

Чтобы цветы опять цвели в саду,
Ты — детище народа-исполина —
Пройдешь победоносно до Берлина,
Испепелив фашистскую орду.

И где на пепел ступит воин твой,
Там будет снова буйно колоситься.
И жито и янтарная пшеница.
Друзья мои,
вперед, в победный бой!

ПЕСНЯ О ЛЮБЕ КОЗЛОВОЙ

Пусть бурый снег, задымленный,
Покровом свежим скрыт.
Народ надолго в памяти
Преданье сохранит
О нашем наступлении,
О буре огневой,
О ленинградской девушке —
Связистке рядовой.

Ее такой запомнили:
В глазах — лучистый свет,
Курчавая, веселая
В семнадцать юных лет.
Прорвать кольцо фашистское —

Задача нелегка.
В глазах у Любы святятся
Два теплых огонька.

Минет война суровая,
Придет победы день,
Забудутся названия
Далеких деревень.
Но помни ты тропиночку,
Товарищ боевой,
В лесу,
в снегах,
у Марьино,
Над скованной Невой.

Когда гремела грозная
Сражения страда,
Там линиями белыми
Тянулись провода.
А где они кончалися,
У просеки лесной,
Сидела Люба с трубкою
В воронке под сосной...

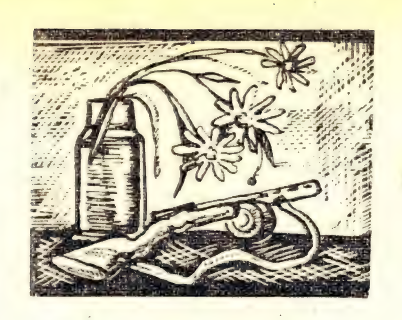
Свистят снаряды в воздухе,
Осколки кабель рвут.

Напрасно минометчики
С НП команду ждут.
Не умолкает девушка,
Но телефон молчит.
И комсомолка смелая
Вдоль провода бежит.

Уже разрыв заметила.
Еще ступила шаг...
Скорей исправить линию!
Но не дремал и враг.
Он снайперскою пулею

В тот миг ее сразил.
Тянулась Люба к проводу,
Собрав остаток сил.
Соединила линию.
На проводе рука...
Погасли, не засвятятся
Два теплых огонька.

Команду мы услышали
Сквозь ветры и снега —
И мины мы обрушили
На головы врага.



ВИКТОР ПОЛТОРАЦКИЙ

* * *

День догорел, чернобородый всадник
Спускался тихо по тропинке с гор.
Косая тень легла на виноградник.
Мы разожгли на берегу костёр.

И, подложив под головы шинели,
Упали на колючую траву.
Над нами звезды мирно зеленели,
И море было рядом, наяву.

Мы долго шли в ненастье, без дороги,
Без отдыха мотала нас война.
Еще гудят натруженные ноги.
А душу обнимает тишина.

Костер горит, и мы его не прячем,
Не роем и не строим блиндажей,
Все по-другому, все теперь иначе,
Нам даже воздух кажется свежей.

Не торопясь, не злобствуя, не споря,
У огонька спокойной тишины
Поговорим о музыке, о море...
И долго будем помнить гром войны.

ЛЮДМИЛА ПОПОВА

УТРО ПОБЕДЫ

Дважды Герою Советского Союза
П. А. Покрышеву

Мне снился бой.
Он мне порю снится,—
Как на врага, светла и высока,
Моя любимая летела птица,
Стальным крылом срезая облака.

От раскаленного свинца и стали,
Казалось, загорится небосклон.
Последний хищник смертоносной стаи
Был соколом моим испепелен.

А я стояла над чужой рекою,
Потом бежала я чужим селом,
Чтоб теплой благодарною рукою
Погладить утомленное крыло.

И вдруг раздался гулкий гром салюта.
И я проснулась.
Продолженьем сна
Победы нашей ликовало утро,
Шла по земле Великая Весна.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

* * *

Я пред тобой за все в ответе,
Мне ничего тебе не жаль,
Я рад, что ты живешь на свете,
Мое веселье и печаль.

Не разорваться дружбе нашей,
Я рад, что рядом ты живешь,
Что где-то ходишь, где-то пляшешь,
Что где-то плачешь и поешь;

Что я не праздно, не напрасно
Пришел к тебе своим путем,
Что весь мой мир, большой и властный,
В хорошем имени твоем!

* * *

Что ж, я расскажу вам в конце концов,
Как мы хоронили убитых бойцов.

Земля — словно камень,

Пурга, снега,
Болота, озера,
Леса, тайга.

И снег этот, как приказал военком,
Мы били лопатой, ломали штыком!

И мы эту землю, за комом ком,
Дробили лопатой, ломали штыком!

И так две могилы, одну за одной,
Мы вырыли на два штыка глубиной.

И вот мы друзей положили рядками,
Замерзшую кровь их мы стерли платками;

Мы скинули шапки пред прахом отважных,
Мы им поклонились не раз и не дважды!

Как думали — вместе, как жили — не врозь,
Мы клали их боком, чтоб крепче спалось!

Прощайте навеки, родные друзья,
Останется где-нибудь песня моя,

Как след наших ног, покоривших тайгу,
Как залп нашей мести по злому врагу.

МОСКВЕ

Вся родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца,
Ведь пояс твоей обороны
Идет через наши сердца!

Идет через грозные годы
И долю народа всего,
Идет через сердце народа
И вечную славу его!

Идет через море людское,
Идет через все города...
И все это, братья, такое,
Что враг не возьмет никогда!

Москва!
До последних патронов,
До дольки последней свинца
Мы в битвах!
Твоя оборона
Идет через наши сердца!

УМРЕМ, НО НЕ ДОПУСТИМ

Умрем, но не допустим
(Нам воля дорога)
К Невы широкой устью
Проклятого врага!

Здесь все оплачено трудом,
Здесь воздух боевой,
Здесь каждый выступ, каждый дом —
Живой, друзья, живой!

Ни шагу назад, ни шагу назад!
Ни шагу назад! За нами Ленинград!

Не встанет на колени он
Любою злой порой,
Великий город Ленина,
Наш доблестный герой.

Так будем вкруг него стеной,
Все братья, вся семья,
В нем каждый камень — наш родной,
Трава в садах — своя!

Ни шагу назад, ни шагу назад!
Ни шагу назад! За нами Ленинград!

От нас отчизна требует
Унять фашистов раж,
Еще такого не было,
Чтоб дрогнул город наш!

От берегов до берегов
Пусть бьет фашистов дрожь,
Уныл могильный путь врагов,
Так множь могилы, множь!

Ни шагу назад, ни шагу назад!
Ни шагу назад! За нами Ленинград!

БАЛЛАДА О КРАСНОАРМЕЙЦЕ ДЁМИНЕ

Земля дорогая в пепле, в золе,
Горячий июльский зной.
Фашистские танки идут по земле,
По нашей земле родной.

Но встали мы грозно на их пути,
Вкопались в землю до плеч,
Чтоб им не пройти, чтоб им не уйти,
Чтоб их, ненавистных, сжечь!

Мы любим отчизну, с ней смерть
победим,
Кто мыслит не так — умрет!
И здесь против танка один на один
Дёмин, боец, встает.

Но рано он встал. Мгновенье одно
Ему б подождать еще,
Коль пуле врага лететь дано,—
И вот она бьет в плечо.

Хочу, чтоб понятно было всем,
И стих не хочу тянуть.
Пятнадцать метров,
десять,
семь
Осталось танку рвануть!

И счет на секунды ведется.
Не лгу,
Тут песню бы надо сложить
О том, как крикнул Дёмин врагу:
«Не жить тебе, гад, не жить!»

Что завоевано, мы не сдадим,
Об этом знает любой.
И вновь против танка один на один,
Превозмогая боль,

Дёмин стоит, и кровь течет,
И ненависть бьет ключом.
Бутылка с горючим летит в броню
И танк предает огню.

За то, что плечо пробил, гори!
За то, что ты враг, умри!

БЕССМЕРТИЕ

Направо река от него. Повороты
Дорог, отзвеневших вдали.
И там, за рекою, фашистские роты
На нашей земле залегли.

Он видит далёко и в грохоте слышит,
И пусть хоть полнеба в дыму,
Но тянется яростный провод на крышу,
Послушный ему одному.

Фашисты из щелей полезли,—
он видит,
Им место не здесь, а «в раю»!
Так пусть же узнают, как их
ненавидим,
Как любим отчизну свою!

Ведь мы их не звали сюда, не просили,
Скорей настигай их, беда!
И ненависть, равная буре по силе,
Как буря летит в провода.

«Огонь! — он скомандовал на батарею,—
Вояки промокли слегка,
Пора подсушить их; коль солнце не греет,
Подсыпьте-ка им огонька!»

И ухнули разом. Кривая полета
Идет через песню мою.
О том, как разили его минометы,
Я слово герою даю.

«Сегодня на рассвете,— записал Иван Николаевич Павленко,— немцы подтянули к деревне около 15 танков и больше роты пехоты. В это время я сидел на крыше двухэтажного дома. Когда я увидел фашистов, сердце облилось кровью. Я скомандовал: «Огонь!» Тяжелые мины рвались среди скопища вражеской пехоты. Я от радости кричал: «Здесь, на поляне, враг увидит свою смерть! Вперед, за победу! Подлый враг будет разбит!»

И дальше — на уголке клочка бумажки: «Вражеские снаряды изрешетили весь дом. Я с поста не уйду!»

Вперед за реку прорывались отряды,
И враг заметался, гоним.
...Он пал, наш товарищ, но бывшее рядом
Бессмертие встало над ним!

И, славящей мужество наше прямое,
Я вижу, как входят в века
Дом, в щепы разбитый, герой-комсомолец,
Столетние сосны, река.

КЛЯТВА

Тишина. Призамолкла на час канонада,
Скрыто всей этой режущей слух тишиной.
Рядом — город бессмертный.
За честь Ленинграда
Встали сосны стеной, люди встали стеной!

Тишина непривычной была, непонятной,
Предзакатною. Медленно день умирал.
И тогда вдоль рядов, величавых как клятва,
С новым воинским знаменем прошагал генерал.

Тишина перед боем.
Враг, не жди, не надейся,
Заберет тебя ночи чернее тоска.
Здесь, готовые к битвам, встали гвардейцы,
Молодые, победные наши войска.

Рядом были землянки, блиндажи в пять накатов,
На поляне в сосновом лесу за Невой,
Обернувшись на запад, на запад, к закату,
Встала гвардия наша в полукруг боевой.

Знамя принял полковник.
Снег на знамени — пеной.
Бахрому тронул иней
Даль застыла, строга.
И, охваченный трепетом,
командир на колено

Опустился в глубокие наши снега.
И «Клянемся!» — сказал он.
И духом геройства
Вдруг пахнуло на рощи, поля и луга,
И тогда, как один, опустилося войско
На колени в глубокие наши снега.
Тишина. Всё в снегу, больше черном,
чем белом,
И тогда, над холмом, за который деремся,
Над снегами летящее ввысь прогремело,
Прогремело железное слово «Клянемся!».

ТОВАРИЩ, ТЫ ВИДЕЛ

Александру Фадееву

Товарищ, ты видел над нею
Закаты в дыму и крови,
Чтоб ненависть била сильнее,
Давай говорить о любви.

Под грохот тяжелых орудий
Немало отхлынуло дней,
Товарищ, мы — русские люди,
Так скажем, что знаем о ней.

Расскажем, и все будет мало,
Споем, как мы жили в ладу.
Товарищ, ты будь запевалой,
А я подголоском пройду!

Вся в солнце, вся свет и отрада,
Вся в травах-муравах с росой
Широкие ярусы радуг
Полнеба скрывали красой

И день занимался прекрасный,
И — весен веселых гонцы —
Галчата сидели на пряслах,
И шли бороздою скворцы.

Ручьи в краснотале всех краше,
В них — звезд голубых огоньки,
В них русские девушки наши
Бросали цветы и венки!

И «любит-не-любит» гадали
В тени белоногих берез...
О милые, светлые дали,
Знакомые с детства до слез!

Долины, слепящие светом,
Небес молодых синева,
На всем этом русская мета
И русского края молва!

Поляны, поляны, поляны
Везде земляникой цвели,
Баяны, баяны, баяны
Звенели, горели и жгли!

Катились глубокие воды,
И ветер слетал с парусов
На красные трубы заводов,
На кроны дубрав и лесов.

И хмурые видели глыбы
В гранитном подножье — прибой,
И в заводи, полные рыбы,
Слеталися чайки гурьбой!

Нам дорого это и свято,
Нам край открывался родной
За каждой травинкой примятой,
За каждой былинкой степной.

Встают за высокою рожью,
За взлетом на крышах коньков,
За легкой знакомою дрожью
Склоненных к воде ивняков;

За красною шапкой рябины
За каждым дремучим ручьем,
За каждой онежской былиной,
За всем, что мы русским зовем,

Родней всех встают и красивей
Леса, и поля, и края...
Так это ж, товарищ, Россия,
Отчизна и слава твоя!

ФРОНТОВАЯ ДОРОГА

От рощи к холму, с перелеска до лога
Далеко бежит фронтовая дорога.

Она день и ночь вдаль идет неумолчно.
Досадует враг, огрызаясь по-волчьи.
Глубокие слева и справа воронки,
Но «эмки» бегут, и грохочут трехтонки
По ней, по избитой, тревожной, неровной,
По гатям разбитым, по щебню, по бревнам!

Трясет, но везет!
                                        И недаром когда-то
Ее малярией прозвали солдаты!
Бои отгремят, засверкает победа,
По новым дорогам солдаты проедут.
Гудрон им под ноги!
                                        Но в память былого
Хвала им, хвала им за меткое слово.
Проедут и вспомнят, как жили — служили,

Как сами дорогу свою проложили,
Как сами мостили, где низко, где круто,
Как немцы ее ненавидели люто.
Живи! До победы осталось немного,
Ты, в общем, совсем неплохая, дорога

* * *

Нынче удались цветы повсюду,
Вволю им дано покрасоваться.
Я смотрю на землю как на чудо,
Просто не могу налюбоваться.

Всё в цветах! Везде я их встречаю,
Даже пробиваются как — слышу.
Куст какой-то смелый иван-чая
Смотрит на собратьев прямо с крыши.

Вот раскрылся лютик милый-милый,
А на холм, где расцвела ромашка,
Где калина руки заломила,
Вышел клевер в розовой рубашке!

Разлеглись, как в сказке, голубые,
Синие, зеленые края...
Неужель тебя железом били,
Мать моя, сыра земля моя?!

* * *

Я думал песенку сложить об этом,
Как роща не могла расстаться с летом,
Как листья не хотели оторваться,
Как осень не могла расторговаться,
Хотя кидалась золотом и медью,
Хотя сверкала первой гололедью.
Ну, а зима однажды на рассвете
За серебро купила все на свете!
Я думал песенку сложить об этом,
Как роща не могла расстаться с летом,
Но не сложил... Чего б, казалось, проще —
Ведь за окном серебряная роща!..

ЗАКАТ

Да, такого не бывало,
Чтоб с полнеба сразу стало алым,
Чтоб заката лента обвивала
Облака, грозящие обвалом!
Вот отсюда и пошло:
                                        в лугу
Розовый стожар горит в стогу,
Розовые сосны на снегу,
Розовые кони в стойла встали,
Розовые птицы взвились в дали,
Чтобы рассказать про чудеса...
Это продолжалось полчаса!

ЯБЛОНЯ НА МИННОМ ПОЛЕ

Она в цвету. Она вросла в суглинок
И ветками касается земли.
Пред ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.

Над нею ветер вьет тяжелым прахом
И катятся седые облака.
Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела?
                    Не понять пока.

И не узнать до осени, пожалуй,
И я жалею вдруг, что мне видна
Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.

Но верю я:
                от края и до края
Над всей раздольной русской стороной
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.

Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днем обойдена!

ЗДЕСЬ МЫ ПОСАДИМ РОЗЫ

Везде следы кровавые разбоя,
Нещадной злобы, бешенства врагов.
Товарищ, стой! Пред этим полем боя
Мы скинем шапки за десять шагов.

Здесь вихрь взвивал до низких туч накаты,
Снега горели, а в аду таком
Дубровку брали русские солдаты.
«Дубр» был за нами, «овка» за врагом!

Здесь шли орлы просторною Невою,
Здесь, презирая смертного врага,
Герои шли глухой тесниной боя
Туда, где все пути замкнула Мга.

Устала сталь. Нет мочи, как устала!
«Катюши» били, и дотла, дотла
Все жгла гроза. И звезды вниз сметала
И до небес достигшая метла!

Снаряды мчались, будто вперегонки,
Окрестный мир качался, вздыблен весь.
Вновь млел закат. И, кроме как в воронки,
Снарядам негде было падать здесь.

Где левый берег? Нет его, он срезан.
Ни с кем, ни с чем простора не деля,
Здесь рваное и ржавое железо —
Здесь истинно железная земля!

Потомок дальний! Будешь здесь когда ты,
То знай, что рядом, легшие стеной,
Воистину железные солдаты
Засыпаны железною землей.

Они, презрев смертельные угрозы,
Легли отчизны новою стеной...
Товарищи! Мы здесь посадим розы,
Красней не будет в мире ни одной!

* * *

Я много дум поведаю тетради
Про наши героические дни,
Но если не скажу о Ленинграде —
К чему стихи мои,
Зачем они?

Все минуло. Враги упали в бездну,
А ты в веселье и в работе лих.
Да было ль девятьсот ночей железных
И девятьсот железных дней твоих?

Да, было, мы свидетели такому,
С тобой делили это бытиё.
Каким же после молний, после грома
Забилось сердце ярое твое?

Ведь ты собрал вокруг такое братство,
Явил такое миру торжество.
Что — как не знать —
Не только ленинградцы
Живут в ударах сердца твоего!

МЫ ПРИКРЫВАЛИ СЕРДЦЕ ЛЕНИНГРАДА

В нем много мест, куда упасть снарядам
Не мудрено, совсем не мудрено,
Тем более, что лютый враг был рядом,
Тем более — врагу не все ль равно,
Куда всадить — под крышу иль в окно!
Раздвинув синь широкими плечами,
Огнем великих битв озарены,
Приневские дома тогда качались
И рушились, врагом ослеплены.

Но мы стояли впереди громады,
Где Пулковская высится гряда,
Мы прикрывали сердце Ленинграда,
Не знающее страха никогда!
Наш каждый шаг в грядущее был громким.
Из пулеметных и стрелковых гнезд
Мы били в тьму, разили тьму.
Потомки,
Вы донесите свет до дальних звезд!

ВСТАЮТ ГОРОДА...

Из праха и пепла встают города
На родине смелых, отчизне труда.
Горят златоцветы, где выстроен дом,
И пляшет береза под самым окном.
Обугленной челкою в полдень веселый
Она закивала семье новоселов:
«Входите, входите, ведь я отгрустила,
Я новую поросль у дома взрастила.
Ее не помните случайно, не троньте,
Хотя бы за то, что была я на фронте,
За то, что машу и пляшу да впридачу
Росою трясу иль от радости плачу!»
Беги в этот дом искрометно, вода,
Вставай поскорей, посветлее, звезда,
Над новою долей, над новою крышей.
Край неба зарей самоцветною вышит:
Как будто бы скатертью чаша накрыта,
Как будто водой ключевою умыта
И ждет не дождется большого застолья —
Да с брагой, да с хмелем, да с хлебом и солью.

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

ГОЛОСА ХРАБРЫХ

На улицах дрожат дома-громады,
И жарко облакам.
Свидетельствую в гуле канонады
Народам и векам.

Как кровь, ярка в осеннем темном небе
Пожаров полоса:
Прекрасных зданий нет — лишь пыль и щебень,
Суровы голоса:

— Из милых окон вражьи орды видны.
Проклятые, назад!
Живой стеной у стен твоих гранитных
Мы встали, Ленинград.

— Отчизна-мать!
Доступного смятенью
Сама убей в борьбе.
Как воды рек твоих верны теченью,
Так мы верны тебе.

— Нет, никогда рабов ярем постыдный,
Враг не навяжет нам.
О доблести свидетельствуй, гранитный
Любимец наш, векам.

ЖЕНЩИНАМ ЛЕНИНГРАДА

Мы помним всё,
Все ваши муки —
И мрак и холод этажей,
И боевое в час разлуки
Благословенье матерей.
Приняв его, мы уходили
Из дома прямо в дым войны.
Вы сами в громе битвы жили,
Ее огнем озарены.
Тревожный сон,
Свой отдых краткий
По зову прерывали вы.
Под бурей рыли ленинградки
Противотанковые рвы.
Вы стойкостью не изумляли,
Быть может, лишь гранита твердь.
Солдатам раны бинтовали,
Когда на вас глядела смерть.
Подруги,
Бой не смолк, он длится,
Победы приближая срок.
Ветра весны, румяня лица,
Повеют с нив, с морей, с дорог.
И будет жизнь достойна славы
Ее спасающих сейчас.
Подруги,
Родина поздравит
Как равных с воинами вас.

* * *

Огонь войны не сжег в душе, не выжег
Ни нежных чувств,
Ни дорогих имен.
Как темен путь!
Вот орудийных вспышек
Мгновенным блеском озарился он.
И в этот миг, взнесенные высоко,
Предстали этажи передо мной,

И глянули ряды дрожащих окон
С огромных стен, израненных войной.

Рванулось сердце, словно ждало знака.
Но мы в строю —
И все, что мне дано:
Из тысяч окон, глянувших из мрака,
Лишь различить заветное окно.
И прошагать в ночи осенней мимо,
Во имя встреч благословляя ту,
Что, может, в этот час,
Тоской томима,
В грохочущую смотрит темноту.

ПИСЬМО В НЕВЕЛЬ

Я помню мхи у невельских озер,
По ним идут бойцы в свинцовом свисте.
Мой отчий край приветственно простер
Рябин осенних пламенные кисти.

Где б ни был я,
В былые времена
Душа безгласной отзывалась тени:
Манила золотая тишина
Родных полей,
Звал шум лесов осенних.

Там старый пахарь, труд свой завершив,
С ружьем, бывало, вверится простору.
Как несказанно были хороши
Охотничьи скитанья в эту пору!

А выйдешь к большаку — кругом стога,
Кругом деревни.
«Будь, земляк, что дома...»
. . . .

Идут бойцы
И видят след врага.
И знаю я: не всем бойцам знакома
Родная мне — лесная сторона.

Товарищи по армии и братья!
В горящих деревнях вам не до сна,
И слезы счастья в краткий миг объятья
Торопят вас на запад.
Как бы я
Хотел увидеть отчий край, быть с вами!
Старуха мать — страдалица моя —
Сейчас, поди, бескровными губами
Свое благословенье шепчет вам.

Но строгий путь и мне в строю начертан:
Дым стелется по невским берегам.
И в нем слагается строка вот эта.

Здесь принимая все, что суждено
Встречать в боях от моря и до моря,
Всех, думаю, вознаградит одно:
Россию-мать мы выручим из горя!

СОСНА У ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Над зимним морем,
Над его пустыней
Среди других

Я вдруг узнал одну —
По росту,
По наклону,
По вершине —
Знакомую, забытую сосну.

И напрямую,
Так, что лыжи пели,
Я не напрасно к ней тебя повел,
Лишь только нам
Из белизны метели
Сверкнул ее смолистый красный ствол.

...Проходит все.
Была пора другая —
Пора метелей огненных, иных,

Когда они здесь выли, обжигая,
Я их встречал у этой вот сосны.

Но все, что дорого, я помнил в дыме,
В жестокий час,
На выжженной земле.
Гляди сюда:
То не свое ли имя
Еще прочесть ты можешь на стволе?

Семь букв твоих виднеются сквозь новый,
Твердеющий янтарный слой смолы;
Они глядят из той поры суровой,
Как грусть моя походная, светлы.

Им с временем теперь недолго спорить,
Хотя остер был нож солдатский мой...

Расти, сосна,
Клонясь, шуми над морем!
Сбылась мечта, хранимая тобой.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ПАМЯТНИК СУВОРОВУ

Среди балтийских солнечных просторов,
Пред широко распахнутой Невой,
Как бог войны, встал бронзовый Суворов
Виденьем русской славы боевой.

В его руке стремительная шпага,
Военный плащ клубится за плечом,
Пернатый шлем откинут, и отвага
Зажгла зрачки немеркнущим огнем.

Бежит трамвай по Кировскому мосту,
Шуршат авто, прохожие спешат,
А он глядит на шпиль победный острый,
На деловой военный Ленинград.

Держа в рядах уставное равненье,
Походный отчеканивая шаг,
С утра на фронт проходит пополненье
Пред гением стремительных атак.

И он — генералиссимус победы,
Приветствуя неведомую рать,
Как будто говорит: «Недаром деды
Учили вас науке побеждать!»

Несокрушима воинская сила
Того, кто предан Родине своей.
Она брала твердыни Измаила,
Рубила в клочья прусских усачей.

В Италии летела с гор лавиной,
Пред Фридрихом вставала в полный рост,
Полки в горах вела тропой орлиной
В туман и снег на узкий Чертов мост.

Нам ведом враг и наглый и лукавый,
Не в первый раз встречаемся мы с ним.
Под знаменем великой русской славы
Родной народ в боях непобедим.

Он прям и смел в грозе военных споров,
И равного ему на свете нет.
— Богатыри! — так говорит Суворов,
Наш прадед в деле славы и побед.

СТАРЫЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ

(1941 год)

1. Он

— Я металлист. Я питерский рабочий,
Еще не стар. Мне только шестьдесят.
Я у станка стоял и дни и ночи,
Когда Юденич шел на Петроград.

Враги кольцом республику сдавили.
Я бросил дом, вступил в рабочий взвод.
Мы мужеством и стойкостью разбили
Офицерье у Пулковских высот.
Мы гнали их от города родного,
За нашу революцию дрались
И, слыша сердцем ленинское слово,
Хорошую завоевали жизнь.

Мой старший сын давно стал коммунистом,
И знаю я — он будет впереди
Отважным летчиком или танкистом
С заслуженной наградой на груди.

Володя, младший, тот еще в ученье.
Сегодня он с утра пришел ко мне:
«Хочу идти я с братом в наступленье,
Хочу, отец, помочь родной стране!»

Пригладил я вихор его косматый,
Взглянул ему в веселые зрачки...
«Ну, что ж! И сам я молод был когда-то
И не забыл те грозные деньки.

Пойдем, сынок мой, расправляться с гадом,
Запишемся с тобой в один отряд.
Отец и сын на фронте станут рядом,
Чтоб защитить родимый Ленинград.

Я не забыл военную сноровку,
Мне шестьдесят, но я не сдам в бою.
Возьми, сынок, отцовскую винтовку,
Чтоб с честью стать за Родину свою».

2. Она

Ей пятьдесят. Она привыкла к дому,
К семье, к плите. Но в эти времена
Ей хочется — совсем по-молодому —
Стать во главе пожарного звена.

Когда над спящим городом сирена
Ревущим воем взроет тишину
И от огня зениток дрогнут стены,
А молния метнется по окну,—

На чердаке, под самой кровлей дома,
Стоит она, как зоркий часовой,
Чтоб вовремя услышать звук знакомый,
Проклятый звук, грозящий нам бедой.

Ее глаза во тьме сверкают грозно,
Когда огонь, обрушенный врагом,
В плен захватив, пока еще не поздно,
Она глушит водою иль песком.

Она на героиню не похожа,
Но жизнь свою ей вверил Ленинград.
И будь она на двадцать лет моложе,
Винтовку взяв, с сынком бы стала в ряд.

3. Слово матери

Сын мой милый, помни это слово,
Помни просьбу жаркую мою.
Все, что есть у матери святого,
Родине сейчас я отдаю.

Я тебя кормила, воспитала,
Берегла от горя и невзгод,
И сама я в бой тебя послала
В дни, когда поднялся весь народ.

Знаю, ты не дрогнешь перед боем,
В грозовой тревоге этих дней
Будешь — в это верю я — героем,
Материнской гордостью моей.

Самой жизни честь тебе дороже.
Бей же неустанно по врагам.
Вот что я хочу сказать, Сережа,
И тебе, и всем твоим бойцам.

Дорогие, сын мой вместе с вами
Там, в окопах, день и ночь в бою...
Всех я вас считаю сыновьями.
Слушайте меня, как мать свою.

Пусть заплатит враг кровавой платой
За угрозу мирному труду.
Бейтесь смело, как отцы когда-то
В славном девятнадцатом году!

Вашей доблести весь мир дивится,
Стойко ваше сердце, зорок глаз.
Будут вами матери гордиться,
Жены, как героев, встретят вас.

БЕЛАЯ НОЧЬ

(Волховский фронт)

Средь облаков над Ладогой просторной,
Как дым болот,
Как давний сон, чугунный и узорный,
Он вновь встает.
Рождается таинственно и ново,
Пронзен зарей,
Из облаков, из дыма рокового
Он, город мой.
Все те же в нем и улицы, и парки,
И строй колонн,
Но между них рассеян свет неяркий —
Ни явь, ни сон.
Его лицо обожжено блокады
Сухим огнем,
И отблеск дней, когда рвались снаряды,
Лежит на нем.

. . . .

Все возвратится: Островов прохлада,
Колонны, львы,
Знамена шествий, майский шелк парада
И синь Невы.
И мы пройдем в такой же вечер кроткий
Вдоль тех оград
Взглянуть на шпиль, на кружево решетки,
На Летний сад.
И вновь заря уронит отсвет алый
Совсем вот так,
В седой гранит, в белесые каналы,
В прозрачный мрак.
О город мой! Сквозь все тревоги боя,
Сквозь жар мечты
Отлитым в бронзе с профилем героя
Мне снишься ты.
Я счастлив тем, что в грозовые годы
Я был с тобой,
Что мог отдать заре твоей свободы
Весь голос мой.

Я счастлив тем, что в пламени суровом,
В дыму блокад
Сам защищал — пулею и словом —
Мой Ленинград!

ВОЛХОВСКАЯ ЗИМА

Мороз идет в дубленом полушубке
И валенках, топча скрипучий прах.
От уголька зубами сжатой трубки
Слоистый дым запутался в усах.

Колючий иней стряхивают птицы,
То треснет сук, то мины провизжат.
В тисках надежных держат рукавицы
Весь сизый от мороза автомат.

Рукой от вьюги заслонив подбровье,
Мороз глядит за Волхов, в злой туман,
Где тучи, перепачканные кровью,
Всей грудью придавили вражий стан.

Сквозь лапы елок, сквозь снега густые
Вновь русичи вступают в жаркий бой.
Там Новгород: там с площади Софии
Их колокол сзывает вечевой.

В глухих болотах им везде дороги,
И деды так медведей поднимать
Учили их, чтоб тут же, у берлоги,
Рогатину всадить по рукоять!

БАЛТИЕЦ

Крест-накрест лентой пулеметной
Опутав грудь,
Вступил моряк в отряд пехотный
На славный путь.

Глядят зрачки его стальные
Всегда вперед.
Над ними буквы золотые:
«Балтийский флот».

Как шли под Пулковом к победам
Отец и брат,
Так встал и он — за ними следом —
За Ленинград.

Он тверд, настойчив и бесстрашен.
Его рука
Шлет на врага снаряды с башен
Броневика.

Его учили дни и ночи
За честь стоять
Отец — путиловский рабочий,
Ткачиха — мать.

И штык его врагу преграда,
А пуля — месть.
Таких сынов у Ленинграда
Немало есть.

Они идут, погибель сея,
В дыму равнин,
Ни сил, ни жизни не жалея,
Все, как один,
Туда, где боем воздух вспорот,
В огонь и дым,
И с ними наш отважный город —
Непобедим!

* * *

Целый день я сегодня бродил по знакомым местам,
Удивляясь тому, что их вижу как будто впервые.
Чуть вздыхала Нева, поднимаясь к горбатым мостам,
Вдоль проспектов цепочкой бежали огни золотые.
Летний сад за решеткой качался в сырой полумгле.
Чуть касалось щеки дуновенье просторного оста,
И разбрызгивал лужи трамвай, отражая в стекле
Клочья розовых туч да иглу над громадою моста.
В этот вечер откуда-то хлынула в город весна,
Рассекая все небо полоской зеленой и красной.
И сверкала на Невском, шумела толпой сторона,
Та, которая прежде была «при обстреле опасной».

ИГНАТИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

РУЖЕЙНАЯ БЕРЕЗА

Здесь не кружились вражьи бомбовозы
И не рвалась немецкая шрапнель
Здесь тишина, да сосны, да березы,
Серебряное полымя мороза
Здесь разожгла февральская метель.

В рассветный час, навстречу белым
вьюгам,
Легко, как крылья, распахнув тулуп,
По голубым рассыпчатым застругам
В тайгу шагает рослый лесоруб.

Он смотрит зорко с льдистого пригорка,
Ряды берез смыкаются плотней.
Он даже не притронулся к махорке:
Сейчас не время баловаться с ней.

Молчит морозом скованная чаща,
Вот у реки тропа оборвалась.
Береза... С виду будто подходяща,
Такая вот годится в самый раз.

Глотнув, как спирту, крепкого мороза,
Седой лесник, прищурившись хитро,

Выстукивает, слушает березу,
Какое, дескать, сердце и нутро...

Молчат деревья и не встрепенутся...
Домой шагает в полуночный час:
«Теперь не грех махоркой затянуться,
На целый взвод винтовочек припас».

И он идет сквозь полымя мороза,
И твердо знает сердце старика!
Сибирская ружейная береза
Не подведет сибирского стрелка.

БОРИС РУЧЬЕВ

СТИХИ О ДАЛЕКИХ БИТВАХ

1

За счастье и за мир родного края
и мне пора бы с братьями в строю,
оружие в руках своих сжимая,
с врагом заклятым встретиться в бою.
Но далеко колышутся знамена,
друзья мои идут в смертельный бой...
И в чутких снах долины Оймякона
отгул боев я слышу над собой.
И в нетерпенье, радостей не зная,
всё жду я, сокол, скованный кольцом,
когда же мне
страна моя родная
прикажет встать и назовет бойцом.

2

В неистовых болях, в несносной тоске,
и днем мне и ночью не спится,
дышу я, как рыба на жарком песке,
на койке полярной больницы.
И вижу вдали, в полумгле голубой:
над родиной тучи, на родине бой.
В огне золотые мои города,

поля мои дымом повиты,
от тихого Дона до невского льда
в громах не кончаются битвы.
И снова в атаку, штыками грозя,
червонные звезды проносят друзья.
Родные, с кем рос я, работал и жил,
заводы и станции строя,
с кем русых, веселых девчонок любил,
смеясь и страдая порою.
И мнится, что я за бойцами иду,
повязки, как цепи, срывая в бреду.
Кричу, я, за строем бросаясь скорей:
— Я с вами, я с вами, ребята!
Я долго бежал от полярных морей...
Я друг ваш, а стану за брата...
Святое молчанье пред битвой храня,
бойцы, улыбаясь, встречают меня.
На каске звезда горяча, горяча...
От тяжести голову кружит,
железною ношей на тонких плечах
мое огневое оружье.
От боли шатаясь, с бойцами иду,
повязки, как цепи, срывая в бреду.

3

Боюсь я, что поздно свобода придет...
Растает на реках расколотый лед,
раскроют ворота и скажут:
— Иди!
И счастье и слава твои впереди...

Приду я в Россию. Утихла гроза.
Навстречу мне женка прищурит глаза:
— Здорово, соколик! Здорово, мой свет!
А где ты, соколик, шатался сто лет?
Друзья твои прямо прошли сквозь войну
и кровью своей отстояли страну,
Им вечная слава, почет без конца,
а ты, как бродяга, стоишь у крыльца...

Обижусь на женку, как сыч загрущу,
по старым квартирам друзей поищу.

— Ни за что ни про что попал я в беду,
откройте, ребята, я еле бреду.
В груди пересохло, и в горле печет...

Но вижу в друзьях я большой недочет.
Растут незабудки на бровках могил.
А я вас, ребята, как братьев любил.
До синих цветов припаду головой,
а мертвые спросят:
— Зачем ты живой?
Ты, видно, в боях не стоял до конца,
что сердце свое уберег от свинца?
Стучит твое сердце набатом в груди,
оставь нас, товарищ... Прощай и иди!..

Повсюду, повсюду бушует молва,
как немцев грозою разила Москва,
горел Севастополь и Киев страдал.
Шумят, вспоминая бои, города...
Гудят города день и ночь напролет,
в ожогах и ранах пирует народ.
Отставив винтовки, надев ордена,
бойцы отдыхают за чаркой вина.
Мне скажут:
— Куда ты идешь нелюдим?
Садись-ка за стол, посидим, подымим.
Ты выпей вина да похвастай, где был,
незваных гостей по-хозяйски ли бил?
Иль с неба, иль с тылу, иль запросто в лоб
заморскую сволочь вгонял ты во гроб?..

Мне пир как похмелье,
минута, что год,
и хлеб словно камень, и хмель не берет...
И думать нельзя, и не думать нельзя...
Прости меня, женка, простите, друзья!
У дальнего моря я долю кляну,
Что в горькой разлуке живу и в войну,
что в первой цепи не шагаю в бою
и люди
не знают
про доблесть мою.

ДВЕ ПЕСНИ О МАГНИТ-ГОРЕ

1

Невидимый, невредимый,
силу тайную хранит
в сердце родины таимый
удивительный магнит.
Мне на свете нет покоя,
нет удачи, нет добра —
неотступною тоскою
извела Магнит-гора.
Дальним ветром, тихим зовом
всё манит меня к себе,
будто сына дорогого,
непокорного судьбе.
Я не раз бывал измучен,
падал замертво в мороз,
на костре горел горючем,
не пролив и капли слез.
Но припомню город горный,
весь в огнях в вечерний час,—
хлынут с радости и с горя
слезы теплые из глаз.
Я увижу, как по тропам
росным утром на заре
самым юным рудокопом
я пришел к Магнит-горе.
И, взрывая камень вечный,
день и ночь в земной грозе,
верных верностью сердечной
больше ста имел друзей.
Жил, довольный хлебом черным,
в праздник чай кирпичный пил,
вместо доброй и покорной
непокорную любил.
И желанной нелюбимый,
пел я, строя город мой,
каждым камушком родимый,
каждой гайкою родной.

2

Если я умру без слова,
люди, будьте так добры,

отвезите гроб тесовый
до высот Магнит-горы.
Под утесом положите
и поставьте столб с доской:
«Похоронен старый житель
и строитель заводской».
Дождь польет могилу летом,
и на политом бугре
загорится горицветом
несгораемый багрец.
И воротятся живые,
старой дружбой мне верны,
сталевары, горновые —
бомбардирами с войны.
Над могильником багровым
снимут шапки в тишине,
задушевным тихим словом,
как живому, скажут мне:
— Спи, товарищ, ты недаром
ел на свете пироги,
нашей сталью в громе яром
насмерть скошены враги!..
И пойдут друзья спокойно
плавить горную руду,
как всегда, готовы к войнам,
к жизни, славе и труду.
Над моим усталым сердцем
пусть же, здравствуя, живет
всю планету громовержцем
потрясающий завод.
Как сердца, стучат машины,
сплав бушует огневой,
и да будут нерушимы
основания его.
Ибо в годы сотворенья
я вложил в них долей тонн
камень личного граненья,
вечной крепости бетон.

ПАРЕНЬ ИЗ ТАЙГИ

Получив топор с лопатой
да харчей сухой паек,

он тайгу прошел когда-то
с краю вдоль и поперек.
В камнях гор и в руслах речек,
по болотам, возле скал,
без дороги, как разведчик,
летом золото искал.
А зимой
за крепким чаем,
в пору бешеной пурги
часто сиживал ночами
с нами парень из тайги.

Часом жил без хлеба-соли,
от устатку падал с ног,
при любой сердечной боли
песню петь в артели мог.
Мог под снегом спать как дома,
под дождем костер разжечь,
сбить зимовку в два приема,
на лопате хлеб испечь.
Сам друзей лечил от скуки,
сам мастачил сапоги...
Был он мастер на все руки,
этот парень из тайги.

Но однажды мимоходом
поклонился парень нам,
паспорт взял, долги все отдал
и пошел по всем фронтам.
Год проходит — нет привета,
два проходит — нет следа...
Не случись тогда газета,
мы не знали б никогда,
как по высшему указу
не награду, как другим,
целых три награды сразу
дали парню из тайги.

Значит жили мы недаром,
как положено парням,
ели щи с одним наваром,
хлеб делили пополам.
Чай варить, так только вместе,
лес рубить, так только враз,

гадов бить, так честь по чести —
так привык любой из нас.
Каждый понял все науки,
каждый знает, где враги,
каждый — мастер на все руки,
каждый — парень из тайги.

* * *

Если долго нет известий.
дни, недели и года —
самым сердцем с жизнью вместе
береги меня всегда.

Если, вспомнив между прочим,
люди спросят обо мне —
поспокойней, покороче
ты скажи им:
— На войне...

Если пища станет горькой,
день тоскливей, ночь грустней —
на минутку перед зорькой
ты встречай меня во сне.

Если бой тебе приснится,
бой кровавый, смертный бой —
разомкни скорей ресницы
и припомни голос мой.

Если в праздник на пирушке
посоветуют:
— Забудь...—
ты не трогай с пивом кружки,
песни пой и трезвой будь.

Если вьюга-непогода
в ночь завьется до утра —
пособи мне мимоходом
обогреться у костра.

Если голод ты знавала —
пожелай мне в час еды
долгожданного привала,
хлеба, соли и воды.

Если гром сосну расколет,
дождь затопит все пути —
повели мне в чистом поле
куст калиновый найти.

Если я паду в дороге —
я почувствую в крови
все заботы и тревоги,
и желания твои,

пересиливая муку
в полудреме и в бреду,
положу на сердце руку,
тихо встану и пойду.

ЕЛЕНА РЫВИНА

* * *

...И летели листовки с неба
На пороги замерзших квартир:
«Будет хлеб. Вы хотите хлеба?..»
«Будет мир. Вам не снится мир?»

Дети, плача, хлеба просили.
Нет страшнее пытки такой.

Ленинградцы ворот не открыли
И не вышли к стене городской.

Без воды, без тепла, без света.
День похож на черную ночь.
Может, в мире и силы нету,
Чтобы все это превозмочь?

Умирали — и говорили:
— Наши дети увидят свет!

Но ворота они не открыли.
На колени не встали, нет!

Мудрено ли, что в ратной работе
Город наш по-солдатски хорош?..

Петр построил его на болоте,
Но прочнее земли не найдешь.

* * *

— Занялись седые пряди
В волосах твоих.
Ты живешь, на них не глядя?
— Нет, гляжу на них.
В каждой пряди,
как в тетради,
Можно прочитать:
Сорок первый в Ленинграде,—
Видишь, эта прядь!
Никаких вестей о муже —
Прядь легла бела.
А дела на фронте хуже —
Эта прядь легла.
— Но ведь все не побелели
Волосы твои?
— Так, ведь мы их одолели,
Кончились бои.
Гром работы в Ленинграде,—
Гром сражений стих.
Только пряди,
как тетради
Дневников моих!

СОЛОВЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

Мне недавний опять вспоминается день,
Снова памятью жадной согретый.
Удлиняется ночь. Доцветает сирень.
Догорает осадное лето.

Это лето исполнено той красоты,
Что иным не понять, не дознаться,
Почему не срывают, а гладят цветы,
Долго смотрят на них ленинградцы.

Еще сердце усталостью горькой полно,
Но в саду встрепенулось зеленом,
А еще я припомнила ночь и окно
Перед старым израненным кленом.

Ты впервые сказал:

— Мне с тобой хорошо! —

Словно в воду бросаясь с причала.
Но своей повидавшею горе душой
Я бесстрастно тебе отвечала.

Чем могла я ответить в тревожной ночи
Под чужой искалеченной крышей?
И внезапно:

— Послушай! Ты слышишь?

— Молчи!

— Ты не слышишь?

— Молчи же, я слышу! —

Словно звон хрусталя,

или щебет ручья,

Или плеск колокольчика сладкий;
Ведь не слышала я никогда соловья —
Городская душа — ленинградка.
Может, в рощах вспугнул его грохот и дым,
Но себя не признав побежденным,
Сквозь разрывы и дым

пролетел невредим

И сюда долетел —

к осажденным.

Может быть, предлагали ему улететь,
Уберечь свою жизнь от снаряда.
Не хотел соловей

улетать от ветвей —

Золотого осадного сада.

Может быть, не понравился тыл соловью,
И подумал он — гордая птица:
Ведь и музы и песни остались в бою,
Так, наверно, и он пригодится!

Соловьиные тайны узнать я не прочь,
Но узнаю — вовек не нарушу,—
Только как он запел в эту странную ночь,
Как он сразу согрел мою душу!

Меж разбитых деревьев, средь мрачных руин
Он запел о судьбе человека
То, что знать не могли до него соловьи,
Повторяясь от века до века,—

О бессилии смерти и страшной зимы,
Что сдавалась нам в плен, отступая,
И прижались друг к другу,
и слушали мы,
Светлых слез не стыдясь, не стирая...

* * *

После величайшей из осад
Снова возвратились в Летний сад
Статуи,
которые мы спрятали,
Чтобы не коснулся их снаряд.

Проведя блокаду в тесных гротах,
Под землею, в глубине щелей,
Вновь они стоят на поворотах
Вечных и сияющих аллей.

Вновь под их немой могучей властью
В лица я знакомые гляжу,
Только пресловутого бесстрастья
Я отныне в них не нахожу.

Оттого ль, что нежные усилья —
Уберечь, укутать их, укрыть —
Даже хладный мрамор оживили,
Ибо мрамор можно оживить!

— Вы хотели уберечь нас, Люди!
Ваша страсть прекрасна и чиста,
Мы вернулись к вам —
и да пребудет
Вечно с вами в дружбе — Красота!

После величайшей из осад
Снова возвратились в Летний сад
Статуи,
которые мы спрятали,
Чтобы не коснулся их снаряд!

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

* * *

Я вспомню детство и увижу поле,
Над безымянной речкой — деревушку,
У изгороди, хмелем перевитой,—
Колодезный высокий журавель.

Там я с восхода солнца до заката,
Уйдя из дому, лазал по деревьям,
И, возвращаясь, спрашивал у ветра,
Что будет завтра — вёдро или дождь.

И ветер отвечал мне: будет вёдро,
Деревья подтверждали: будет вёдро,
И только где-то на болоте цапля
Кричала: будет непременно дождь.

В садах цвели и осыпались вишни,
В тугие кисти превращалась завязь,
И ягоды, обугленные солнцем,
Расталкивали пыльную листву.

А детство шло. У стариков суровых
Перенимал я хитрую науку,
Как строить хаты, как сажать деревья,
В какую пору начинать посев.

Я не боялся ни жары, ни стужи,
Я время дня определял по солнцу,
Угадывал по звездам время ночи,
Погоду знал по запаху травы.

Так наступила юность, и однажды
Мне мир окрестный показался тесным,
И я, увидев журавлей над полем,
Отправился с друзьями в дальний путь.

В просторной тишине аудиторий
Весь мир хотел обнять я жадным взором,
Поставить на столе его, как глобус,
И поворачивать перед собой.

Я день за днем в библиотеках чинных
Сидел над пожелтевшими томами
И у полотен мастеров старинных
Простаивал в музеях по часам.

А по ночам, лишь закрывались веки,
Я вспоминал деревню, поле, детство...
Да будет мне светить на всех дорогах
Моей отчизны верная звезда.

СОВРЕМЕННИК

С песней, словно с гранатой зажатой,
Наводя и взрывая мосты,
Шел он, юности нашей глашатай,
С революцией бывший на «ты».

Жглися строки в жгуты завитые,
Пепелящие стрелы грозы,
Перед ним замолкали витии
И ползли подхалимы в пазы.

И, крутые пройдя переходы,
Взяв свое у суровой судьбы,
Слышим мы его голос сквозь годы,

Словно отзвук походной трубы.

Как живого приветствуем:
здравствуй,
В шуме рек и в цветенье долин,
Первый наш современник горластый
И грядущих веков гражданин.

ОТКРОВЕННЫЕ СТИХИ

1

Да! Я создал тебя. Ты — мое вдохновенье,
мой вымысел.
Сон весенний, тревожный. Огонь, растворенный
в крови!
Разве я тебя встретил? Я в сердце моем тебя
выносил,
Вдунул душу живую и дал тебе страсти: «Живи!»

В свете резкого дня поднимаю глаза:
не померкла ли
Та мечта, что меня увлекла, все дальше маня?
Но, взглянув на тебя, я увидел себя, словно
в зеркале:
Ты такая ж, как я, только проще и лучше меня!

2

Я открыл мое сердце, а вновь не закроешь
на ключ его
И не спрячешь тот ключ в потайной уголок от себя.
Так послушай, послушай! Что было в нем самого
лучшего,
Сразу отдал тебя я. Возможно ль скупиться, любя?
И от щедрости этой совсем не бедней, а богаче я
Стал, увидев тебя, словно сбывшийся сон наяву.
И стою, удивлен, как вернувшие зренье незрячие,
Что вбирают всем телом нахлынувшую синеву!

Загляни ж в мое сердце. Любовь твоя чище и строже
той
Беспокойной любви, у которой ожогов не счесть.
Принимаешь такого? С ошибками юности прожитой?
И ответила ты: «Принимаю такого, как есть!»

3

Ты не требуешь клятв. Ты мне веришь, и если
я вздумаю
Не поверить тебе и хоть словом обижу тебя,
Пусть дыханье тоски твоей в сердце погасит звезду
мою,
Все, чем я дорожил, все, чем жил, навсегда истребя!

Пусть, когда вдохновенье придет, немотой меня
мучая,
Я пойму: о любви говорить я утратил права;
При моем приближенье река замолкает гремучая,
Цвет садов опадает, желтеет и вянет трава.

Пусть, когда я открою любимую книгу, почувствую
В каждом слове укор, в каждой строчке немой
приговор,
Пусть друзья отшатнутся. Я верность ценить научусь
твою,
Что открылась мне в юности и укрепилась с тех пор.

Время выжгло в сердцах наших верности мету
особую,
Но увидеть ее можно, только навек полюбя!
Если я упрекну тебя, если я только попробую
Упрекнуть — это значит, что я не достоин тебя!

4

А над нами друзья понемногу подшучивать начали,
Что друг в дружку, как в юности, мы влюблены
до сих пор.
Пусть их шутят! И впрямь влюблены мы! А так ли,
иначе ли,
Чем семнадцатилетние,— это пустой разговор!

И когда обернешься на годы, что вместе мы
прожили,
Разве в памяти будешь одну только юность беречь?
Ну, скажи откровенно: друг другу теперь не
дороже ли
Стали мы, чем тогда, в пору первых признаний
и встреч?

Что мы знали тогда? Что мы видели в жизни?
Ни опыта,
Ни бессонных раздумий, ни горечи терпкой утрат!
Это было потом, вместе нажито нами и добыто,
Как скупой наш уют, где я каждой подробности рад.

Но горячее сердце нетронутым время оставило,
Даже искры в глазах встречный ветер нам
не погасил.
Постоянство в любви — это зрелости первое правило,
Равновесье надежное замыслов наших и сил.

СВЕТ СОЛДАТСКИХ КОСТРОВ

Как могут эти дни забыться,
Когда на просеке лесной
Мы пили воду из копытца,
Смывая с губ засохший зной.

Качалось небо в пятнах алых,
И плакал ветер-голосей.
Мы оставляли на привалах
Зарытых наскоро друзей.

Кто знал такой разлуки горше?
В ней вся глухая скорбь земли.
...От Минска, Витебска и Орши
Из окруженья шли и шли.

Не знали, близко иль далече,
Но знали — надобно идти,
Взвалив на согнутые плечи
Все, что пережито в пути.

Пусть замутились рек истоки,
В крови пожухшая трава,
Но солнце всходит на востоке,
И, значит, родина жива.

НАВОДЧИК

Не позабыть мне ночи той короткой,
Был май. В лесу черемуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.

И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
— Вот, в самый раз... Прости меня, сосед!

И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрыва мгла...
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.

ОТЧИЙ КРАЙ

У зимы серебряная сбруя,
Расписной с разводами возок.
В руки вожжи тонкие беру я —
Путь далек да бубенец высок.

На морозе кровь не стынет в теле,
Чует ветра близкое родство,
И несут, несут меня метели
В край счастливый детства моего.

Все, чему мы в снах заветных верим,
Там увидеть можно наяву.
На заре войду я в старый терем,
Бабушку-ведунью позову.

Я скажу ей «Добрая ведунья,
Высока над теремом заря.
В голубые ночи полнолунья
Собирала травы ты не зря.

Брось пучок на уголья в печурку,
Сладким дымом, как в былые дни.
Сивку-бурку, вещую каурку,
Из лесов дремучих примани.

Пусть быстрее ветра, легче пуха
Прилетит она, разгорячась,
Влезу к ней, как ты учила, в ухо,
А в другое вылезу тотчас».

Где ты, терем, теплая печурка?
Я махнул рукой — и был таков.
Расстилает гриву сивка-бурка
Выше леса, выше облаков.

Пролечу невидимой дорогой,
Опущусь на луг зеленый тот,
Где олень пасется златорогий,
Золотое дерево растет.

Разве это сон мой в самом деле,
А не явной яви торжество?
Все быстрей несут меня метели
В край счастливый детства моего.

Я за этот край ходил под пули,
Я, как счастья нашего залог,
В пламени, в дыму, железном гуле
В сердце у себя его сберег.

Мне везде за фронтовой дорогой
Виделся зеленый берег тот,
Где олень пасется златорогий,
Золотое дерево растет.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Пройдут года и станет сказкой
Все, чем война была страшна...
Зеленый холм могилы братской
Укроет пухом тишина.

Над ним раскинется калина,
Колосья выметает рожь.
Ты вспомнишь молодость и сына
Сюда под вечер приведешь.

И скажешь ты, большие руки
Ему на плечи положа:
— Твой полдень снился мне в разлуке
У огневого рубежа.

Но ты не сын мне, если ныне
Забудешь тех, кто пал в бою
За гроздья солнца на калине,
За юность щедрую твою!

АВГУСТ

В рассветной тишине ты выйдешь на дорогу,
Где в колеях свежи вчерашние следы.
Перед тобой туман, редея понемногу,
Откроет за рекой высокие скирды.

Они стоят кругом, все небо подпирая,
Попробуй сосчитать — не кончишь никогда!
И все они твои, от края и до края,
Как жарких дней и дел живая череда.

И если б у тебя спросили в эту пору:
«Чего желаешь ты?» Ответ я знаю твой:
«Всей Родине моей, всему ее простору —
Посева мирного и жатвы трудовой!»

* * *

Пока влекут тебя дороги,
Где все попутчики — родня,
И ты не медлишь на пороге,
Собравшись в путь с восходом дня;

Пока, стянув ремнем потуже
Мешок походный, ты опять
Готов, как в детстве, пить из лужи,
На мшистой кочке засыпать;

Пока у каждого кочевья
Ты побрататься с ветром рад,
Чтоб знать, о чем шумят деревья,
Что камни молча говорят;

Пока за все, что сердцу снится,
Чем доро́га до слез земля,
Ты не желаешь взять синицу,
А ищешь в небе журавля;

Пока тебе не жалко бросить
То, что остыло, как зола,
Пусть на висках пробьется проседь,
Не верь, что молодость прошла!

* * *

Хлынул дождь. Веселый, шумный, частый,
Радугой воды в пруду набрав.
Я сложил ковшом ладони: — Здравствуй,
Долгожданный гость хлебов и трав!

Он в пыли у ног моих запрыгал,
Заплясал, забормотал взахлёб,
И вонзил мне в тело сотни игол,
И по жилам пропустил озноб!

Я следил, не сдерживая дрожи,
Как ломался молнии зигзаг.
Даже пни замшелые моложе
Становились на моих глазах.

А когда свернула туча за лес,
Приминая мокрые кусты,
Обернулся я: мне показалось,
Будто за плечом стояла ты...

Столько сразу свежести и света
С неба пролилось через края,
Что невольно я подумал: это
Улыбнулась ты, любовь моя!

* * *

Полетела с белых вишен
Серебристая пыльца.
До утра мне будет слышен
Чей-то шепот у крыльца.

Чьи-то первые признанья
Сохранит в тени скамья,
... С кем сегодня на свиданье
Вышла молодость моя?

* * *

Есть поговорка русская. Она
Была мне в детстве как завет дана,
Ее отец мой повторял в тиши:
— Снял урожай — и вновь поля вспаши.

Я, по отцовским проходя следам,
Ту поговорку сыну передам.
Сын выйдет в поле, скажет в свой черед:
— Былое помни, но гляди вперед!

* * *

Когда не в тридцать лет, а в сорок
Друзей ты встретишь у стола,
Скажи без всяких оговорок,
Что вот и молодость прошла;

Что не годится для мужчины,
Стирая времени печать,
На лбу разглаживать морщины
И седины не замечать.

Как возмужавший в битвах воин,
Перед лицом твоей страны,
Ты, как награды, будь достоин
Своей священной седины!

ХОДИТ ПО ПОЛЮ ДЕВЧОНКА

Вешним солнцем окроплен,
Прорастает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Та девчонка — егоза,
Золоченые глаза,
Про которую над речкой
С ветром шепчется лоза.

Я поклон от них принес
Дружной паре русых кос
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей пророс.

Синим утром удивлен,
Зацветает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ходит вдоль и поперек,
До заката путь далёк.
Заглянуть в глаза девчонке
Хочет каждый стебелек.

На виду окрестных сел
Я в одну все тропки свел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей зацвел.

Ярым солнцем опален,
Поспевает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ветер, что ли, виноват,
Что девичьим думам в лад
Золоченые головки,
Как бубенчики, звенят.

Кое-что сказать успел
Я девчонке между дел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей поспел.

Льются, льются голоса,
Лен на славу удался,
Волокнистый, шелковистый,
Словно девичья коса.

Слышишь полных чарок звон,
Пей до дна за долгий лен,
За девчонку-сговоренку,
Ту, в чьи косы я влюблен.

* * *

То ли гречка цветет,
То ли речка течет,
Белый-белый плес березка
Переходит вброд.

Плес широк на пути,
Во все поле почти.
Озирается березка:
— Кто б помог перейти?

Жаль тополю до слез,
Что к земле прирос,
На руках бы он березку
Перенес через плес.

Я спешу с холма,
Я схожу с ума:
Может, это не березка,
А ты сама?

Мимо нашего села
С сенокоса шла,
Завернула в наше поле
И уйти не могла.

То ли гречка цветет,
То ли речка течет,
То ли гречка, то ли речка,
Чтобы сказать тебе словечко,—
Семь верст не в счет.

* * *

М. Исаковскому

Год за годом листая зеленую книгу полей,
Каждый раз мы все новые в ней открываем страницы,
То нальются пруды, где грустил, высыхая ручей,
То на прорвах болот всколосятся посевы пшеницы.

То таежные сосны расступятся по сторонам,
Чтоб могла похвалиться нарядная яблоня платьем.
...В том-то наше и счастье, с того-то и верится нам,
Что до смертного часа мы свежести чувств не утратим.

* * *

Время летнего солнцестоянья,
Я тебя узнаю, это ты.
Всех пройденных дорог расстоянья
Предо мной от версты до версты.

Вот и я у того перевала,
Что далеким казался вчера.
Обещаний пора миновала,
Наступила свершений пора.

Что ж! В цвету красоваться не диво,
Мять травы непримятой расстил,—
Но лишь август покажет правдиво,
Кто чем жил и что в сердце растил!

* * *

В полях синеет пар морозный,
В снегу березка чуть видна,
А здесь, у кузницы колхозной,
Уже проталины. Весна.

И исполнением желаний
Людские радуя сердца,
Как будто жаворонок ранний,
Поет подручный кузнеца.

* * *

Пахнет яблонью и черешней,
Весь в дыму розоватый сад.
Шест антенны и шест скворешни
На закате рядком стоят.

Месяц выбрался за ворота
По задворкам плести плетни,
Где сестра твоя ждет кого-то,
Притаясь на скамье в тени.

Как она на тебя похожа,
Светом первой любви светла!
Ведь и ты тут когда-то тоже
В эту пору меня ждала.

И смотрю я пытливым взглядом,
Словно в юности сердцем чист,
Кто придет к ней и сядет рядом:
Агроном или тракторист?

Кто б он ни был, земля нагрета,
Небо ясно над головой.
Просидят они до рассвета,
Как сидели и мы с тобой.

Как и мы, вперед забегая,
За ночь жизнь проживут не раз.
Пожелай, моя дорогая,
Доброй встречи им в добрый час!

Чтоб под звездами молодыми,
Вспомнив юность свою опять,
Нам узнать их таких, какими
Мы в их годы мечтали стать.

Счастье юности самозабвенно,
Как биение двух сердец.
... Ловит голос весны антенна,
На черешне поет скворец.

ВИССАРИОН САЯНОВ

НОЧЬ БЛОКАДЫ

В полночь Невский проспект стал безлюден, как
снежное поле,
Заметают снега у заставы кирпич баррикад,
И гудит за окном настороженный, близкий до боли,
Как биение сердца, родной навсегда Ленинград.

Здесь прошла моя жизнь. В эти грозные ночи блокады
Он дороже мне стал, изувеченный, в дыме, в огне,
С опаленными порохом липами Летнего сада,—
Разлучения с ним никогда бы не вынести мне.

Не стихает метель не смолкает теперь канонада,
Сын на фронте, а здесь над станком наклоняется мать...
Пусть сегодня темно на больших площадях
Ленинграда —
Он в столетиях будет немеркнущим светом сиять!

ВЕЧЕР

Был этот вечер переверчен.
Пылал за окнами пожар...
«Бои упорные под Керчью!»
«На Харьков грозный наш удар!»

Мы голос диктора ловили,
И оживали в гуле слов
Неповторяемые были
Незабываемых боев.

Ведь наши дни бесстрашно вспомнит,
Кто силой сердца был богат!
Обстрел! Обстрел! И стены комнат
Под гул разрывов дребезжат.

Стал каждый дом передним краем.
Запомни ж этот поздний час...
Ведь мы живем и умираем
В борьбе за мир, создавший нас.

И с каждым часом даль светлее,
Пусть долог бой и путь наш крут,
Гремит огонь на батарее,
Как нашей стойкости салют,—

То корабельные громады
Огнем ответили сплошным,
И снова в небе Ленинграда
Пороховой струится дым.

Обстрел окончился... Ты слышишь,
Ты видишь — расступилась тьма,
Ты воздухом столетий дышишь,
С тобой — история сама!

* * *

Что мы пережили, расскажет историк,
Был сон наш тревожен, и хлеб наш был горек,

Да что там! Сравнения ввек не найти.
Чтоб путь описать, где пришлось нам пройти!

Сидели в траншеях, у скатов горбатых
Бойцы в маскировочных белых халатах,

Гудели просторы военных дорог,
Дружили со мною сапер и стрелок.

Ведь я — их товарищ, я — их современник.
И зимнею ночью и в вечер весенний

Хожу по дорогам, спаленным войной,
С наганом и книжкой моей записной.

С полоской газеты, и с пропуском верным,
И с песенным словом в пути беспримерном.

Я голос услышал, я вышел до света,
А ночь батарейным огнем разогрета.

Синявино, Путролово, Березанье —
Ведь это не просто селений названья,

Не просто отметки на старой трехверстке —
То опыт походов, суровый и жесткий.

То школа народа,— и счастье мое,
Что вместе с бойцами прошел я ее.

ПАМЯТЬ

Как свежо и молодо
Небо на заре,
На проспектах города
Дождик в январе,

Но от света резкого
Провода блестят,
Вновь идет вдоль Невского
Молодой солдат.

И зимой бесснежною
Не забыть досель
Горевую, прежнюю
Зимнюю метель.

* * *

Пар метет из проруби,
Все сильней мороз,
Замело сугробами
Невский перевоз.

Не по быстрой реченьке —
По седым снегам
В ночь ушли разведчики
К ближним берегам.

Вьются кручи снежные,
Будто этажи,
На левобережные
Вражьи блиндажи.

Берег тот — овражистый,
Злая топь болот ..
След ракеты вражеской
Ночью промелькнет.

Вдоль проспекта гулкого
Провода гудят,
Грузовик под Пулково
Увезет солдат.

Там гора высокая
Под огнем стоит,
И бригада сотая
До зари не спит.

Гарью даль пропитана...
Пламя на снегах...
А с чего ж не спит она
В старых блиндажах?

Канонада ль адская
Мучает людей?
Нет, страда солдатская
Приучила к ней.

Почему же варежки
Поднесли к глазам
Старые товарищи
по былым боям?

* *

Это было в непогодь...
Как метель гудит...
Ждать как будто некого...
Кто же к нам стучит?

Входит мальчик маленький
В шубке меховой.
Все в заплатах валенки,
Чубик золотой.

С удивленьем встречен он:
«А откуда ж ты?» —
«Шел сюда я с вечера,
Обошел посты».

Он глазами смелыми
На солдат глядит:
«Сутки под обстрелами
Наш район стоит.

Вся в огне окраина,
Бьют весь день подряд,
Мама моя ранена,
В дом попал снаряд.

Я простился с мамою...
Верно ль узнаю
Гору эту самую,
Где отец в бою?»

Что сказать, бывалые?
Все сидят, молчат...
А ракеты алые
На снегу горят...

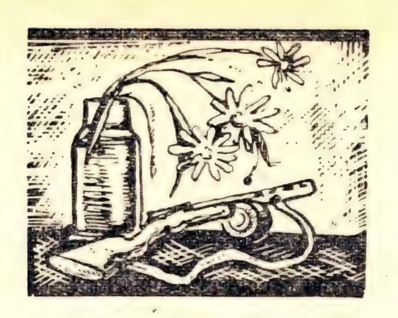
* * *

Ты, гора высокая,
Вновь явилась мне...
Здесь бригада сотая
Шла вперед в огне.

Вдоль проспекта гулкого,
Где лилася кровь.
Мчит автобус в Пулково
Экскурсантов вновь.

Стой, гора высокая,
В пестроте огней,
Как заря далекая
Отошедших дней.

И глядися молодо
Прямо в небеса,
Великана города
Светлая краса!



МИХАИЛ СВЕТЛОВ

МАЯКОВСКОМУ

Ласковым в дружбе, в споре
разгневанным —
Будто я видел вас только вчера,
Будто сидите вы с Борею Левиным
И разговариваете до утра.

Будто на общем собрании клуба
Вы обращаетесь с речью к нам —

Завоевавший алмазный кубок
Первенства СССР по стихам.

Будто встречаемся, только реже,
Будто — не погребенный поэт —
В гости пришли вы — такой же прежний —
К нам, постаревшим на десять лет.

Громким оркестром, музыкой медною
В марше прошло по часам и по дням
Время — в бессмертье своем незаметное,
Время, которое дорого нам.

Но времени нет и разлуки нету —
Жив Маяковский! Он не ушел —
Вечный поэт, над вершиной планеты
Громко читающий «Хорошо»!

ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

Пожар крылом широким машет,
Над лесом полночь глубока,
И, как дивизия на марше,
Над батареей облака.

Как будто схвачена за горло,
Окрестность дальняя дрожит,
Когда огонь, покинув жерла,
Быстрее выдумки летит.

И как бы смерть ни сторожила,
Никто назад не отойдет,
Покуда ненависть по жилам,
Как электричество, течет.

Огня военных перекличек
Я узнаю знакомый свист...
Вперед, боец! Стреляй, зенитчик!
Гони коня, кавалерист!

Пройдут года, мы станем старше—
На город издали взгляни,
И, как дивизию на марше,
Ты вспомнишь молодости дни!

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца —
Ни резьбы, ни узора, ни глянца.
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье,
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ангелы, придуманные мной,
Снова посетили шар земной,
Сразу сократились расстоянья,
Сразу прекратились расставанья,
И в семействе объявился вдруг
Без вести пропавший политрук.

Будто кто его водой живою
Окропил на фронтовом пути,
Чтоб жене его не быть вдовою,
Сиротою сыну не расти.

Я — противник горя и разлуки,
Любящий товарищей своих,—
Протянул ему на помощь руки:
— Оставайся, дорогой, в живых!

И теперь сидит он между нами,
Каждому наука и пример,
Трижды награжденный орденами,
Без вести пропавший офицер.

Он сидит спокойно и серьезно,
Не скрывая счастья своего,
Тихо и почти религиозно
Родственники смотрят на него.

Дело было просто: в чистом поле
Он лежит один. Темным-темно.
От потери крови и от боли
Он сознание теряет, но

С музыкой солдаты смерть встречают.
И когда им надо умирать,
Ангелов успешно обучают
На губных гармониках играть.

(Мы признаться, хитрые немного,—
Умудряемся в последний час,
Абсолютно отрицая бога,
Ангелов оставить про запас.)

Никакого нам не надо рая!
Только надо, чтоб пришел тот век,
Где бы жил и рос, не умирая,
Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколенью
Мы сказали нужные слова

Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Чтобы самой трудною порою
Кладь казалась легче на плечах...
Но вернемся к нашему герою —
Мы сегодня у него в гостях.

Он платил за все ценою крови,
Он пришёл к родным, он спит с женой,
И парят над ним у изголовья
Ангелы, придуманные мной...

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

Я ЭТО ВИДЕЛ!

Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.
Вот тут дорога. А там вон — взгорье.
Меж ними
вот этак —
ров.
Из этого рва поднимается горе.
Горе без берегов.

Нет! Об этом нельзя словами...
Тут надо рычать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
Заржавленной, как руда.

Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопоухий Колька —
Ему одиннадцать лет.

Тут вся родня его. Хутор Веселый.
Весь Самострой — сто двадцать дворов.
Ближние станции, ближние села —
Все как заложники брошены в ров.

Лежат, сидят, всползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвеце заморозила чувство,
С которым смерть принимал живой.
И трупы бредят, грозят, ненавидят...
Как митинг, шумит эта мертвая тишь.
В каком бы их ни свалило виде —
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»

Парень. Он совсем налегке.
Грудь распахнута из протеста.
Одна нога в худом сапоге,
Другая сияет лаком протеза.
Легкий снежок валит и валит...
Грудь распахнул молодой инвалид.
Он, видимо, крикнул: «Стреляйте, черти!» —
Поперхнулся. Упал. Застыл.
Но часовым над лежбищем смерти
Торчит воткнутый в землю костыль.
И ярость мертвого не застыла:
Она фронтовых окликает из тыла,
Она водрузила костыль, как древко,
И веха ее видна далеко.

Бабка. Эта погибла стоя,
Встала меж трупов и так умерла.
Лицо ее, славное и простое,
Черная судорога свела.
Ветер колышет ее отрепье...
В левой орбите застыл сургуч,
Но правое око глубоко в небе
Между разрывами туч.
И в этом упреке деве пречистой
Рушенье веры дремучих лет:
«Коли на свете живут фашисты,
Стало быть, бога нет».

Рядом истерзанная еврейка.
При ней ребенок. Совсем как во сне.
С какой заботой детская шейка
Повязана маминым серым кашне.

Матери сердцу не изменили:
Идя на расстрел, под пулю идя,
За час, за полчаса до могилы
Мать от простуды спасала дитя.
Но даже и смерть для них не разлука:
Не властны теперь над ними враги —
И рыжая струйка
                    из детского уха
Стекает
        в горсть
                материнской
                        руки.

Как страшно об этом писать. Как жутко.
        Но надо. Надо! Пиши!
Фашизму теперь не отделаться шуткой:
Ты вымерил низость фашистской души,
Ты осознал во всей ее фальши
«Сентиментальность» пруссацких грез,
Так пусть же
            сквозь их
                    голубые
                            вальсы
Горит материнская эта горсть.

Иди ж! Заклейми! Ты стоишь перед бойней.
Ты за руку их поймал — уличи!
Ты видишь, как пулею бронебойной
        Дробили нас палачи,
Так загреми же, как Дант, как Овидий,
Пусть зарыдает природа сама,
Если
    все это
            сам ты
                видел
И не сошел с ума.

Но молча стою над страшной могилой.
Что слова? Истлели слова.
Было время — писал я о милой,
О щелканье соловья.

Казалось бы, что в этой теме такого?
        Правда? А между тем

Попробуй найти настоящее слово
Даже для этих тем.

А тут? Да ведь тут же нервы, как луки,
Но строчки... глуше вареных вязиг.
Нет, товарищи: этой муки
Не выразит язык.

Он слишком привычен, поэтому беден,
Слишком изящен, поэтому скуп,
К неумолимой грамматике сведен
Каждый крик, слетающий с губ.

Здесь нужно бы... Нужно создать бы вече
Из всех племен от древка до древка
И взять от каждого все человечье,
Все прорвавшееся сквозь века —
Вопли, хрипы, вздохи и стоны,
Отгул нашествий, эхо резни...
Не это ль
наречье
муки бездонной
Словам искомым сродни?

Но есть у нас и такая речь,
Которая всяких слов горячее:
Врагов осыпает проклятьем картечь,
Глаголом пророков гремят батареи.
Вы слышите трубы на рубежах?
Смятение... Крики... Бледнеют громилы.
Бегут! Но некуда им убежать
От вашей кровавой могилы.

Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.
Травою взойдите у этих высот.
Кто вас увидел, отныне навеки
Все ваши раны в душе унесет.

Ров... Поэмой ли скажешь о нем?
Семь тысяч трупов.
Семиты... Славяне...
Да! Об этом нельзя словами:
Огнем! Только огнем!

ТАМАНЬ

Когда в кавказском кавполку я вижу казака
На белоногом скакуне гнедого косяка,
В черкеске с красною душой и в каске набекрень,
Который хату до сих пор еще зовет «курень»,—
Меня не надо просвещать, его окликну я:
— Здорово, конный человек, таманская земля!

От Крымской от станицы до Чушки до косы
Я обошел твои, Тамань, усатые овсы,
Я знаю плавней боевых кровавое гнильцо,
Я хату каждую твою могу узнать в лицо.
Бывало, с фронта привезешь от казака письмо —
Усадят гостя на топчан под саблею с тесьмой,
И небольшой крестьянский зал в обоях из газет
Портретами станишников начнет на вас глазеть.
Три самовара закипят, три лампы зажужжат,
Три девушки наперебой вам голову вскружат,
Покуда мать не закричит и, взяв турецкий таз,
Как золотистого коня, не выкупает вас.

Тамань моя, Тамань моя, форпост моей страны!
Я полюбил в тебе уклад батальной старины,
Я полюбил твой ветерок военно-полевой,
Твои гортанные ручьи и гордый говор твой.
Кавалерийская земля! Тебя не полонить,
Хоть и бомбежкой распахать, пехотой боронить.
Чужое знамя над тобой, чужая речь в дому,
Но знает враг:
никогда
не сдашься ты ему.
Тамань моя, Тамань моя! Весенней кутерьмой
Не рвется стриж с такой тоской издалека домой,
С какою тянутся к тебе через огонь и сны
Твои казацкие полки, кубанские сыны.
Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века
Стояла грудью боевой у русского древка;
За то, что, где бы ни дралось, развеяв чубовье,
Всегда мечтало о тебе казачество твое;
За этот дом, за этот сад, за море во дворе,
За этот парус на заре, за чаек в серебре,
За смех казачек молодых, за эти песни их,
За то, что Лермонтов бродил на берегах твоих.

ПОЭЗИЯ

Поэзия! Не шутки ради
Над рифмой бьешься взаперти,
Как это делают в шараде,
Чтоб только время провести.

Поэзия! Не ради славы,
Чью верность трудно уберечь,
Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь.

Зачем же нужно так и эдак
В строке переставлять слова?
Ведь не затем, чтоб напоследок
Чуть-чуть кружилась голова?

Нет! Горизонты не такие
В глубинах слова я постиг:
Свободы грозная стихия
Из муки выплеснула стих!

Вот почему он жил в народе.
И он вовеки не умрет
До той поры, пока в природе
Людской не прекратится род.

Бывают строфы из жемчужин,
Но их недолго мы храним:
Тогда лишь стих народу нужен,
Когда и дышит вместе с ним!

Он шел с толпой на баррикады.
Его ссылали как борца.
Он звал рабочие бригады
На штурмы Зимнего дворца.
И вновь над ним шумят знамена —
И, вырастая под огнем,

Он окликает поименно
Бойцов, тоскующих о нем.

Поэзия! Ты — служба крови![1]
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Пускай им грезится победа
В пылу труда, в дыму войны
И ходит
в жилах
мощь
поэта,
Неся дыхание волны.

БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике, на море,
Там, где вокзал,
Бронзой на мраморе
Ленин стоял.
Вытянув правую
Руку вперед,
В даль величавую
Звал он народ.
Массы, идущие
К свету из тьмы,
Знали: «Грядущее —
Это мы!»

Помнится сизое
Утро в пыли.
Вражьи дивизии
С моря пришли.

[1] «Службой крови» назывался на фронте отдел походного госпиталя, ведавший переливанием крови. (Примеч. Сельвинского.)

Чистеньких, грамотных
Дикарей
Встретил памятник
Грудью своей!
Странная статуя...
Жест — как сверло,
Брови крылатые
Гневом свело.
— Тонко сработано!
Кто ж это тут?
«Ленин».
Ах, вот оно?

Аб!
— Гут!
Дико из цоколя
Высится шест.
Грохнулся около
Бронзовый жест.
Кони хвостатые
Взяли в карьер.
Нет
статуи,
Гол
сквер.
Кончено! Свержено!
Далее в круг
Введен задержанный
Политрук.
Был он молоденький...
Смотрит мертво...
Штатский в котике
Выдал его.
Люди заохали...
(«Эх, маета!»)
Вот он на цоколе,
Подле шеста.
Вот ему на плечи
Брошен канат,
Мыльные каплищи
Петлю кропят...
— Пусть покачается
На шесте.

Пусть он отчается
В красной звезде!
Всплачется, взмолится
Хоть на момент
Здесь у околицы,
Где монумент,
Так, чтобы жители,
Ждущие тут,
Поняли. Видели.
Ауф!
— Гут!

Белым, как облако,
Стал политрук:
Вид его облика
Страшен.
Но вдруг
Он над оравою
Вражеских рот
Вытянул правую
Руку вперед —
И, как явление,
Бронзе вослед,
Вырос
Ленина
Силуэт.

Этим движением
От плеча,
Милым видением
Ильича
Смертник молоденький
В этот миг
Кровною родинкой
К душам приник...

РОССИИ

Взлетел расщепленный вагон!
Пожары... Беженцы босые...
И снова по уши в огонь

Вплываем мы с тобой Россия.
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна,
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!
Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли ветер?
Гордясь тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством ранним,
Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем дыханьем.

Люблю, Россия, твой пейзаж:
Твои курганы печенежьи,
Стамухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюленьи игры,
И в кедраче над Уссури
Шаманскую личину тигра.
Люблю, Россия, птиц твоих:

Военный строй в гусином стане,
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых,
И писк луны среди жнивья
В очарованье лунной ночи,
И на невероятной ноте
Самоубийство соловья[1].

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт:
Всегда событье! Вечно мета!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полюбить.

---

[1] У соловьев во время пения иногда разрывается сердце. (Примеч. Сельвинского.)

Люблю великий русский стих,
Не всеми понятый, однако,
И всех учителей своих
От Пушкина до Пастернака.
В них та большая высота,
Где и не пахнет «трын-травою»,
Недаром «русское» всегда
Звучало в них как «мировое».

Люблю стихию наших масс:
Крестьянство с философской хваткой,
Станину нашего порядка —
Передовой рабочий класс,
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —
Все общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле.
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабристов в эполетах
До коммунистов Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы,
Так пусть галдит над нами грай,
Черня привычною неправдой,
Но мы мастим прямую гать
Через всемирную трясину,
И нынче восприять Россию,—
Не человечество ль принять?
Какие ж трусы и врали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли.
В удушье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

СЕВАСТОПОЛЬ

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мой каземат — четыре на три. Все же
Мне сквозь решетку было слышно море,
И я был весел.
                                        Ежедневно в полдень
Над городом салютовала пушка.
Я с самого утра, едва проснувшись,
Уже готовился к ее удару
И так был рад, как будто мне дарили
Басовые часы.
                                    Когда начальник,
Не столько врангелевский, сколько царский,
Пехотный подполковник Иванов
Решил меня побаловать книжонкой,
И мне, влюбленному в туманы Блока,
Прислали... книгу телефонов,— я
Нисколько не обиделся. Напротив!
С веселым видом я читал: «Собакин»,
                                                        «Собакин — Собаковский»,
                                                        «Собачевский»,
                                                        «Собашников»,
                        и попросту «Собака» —
И был я счастлив девятнадцать дней.
Потом я вышел и увидел пляж,
И вдалеке трехъярусную шхуну,
И тузика на ней.
                                            Мое веселье
Ничуть не проходило. Я подумал,
Что, если эта штука бросит якорь,
Я вплавь до капитана доберусь
И поплыву тогда в Константинополь
Или куда-нибудь еще... Но шхуна
Растаяла в морской голубизне.

Но все равно я был блаженно ясен:
Ведь не оплакивать же в самом деле
Мелькнувшей радости! И то уж благо,
Что я был рад. А если оказалось,
Что нет для этого причин — тем лучше:
Выходит, радость мне досталась даром.

Вот так слонялся я походкой брига
По Графской пристани, и мимо бронзы
Нахимову, и мимо панорамы
Одиннадцатимесячного боя,
И мимо домика, где на окне
Сидел большеголовый, коренастый
Домашний ворон с синими глазами.

Да, я был счастлив! Ну конечно, счастлив,
Безумно счастлив! Девятнадцать лет —
И ни копейки. У меня тогда
Была одна улыбка. Все богатство.
Вам нравятся ли девушки с загаром
Темнее их оранжевых волос!
С глазами, где одни морские дали?
С плечами шире бедер, а? К тому же
Чуть-чуть по-детски вздернутые губки?
Одна такая шла ко мне навстречу...
То есть не то чтобы ко мне. Но шла.
Как бьется сердце... Вот она подходит.
Нет, этого нельзя и допустить,
Чтобы она исчезла...
— Виноват! —
Она остановилась:
— Да? —
Глядит.
Скорей бы что-нибудь придумать.
Ждет.
Ах, черт возьми! Но что же ей сказать?
— Я... Видите ли... Я... Вы извините...

И вдруг она взглянула на меня
С каким-то очень теплым выраженьем
И, сунув руку в розовый кармашек
На белом поле (это было модно),
Протягивает мне «керенку». Вот как?
Она меня за нищего... Хорош!
Я побежал за ней:
— Остановитесь!
Ей-богу, я не это... Как вы смели?
Возьмите, умоляю вас — возьмите!
Вы просто мне понравились, и я...

И вдруг я зарыдал. Я сразу вспомнил,
Что все мое тюремное веселье
Пыталось удержать мой ужас. Ах!
Зачем я это сделал? Много легче
Отдаться чувству. Пушечный салют...
И эта книга... книга телефонов.
А девушка берет меня за локоть
И, наступая на зевак, уводит
Куда-то в подворотню. Две руки
Легли на мои плечи.
— Что вы, милый!
Я не хотела вас обидеть, милый.
Ну, перестаньте, милый, перестаньте...
Она шептала и дышала часто,
Должно быть, опьяняясь полумраком,
И самым шепотом, и самым словом,
Таким обворожительным, волшебным,
Чарующим, которое, быть может,
Ей говорить еще не приходилось,
Сладчайшим соловьиным словом: «милый».

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мне было девятнадцать!
А сегодня
По черным трупам я шагаю снова
Дорогой Балаклава — Севастополь,
Где наша кавдивизия прошла.

На этом пустыре была тюрьма.
Так. От нее направо. Я иду
К нагорной уличке, как будто кто-то
Приказывает мне идти. Зачем?
Развалины... Воронки... Пепелища...
И вдруг среди пожарища седого —
Какие-то железные ворота,
Ведущие в пустоты синевы.
Я сразу их узнал... Да, да! Они!
И тут я почему-то оглянулся,
Как это иногда бывает с нами,
Когда мы ощущаем чей-то взгляд:
Через дорогу, в комнатке, проросшей
Сиренью, лопухами и пыреем,
В оконной раме, выброшенной взрывом,
Все тот же домовитый, головастый
Столетний ворон с синими глазами.

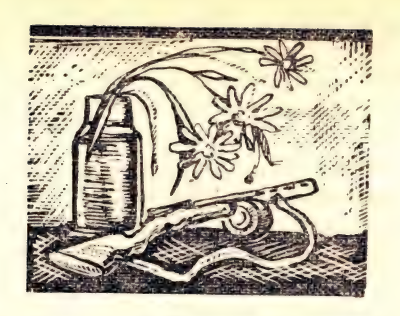
Ах, что такое лирика! Для мира
Непобедимый город Севастополь —
История. Музейное хозяйство.
Энциклопедия имен и дат.
Но для меня... Для сердца моего...
Для всей моей души... Нет, я не мог бы
Спокойно жить, когда бы этот город
Остался у врага.
Нигде на свете
Я не увижу улички вот этой,
С ее уклоном от небес к воде,
От голубого к синему — кривой,
Подвыпившей когда-то, колченогой,
Где я рыдал когда-то, упиваясь
Неудержимым шепотом любви...
Вот этой улички!
И тут я понял,
Что лирика и родина — одно.
Что родина ведь это тоже книга,
Которую мы пишем для себя
Заветным перышком воспоминаний,
Вычеркивая прозу и длинноты

И оставляя солнце и любовь.
Ты помнишь, ворон, девушку мою?
Как я сейчас хотел бы разрыдаться!
Но это больше невозможно. Стар.

В ЗООПАРКЕ

Здесь чешуя, перо и мех,
Здесь стон, рычанье, хохот, выкрик,
Но потрясает больше всех
Философическое в тиграх:

Вот от доски и до доски
Мелькает, прутьями обитый,
Круженье пьяное обиды,
Фантасмагория тоски,



КОНСТАНТИН СИМОНОВ

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси...

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну, что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем».

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

* * *

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке.

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

СМЕРТЬ ДРУГА

Памяти Евгения Петрова

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет,

В землянке, занесен метелью,
Застольной не поет с тобой
И рядом под одной шинелью
Не спит у печки жестяной.

Но все, что между вами было,
Все, что за вами следом шло,
С его останками в могилу
Улечься рядом не смогло.

Его упрямство и терпенье —
Ты все себе в наследство взял,
Двойного слуха ты и зренья
Пожизненным владельцем стал.

Любовь мы завещаем женам,
Воспоминанья — сыновьям,
Но по земле, войной сожженной,
Идти завещано друзьям.

Никто еще не знает средства
От неожиданных смертей.
Все тяжелее груз наследства,
Все уже круг твоих друзей.

Взвали же этот груз на плечи,
Не оставляя ничего,
Огню, штыку, врагу навстречу
Неси его, неси его!

Когда же ты нести не сможешь,
То знай, что, голову сложив,
Его всего лишь переложишь
На плечи тех, кто будет жив.

И кто-то, кто тебя не видел,
Из третьих рук твой груз возьмет,
За мертвых мстя и ненавидя,
Его к победе донесет.

* * *

Словно смотришь в бинокль перевернутый —
Все, что сзади осталось, уменьшено.
На вокзале, метелью подернутом,
Где-то плачет далекая женщина.

Снежный ком, обращенный в горошину,—
Ее горе отсюда не видимо;
Как и всем нам, войною непрошенно,
Мне жестокое зрение выдано.

В нем туманится наше недавнее,
Как равнина пустая и снежная,
Там не видно, тебя, моя славная,
Твоих плачущих глаз, моя нежная.

Были грустью и ревностью мелкою
Наши судьбы непрочно испытаны,
Суетливой секундною стрелкою
Были дружба и верность отсчитаны.

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным сегодняшним зрением.

Мы пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.
Слишком многих друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение
И обратно не все увеличится
В нашем горем испытанном зрении.

ДОЖДИ

Опять сегодня утром будет
Почтовый самолет в Москву.
Какие-то другие люди
Летят. А я все здесь живу.

Могу тебе сказать, что тут
Все так же холодно и скользко,
Весь день дожди идут, идут,
Как растянувшееся войско.

Все по колено стало в воду,
Весь мир покрыт водой сплошной
Такой, как будто бог природу
Прислал сюда на водопой.

Мы только полчаса назад
Вернулись с рекогносцировки,
И наши сапоги висят
У печки, сохнут на веревке.

Я сам сижу у печки, сохну.
Занятье глупое: с утра
Опять поеду и промокну,—
В степи ни одного костра.

Лишь дождь, как будто он привязан
Навеки к конскому хвосту,
Да свист снаряда, сердце разом
Роняющего в пустоту.

А здесь, в халупе нашей, все же
Мы можем сапоги хоть снять,
Погреться, на соломе лежа,
Как видишь — письма написать.

Мое письмо тебе свезут
И позвонят с аэродрома,
И ты в Москве сегодня ж дома
Его прочтешь за пять минут.

Увидеть бы лицо твое,
Когда в разлуке вечерами
Вдруг в кресло старое мое
Залезешь, как при мне, с ногами.

И, на коленях разложив
Бессильные листочки писем,
Гадаешь: жив или не жив,
Как будто мы от них зависим.

Во-первых, чтоб ты знала: мы
Уж третий день как наступаем,
Железом взрытые холмы
То вновь берем, то оставляем.

Нам в первый день не повезло:
Дождь рухнул с неба как назло,
Лишь только, кончивши работу,
Замолкли пушки и пехота
Пошла вперед. А через час
Среди неимоверной, страшной
Воды, увязнувший по башню,
Последний танк отстал от нас.

Есть в неудачном наступленье
Несчастный час, когда оно
Уже остановилось, но
Войска приведены в движенье.

Еще не отменен приказ,
И он с жестоким постоянством
В непроходимое пространство,
Как маятник, толкает нас.

Но разве можно взять отсюда —
Вдруг эти наши три версты,
Две взятых кровью высоты
Нужны за двести верст, где чудо
Прорыва будет завтра в пять,
Где уж в ракетницах ракеты.
Москва запрошена. Ответа
Нет. Надо ждать и наступать.

Все свыклись с этой трудной мыслью:
И штаб и мрачный генерал,
Который молча крупной рысью
Поля сраженья объезжал.

Мы выехали с ним верхами
По направленью к Джантаре,
Уже синело за холмами
И дело близилось к заре.

Над Акмонайскою равниной
Шел зимний дождь, и все сильней.
Все было мокро, даже спины
Понуро несших нас коней.

Однообразная картина
Трех верст, что мы прошли вчера,
В грязи ревущие машины,
Рыдающие трактора.

Воронок черные болячки.
Грязь и вода, смерть и вода.
Оборванные провода
И кони в мертвых позах скачки.

На минном поле вперемешку
Тела то вверх, то вниз лицом,
Как будто смерть в орла и решку
Играла с каждым мертвецом.

А те, что при дороге самой,
Вдруг так похожи на детей,
Что, не поверив в смерть, упрямо
Все хочется спросить: «Ты чей?»

Как будто их тут не убили,
А ехали из дома в дом
И уронили и забыли
С дороги подобрать потом.

А дальше мертвые румыны,
Где в бегстве их застиг снаряд,
Как будто их толкнули в спину,
В грязи на корточках сидят.

Среди развалин Джантары,
Вдоль южной глиняной ограды,
Как в кегельбане для игры,
Стоят забытые снаряды.

Но словно все кругом обман,
Когда глаза зажмуришь с горя,
Вдруг солью, рыбой сквозь туман
Нет-нет да и потянет с моря.

И снова грязь из-под копыт
И слух, уж сотый за неделю,
О ком-то, кто вчера убит,
И скучный возглас: «Неужели?»

Однако мне пора кончать.
Ну что ж, последние приветы,
Пока фельдъегеря печать
Не запечатала пакеты.

Еще одно. Два дня назад,
Как в детстве, подогнувши ноги,
Лежал в обочине дороги
И ждал, когда нас отбомбят.

Я, кажется, тебе писал,
Что под бомбежкой, свыкшись с нею,
Теперь лежу там, где упал,
И вверх лицом, чтобы виднее.

Так я лежал и в этот раз.
Грязь, прошлогодняя осока,
И бомбы прямо и высоко,
И, значит, лягут сзади нас.

Я думал о тебе сначала,
Потом привычно о войне,
Что впереди зениток мало,
Застряли где-то в глубине.

Что танки у села Корпеча
Стоят в грязи, а дождь все льет.
Потом я вспомнил нашу встречу
И ссору в прошлый Новый год.

Был глупый день и злые споры,
Но до смешного, как урок,
Я, в чем была причина ссоры,
Пытался вспомнить и не мог.

Как мелочно все было это
Перед лицом большой беды,
Вот этой каторжной воды,
Нас здесь сживающей со света.

Перед лицом того солдата,
Что здесь со мной атаки ждет
И молча мокрый хлеб жует,
Прикрыв полой ствол автомата.

Нет, в эти долгие минуты
Я, глядя в небо, не желал
Ни обойтись с тобою круто,
Ни попрекнуть тем, что я знал.
Ни укротить и не обидеть,
А, ржавый стебель теребя,
Я просто видеть, видеть, видеть
Хотел тебя, тебя, тебя,
Без ссор, без глупой канители,
Что вспомнить стыдно и смешно.

А бомбы не спеша летели,
Как на замедленном кино...

Все. Даль над серыми полями
С утра затянута дождем,
Бренча тихонько стременами,
Скучают кони под окном.

Сейчас поедем. Коноводы,
Собравшись в кучу у крыльца,
Ругают на чем свет погоду
И курят, курят без конца.

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ

И этот год ты встретишь без меня.
Когда б понять ты до конца сумела,
Когда бы знала ты, как я люблю тебя,
Ко мне бы ты на крыльях долетела.

Отныне были б мы вдвоем везде,
Метель твоим бы голосом мне пела,
И отраженьем в ледяной воде
Твое лицо бы на меня смотрело.

Когда бы знала ты, как я тебя люблю,
Ты б надо мной всю ночь, до пробужденья,
Стояла тут, в землянке, где я сплю,
Одну себя пуская в сновиденья.

Когда б одною силою любви
Мог наши души поселить я рядом,
Твоей душе сказать: приди, живи,
Бесплотна будь, будь недоступна взглядам,

Но ни на шаг не покидай меня,
Лишь мне понятным будь напоминаньем:
В костре — неясным трепетом огня,
В метели — снега голубым порханьем.

Незримая, смотри, как я пишу
Листки своих ночных нелепых писем,
Как я слова беспомощно ищу,
Как нестерпимо я от них зависим.

Я здесь ни с кем тоской делиться не хочу,
Свое ты редко здесь услышишь имя.
Но если я молчу — я о тебе молчу,
И воздух населен весь лицами твоими.

Они кругом меня, куда ни кинусь я,
Все ты в мои глаза глядишь неутомимо.
Да, ты бы поняла, как я люблю тебя,
Когда б хоть день со мной тут прожила незримо.
. . . .
Но ты и этот год встречаешь без меня...

ХОЗЯЙКА ДОМА

Подписан будет мир, и вдруг к тебе домой,
К двенадцати часам, шумя, смеясь, пророча,
Как в дни войны, придут слуга покорный твой
И все его друзья, кто будет жив к той ночи.
Хочу, чтоб ты и в эту ночь была
Опять той женщиной, вокруг которой
Мы изредка сходились у стола
Перед окном с бумажной синей шторой.
Басы зениток за окном слышны,
А радиола старый вальс играет,
И все в тебя немножко влюблены,
И половина завтра уезжает.
Уже шинель в руках, уж третий час,
И вдруг опять стихи тебе читают,
И одного из бывших в прошлый раз
С мужской ворчливой скорбью вспоминают.
Нет, я не ревновал в те вечера,
Лишь ты могла разгладить их морщины.
Так краток вечер, и — пора! пора! —
Трубят внизу военные машины.

С тобой наш молчаливый уговор —
Я выходил, как равный, в непогоду,

Пересекал со всеми зимний двор
И возвращался после их ухода.
И даже пусть догадливы друзья —
Так было лучше, это б нам мешало.
Ты в эти вечера была ничья.
Как ты права — что прав меня лишала!
Не мне судить, плоха ли, хороша,
Но в эти дни лишений и разлуки
В тебе жила та женская душа,
Тот нежный голос, те девичьи руки,
Которых так недоставало им,
Когда они под утро уезжали
Под Ржев, под Харьков, под Калугу, в Крым.
Им девушки платками не махали,
И трубы им не пели, и жена
Далеко где-то ничего не знала.
А утром неотступная война
Их вновь в свои объятья принимала.
В последний час перед отъездом ты
Для них вдруг становилась всем на свете,
Ты и не знала страшной высоты,
Куда взлетала ты в минуты эти.
Быть может, не любимая совсем,
Лишь для меня красавица и чудо,
Перед отъездом ты была им тем,
За что мужчины примут смерть повсюду,—
Сияньем женским, девочкой, женой,
Невестой — всем, что уступить не в силах,
Мы умираем, заслонив собой
Вас, женщин, вас, беспомощных и милых.
Знакомый с детства простенький мотив,
Улыбка женщины,— как много и как мало...
Как ты была права, что, проводив,
При всех мне только руку пожимала.

. . . .

Но вот наступит мир, и вдруг к тебе домой,
К двенадцати часам, шумя, смеясь, пророча,
Как в дни войны, придут слуга покорный твой
И все его друзья, кто будет жив к той ночи.
Они придут еще в шинелях и ремнях
И долго будут их снимать в передней,—
Еще вчера война, еще всего на днях
Был ими похоронен тот, последний,

О ком ты спросишь — что ж он не пришел?
И сразу оборвутся разговоры,
И все заметят, как широк им стол,
И станут про себя считать приборы.
А ты, с тоской перехватив их взгляд,
За лишние приборы в оправданье
Шепнешь: «Я думала, что кто-то из ребят
Издалека приедет с опозданьем...»
Но мы не станем спорить, мы смолчим,
Что все, кто жив, пришли, а те, что опоздали,
Так далеко уехали, что им
На эту землю уж поспеть едва ли.

Ну что же, сядем. Сколько нас всего?
Два, три, четыре... Стулья ближе сдвинем,
За тех, кто опоздал на торжество,
С хозяйкой дома первый тост поднимем.
Но если опоздать случится мне
И ты, меня коря за опозданье,
Услышишь вдруг, как кто-то в тишине
Шепнет, что бесполезно ожиданье,—
Не отменяй с друзьями торжество.
Что из того, что я тебе всех ближе,
Что из того, что я любил, что из того,
Что глаз твоих я больше не увижу?
Мы собирались здесь как равные, потом
Вдвоем,— ты только мне была дана судьбою,
Но здесь, за этим дружеским столом,
Мы были все равны перед тобою.
Потом ты можешь помнить обо мне,
Потом ты можешь плакать, если надо,
И, встав к окну в холодной простыне,
Просить у одиночества пощады.
Но здесь не смей слезами и тоской
По мне по одному лишать последней чести
Всех тех, кто вместе уезжал со мной
И кто со мною не вернулся вместе.

Поставь же нам стаканы заодно
Со всеми! Мы еще придем нежданно.
Пусть кто-нибудь живой нальет вино
Нам в наши молчаливые стаканы.
Еще вы трезвы. Не пришла пора
Нам приходить, но мы уже в дороге,

Уж била полночь... Пейте ж до утра!
Мы будем ждать рассвета на пороге.
Кто лгал, что я на праздник не пришел?
Мы здесь уже. Когда все будут пьяны,
Бесшумно к вам подсядем мы за стол
И сдвинем за живых бесшумные стаканы.

* * *

Если бог своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила,—

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведенных на шее рук.

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Все, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня.

СТАРАЯ СОЛДАТСКАЯ

Как служил солдат
Службу ратную,
Службу ратную,
Службу трудную.
Двадцать лет служил
Да еще пять лет,—
Генерал-аншеф
Ему отпуск дал.
Как пришел солдат
Во родимый дом,
Вся-то грудь в крестах,
Сам седой как лунь,
На крыльце стоит
Молода жена —
Двадцати годов
Словно не было.
Ни морщинки нет
На щеках ее,
Ни сединки нет
В косах девичьих,
Посмотрел солдат
На жену свою,
И сказал солдат
Слово горькое:

«Видно, ты, жена,
Хорошо жила,
Хорошо жила,
Не состарилась!»
Как в ответ с крыльца
Говорит она,
Говорит она,
Сама плачет вся:
«Не жена твоя
Я законная,
А я дочь твоя,
Дочь сиротская.
А жена твоя
Пятый год лежит
Во сырой земле
Под березонькой».
Как вошел в избу,
Сел за стол солдат,
Зелена вина
Приказал подать.
Пьет всю ночь солдат.
По седым усам
То ль вино течет,
То ли слезоньки.

* * *

Не той, что из сказок, не той, что с пеленок,
Не той, что была по учебникам пройдена,
А той, что пылала в глазах воспаленных,
А той, что рыдала,— запомнил я Родину.
И вижу ее накануне победы
Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Все снесшей, все вынесшей русскою женщиной.

* * *

Стекло тысячевёрстной толщины
Разлука вставила в окно твоей квартиры,
И я смотрю, как из другого мира,
Мне голоса в ней больше не слышны.

Вот ты прошла, присела на окне,
Кому-то улыбнулась, встала снова,
Сказала что-то... Может, обо мне?
А что? Не слышу ничего, ни слова...

Какое невозможное страданье
Опять, уехав, быть глухонемым!
Но что, как вдруг дана лишь в оправданье
На этот раз разлука нам двоим?

Ты помнишь честный вечер объясненья,
Когда, казалось, смеем всё сказать...
И вдруг — стекло. И только губ движенье,
И даже стука сердца не слыхать.

* * *

Мы оба из честного племени,
Где если дружить — так дружить,
Где оба прошедшего времени
Не терпят в глаголе любить.

Так лучше представь меня мёртвого,
Такого чтоб вспомнить добром,
Не осенью сорок четвёртого,
А где-нибудь в сорок втором.

Где мужество я обнаруживал,
Где честно, как юноша, жил,
Где верно любви я заслуживал
И все-таки не заслужил.

Представь себе зиму метельную,
Полярную ночь на снегу,
Представь себе рану смертельную
И то, что я встать не могу,

Представь себе это известие,
В то тяжкое время моё,

Когда еще дальше предместия
Не занял я сердце твое,

Когда за горами, за долами,
Жила ты, другого любя,
Когда из огня да и в полымя,
Меж нами бросало тебя.

Давай с тобой так и условимся —
Тогдашний, я умер. Бог с ним!
А с нынешним мной остановимся
И заново поговорим...

БОРИС СЛУЦКИЙ

КЁЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим
безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи
в Кёльнской яме.

Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.
Раз в день
на площадь
выводят лошадь,
Живую
сталкивают с обрыва.
Пока она свергается в яму,
Пока ее делим на доли
неравно,
Пока по конине молотим зубами,—
О бюргеры Кёльна,
да будет вам срамно!

О граждане Кёльна, как же так?
Вы, трезвые, честные, где же вы были,
Когда, зеленее, чем медный пятак,
Мы в Кёльнской яме
с голоду выли?

Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке отвесной,
Короткую надпись над нашей могилой —
Письмо
солдату Страны Советской.

«Товарищ боец, остановись над нами,
Над нами, над нами, над белыми костями.
Нас было семьдесят тысяч пленных,
Мы пали за родину в Кёльнской яме!»

Когда в подлецы вербовать нас хотели,
Когда нам о хлебе кричали с оврага,
Когда патефоны о женщинах пели,
Партийцы шептали: «Ни шагу, ни шагу...»

Читайте надпись над нашей могилой!
Да будем достойны посмертной славы!
А если кто больше терпеть не в силах,
Партком разрешает самоубийство слабым.

О вы, кто наши души живые
Хотели купить за похлебку с кашей,
Смотрите, как, мясо с ладони выев,
Кончают жизнь товарищи наши!

Землю роем,
скребем ногтями,
Стоном стонем
в Кёльнской яме,
Но все остается — как было, как было! —
Каша с вами, а души с нами.

В ДОМЕ ОТДЫХА

Все спали в доме отдыха —
Весь день с утра до вечера.
По той простой причине,
Что делать было нечего.
За всю войну — впервые,
За детство — в первый раз
Им делать было нечего —
Спи хоть день, хоть час!

Все спали в доме отдыха
Ремесленных училищ.
Все спали и не встали бы,
Хоть что бы ни случилось.
Они войну закончили
Победой над врагом —
Мальчишки из училища,
Фуражки с козырьком.

Мальчишки в форме ношеной,
Шестого срока — минимум.
Они из всей истории
Учили подвиг Минина
И отдали отечеству
Не злато-серебро —
Единственное детство —
Все свое добро.

На длинных подоконниках
Цветут цветы бумажные.
По выбеленным комнатам
Проходят сестры важные.
Идут неслышной поступью,
Торжественно молчат...

Смежив глаза суровые,
Здесь рядом дети спят.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

* * *

Ты все молодишься. Все хочешь
забыть, что к закату идешь:
где надо смеяться — хохочешь,
где можно заплакать — поешь.

Ты все еще жаждешь обманом
себе и другим доказать,
что юности легким туманом
ничуть не устала дышать.

Найдешь ли свое избавленье,
уйдешь ли от боли своей
в давно надоевшем круженье,
в свечении праздных огней?

Ты мечешься, душу скрывая
и горькие мысли тая.
Но я-то доподлинно знаю,
в чем кроется сущность твоя.

Но я-то отчетливо вижу,
что смысл недомолвок твоих
куда человечней и ближе
актерских повадок пустых.

Но я-то давно вдохновеньем
считать без упрека готов
морщинки твои — дуновенье
сошедших со сцены годов.

Пора уже маску позерства
на честную позу сменить.
Затем, что довольно притворства,
и правдою, трудной и черствой,
у нас полагается жить.

Глаза, устремленные жадно.
Часов механический бой.
То время шумит беспощадно
над бедной твоей головой.

СУДЬЯ

Упал на пашне у высотки
суровый мальчик из Москвы;
и тихо сдвинулась пилотка
с пробитой пулей головы.

Не глядя на беззвездный купол
и чуя веянье конца,
он пашню бережно ощупал
руками быстрыми слепца.

И, уходя в страну иную
от мест родных невдалеке,
он землю теплую, сырую
зажал в костнеющей руке.

Горсть отвоеванной России
он захотел на память взять,
и не сумели мы, живые,
те пальцы мертвые разжать.

Мы так его похоронили —
в его военной красоте —
в большой торжественной могиле
на взятой утром высоте.

И если, правда, будет время,
когда людей на Страшный суд
из всех земель, с грехами всеми,
трехкратно трубы призовут,—

предстанет за столом судейским
не бог с туманной бородой,
а паренек красноармейский
пред потрясенною толпой,

держа в своей ладони правой,
помятой немцами в бою,
не символы небесной славы,
а землю русскую свою.

Он все увидит, этот мальчик,
и ни йоты не простит,
но лесть—от правды, боль—от фальши
и гнев — от злобы отличит.

Он все узнает оком зорким,
с пятном кровавым на груди —
судья в истлевшей гимнастерке,
сидящий молча впереди.

И будет самой высшей мерой,
какою мерить нас могли,
в ладони юношеской серой
та горсть тяжелая земли.

ЗЕМЛЯ

Тихо прожил я жизнь человечью:
ни бурана, ни шторма не знал,
по волнам океана не плавал,
в облаках и во сне не летал.

Но зато, словно юность вторую,
полюбил я в просторном краю
эту черную землю сырую,
эту милую землю мою.

Для нее ничего не жалея,
я лишался покоя и сна,
стали руки большие темнее,
но зато посветлела она.

Чтоб ее не кручинились кручи
и глядела она веселей,
я возил ее в тачке скрипучей
так, как женщины возят детей.

Я себя признаю виноватым,
но прощенья не требую в том,
что ее подымал я лопатой
и валил на колени кайлом.

Ведь и сам я, от счастья бледнея,
зажимая гранату свою,
в полный рост поднимался над нею
и, простреленный, падал в бою.

Ты дала мне вершину и бездну,
подарила свою широту,
Стал я сильным, как терн, и железным—
даже окиси привкус во рту.

Даже жесткие эти морщины,
что по лбу и по щекам прошли,
как отцовские руки у сына,
по наследству я взял у земли.

Человек с голубыми глазами,
не стыжусь и не радуюсь я,
что осталась земля под ногтями
и под сердцем осталась земля.

Ты мне небом и волнами стала,
колыбель, и последний приют...
Видно, значишь ты в жизни не мало,
если жизнь за тебя отдают.

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.

На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

ДВА ПЕВЦА

Были давно
два певца у нас:
голос свирели
и трубный глас.

Хитро зрачок
голубой блестит —
всех одурманит
и всех прельстит.

Громко открыт
беспощадный рот —
всех отвоюет
и все сметет.

Весело в зале
гудят слова.
Свесилась
бедная голова.

Легкий шажок
и широкий шаг.
И над обоими
красный флаг.

...Беленький томик
лениво взять —
между страниц
золотая прядь.

Между прелестных
усталых строк
грустно лежит
голубой цветок.

Благоговея открыть
тома —
между обложками
свет и тьма.

Вихрь революции,
гул труда,
волны,
созвездия,
города.

...Все мы окончимся,
все уйдем
зимним
или весенним днем.

Но не хочу я
ни женских слез,
ни на виньетке
одних берез.

Бог моей жизни,
вручи мне медь,
дай мне веселие
прогреметь.

Дай мне отвагу,
трубу,
поход,
песней победной
наполни рот.

Посох пророческий
мне вручи,
слову и действию
научи.

НАШ ГЕРБ

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлевский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнеей,
ткачиха с батраком.

А у дверей
отважен и усат,
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живем
и нашу землю
сделаем гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд! —
пусть делегаты
сами принесут.

Принес кузнец
из дымной мастерской
свое богатство —
вечный молот свой.

Тяжелый сноп,
в колосьях и цветах,
батрак принес
в натруженных руках.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мерзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжелый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвил
октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не смог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народов
воину сказал,
чтоб он ее
из рук не выпускал.

С тех пор солдат —
почетная судьба —
стоит на страже
нашего герба.

ОПЯТЬ НАЧИНАЕТСЯ СКАЗКА...

Свечение капель и пляска.
Открытое ночью окно.
Опять начинается сказка
на улице, возле кино.

Не та, что придумана где-то,
а та, что течет надо мной,
сопутствует мраку и свету,
в пыли существует земной.

Есть милая тайна обмана,
журчащее есть волшебство
в струе городского фонтана,
в цветных превращеньях его.

Я, право, не знаю, откуда
свергаются тучи, гудя,
когда совершается чудо
шумящего в листьях дождя.

Как чаша содружества — брагой,
московская ночь до окна
наполнена темною влагой,
мерцанием капель полна.

Мне снова сегодня семнадцать.
По улицам детства бродя,
мне нравится петь и смеяться
под зыбкою кровлей дождя.

Я вновь осенен благодатью
и встречу сегодня впотьмах
принцессу в коротеньком платье
с короной дождя в волосах.

ЛЕНИН

Мне кажется, что я не в зале,
а, годы и стены пройдя,
стою на Финляндском вокзале
и слушаю голос вождя.

Пространство и время нарушив,
мне голос тот в сердце проник,
и прямо на площадь, как в душу,
железный идет броневик.

Отважный, худой, бородатый —
гроза петербургских господ,—
я вместе с окопным солдатом
на Зимний тащу пулемет.

Земля, как осина, дрожала,
когда наш отряд штурмовал.
Нам совесть идти приказала,
нас Ленин на это послал.

Знамена великих сражений,
пожары гражданской войны...
Как смысл человечества, Ленин
стоит на трибуне страны.

Я в грозных рядах растворяюсь,
я ветром победы дышу
и, с митинга в бой отправляясь,
восторженно шапкой машу.

Не в траурном зале музея —
меж тихих московских домов
я руки озябшие грею
у красных январских костров.

Ослепли глаза от мороза,
ослабли от туч снеговых,
и ваши, товарищи, слезы
в глазах застывают моих...

РАБОЧИЙ

Стоит среди
товарищей седых
внук бурлаков
и правнук крепостных.

От прадеда,
хоть прадед нищим был,
он золотое сердце
получил.

Остались в дар
от деда-бурлака
тяжелый шаг
и тяжкая рука.

Еще он взял
в наследство у отца
погасший горн
и молот кузнеца.

Он горн раздул,
он клещи растворил
и золотое сердце
раскалил.

И цепи те,
что сделал капитал,
рукою закопченной
разорвал.

Вихрь Октября
крутил, ярился, мел
в тот день, когда он
к Ленину пришел.

С тех пор он был
судьею и бойцом,
строителем
и снова кузнецом.

На смерть ходил,
заводы возводил —
всех покарал
и все восстановил.

Он звезды мира
сделал для Кремля
и тракторы
отправил на поля.

Он пушки льет
для доменных печей,
у коксовых
дежурит батарей.

Он двигает —
хозяин-великан —
трехтонный молот
и прокатный стан.

И горе тем,
которые прервут
его дела,
его железный труд.

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

ШИПОВНИК

У пыльной военной дороги
Мы сделали краткий привал.
Горели усталые ноги.
В кустах соловей бушевал.

Мы сердцем ему подпевали
В минуту блаженную ту.
И я увидал на привале
Шиповник — в росе и цвету.

Войны беспощадная сила,
Как видно, в последнем бою
Все корни ему подкосила,
Замяла в свою колею.

Но, словно на зло этой силе,
Шиповник поднялся с земли,
Зацвел, отряхнулся от пыли,
Чтоб все это видеть могли...

...Когда мне действительно тяжко
В недоброй чужой стороне,
Когда прилипает рубашка
К усталым плечам и спине,—
За дымом,
За пылью летучей,
За далью, во всю широту

Я вижу
Упрямый, колючий
Шиповник в росе и цвету!

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Тревога!
В эту же минуту
Я вещевой мешок беру.
А он тяжелый почему-то,
И это явно не к добру.

С таким мешком не будет толку,
Давно ли речь у нас была,
Что даже лишняя иголка
И та в походе тяжела.

Мешок — скорее наизнанку.
Мое добро передо мной:
Вот полотенце,
Вот портянки,
Платочек девушки одной,
Коробка с бритвой безопасной,
Сухой паек на самом дне
Да котелок, как месяц ясный...
Такие вещи
кстати мне!

Но рядом —
Старые обмотки,
Брусок, тяжелый, как броня,
Трофейный штык,
Ремень короткий...
Зачем все это для меня?

За миг до нового похода
Я вспоминаю путь былой.
И... все излишки обихода
Скорее — из мешка долой!

Не так ли следует поэтам
Свои просматривать сердца,
И разговор по всем предметам
Вести
        от первого лица!

Хранить лишь то,
Что сердцу свято,
Чтоб песня выглядела так,
Как вещевой мешок солдата
В часы походов и атак!

СЛОВО МИРА

О войне сужу не понаслышке,
На себе испытана она.
У меня
        четыре года с лишком
Отняла минувшая война.

В скромном чине гвардии солдата
Я прошел немало
И могу
Мастерить жилища в три наката,
Согреваться в пепельном снегу,
Рыть траншеи и готовить пищу,
Не теряться в трудные часы...

Знаю, что такое пепелища
И огонь
        передней полосы.
Но считаю самым высшим благом
Снова мирным тружеником жить.
Есть земля под нашим добрым флагом,
Есть к чему
        здесь руки приложить!..

Ясный день,
В песке играют дети.
Небеса слепят голубизной.

...Старый мир,
В давно не новом свете
Ты опять встаешь передо мной.
Ты на юность
нахлобучил каски,
Людям чести приказал молчать.
По твоей расчетливой указке
Сеет бурю
«желтая» печать.

Папа Пий беснуется,
а в лапах
Держит крест и доллар золотой.
Чем земле иметь такого «папу»,
Лучше стать ей
круглой сиротой!..
Старый мир,
ты нам бросаешь вызов,
На пути
стеной огня
навис.
Правде ты отказываешь в визах,—
Правда путешествует без виз!

Я уже глазами очевидца
Вижу, как, раздвинув облака,
Ты сумел в Европе появиться
В виде
колорадского жука.

Ты прочистил жерла всех орудий,
Подготовил танки и суда.
Но Москва
не яблочко на блюде,
Лучше не поглядывай сюда.

Угрожать нам —
явная нелепость:
Знают все, а в том числе и ты,
Что твоя «летающая крепость»
Не без ахиллесовой пяты.

На смертельный
атом водорода
Ты глядишь с надеждой старика,
А с ладони моего народа
Голубь мира
Взмыл под облака.
И друзей у нас настолько много,
Так
резервы мира
велики,
Что к Кремлю ведущая дорога
Обнимает
все материки!

ЧЕЛОВЕК НЕ ОДИНОК

Для обиды и печали
В каждом сердце есть причал.
Люди письма получали,
Я совсем не получал.

Разобидевшись на это,
Сел от прочих в стороне
И послал письмо в газету:
Мол, никто не пишет мне.

А газета разместила
То письмо на два столбца,
Дабы всем известно было
О претензиях бойца.

Миновало две недели.
Время шло к закату дня.
Мы на корточках сидели
У походного огня.

Тут как тут вручает почта
Мне письмо,
Затем — пяток.
Дальше — больше! Вижу то, что
Хлынул письменный поток!

Так печаль бойца простого
Всколыхнула всю страну!

Пишут просто из Ростова,
Из Ростова-на-Дону.
Пишут с Рыбинского моря,
Из Ташкента, из Читы...

И в интимном разговоре
Переходят с «вы» на «ты».

Я без матери на свете
Рос, как пыльная трава,
Вдруг пришли в письме-ответе
Материнские слова:

«Отвоюешь,
Будешь близко,
Приезжай ко мне, милок,—
Постоянная прописка,
Интересный уголок».

Почтарю одно мученье,
Он вздыхает тяжело:
— Всем поштучное врученье,
А тебе... по полкило!

Мчатся письма-невелички.
Шире дышится от них.
Я потомственной москвичке
Отвечаю, как жених.

Чувства нежные воскресли.
Под собой не чуешь ног.
Хорошо на свете,
если
Человек не одинок!

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

БЕССМЕРТНИК

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растет на кургане над Доном-рекой
Суровый цветок — бессмертник.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоске земли
С разбитым лежит пулеметом;
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты фашистской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его сторожить —
Суровой победы свидетель.

Как будто из меди его лепестки
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.

Тропою тайной меж берез
Спешили дебрями густыми.
И каждый за плечами нес
Винтовку с пулями литыми.

В лесах врагам спасенья нет.
Летят советские гранаты.
И командир кричит им вслед:
«Громи захватчиков, ребята!»

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

КАЗАКИ ЗА БУГРОМ

Из леса в поле бешеным карьером
Казачий полк летит на скакунах;
Еще клинки в крови не побагрели,
Но казаки стоят на стременах.
И топот плотный по полю несется,
Как с неба павший перекатный гром,
Из края в край над степью раздается:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Мелькают в поле красные лампасы,
Шнурки от бурок вьются на груди,
И перерезанная с лету насыпь
Уже шуршит песками позади.
Горит, как дом, немецкий бронепоезд,
Касаясь неба дымным языком,
Гремит в степи, в высоких травах кроясь:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

У переправы на речном изломе —
Железный стон и выкрики солдат;
Дивизион немецкий на пароме,
Звенит струной натянутый канат.
Но где ты, левый, где ты, берег правый,
Канат рассечен, вниз идет паром.
И над рекой встает у переправы:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Стоит печальный придорожный тополь,
Ведет с дорогой долгий разговор...
Но вот он слышит за холмами топот,
Копытный стук, стремянный перебор.
И он шумит от радости ветвями,
Звенит над степью тихим серебром,
Гудит корой и темными корнями:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Э-гей! Гей-гей! Не скошены, не смяты,
Гремят обвалом грозные полки.
Встают восходы, падают закаты,—
В седле, в седле донские казаки.
Поля, поля, широкие долины —
Мы все пройдем, но с седел не сойдем,
Пока не грянем громом под Берлином:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

УЕХАЛ КАЗАК...

Уехал казак молодой на войну,
Осталась казачка одна на Дону.

Взметнулась над степью дорожная пыль,
Седой поклонился, прощаясь, ковыль.

Синица взлетела над бурым кустом,
Копыта ударили гром над мостом.

Осталась казачка одна на Дону,
Уехал казак молодой на войну.

А где ж он сражался, где был он в боях?
Сражался далеко он, в темных лесах,

Где сосны высокие в небо ушли,
Где много болот и мало земли,

Где совы шумят в буреломе крылом,
Где тропы в лесу переплел буреломом...

Осталась казачка одна на Дону,
Уехал казак молодой на войну.

ТВОЙ ДОМ

Что такое тоска по дому,
Почему я ее храню,—
По обжитому, по родному
Цвету, запаху и огню?

Всё дороги, дороги, дороги...
Лето ль, осень пришла ль, зима,—
Полосатые скаты, отроги,
Хаты, пепел, сады, дома...

Снова крыша тебя встречает,
Не твоя ли она, точь-в-точь?
И хозяйка брусничным чаем
Бранных путников поит в ночь.

Лишь закроешь глаза, и видишь:
Светит дом твой окном во тьму —
Это то, что вовек не обидишь,
Не предашь, не отдашь никому.

Помнишь стершиеся ступени
И поющую желтую дверь,
Занавесок веселые тени?..
Как все это живет теперь?

Час придет — ты вернешься к дому,
Как с пожара, еще в дыму,
Не к какому-нибудь другому,—
Обязательно к своему.

Домочадцев своих заторопишь
И навстречу морозному дню
Дров наколешь, и печь растопишь,
И протянешь руки к огню!

* * *

Весны знакомые приметы
Лежат пред вами в трех шагах:
Игра теней, мельканье света
На обнажившихся холмах;

Грачиный крик на перепутье
У придорожной колеи,
Лозы оттаявшие прутья,
Непостоянные ручьи;

Высокий звон, неодолимый,
Средь покоренной тишины,
Летящей с юга по долинам
Казачьей всадницы — весны;

Дымок над кузней синеватый,
Соломы желтая труха;
И в кузне — свекор бородатый
Кует над горном лемеха.

Пригреет солнце,— у калитки,
Вдыхая запахи земли,
Орденоносцы-инвалиды
Сидят, сложивши костыли.

Они табак неспешно курят,
Неторопливые в словах,
Но отраженье грозной бури
Еще горит у них в глазах.

На площади станичной старой
Непререкаемо с утра
У деревенского амбара
Рокочут ровно триера,

И в сапогах, в косынках пестрых,
В солдатских ватниках простых
Стоят казачьи жены, сестры
С утра до ночи возле них.

Пусть от работы поясница
Болит и ноет,— в полуночь
Мужская ласка долго снится,
И отогнать ее невмочь.

Потом проснутся и услышат,
Как над просторами земли,
Над самой хатой, по-над крышей
Летят, курлыча, журавли.

Вздохнет и, ватник натянувши,
Казачка выйдет на порог
Далекий шум в ночи послушать,
Во тьме идущий от дорог.

И на какое-то мгновенье
Она услышит вдалеке
Того, кто снился, в поле пенье
И отзвук песни на реке.

СОВРЕМЕННИК

Мы мерзли в окопах с тобой под Смоленском,
Брели среди пепла в тиши деревенской,
Мы были под Ржевом, мы были под Мценском,
К Москве отступали в суровую осень,

Топтали на пажитях наших колосья.
Мы дрались за каждую речку, за рощу,
За каждый проулок, за каждую площадь.
Слепыми, метельными, злыми ночами
Мы песни не пели, мы больше молчали,—
Такими мы были когда-то, вначале.

Не будем с тобой вспоминать остановки,
Ночные броски и короткие дневки.
Не раз обрывался ремень у винтовки,—
Дубленая кожа, и та протиралась.
А как же солдатской, своей доставалось?
На желтых ладонях — бугры да мозоли,
Да клочья шинели на вздыбленном поле...
Еще оставалось далеко до цели,
Еще нам не кланялись минские ели,
А все-таки мы по пути веселели!

Мы шли по лесам и полям опаленным,
Мы рядом сражались и нощно и денно,
Мы знали друг друга в полку поименно,
Мой верный товарищ, мой друг современник,
Работник, кующий истории звенья.
Всему, что когда-то в салютах звучало,
Ты знаешь, кто дал и конец и начало.
Давай же посмотрим мы мирной порою,
Кто зданье великой победы построил
И кто тебя вывел, товарищ, в герои.

Я помню: гудел экскаватор над степью,
Гремели лопаты, железные цепи,
И пыль подымалась под ветром, как пепел.
Готов котлован был, чтоб ставить фундамент;
Бетон был замешан твоими руками;
Цемент, и песок, и увесистый гравий
Под солнцем степным желваками играли;
Легли арматуры железные ветки,
Петляли по синим путям вагонетки,—
Ты волю свою закалил в пятилетке.

Леса пятилеток — хорошая школа!
Друзья по бригаде — сыны комсомола!
И трудно бывало, а был ты веселым,
И в стужу и в зной выходил ты утрами,

К заводу спешил перелеском, буграми,
Умытый, остриженный, смелый и ловкий.
К заводу спешил ты в рабочей спецовке,
Спешил до гудка ты, траву приминая.
Встречала прохладой тебя проходная,
Знакомая, близкая, просто родная.

Ты был в пионерском отряде горнистом,
Ты был комсомольцем, ты стал коммунистом.
Ты можешь быть слесарем, зодчим, министром —
Любые пути тебе в жизни открыли,
Лишь было бы сердце да были бы крылья,
Да воля большая, да творческий разум,
Захочешь — добьешься ты многого разом,
Лишь был бы таким, как в отряде когда-то
Как был в Сталинграде и Ржеве солдатом,
И в песне и в деле, как сокол, крылатым!

Давно мы с тобой поснимали шинели,
Давно мы военные песни не пели,—
А петь их когда-то мы славно умели!
Пришли к нам на смену другие мотивы:
Рокочут станки, подымаются нивы;
Плывут по просторам, широким, бескрайным,
Рожденные в новых заводах комбайны.
На них у рулей, на железных ступенях
Рожденное в буре войны поколенье —
Ему никогда не стоять на коленях!

Повыцвели в поле у нас гимнастерки,
Но взгляд наш такой же приметливый, зоркий,
И видим мы все, что творится в Нью-Йорке...
Что злобно готовят для нас в Вашингтоне...
Лежат на штурвале комбайна ладони,
Глаза и сердца и поступки спокойны,—
Мы были в Берлине, мы видели войны.
Мы мирные люди, советские люди,
Чехлы мы надели на жерла орудий,
Но если тревога — солдатами будем!

Солдатами будем повсюду, доколе
Не кончится битва народов за волю,
За счастье народов, за светлую долю.
Из пепла отчизну свою подымая,

Трудом вдохновляем народы Китая,
Дорогой идем созидательной, мирной,
И слышат нас в Греции, в Индии, в Бирме.
Когда на трибуне стоим Ассамблеи,
Нас слышат в Триесте и слышат в Бомбее —
И головы вверх подымают смелее.

Мы в первом ряду, современник, с тобою,
Готовы на подвиг, на дело любое,
Судьбою со всем человечеством слиты,
И наши дороги народам открыты.
И слышатся песни Советской России
В Тиране и Праге, Варшаве, Софии,
И смотрят с любовью на нас за кордоном
Рабочие Сены и доков Гудзона.
Мы в первом ряду, современник, и с нами
История встала под красное знамя!

РАСЦВЕЛА СИРЕНЬ

Расцвела сирень, черемуха в саду
На мое несчастье, на мою беду.
Я в саду хожу, хожу
Да на цветы гляжу, гляжу,
Но никак в цветах я милой не найду.

Чтобы мне ее в саду здесь отыскать,
Видно, все цветы придется оборвать...
Ты не прячь, не прячь, сирень,
Моей милой в ясный день,
Не мешай любовь мою ты целовать.

Только я к цветам притронулся рукой,
Слышу рядом голос нежный, дорогой:
— Ты сирень оставь, оставь,
Да пусть она в цветах, в цветах,
Лучше мы в саду да скроемся с тобой.

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

* * *

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи-солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги.
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.

И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.

И вдруг (неведомо откуда
Попав сюда, зачем и как)
В грязи дорожной — просто чудо! —
Пятак.
Из желтоватого металла,
Он, как сазанья чешуя,
Горит,
И только обметало
Зеленой окисью края.

А вот — рубли в траве примятой!
А вот еще... И вот и вот...
Мои товарищи-солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Все жарче вспышки полыхают,
Все тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

ПРОЛОГ

Война средь слов понятных и простых
Была ещё не очень ясным словом.
Оно отдельно ото всех других
К нам приходило и звучало ново.

Разглядывали шрамы дальних лет,
В будёновках отцовских утопали.
Не сразу открывался нам секрет
Высокого закаливанья стали.

Пожарами окрасив небосклон,
Без умолку гремела канонада.
Отчаянно рубился эскадрон,
Освобождала сёла кавбригада.

Боец Корчагин конником лихим
Летел от Шепетовского вокзала,
И пыль дороги, поднятая им,
Вихры густые наши забивала.

Далёкая героика тревог.
Задымленные порохом страницы.
Тогда ещё нам было невдомёк,
Что эта книга может повториться.

* * *

Темны предгория Карпат.
Безвестным здесь прошел героем
Мой дед, потомственный солдат,
И мы с отцом окопы роем.

И если острый след грозы
Хранить твои не будут брови,
Возьми ту землю на язык:
Она солёная от крови.

У РЕПРОДУКТОРА

В родных краях, отторгнутых от нас,
Нам каждый камень памятен и дорог.
Какую весть передадут сейчас,
Какой вчера освободили город?

И вот тугой картонный круг, дрожа,
Передаёт приказ; волненье длится.
И всё, что диктор в голосе сдержал
Увидишь ты на просветлённых лицах.

* * *

Поэт, поэт, весь мир перед тобою,
А перед нами — лишь окопа дно.
И, может, этой самою ценою
Найти слова редчайшие дано.

Мне видится среди равнин изрытых,
Где ночи настороженно тихи,
Всю землю обошедший как спаситель
Солдат, в окопе шепчущий стихи.

ДЕВОЧКА

В деревеньке каменной, убогой
Тлеют взрывов частые следы.
Маленькая девочка дорогу
Переходит в туфельках худых.

Неприютна рижская равнина,
Не найти укрытия на ней.
С Балтики холодный, как резина,
Заползает ветер под шинель.

Обгоняют танки то и дело;
Скачут кони; тянутся воза.
Почему-то очень захотелось
Заглянуть той девочке в глаза.

ЧАСЫ

Фугасная, она упала рядом,
Под окнами пустыми во дворе.
И навалился домик на ограду,
Не знаю, как он только не сгорел.

В него вошел я. Собственного крова
Хозяин бы, и тот узнать не мог.
Не уцелело стёклышка простого,
Осела печь и рухнул потолок.

Торчали в брёвнах черные осколки.
И вдруг поймало ухо в тишине,
Как ходики уверено и звонко
Отшагивали где-то на стене.

Я их размеренные звуки слышал,
И так они по сердцу мне пришлись,
Побито всё, и дом почти разрушен.
Но шли часы — и продолжалась жизнь.

ВАРШАВА

Мы вспоминаем на привалах кратких
И то, что в Риге выщерблен гранит,
И то, что след от гусеницы танка
Крещатик старый долго сохранит,

И как, держа винтовку на весу,
Со щек своих обветренных, шершавых
Солдат смахнул украдкою слезу
На улице разрушенной Варшавы.

* * *

Бои, бои... Тяжелый шаг пехоты
На большаках, где шли вчера враги.
На бровку опершись, на переходе
Натягивает парень сапоги.

Простые, загрубевшие от жару,
Но крепкие — носить не износить.
Еще и тем хорошие, пожалуй,
Что по Берлину в них ему ходить.

30 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

Провал окна. Легла на мостовую
Тень, что копилась долго во дворе.
Поставлены орудья на прямую,
И вздрагивает дом на пустыре...

Завален плац обломками и шлаком,
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из темных окон прыгают бойцы.

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
На верху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?

Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

* * *

Средь этих нив я собирал слова —
То пестрые, как вешняя долина,
То строгие, как горная вершина,
То тихие, как на заре трава.

Средь этих тучных нив, не раз, не два,
Я песню направлял в полет орлиный;
И песня, птицей став, неслась былиной
Из века в век, прекрасна и жива.

Средь этих нив я создал жизнь свою,
Подобную среброкрылой песне,
На зависть всем и даже соловью.

Средь этих нив я лягу и умру,
Чтобы еще звончей, еще чудесней
Летела песня утром на ветру.

* * *

Вперед, на запад! —
                                        Цену этих слов
Мы поняли, когда в горячем пыле
Мы штурмовали стены городов
Ценой нечеловеческих усилий.

Вперед, на запад! —
Дерзкая мечта...
Я знаю, нас никто не остановит.
Целуют землю русскую уста,
Отбитую ценой солдатской крови.

Пускай мы не прошли и полпути,
Пускай звезда уходит в ночь устало.
Теперь на Запад будем мы идти.
Вперед идти — во что бы то ни стало.

ЧАЙКА

Как полумесяц молодой
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня...
Зачем же в самый вихрь огня?

Что гонит? Что несет ее?
Не спрячем серебро свое...

Зачем?..
Но тут припомнил я...

Зачем?
Но разве жизнь моя...

Зачем?
Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!

И крикнул чайке я:
— Держись!
Коль любишь жизнь —
Борись за жизнь!

* * *

Пришел и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов.

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной.
Дорога, дымная дорога —
Из боя в бой, из боя в бой...

* * *

Полковнику Путилову

Есть в русском офицере обаянье.
Увидишься — и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.

Он как отец — и нет для нас дороже
Людей на этом боевом пути.
Он потому нам дорог, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести.

* * *

О. Корниенко

Мы вышли из большого боя
И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою
И кланялися до земли.

Мы просто братски были рады,
Что вот в моей — твоя рука,
Что, многие пройдя преграды,
Ты жив и я живу пока.

И что густые кудри ветел
Опять нам дарят свой привет,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.

* * *

Еще на зорях черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день,— мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем.
Зачем туманить грустью ясность дней.
Свой добрый век мы прожили, как люди,
И для людей.

* * *

Цветы, цветы... Как много их,
И розовых и голубых,
Как мотыльков на тонких стеблях.
Цветы, цветы... Везде, везде
Мне улыбаются весь день,
Живую радугу колебля.

Цветы, цветы... И на душе
Вот в этом тесном блиндаже
Опять легко. Я пьян цветами...
Здесь бой прошел. Здесь кровь лилась,
От грома здесь земля тряслась,
Но бой не погасил их пламя.

Цветы, цветы... И там и тут.
Они смеются и цветут,
Как кровь пунцовая соколья,
Как память павших здесь в бою
За жизнь, за Родину свою,—
Они цветут на этом поле.

* * *

Мы тоскуем и скорбим,
Слезы льем от боли.
Черный ворон. Черный дым.
Выжженное поле.

А за гарью, словно снег,
Ландыши без края.
Рухнул наземь человек —
Приняла родная.

Беспокойная мечта —
Не сдержать живую.
Землю милую уста
Мертвые целуют.

И уходит тишина...
Ветер бьет крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

* * *

Так часто-часто, друг ты мой далекий,
Я мысленно беседую с тобой.
Мне видится тот небосвод высокий,
Что плыл над нами дымкой голубой.

Здесь, где война пьет золотые соки
Из сердца жизни, оглушен стрельбой,
Я вижу, как на голубые сопки
Восходит свет, как закипает бой.

Здесь в этой битве дня с постылой ночью
Тебя нежней и больше я люблю,
Мой друг, и близость чувствуя твою,

Я в десять раз сильней в большом бою,
Вгрызаюсь в ночь и рву ее на клочья.
Я пью любовь, я море гнева пью!

НАШЕМУ ОФИЦЕРСКОМУ СОБРАНИЮ

Слава нашему собранью
Крепких воинов-рубак.
Нам — метелей завыванье,
Нам — полночный гул атак.

Нам — напор горячей стали
Среди дыма и огня.
Нам — мелькающие дали
Гривой сивого коня.

А потом, потом — отведай
Нашей песни, ветерок.
Мы увенчаны победой
На скрещенье трех дорог.

Три дороги — все крутые.
Встанем, братцы, на одной,
Вспомним битвы громовые
Дружной песней боевой.

Вспомним ветра завыванье
И немолчный гул атак,
Славу нашего собранья —
Крепких воинов-рубак.

* * *

Тополь жмется к тополю.
Степь да ковыли.
Конники протопали
В заревой дали.

Девушка-красавица
Им вослед глядит,
Ловит замирающий
Ровный звон копыт.

Распрощалась с другом ли,
Или друга ждет?
Радугами-дугами
В грудь тревога бьет.

Тополь жмется к тополю.
Степь да ковыли.
Конники протопали,
Скрылися вдали.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

1

Веет, веет и кружится,
Словно пух лебедей,
Вяжет белое кружево
Над землею моей.

Улетает и молнией
Освещает, слепит.
Может, милая вспомнила?
Может, тоже не спит?

Может, смотрит сквозь кружево
На равнину полей,
Где летает и кружится
Белый пух лебедей.

2

Дорога в гору, в гору, в гору.
А по бокам, а в стороне
Узор склоняется к узору,
Сосна склоняется к сосне.

И в этом голубом сплетенье
Голубизны и мглы ветвей
Встают былого сновиденья
Мелькнувшей юности моей.

Звучит несказанное слово
В лазурном шелесте хвои.
Я снова вижу, вижу снова
Глаза глубокие твои.

А веток радужные дуги,
Над серебром снегов скользя,
Мне вдруг напоминают руки,
Забыть которые нельзя.

И я как вкопанный мгновенье,
Полузакрыв глаза, стою...
Ветвей узорные сплетенья
На шапку падают мою.

Вот так по фронтовым дорогам
Ты путешествуешь со мной,
Мечта, привыкшая к тревогам
На поле выжженном войной.

ВО ИМЯ ЛЮБВИ

Нине Емельяновой

1

Мне кажется, жизни нет места
На поле, изрытом войной.
Туманов белесое тесто
Плывет над промерзшей Невой.

Снегов помутневшая россыпь
На скованном льдом берегу.
Окопы. Воронки. Заносы.
Багрянец крови на снегу.

Вверху — грохотание «илов»,
А прямо — траншеи зигзаг.
Сдержать свое сердце не в силах,
К тебе тороплю я свой шаг.

Молчать не могу, не умею,—
Прочь с губ моих, тяжкий замок!..
Траншея — в траншею. Траншея —
В блиндаж. В блиндаже — огонек.

2

В ночах, неуютно-бездонных,
Пусть скажут мне очи твои,
Что, сталью терзая влюбленных,
Враги не убили любви.

Что в мире смертельной тревоги,
На трудном, на грозном пути,
Где лица приподнято-строги
И слово «люблю», как «прости»,—

Пускай, как веселое солнце
Над этой ненастною мглой,
Сверкнув, в тишине пронесется
Твой трепетный голос живой:

— Победа! Люблю! И — победа!..
И вновь я поверю в мечту,
Что, тропы к победе разведав,
Я встречу твою красоту.

Что, жизнью своею рискуя,
Тебя, дорогой человек,
Назвать, возвратившись, смогу я
Возлюбленною навек...

3

...И падали люди, как камни,
Вблизи, у тебя на виду.
И огненными лепестками
Их кровь расцветала на льду.

Смотрела ты долго... Блестели,
В глазах отражаясь твоих,
Багровые кудри метели,
Куда я ушел за двоих.

Наверное, в это мгновенье
Молила с надеждою ты:
— О, дай им пройти сквозь сраженье,
Пройти эту четверть версты...

И не было песни чудесней,—
Ах, песня, ты слышишься мне,—
В огне не горящая песня
Любви, что проснулась в огне.

И шел я, и силы кипенье
Гудело и пело в крови.
Так шел я, не прячась, в сраженье,
В сраженье во имя любви.

УХОЖУ...

Ухожу. Вернусь ли я, не знаю?
Встречу ль вновь когда-нибудь тебя?
Ухожу туда, где умирают,
Молча ненавидя и любя.

Ухожу. Будь верной в дни тревоги.
И чего ж еще тебе скажу?
Нелегки солдатские дороги.
Вот и все, родная. Ухожу...

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

* * *

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Череда лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Родина смелых зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.
Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,

С песней пехотные роты
Вышли за родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход,
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.
Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

СЛОВО БУДУЩЕМУ

Сталь кромсает ночную тьму,
Человечью жизнь карауля,
И никто не скажет, кому
Завтра в поле встретится пуля.
Беспокойный мы все народ.
С нами всякое может статься,
И желаем мы наперед,
Перед будущим отчитаться.
И свою судьбу и мечту
Огрубелыми голосами
Мы потомкам начистоту,
Без утайки расскажем сами.
Нам сулили в спину ножи
Проклинающие кликуши,
Не жалели яда ханжи,
Чтобы ранить больнее души,—
Все за то, что в годину бед
Мы уверовали в человека
И пошли за Лениным вслед
Против ветра старого века:
Что дорогу в кромешной мгле
Мы нащупать сами сумели;
Что о рае здесь, на земле,
Мы всерьез помыслить посмели;

Что от всех обуз и помех
Мы сердца свои расковали;
Что для общего счастья всех
Личной радостью рисковали.
Коммунизм — наша жизнь и честь,
Нам не жить при иных режимах.
Принимай нас таких, как есть,
Неуживчивых, одержимых,
Мы в бою познали себя,
Продираясь сквозь холод смерти,
Эту жизнь земную любя,
За нее деремся, как черти.
С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем
И за каждый поступок свой
На земном суде отвечаем.
Тот не прячет стыдливо глаз,
Кто для жизни презрел химеры.
Ведь такой, какая у нас,
Нет прочнее и чище веры.

ШАПКА ПО КРУГУ

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благородство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостьей незваной нагрянет в лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу,
Шапку по кругу.
В черных, безрадостных буднях труда
Этой традиции славной начало.
Чувство рабочего локтя всегда
Жить помогало, в беде выручало.
Ежели стачкой берет в оборот
Труженик-раб фабриканта-хапугу,
В знак солидарности пустит народ
Шапку по кругу,

Шапку по кругу.
В Лондоне в сорок девятом году,
В сумраке к Темзе сползающей ночи
Случай занес нас в родную среду
Верных защитников мира — рабочих.
Митинг шумел. Переполненный зал
Хлопал ораторам дружно, упруго.
Здесь я услышал, как спикер сказал:
— Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Старый рабочий по краю стола
Стукнул ладонью увесисто, крепко:
— Шиллинг за мир! —
По рядам поплыла
Виды видавшая серая кепка.
Скотланд, Уэллс, Йоркшир, Ланкашир
Передавали ту кепку друг другу.
Шиллинг за мир! Шиллинг за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Вот ветеран в отдаленном ряду
На ухо грузчику шепчет в смущенье:
— Все, что осталось в кармане, кладу —
Стертое пенни, последнее пенни.—
Кости не греет дырявый мундир.
Поясом брюхо подтянуто туго.
Пенни за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Ну-ка дождем золотым заглуши
Звон медяков, поджигатель-иуда!
Долларов смерти сильнее гроши —
Скромная лепта рабочего люда.
Черный Уэллс, хлопкопряд Ланкашир!
Передавайте кепку друг другу!
Шиллинг за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

* * *

Кони ржут за Сулою.
«Слово о полку Игореве»

Русь моя, Россия, дом, земля и матерь!
Ты для новобрачного — свадебная скатерть,

Для младенца — колыбель, для юного — хмель,
Для скитальца — посох, пристань и постель,

Для пахаря — поле, для рыбаря — море,
Для друга — надежда, для недруга — горе,

Для кормщика — парус, для воина — меч,
Для книжника — книга, для пророка — речь,

Для молотобойца — молот и сила,
Для живых — отцовский дом, для мертвых
— могила,
Для сердца сыновнего — негасимый свет.
Нет тебя прекрасней и желанней нет.

Разве даром уголь твоего глагола
Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?

Разве горький Игорь, пленом смерть поправ,
Твой не красил кровью бебряный рукав?

Разве киноварный плащ с плеча Рублева
На ветру широком не полощет снова?

Как душе — дыханье, руке — рукоять.
Хоть бы в пропасть кинуться — тебя отстоять!

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

СКАЗ

Я в детстве слышала не раз
От бабки этот старый сказ.
Узнав, что друг в бою убит,
Подруга уходила в скит,

Чтобы в лесном, глухом скиту
Оплакивать свою беду,
Чтобы любовь свою сберечь
От наважденья новых встреч.

Мне часто повторяла мать,
Как женской гордости устав:
— Коль любишь, — мужа потеряв,
Не станешь нового искать.

Скорее горы упадут
И высохнут истоки рек...
Так в нашем повелось роду:
Раз полюбила, то навек.

...Прошла жестокая война,
Я выжила, а ты убит.
Но воля к жизни так сильна,
Что падать духом не велит.

Она велит мне сильной быть,
В далекий скит не уходя.
Трудиться, петь, детей растить —
И за себя и за тебя.

В горах отыскивать руду,
Менять истоки древних рек.
Ну, а любовь у нас в роду
Одна-единая — навек...

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Зашел я в дом, где жил герой,
А нынче мать его осталась
Да с ней парнишка — сын второй,
Что стал опорою под старость.

Большому горю скоро год,
А мать по-прежнему украдкой —
Нет-нет и снова перечтет
Все те слова бумаги краткой.

Знать, с каждым разом в том письме
Дороже буква ей любая.
Сидит, забывшись, как во сне,
Из рук платок не выпуская.

С пеленок сына никому
Не уступали эти руки,
Кроили курточки ему,
Обнять спешили в день разлуки.

И вот молва гремит о нем,
Все почести ему отдали.
А здесь его, в селе родном,
Еще по отчеству не звали —

Так молод был. Кому бы знать,
Что многих славою богаче
Он станет вдруг. А мать? А мать
И думать не могла иначе.

Что в самый кинется огонь,
Не струсит, знала без проверки...
Стоит в углу его гармонь
И стопка книг на этажерке.

И на меньшого смотрит мать:
Ничем тут, видно, не поможешь.
Ему играть, ему читать
И быть на старшего похожим.

* * *

Давай-ка, товарищ, вставай, помогу,
Мороз подступает железный.
На голом снегу лежать на боку
Совсем тебе не полезно.

Держись-ка за шею, берись вот так,
Шагаем в полном порядке.
Замерзли руки? Молчишь, чудак,
Примерь-ка мои перчатки.

Ну как, товарищ? Опять — плечо?
А вот и лесок. Постой-ка.
Теперь пройти нам столько еще,
Полстолько да четвертьстолько.

Ты что? Оставить тебя в лесу?
Да ты, дорогой, в уме ли?
Не хочешь идти — на себе донесу.
А нет — дотащу на шинели.

ЖЕРЕБЕНОК

Гнедой, со звездочкой-приметой,
Неровно вышедшей на лбу,
Он от своих отбился где-то,
Заслышав первую стрельбу.

И суток пять в снегу по брюхо
Он пробирался по тылам.
И чуть живой на дым от кухонь,
Как перебежчик, вышел к нам.

Под фронтовым суровым небом
Прижился он, привык у нас,
Где для него остатки хлеба
Бойцы носили про запас.

Бойцы ему попонку сшили —
Живи, расти, гуляй пока,
И наши лошади большие
Не обижали стригунка.

И он поправился отменно,
Он ласку знал от стольких рук,
Когда один из финских пленных
Его у нас увидел вдруг...

Худой, озябший, косоротый,
Он жеребенка обнимал,
Как будто вечером в ворота
Его шутливо загонял.

А тот стоит и вбок куда-то
Косит смущенно карий глаз.
Его, хозяина, солдатом
Он здесь увидел в первый раз.

* * *

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сенца
На молодом морозце колком,—

А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижном,
Остекленевшем — вот зима...

ТЕБЕ, УКРАИНА

Какие хлеба поднялись от границы,
Как колосом к колосу встали они,
Как пахнут поля этой ржи и пшеницы
На утреннем солнце.
Всей грудью вздохни.

Вздохни, оглянись — и увидишь впервые,
Как вольно раскинулась эта земля —
Поля золотые, леса молодые,
Луга заливные и снова поля.

Как мирно стоят эти белые хаты,
Скамьи у ворот — отдыхай, пешеход!
Какой это радостный край и богатый!
Какой урожайный он встретил бы год.

Земля золотая, долины и горы,
Заводы и села, хлеба и луга,
В суровую эту и грозную пору
Ты сердцем любому стократ дорога.

Как будто я сам в Украине родился
И белую пыль эту с детства топтал,
И речи родимой, и песням учился,
И ласку любимой впервые узнал.

Пускай я иной уроженец и житель
И травы у нас не такие цветут,
В просторе степей, в созревающем жите
И детство и все мое милое — тут.

С твоими сынами и я посвящаю
Тебе, Украина, дыханье и кровь.
Не край мы один от врага защищаем,
А Родину — мать всех родимых краев.

* * *

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества — недалекого дня —
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

БУДЬ С ВЕСЕЛОЙ ШУТКОЙ ДРУЖЕН

Если дождь веселье топит
Долгой ночью, кратким днем,
Если с вечера в окопе
Зябко даже под огнем;
Если ветер гонит лужи,
Негде ноги просушить,—
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить!

Если ты в бою, дружище,
Выполнять идешь приказ
И тебе горячей пищи
Не доставят в должный час,—
Затяни ремень потуже,
Продолжай врага крушить.
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить!

Если ночь застанет в роще
И придется спать в ночи
Чуть пожестче, чем у тещи
Или дома на печи;
Если холодно к тому же
И костра не разложить,—
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить.

Что бы ни было на свете,
Как бы ни был труден путь,
Боль и холод, дождь и ветер
И иное что-нибудь —
Вроде снега, вроде стужи,—
И тогда нельзя тужить.
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить!

* * *

Отцов и прадедов примета,—
Как будто справдилась она:
Таких хлебов, такого лета
Не год, не два ждала война.
Как частый бор, колосовые
Шумели глухо над землей.
Не пешеходы — верховые
Во ржи скрывались с головой.
И были так густы и строги
Хлеба, подавшись грудь на грудь,
Что, по пословице, с дороги
Ужу, казалось, не свернуть.
И хлеба хлеб казался гуще,
И было так, что год хлебов
Был годом клубней, землю рвущих,
И годом трав в лугах и пущах,
И годом ягод и грибов.
Как будто все, что в почве было,—
Ее добро, ее тепло —
С великой щедростью и силой
Ростки наружу выносило,
В листву, в ботву и колос шло.
В свой полный цвет входило лето,
Земля ломилась, всем полна...
Отцов и прадедов примета,—
Как будто справдилась она:

Гром грянул — началась война...

ПЕСЕНКА

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца:
Нынче неизвестна
Доля молодца.

То ли он героем
В дом придет родной,
То ли не напишет
Строчки ни одной.

Да и где ты будешь
Ждать его тот срок,
Если немец дома
Грянет на порог?

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца.
Это все начало,
Погоди конца.

Пусть по нем не плачет
Бедная жена:
Служба боевая
Без того трудна.

Лучше пусть невеста
Вспомнит про него,
А бойцу не надо
Больше ничего.

* * *

Ветром, что ли, подунуло
С тех печальных полей,—
Что там с ней, как подумаю,
Стороною моей!

С тою русской сторонкою,
Захолустной, лесной,
Незавидной, негромкою,
А навеки родной.

Неужели там по небу
Тучки помнят свой шлях?
Неужели там что-нибудь
Зеленеет в полях?

На гнездовья те самые
За Днепром, за Десной
Снова птицы из-за моря
Прилетели весной?

И под небом ограбленной,
Оскорбленной земли
Уцелевшие яблони —
Срок пришел — расцвели?

Люди счетом уменьшены,
Молча дышат, живут.
И мужей своих женщины
Неужели не ждут?

И что было — оплакано,—
Смыло начисто след?
И как будто, что так оно,
И похоже... А — нет!..

НОЯБРЬ

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст.
И, оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обдутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст.

ЗА ВЯЗЬМОЙ

По старой дороге на запад, за Вязьмой,
В кустах по оборкам смоленских лощин,
Вы видели, сколько там наших машин,
Что осенью той, в отступленье, завязли?

Иная торчит, запрокинувшись косо,
В поломанном, втоптанном в грязь лозняке,
Как будто бы пить подползала к реке —
И не доползла. И долго в тоске,
Во тьме, под огнем буксовали колеса.

И мученик этой дороги — шофер,
Которому все нипочем по профессии,
Лопату свою доставал и топор,
Капот поднимал, проверяя мотор,
Топтался в болотном отчаянном месиве.

Погиб ли он там, по пути на восток,
Покинув трехтонку свою без оглядки,
В зятья ли пристал к подходящей солдатке,
Иль фронт перешел и в свой полк на порог
Явился, представился в полном порядке,

И нынче по этому ездит шоссе
Шофер как шофер, неприметный, как все,
Угревший свое неизменное место,—
Про то неизвестно...

* * *

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, две картошки —
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью — в рот.

Стремглав попутные машины
Проносят пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
— Сынок, должно быть сирота?

И на лице, в глазах, похоже,—
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый все про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
— Ну, сирота.— И тотчас: — Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу.
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

* * *

Когда пройдешь путем колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймешь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег,

Когда путем войны пройдешь,
Еще поймешь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдешь таким путем
Не день, не два, солдат,
Еще поймешь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда — науку всех наук —
В бою постигнешь бой,
Еще поймешь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.

И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится —
Можно жить
И можно умирать.

У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ

Нам памятна каждая пядь
И каждая наша примета
Земли, где пришлось отступать
В пыли сорок первого лета.

Но эта опушка борка
Особою памятью свята:
Мы здесь командира полка
В бою хоронили когда-то.

Мы здесь для героя отца,
Меняясь по двое, спешили
Готовый окопчик бойца
Устроить поглубже, пошире.

В бою — как в бою. Под огнем
Копали, лопатой саперной
В песке рассекая с трудом
Сосновые желтые корни.

И в желтой могиле на дне
Мы хвои зеленой постлали,
Чтоб спал он, как спят на войне
В лесу на коротком привале.

Прости, оставайся, родной!..
И целых и долгих два года
Под этой смоленской сосной
Своих ожидал ты с восхода.

И ты не посетуй на нас,
Что мы твоей славной могиле
И в этот, и в радостный час
Не много минут посвятили.

Торжествен, но краток и строг
Салют наш и воинский рапорт.
Тогда мы ушли на восток,
Теперь мы уходим на запад.

Над этой могилой скорбя,
Склоняем мы с гордостью знамя:
Тогда оставляли тебя,
А нынче, родимый, ты с нами.

В СМОЛЕНСКЕ

I

Два только года — или двести
Жестоких нищих лет прошло,
Но то, что есть на этом месте,—
Ни город это, ни село.

Пустырь угрюмый и безводный,
Где у развалин ветер злой
В глаза швыряется холодной
Кирпичной пылью и золой;

Где в бывшем центре иль в предместье
Одна в ночи немолчна песнь:
Гремит, бубнит, скребет по жести
Войной оборванная жесть.

И на проспекте иль проселке,
Что меж руин пролег, кривой,
Ручные беженцев двуколки
Гремят по древней мостовой.

Дымок из форточки подвала,
Тропа к колодцу в Чертов ров...
Два только года. Жизнь с начала —
С огня, с воды, с охапки дров.

II

Какой-то немец в этом доме
Сушил над печкою носки.
Трубу железную в проломе
Стены устроив мастерски.

Уютом дельным жизнь-времянку
Он оснастил, как только мог:
Где гвоздь, где ящик, где жестянку
Служить заставив некий срок.

И в разоренном доме этом
Определившись на постой,
Он жил в тепле и спал раздетым,
И мылся летнею водой...

Пускай не он сгубил мой город,
Другой, что вместе убежал,—
Мне жалко воздуха, которым
Он год иль месяц здесь дышал.

Мне жаль тепла, угла и крова,
Дневного света жаль в дому,
Всего, что, может быть, здорово
Иль было радостно ему.

Мне каждой жаль тропы и стежки,
Где проходил он по земле,
Заката, что при нем в окошке
Играл вот так же на стекле.

Мне жалко запаха лесного,
Дровец, наколотых в снегу,
Всего, чего я вспомнить снова,
Не вспомнив немца, не могу.

Всего, что сердцу с детства свято,
Что сердцу грезилось светло
И что навеки, без возврата,
Тяжелой черною утратой
Отныне на сердце легло.

* * *

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне?
Зачем? Иные говорят,
Что нынче, за войной,
Он позабыл давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научен;
Он и тому, что он в живых,
Не верит нипочем.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год,—
Женатый он или вдовец,
И писем зря не ждет...
Так о солдате говорят.
И сам порой он врет:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идешь вперед?
Зачем рассказывать о том,
Зачем бередить нас,
Какой был сад, какой был дом,
Зачем?
Затем как раз,
Что человеку на войне,
Как будто назло ей,
Тот дом и сад вдвойне, втройне
Дороже и милей.
И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит.
Забудь отца, забудь он мать,
Жену свою, детей,

Ему тогда и воевать
И умирать трудней.
Живем, не по миру идем,
Есть что хранить, любить.
Есть, где-то есть иль был наш дом,
А нет — так должен быть!

* * *

Война — жесточе нету слова.
Война — печальней нету слова.
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет...

НА ПОХОДЕ

Хорошо иметь в догадке
Ту примету на Руси,
Что в дому, где бабы гладки,
Там напиться не проси.

Там воды не будет свежей.
— Почему?
— А потому:
Норовят ходить пореже,
Держат теплую в дому.

— Что же пейте на здоровье,
Если нравится вода.
Жаль, по вашему присловью,
Я, должно быть, так худа.

— Нет, не так, еще в порядке,
И сказать со стороны:
Ни к чему добреть солдатке,
Если мужа ждет с войны.

МИНСКОЕ ШОССЕ

Все, как тогда, в то лето злое:
И жесткий шорох пыльных трав,
И ветер, дышащий золою,
И грохот бомб у переправ,
И блеклый хворост маскировки,
И жаркий, жадный ход машин,
И пеший, раненный на бровке,—
И он, наверно, не один...

И вздох орудий недалекий,
И гул шоссейного моста,
И тот же стон большой дороги,
И те же самые места:
Низины, дробные сосенки,
Где, отмечая срок войны,
Трехлетней давности воронки
Меж новых, нынешних видны.

И жженной жести тот же запах,
И пепелищ угарный дым.
Но только — мы идем на Запад.
Мы наступаем. Мы громим.
Мы бьем его, что день, то пуще,
Что час, то злей и веселей,
В хвосты колонн его бегущих
Врываясь вдруг броней своей.
Ему ни отдыху, ни сроку,

Беги, куда бежать — гляди:
На пятки жмем, всыпаем сбоку,
И — стой! — встречаем впереди.
Идет, вершится суд суровый.
Священна месть, и казнь права.
И дважды, трижды в день громово
Войскам салюты шлет Москва.
И отзвук славы заслужённой
Гудит на тыщи верст вокруг.
И только плачут наши жены
От счастья так же, как от мук.

И только будто зов несмелый
Таят печальные поля,
И только будто постарела,
Как в горе мать, сама земля,
И рост, и доброе цветенье
Всего, что водится на ней,
Как будто строже и смиренней
И сердцу русскому больней.
Вот дождик вкрадчиво прокрапал,
Как тонок грустный дух сенца!..

Войска идут вперед на Запад.
Вперед на Запад. До конца!..

В ЛИТОВСКОЙ УСАДЬБЕ

Зернистый туман августовский
На утре погожего дня
Под стогом в усадьбе литовской
Заставил проснуться меня.

Холодной росою капустной
Он тек по соломе сухой.
И было так тихо и грустно,
Как будто войны никакой.

На самые малые сроки
Зашла она в это жилье,
Уже далеко по дороге
Катились колеса ее...

Я сел на подножке машины,
Курю, а пернатый юнец
Поет фистулой петушиной
Четвертому лету конец.

Поет он под крышей поветки,
И, сонно-угрюмый с лица,
В шляпенке и ветхой жилетке
Мужик соступает с крыльца,

Подошвой гремя деревянной.
Хозяин. Мужик — как мужик.
И слышать занятно и странно
Его «иностранный» язык...

ВОЗМЕЗДИЕ

I

Мы сотни верст и тыщи верст земли,
Родной земли, завещанной отцами,
Топча ее, в страде войны прошли
С оглохшими от горечи сердцами.

Из боя в бой мы шли, из боя в бой,
И, отступая в страшный час разлуки,
Мы не могли, солдаты, взять с собой
Всех тех, что к нам протягивали руки.

Мы покидали милые поля,
Где провожал нас каждый колос хлеба
И каждый кустик сизый ковыля.
Да, то была родимая земля,
Хотя над ней чужое было небо,

Хотя над ней медовый вянул цвет,—
Так смертной гарью от дорог разило,
Хотя по ней прокладывала след
Чужих колес и гусениц резина.

Мы шли от рубежа до рубежа
Родной, земли, прощаясь молча с нею,
Та боль тогда еще была свежа,
Но с каждым днем, как рана от ножа,
Она горела глубже и сильнее.

И все места, где немец проходил,
Куда вступал бедой неотвратимой,
Рядами вражьих и своих могил
Мы отмечали на земле родимой...
От стен Москвы в морозной жесткой
мгле,

Живые мертвых на ходу сменяя,
Его мы гоном гнали по земле,
Но то земля была своя, родная.

У Сталинграда вещей битвы жар
Простерся в вечность заревом кровавым,
И, чуя гибель, враг от нас бежал,
Гонимый вспять оружьем нашим правым.

То был залог, порука из порук,
Что мы его угомоним навеки,
Но Дон, Донец, но старый Днепр и Буг —
Еще родные наши были реки.

В степи, в горах мы смерть ему несли
И в море опрокидывали с суши.
Но скорбь войной потоптанной земли,
Родной земли томила наши души.

Нам, только нам горька она была,
Ее сынам, печаль земли родимой,
Земли, что столько горя приняла,
Чьи муки, может, невознаградимы...

Вперед, вперед бессонно шли войска,
Ее войска — вперед, презрев усталость...
И не одна нерусская река
Уже за нами позади осталась.

И гром гремел у старых стен Кремля
Во имя славы нашей запредельной,
Но то была не та еще земля,
Не та, с которой счет у нас отдельный.

В тяжелый воз нуждою впряжены,
Его везли мы в гору, не плошая.
Четвертый год! Четвертый год войны!..
И вот земля — та самая, чужая...

Вот крыша дома в виде корабля,
Вот садика притихшие верхушки,
Осенние смиренные поля.
Но то она — немецкая земля,
Чьи под Москвой месили землю пушки.

И ветер дышит жаркою золой,—
То час настал для исполненья гнева.
И низко виснет над чужой землей
Ревущее грозою наше небо.

Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет
Желтой прусской глиной,
И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.

И в этот грозный предреченный час,
У этих сел, фольварков и предместий,
О мести не расспрашивайте нас,
Спросите так: верны ль мы нашей чести?

Ее завет и краток и суров,
И с нами здесь никто не будет в споре:
Да, смерть — за смерть!
Да, кровь — за кровь!
За горе — горе!..

II

Хрустит чужое под ногой
Стекло и черепица.
Вдали за нами край родной,
Земли родной граница.
Да, мы иных, чем ты, кровей,
Иных знамен солдаты,
И мы сегодня по твоей
Земле идем с расплатой.
Как занялся огнем твой дом,
Ты увидал впервые,
А нам тот запах так знаком,
И дым тот очи выел.
Прошло, сменилось три травы
Вдоль той дороги долгой:
От Верхней Волги, от Москвы,
Да что! — от Нижней Волги.
И память — боль,— на том стоим,—
Она не убавлялась,
Она от мертвых к нам, живым,

В пути передавалась.
И тот, кто нынче приведен
В твои края войною,
Двойною ношей нагружен,
А может быть, тройною.
И мы не с тем сюда пришли,
Чтоб здесь селиться хатой.
Не надо нам твоей земли,
Твоей страны проклятой,
Нас привела сюда нужда,
Неволя — не охота.
Нам только надо навсегда
Свести с тобою счеты.
И мы тревожим чуждый кров
Священной мести ради.
И суд наш праведный суров,
И места нет пощаде.
И не у нас ее проси,
Мы будем мертвых глуше.
Проси у тех, чьи на Руси
Сгубил безвинно души.
Проси у тех, кого ты сжег.
Зарыл в земле живыми,—
Не шевельнется ли песок,
Притоптанный над ними?
Проси у тех, кому велел
Самим копать могилу,
Проси у тех, кого раздел
В предсмертный час постылый.
Проси у девочки у той,
Что, в дула ружей глядя,
Спросила с детской простотой:
— Чулочки тоже, дядя? —
У той, худое тельце чье
У края рва поставил.
Проси пощады у нее,
А мы щадить не вправе.
У нас оглохшие сердца
К твоим мольбам бесстыдным.
Мы справим суд наш до конца,
А после будет видно.

Четвертый год солдат в борьбе,
И сколько дней в чужбине!

Земля родная о тебе
И сны и думы ныне!

НОЧЛЕГ

Разулся, ноги посушил,
Согрелся на ночлеге,—
И человеку дом тот мил,
Неведомый вовеки.

Дом у Днепра иль за Днепром,
Своим натопленный двором —
Ни мой, ни твой, ничейный,
Пропахший обувью сырой
Солдатским потом да махрой,
Да смазкою ружейной.

И, покидая угол тот,
Солдат, жилец бездомный,
О нем, бывает, и вздохнет,
И жизнь пройдет, а вспомнит!

О СКВОРЦЕ

На крыльце сидит боец,
На скворца дивится:
— Что хотите, а скворец
Правильная птица.

День-деньской, как тут стоим,
В садике горелом,
Занимается своим
По хозяйству делом.

Починяет домик свой,
Бывший без пригляда.
Мол, война себе войной,
А плодиться надо!

* * *

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, незабытым
Пахнет земля по весне:

Полой водой и — нежданно —
Самой простой, полевой
Травкою той безыменной,
Что и у нас под Москвой.

И, доверяясь примете,
Можно подумать, что нет
Ни этих немцев на свете,
Ни расстояний, ни лет.

Можно сказать: неужели
Правда, что где-то вдали
Жены без нас постарели,
Дети без нас подросли?..

ИЗ ПИСЕМ

Уважаемый писатель,—
Пишет мне из-за Карпат
Мой взыскательный читатель,
Виды видевший солдат.

На привале пишет кратко
Деловое письмецо:
Мол, еще одна нехватка
В вашей книге налицо.

В ней зима, весна и лето —
По порядку все воспето.
И герой, упрека нет,
Как положено одет.

Летом ходит в гимнастерке,
Тут, понятно, рифма: Теркин.
По зиме на нем шинель,
Тут — метель, а также ель.

Есть и шапка — там, где зябко,
На конце другой строки.
Несомненно, это ценно,
Но, товарищ, сапоги!

Сапоги! Святая обувь,
Что служила до конца,
Недостойна ли особой
Песни в книге про бойца?

Друг мой добрый, критик скромный,
До конца, должно быть, дней
Я всего того не вспомню,
Что забыл отметить в ней.

ЧАС МИРА

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.

Еще теплы стволы орудий
И кровь не всю впитал песок,
Но мир настал. Вздохните, люди,
Переступив войны порог...

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА

В вагоне пахнет зимним хлевом,
Гремят бидоны на полу.
Сосет мороженое с хлебом
Старуха древняя в углу.

Полным-полно, народ в проходе
Бочком с котомками стоит.
И о лихой морской пехоте
Поет нетрезвый инвалид.

О РОДИНЕ

Родиться бы мне по заказу
У теплого моря в Крыму,
А нет,— побережьем Кавказа
Ходить, как в родимом дому.

И славить бы море и сушу
В привычном соседстве простом,
И видеть и слышать их душу,
Врожденным сыновним чутьем...

Родиться бы, что ли, на Волге,
Своими считать Жигули
И домик в рыбачьем поселке,
Что с палубы видишь вдали...

Родиться бы в сердце Урала,
Чья слава доныне скрытна,
Чтоб в песне моей прозвучала
С нежданною силой она.

В Сибири, на Дальнем Востоке,
В краю молодых городов,
На некоей там новостройке,—
Везде я с охотой готов
Родиться.

Одно не годится:
Что где ни случилось бы мне,
Тогда бы не смог я родиться
В родимой моей стороне —

В недальней, отцами обжитой
И дедами с давних времен,
Совсем не такой знаменитой,
В одной из негромких сторон;

Где нет ни жары парниковой,
Ни знатных зимой холодов,
Ни моря вблизи никакого,
Ни горных, конечно, хребтов;

Ни рек полноты величавой,—
А реки такие подряд,
Что мельницу на два постава,
Из сил, выбиваясь, вертят.

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа.

Что в дальней дали зарубежной,
О многом забыв на войне,
С тоской и тревогою нежной
Я думал о той стороне,

Где счастье великой, единой,
Священной, как правды закон,
Где таинству речи родимой
На собственный лад приобщен.

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны
Мне всю мою родину видно,
Как город с кремлевской стены.

Леса ее, горы, столицы,
На рейде ее корабли...
И всюду готов я родиться
Под знаменем этой земли.

А только и прежде и ныне
Милей мне моя сторона —
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достается одна.

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное слово
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То, шагнувшую вспять,
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,

О товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый,

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот — еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
Не на нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю,—
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

МОСКВА

Зябкой ночью солдатской
В сорок первом году
Ехал я из-под Гжатска
На попутном борту.

Грохот фронта бессонный
Шел как будто бы вслед.
Редко встречной колонны
Скрытный вспыхивал свет.

Тьма предместий вокзальных
И — Москва. И над ней
Горделивый, печальный
Блеск зенитных огней.

И просились простые
К ней из сердца слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

В эти горькие ночи
Ты поистине мать,
Та, что детям не хочет
Всей беды показать;

Та, что жертвой безгласной
Не смирится с судьбой;
Та, что волею властной
Поведет за собой.

И вовек не склонится
Твоя голова,
Мать родная, столица,
Москва, Москва!..

Память трудной годины,
Память боли во мне.
Тряский кузов машины.
Ночь. Столица в огне.

И, как клятва, святые
В тесном горле слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

...Ехал я под Берлином
В сорок пятом году.
Фронт катился на запад,
Спал и ел на ходу.

В шесть рядов магистралью —
Не вмещает — узка! —
Громыхаючи сталью,
Шли на запад войска.

Шла несметная сила,
Разрастаясь в пути,
И мосты наводила
По себе впереди.

Шла, исполнена гнева,
В тот, в решающий бой.
И гудящее небо,
Точно щит, над собой

Высоко проносила...
— Погляди, какова
Мать родная, Россия,
Москва, Москва!..

Память горя сурова,
Память славы жива.
Все вместит это слово:
«Москва! Москва!..»

Это имя столицы,
Как завет, повторим.
Расступились границы,
Рубежи перед ним...

Стой, красуйся в зарницах
И огнях торжества,
Мать родная, столица,
Крепость мира — Москва!

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самою Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимою сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанном не чуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел,—
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ,—
Со всеми, до единого со всеми.

Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят не утихая.

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех,
Что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были,—

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них
В своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы — трава?
Что ж, и они — трава?
Нет. Не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья — и я у вас в долгу,
Как у живых,— я так же вам обязан.
И если, я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след,
Который мне заказан,

Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

I

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слыхали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном дому.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охапками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожиха,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видятся в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
Навстречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к нелегкому счастью
И славе, что с бою берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном,
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

II

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти б той изменили,
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища.— Нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

И может, чем ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И ею проложенным следом
Полмира сегодня идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...
Ему бы увидеть все это,
Что видел он в думах своих.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

III

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы;

Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.

И вот уже дверь сторожиха
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том класе, где сходка была;

Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —

В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.

И что при нужде неминучей,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.

И если такою заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.

Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.
И к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.

А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

* * *

Как только снег начнут буравить
Ручьи апреля вдоль дорог,
Опять весна тебе представит
Всех весен прожитых урок.

В набитой густо ржавой пене
Нельзя и нынче не узнать
Всех вод сбежавших нетерпенье,
Не возвращающихся вспять.

В цветенье голых верб, орешин
И ольх над полой ширью рек
Вновь постигаешь, как поспешен
Крутой поры кипучий бег.

Как чуток ветки сон сторожкий.
Лучом пригретые едва,
Отдать дымок спешат сережки,
Пока спелената листва.

Как быстры смены, кратки сроки:
Еще в овражке снег приник,
А по сухой уже дороге
В пыли несется грузовик.

И позади зимы остатки.
Машина с воем воздух рвет.
На ней березки для посадки,
И почки тронутся вот-вот...

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Все, все у сердца на счету,
Все стало памятною метой.
Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето;
Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный;
Стекала капельками с крыш

Роса по трубам водосточным;
И рог пастуший в этот час
И первый ранний запах сена...
Все, все на памяти у нас,
Все до подробностей бесценно:
Как долго непросохший сад
Держал прохладный сумрак тени;
Как затевался хор скворчат —
Весны вчерашней поколенья;
Как где-то радио в дому
В июньский этот день вступало
Еще не с тем, о чем ему
Вещать России предстояло;
Как у столиц и деревень
Текло в труде начало суток;
Как мы теряли этот день
И мир — минуту за минутой;
Как мы вступали за черту,
Где труд иной нам был назначен,—
Всё, всё у мира на счету,
И счет доныне не оплачен.
Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно.
Нам так же больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь,
Что не вернуть ничем на свете.
У нас в сердцах та боль жива,
И довоенной нашей были
Мы даже в пору торжества
Не разлюбили, не забыли.
Не отступили ни на пядь
От нашей заповеди мира:
Не даст солгать вдова иль мать,
Чьи души горе надломило...

Во имя счастья всех людей
Полны мы воли непреклонной —
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ПАМЯТИ ДРУГА

На той дороге фронтовой
От ближних зарев снег был розов,
И лед на касках голубой
Вставал щетиною морозной.
Заледенев, на лбу коней,
Дымясь, позвякивали челки,
И на боках и на спине
Лежал узор попоны колкой.
То пота липкого струи
Замерзли, превратясь в узоры...
Все это видели твои
Льдом застилаемые взоры.
Снег взвихрив, вырвал яму тол.
В ночном лесу, в земле гранитной
Привал последний ты нашел,
Наш скромный друг неименитый.
Что в том, что дружбе году нет,—
Мы счет иной ведем сердцами!
И поднял командир планшет
Окаменевшими руками.
Пока стоявшие вокруг
С тобой прощалися по-братски,
Занес на карту он, как друг,
Твой бугорок земли солдатской.
И кони тронулись опять,
Таща орудья в снежной пыли,
Опять хрипеть и громыхать

В ту ночь, когда тебя убили.
В ту ночь я видел, что и ты:
Такой же лес, дорогу, пушки,
Весь мир походной маяты,
И вьюгу, словно повесть, слушал,
Как будто повесть о тебе,
Простую, русскую, ночную,
О долге, родине, судьбе...
С нее свой завтра день начну я.

АЛЬПИНИСТЫ

1

Ползут по расщелинам колким,
Идут в коридорах опасных,
Иль фирном отвесным, тяжелым,
Иль гребнем смертельным и долгим,
В уступах крошащихся, красных,
Вбивают крючья на голых,
Нависнувших скалах они.

Герои, безумцы, провидцы!
Потратил я молодость даром,
Не шел я небес рубежами,
Как вы одержимые высью,
И вот, высотой не богат,
Я вижу и плачу от мысли,
Что путь мой над скалами замер,
Что мой ледоруб не вонзится
Ни в ребра бессмертные Шхары,
Ни в гребень неистовой Шхельды,
Ни в белый, как смерть, Чалаат!

2

Когда приносят альпиниста —
Обвалом сломана нога,—
Его кладут в траве душистой,
А он тоскует по снегам.

Друзей заботы, полдень чудный,—
Все говорит ему: смирись,—
А он все помнит траверс трудный,
Восторг упорства, лед и высь!

Врубаясь в лед, под воем вьюжным,
С корой морозной на плече,
Они идут веревкой дружной,
Над ними снег дымится, кружит,
Вершина ближе — гребень уже...
Зачем все это людям нужно,—
Блаженный, страшный путь зачем?

Вершина! Сердце отдыхает,
И странный мир со всех сторон
Лежит под ними, в тучах тает,
И подвиг воли завершен.
Как знать, что он обозначает?

Так, бурей чувств ошеломлен,
Рожденный ночью, стих не знает,
Какое утро встретит он,—
Но, жизни радуясь, играет...

* * *

Я хочу, чтоб в это лето,
В лето, полное угроз,
Синь военного берета
Не коснулась ваших кос.

Чтоб зеленой куртки пламя
Не одело б ваших плеч,
Чтобы друг ваш перед вами
Не посмел бы мертвым лечь.

1919—1941

1

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград!

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: вперед!
Без песен, без слов, без кручины
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча,
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели! —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
«Умрем — не отступим назад.
Теперь он еще нам дороже,
Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не дадим...»

И теми людьми мы гордимся —
Как лучшим наследьем своим!

2

Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова звучат,
И снова сверкает оружье
В твоих августовских ночах.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженье сражаться
За свой боевой Ленинград.

Их жены, подруги и сестры
В полдневный, в полуночный час
Киркой и лопатою острой
В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
Боев наших праведный труд
И рвы, для врага роковые,
В народную память войдут.

Так пусть от истока до устья
Невы пронесется, как гром:
«Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!»

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

То не чудо сверкает над нами,
То не полюса блеск огневой,—
То бессмертное Ленина знамя
Пламенеет над старой Невой.

Ночь, как год девятнадцатый, плещет,
Дней звенит ледяная кора,
Точно вылезли древние вещи —
И враги, и блокада, и мрак.

И над битвой, смертельной и мглистой,
Как тогда, среди крови и бед,
Это знамя сверкает нам чистым,
Окрыляющим светом побед!

И ползущий в снегу с автоматом
Истребитель — боец молодой —
Озарен этим светом крылатым
Над кровавою боя грядой.

Кочегар в духоте кочегарки
И рабочий в морозных цехах
Осенен этим знаменем ярким,
Как моряк на своих кораблях.

И над каменной мглой Ленинграда,
Сквозь завесы суровых забот,
Это знамя сквозь бой и блокаду
Великан-знаменосец несет.

Это знамя — победа и сила —
Ленинград от врага защитит,
Победит и над вражьей могилой —
Будет день! — на весь свет прошумит!

* * *

В лесах, на полянах на мшистых
Пылают бои у реки.
Там Бондарев гонит фашистов,
Радыгина блещут штыки.

Как огненным чешет рубанком
Нарышкин — орудий огнем,
И танки ведет Колобанов,
С фашистской кончая броней.

Взлетевших из черных притонов
И вздумавших взять нас легко,
Таранит врагов Харитонов,
Сжигает их в небе Бринько.

И славе такой не забыться,
И море гремит в берега,
Орлиное племя балтийцев
В атаку идет на врага.

Народа встает ополченье,
Несчетные видны полки,
И залпов несчетно свеченье,
Несчетные светят штыки.

Тряси же, фашист, головою,
Гляди, обалделый солдат,
Как море шумит грозовое,
Шумит грозовой Ленинград!

Но все это только начало,
Та буря копилась давно,
То море уже закачалось,
Уже не утихнет оно.

Всей кровью фашистскою, черной,
Той бури врагам не залить,—
Так жги их, наш гром рукотворный,
Гроза ленинградской земли!

НАШ ГОРОД

Пусть тянет руку дерзкий враг
К нам в ленинградские пределы,
Их было много, тех вояк,
Чья рать войти сюда хотела.
На неприступном берегу
Обрубим руку мы врагу.

На крыльях черные кресты
Грозят нам нынче с высоты.
Мы стаи звезд на них пошлем,
Мы их таранить в небе будем,
Мы те кресты перечеркнем
Зенитным росчерком орудий.

Стой, ленинградец, на посту,
Смотри в ночную высоту,
Ищи врага на небосклоне,—
С тобой на вахте боевой
Стоит суровый город твой
И дни и ночи в обороне!

Проверь и крышу и подвал,
Забудь, как мирно ночевал,
Забудь беспечность и веселье,
Пускай, как крепость, темен дом,
Он вспыхнет радостью потом,
В победы нашей новоселье.

МАЛЬЧИКИ

Сияет майский Ленинград.
Народных волн кипенье,
Глядит мальчишка на парад,
Весь красный от волненья.

Как лес, пред ним штыки растут,
Блестят клинки нагие,
Какие танки мчатся тут,
Броневики какие!

Идут большие тягачи
И тянут сто орудий,
На них сидят не усачи,
А молодые люди.

И шепчет мальчик, как во сне,
Пленен зеленой сталью:
«Вот если б мне, вот если б мне
Такую б пушку дали!»

Мальчишка рос, мальчишка креп,
Носил уж галстук бантом...
Глядишь, уж ест солдатский хлеб,
Стал мальчик лейтенантом.

И пушку дали, целый склад
Снарядов чернобоких,
И вышел мальчик на парад
Смертельный и жестокий.

Там, где залива плещет вал,
На солнечной опушке,
Там, где ребенком он играл,—
Свои поставил пушки.

За ним был город дорогой,
За ним был город милый,
А перед ним — леса дугой,
Набиты вражьей силой.

И через голову идут
Куда-то вдаль снаряды,
Не вдаль враги куда-то бьют,
А бьют по Ленинграду.

И он, сжимая кулаки,
Сквозь все пространство слышал
И стон стекла, и треск доски,
И звон разбитой крыши.

Он представлял себе до слез
Так ясно это пламя,
Что рвется там и вкривь и вкось
Над мирными домами.

Над домом, где родился он,
Над школой, где учился,
Над парком, где в снегу газон,
Где в первый раз влюбился.

Кричал он пересохшим ртом:
«Огонь!» — кричал, зверея,
Стегал он огненным кнутом
По вражьей батарее.

И, стиснув зубы, разъярен,
Сквозь всех разрывов вспышки,
Всегда мальчишку видел он,
Шел улицей мальчишка.

Совсем такой, каким был сам,
Весенний, длинноногий,
Неравнодушный к воробьям,
Такой — один из многих.

И сам он был, как воробей,
Как те, немного тощий,
Шептал себе он: «Не робей!
Храбрись, так будет проще!»

Лишь вражий залп отбушевал
И дым унесся пьяный,
Уж он осколки подбирал
Горячие в карманы.

И так он сердцу близок был
За гордость и за смелость,
Что весь свой гнев, что весь свой пыл
Ему отдать хотелось.

«Такого мальчика не тронь!»
От ярости бледнея,
Вновь лейтенант кричал: «Огонь!
Бей беглым по злодеям!»

...И наступила тишина,
Над зимней рощей реет...
«К молчанию приведена
Фашистов батарея».

«Приведена? Ну, хорошо,
То дело нам знакомо...
Так, значит, мальчик мой дошел,
Поди сидит уж дома...»

«А что за мальчик?» — «Это так,
Так, вспомнилось чего-то,
Ведь не о мальчиках, чудак,
У нас сейчас забота».

И, сам на мальчика похож,
Лукавый, легкий, тощий,
Чуть усмехнувшись, лейтенант
Пошел вечерней рощей.

БАЛЛАДА О ТРЕХ КОММУНИСТАХ

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов —
Разведчики бывалые, поход для них не нов.

Стоят леса зеленые, лежат белы снега —
В них гнезда потаенные проклятого врага.

Зарылись дзоты серые, переградив пути,
Ни справа и ни слева их — никак не обойти.

Зарылись норы вражьи в привóлховском песке,
На них идут разведчики, гранату сжав в руке.

То дело им знакомое — и в сердце ровный стук,
Когда гуляют громы их гранатные вокруг.

Гуляют дымы длинные меж узких амбразур,
И трупы немцев синие валяются внизу.

И снег как будто глаже стал, и небо голубей,—
Бери оружье вражье, повертывай — и бей.

И взвод — вперед без выстрела, но тотчас взвод залег,
Попав под град неистовый из новых трех берлог.

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов —
Все трое в то мгновение увидели одно:

Что пулеметы вражьи из амбразур не взять,
Что нет гранаты даже — и медлить им нельзя!

Что до сих пор разведчики, творя свои дела,
Не шли туда, где легче им,— куда война вела.

И вот сейчас на подвиг пойдут в снегах глухих
Три коммуниста гордых, три брата боевых.

Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов
Глядят на дзоты серые, но видят лишь одно:

Идут полки родимые, ломая сталь преград,
Туда, где трубы дымные подъемлет Ленинград.

Где двести дней уж бьется он с немецкою ордой
И над врагом смеется он смертельной красотой.

Спеши ему на выручку! Лети ему помочь
Сквозь стаи псов коричневых, сквозь вьюгу, битву, ночь!

И среди грома адского им слышен дальный зов,—
То сердце ленинградское гудит сквозь даль лесов.

И оглянулись трое: и, как с горы видна,
Лежит страна героев, родная сторона.

И в сердце их не прежний, знакомый, ровный стук,—
Огнем оделось сердце, и звон его вокруг.

И ширится с разлету и блещет, как заря,—
Не три бойца у дзотов, а три богатыря.

Навстречу смерть им стелется, из амбразур горит,
Но прямо сквозь метелицу идут богатыри.

Вы, звери, псы залетные, смотрите до конца,
Как ярость пулеметную закрыли их сердца.

А струи пуль смертельные по их сердцам свистят,—
Стоят они отдельные, но как бы в ряд стоят.

Их кровью залит пенною, за дзотом дзот затих.
Нет силы во Вселенной, чтоб сдвинуть с места их.

И взвод рванул без выстрела — в штыки идет вперед,
И снег врагами выстелен — и видит дзоты взвод.

И называет доблестных страны родной сынов:
Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов!

Темны их лица строгие, как древняя резьба,
Снежинки же немногие застыли на губах.

Простые люди русские стоят у стен седых,
И щели дзотов узкие закрыты грудью их!..

* * *

В оснеженной, вечерней Любля́не
Черный шелк твои плечи сковал.
Освещенная рампы огнями,
Ты глядишь в очарованный зал.

Он тебе рукоплещет прилежно,
Ты — Русалка в подводном саду,
И тебе улыбается нежно
Эта девушка в пятом ряду.

Приглядись к ней, не так, как другие,
Встав у рампы на самом краю,
Узнаешь ты черты дорогие —
Партизанскую песню свою.

Ту, с которой так долго дружила.
Вот она — и опять на лету,
Черной ласточкой вновь закружила,
И пошла, и пошла в высоту.

Уж не стены — ночная завеса.
Уже блещут не люстры — костры.
Братья мертвые вышли из леса
На полночную песню сестры.

И пожарами дальними рея,
Ночь уводит от гибели прочь.
Ты у рампы стоишь, розовея,
Черный шелк, как беззвездная ночь.

Ты проснулась. Рассвета оттенки,
И на улице дождь моросит.
В твоем домике тихом на стенке
Партизанская куртка висит.

МОСКВЕ — 800 ЛЕТ

По духу, и по сердцу, и по праву —
Столица ты, тебе замены нет,
Москва, Москва, свети земле на славу —
Не восемьсот, а восемь тысяч лет!

И чтоб они советской славой были,
Недаром встали над твоей судьбой
Октябрьских лет знамена, что
затмили
Восьми веков сиянье над тобой.

Чтоб праздновала снова ты и снова
Победы большевистского пути,
Чтоб Ленинское огненное слово,
Как солнце, жило у тебя в груди.

НА ГОРЕ ЗЕДАЗЕНИ

Желтый лес, синий снег,
Новый снег — вчерашний,
Как уснувший печенег —
Крепостная башня.

Красный светится кизил
В золоте осеннем,
А по снегу заскользил
Свежий след олений.

Весь наполнен солнцем лес,
Будто снова лето.
Далеко внизу — Загэс,
Под ногами — Мцхета.

Грузия внизу плывет
Сказочным рассказом,
И времен водоворот
Можешь видеть глазом.

Даже года времена
Здесь смешались тоже,
Голубая крутизна
На стихи похожа.

Это песня — не гора,
Эти строки — склоны,
Эти тропы серебра,
Этот лес червонный!

ПАБЛО НЕРУДА

Я помню, как в детстве мы в школе учили:
На карте зеленым отмечено Чили.

Учили, как Анды громадой упрямой
Над выжженной, рыжей встают Атакамой.

Как медью богато далекое Чили...
Но все не упомнишь, что в детстве учили...

И вот уж на старости лет предо мной
Является Чили страною иной.

В нем нет уже детской цветистой приманки;
Над медью и нефтью господствуют янки.

Вплетается в шелест чилийских ночей
Тот долларов шелест в руках палачей.

И в этой дрожащей цепями ночи
Задумали песню убить палачи.

Но в медной стране, в этой каменной груде,
Живут золотые рабочие люди.

Бессонны их ночи и тяжки их дни,
Но двери для песни раскрыли они.

И песня ушла от погони врагов —
Приют у рабочих нашла очагов.

А дальше укрыли той песни стихи
В глуши патагонских ночей пастухи.

И спрятали в шахтах ее горняки,
Ее увезли в океан моряки.

Летела она на волнах, в городах,
Под небом Парижа и в чешских садах.

Встречали ее, как сестру, пролетая
На Запад, свободные песни Китая.

И в песни Москвы эта песня вплелась
Так просто, как будто бы здесь родилась,

Так просто, как звезды Москвы через тьму
Народу чилийскому видны всему!

ВО ИМЯ ЛУЧШИХ РАДОСТЕЙ НА СВЕТЕ

Во имя лучших радостей на свете
Собрались мы со всех концов земли.
К нам на конгресс пришли с цветами дети,
Как вестники весенние пришли.

Там, за стеной, был город доброй славы —
Здесь голуби летели на стекле,
И маленькая девочка Варшавы
Среди цветов стояла на столе.

Бывает так: вся сложность пролетает
Пред вами, как простейшая строка;
И я увидел: на плече Китая
Лежит ребенка легкая рука.

И смотрит он веселыми глазами
В огромный мир, как в этот светлый зал,
Как будто слышим нашими сердцами
Все то, о чем еще он не сказал.

Зовут его Анелей или Ядей —
Все имена ему принадлежат! —
И все миры в его чудесном взгляде,
И все дороги перед ним лежат.

И в прелести сияющей и тонкой
Не просто юной жизни торжество:
Все будущее в образе ребенка
Стоит и просит защитить его.

ВОРОТА ИСКАНДЕРА

Нам афганец сказал, показав на громады
Стен, идущих к вершин куполам:
— Эти стены когда-то стояли преградой.
Их Искандер рассек пополам.

Мы не спорим, у нас есть другие заботы,
Мы поверим, что их разрубили сплеча,
И не только вот эти — иные ворота
Рассекала здесь сила меча.

Нам остались на память лазурь и багрянец
Твоих гор, твоей жизни рассказ —
И твою нищету, твои беды, афганец,
Ни один не забудет из нас.

Помни, друг, у тебя мы не сеяли ужас,
Помни: мир мы приносим в твой дом,
Слово дружбы — оно рассекает не хуже
Все преграды, и с ним мы идем!

ВЕРОНИКА ТУШНОВА

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Знакомый, ненавистный визг...
Как он в ночи тягуч и режущ!
И, значит, снова надо вниз,
В неведенье бомбоубежищ.

И снова поиски ключа,
И дверь с задвижкою тугою,
И снова тельце у плеча,
Обмякшее и дорогое.

Как назло, лестница крута,—
Скользят по сбитым плитам ноги;
И вот навстречу, на пороге —
Бормочащая темнота.

Здесь времени потерян счет,
Пространство здесь неощутимо,
Как будто жизнь, не глядя, мимо
Своей дорогою течет.

Горячий мрак, и бормотанье
Вполголоса. И только раз
До корня вздрагивает зданье,
И кто-то шепотом: «Не в нас».

И вдруг неясно голубой
Квадрат в углу, на месте двери:
«Тревога кончилась. Отбой!» —
Мы голосу не сразу верим.

Но лестница выводит в сад,
А сад омыт зеленым светом,
И пахнет резедой и летом,
Как до войны, как год назад.

Идут на дно аэростаты,
Покачиваясь в синеве.
И шумно ссорятся ребята,
Ища осколки на примятой
Белесой утренней траве.

ИОСИФ УТКИН

БРАТСКАЯ МОГИЛА

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать...
А. Пушкин

Славлю смерть у сопки Заозерной.
Ну, а я? Неужто — не в бою?
И не в братскую сойду могилу,
а позорно
На отлете где-нибудь сгнию?

Понимаю, что не в этом дело.
Знаю с малых лет, что все равно,
Так сказать, бесчувственному телу
Истлевать повсюду. Знаю... Но...

Если посудить да разобраться,
Нелегко, товарищи, тому,
Кто боролся на земле за братство,
Под землей остаться одному...

РОДИНА

Что любится, чем дышится,
Чем ваше сердце полнится,
То в голосе услышится,
То в песенке припомнится.

А мы споем о родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено
Хорошего и разного!

Тяжелое — забудется,
Хорошее — останется,
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.

С ее лугами, нивами,
С ее лесами-чащами
Была б она счастливою,—
А мы-то будем счастливы.

И сколько с ней ни пройдено,
Усталыми не скажемся
И песню спеть о родине
С друзьями не откажемся!

В ДОРОГЕ

Ночь, и снег, и путь далек;
        На снегу покатом
Только тлеет уголек
        Одинокой хаты.

Облака луну таят,
        Звезды светят скупо.
Сосны зимние стоят,
        Как бойцы в тулупах.

Командир усталый спит,
        Не спешит савраска,
Под полозьями скрипит
        Русской жизни сказка.

...Поглядишь по сторонам —
        Только снег да лыжни.
Но такая сказка нам
        Всей дороже жизни!

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву,—
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра,—
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..

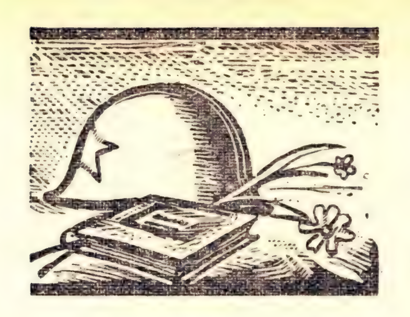
ПЕЙЗАЖ

Полей предвечерняя небыль,
Похода размеренный шаг,
Пыля, пробирается в небо
Войны бесконечный большак.

Белеет старинная церковь
Над тихой и мирной рекой,
На куполе медленно меркнет
Степного заката покой.

Но с мирной природою в споре,
Как грозного времени тень,
Чернеет народное горе
Спаленных войной деревень.

Чернеет и справа и слева...
И слышно, как там, впереди,
Огонь орудийного гнева
Гудит у России в груди!



НИКОЛАЙ УШАКОВ

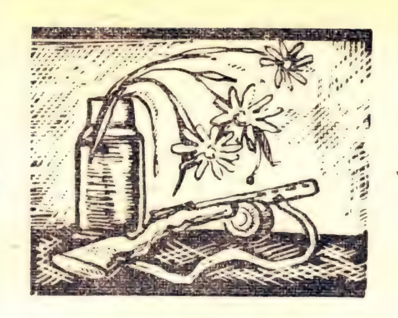
ХАРЬКОВ

Харьков слышит гул родных орудий,
Гул все громче.
Звук разрыва сух.
Превратились в слух
дома и люди,
и деревья
превратились в слух.

«Ждем»,— как будто говорит Сумская.
«Ждем»,— соседний произносит сад.
Головы все ниже опуская,
на балконах
мертвые висят...

— Ждем,— живые повторяют люди.
Пепельною ночью,
сизым днем
Харьков слышит гул родных орудий,
мужественный голос:
«Мы идем!»

За противотанковыми рвами,
за скрещением дорог
вдали
Харьков вырастает перед нами.
Мы идем,
мы входим,
мы вошли.



АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна,—
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют.
А в доме том солдата ждут.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..

Ведь завтра снова будет бой.
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жен, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят!..
Немного пусть поспят...

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ

Майскими короткими ночами,
Отгремёв, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот,—
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет?

Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным верстам счет.
За победу б мы по полной осушили,
За друзей добавили б еще.

Если ты, случайно, не женатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатом,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы было видно по всему —
Здесь живет семья советского героя,
Грудью защитившего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?..

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

ДВЕ СТАЛИ

Их взяли
Тронутыми гарью
На поле, выжженном дотла.
Одна была немецкой сталью,
Другая русскою была.

Но сталевары
С равной честью,
Свою лишь взглядом отличив,
Две стали положили вместе
В огонь мартеновской печи.

Война!
Она и сталь калечит.
Мартен — как госпиталь, и в нем
Ее, изломанную, лечат,
Ей возвращают жизнь огнем.

Чужая сталь,
С ее виною,
С позорной метою креста,
Омытая целебным зноем,
Как наша,
Стала вдруг чиста.

Чиста,
Как в первое плавленье,
Когда она перед войной
Еще ждала предназначенья
Стать трактором и бороной.

И потому
Не странно даже,
Что, становясь все горячей,
Она, чужая,
Вместе с нашей
Сливается в один ручей.

ДРУГУ

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.
Дивись тому,
Что сердцу близко.
Однажды ночью голубой
Горячая упала искра
И стала на земле тобой.
Не скифом
И не печенегом,
Минуя сотни скорбных вех,
Ты сразу гордым человеком
Явился
В наш двадцатый век.
— Мы — люди.
Нас легко обидеть.—
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?
Нас, гордых,
Жизнь не стала нежить,
Нам горький выдался посол.
Мы люди,
Нас легко утешить
Напоминаньем больших зол.

В любви,
В крови,
В огне боренья,
Со славой тех, кто первый пал,
Сменялись,
Гибли поколенья
За это все, что ты застал.
Все чудо:
Солнце, весны, зимы,
И звезды, и трава, и лес.
Все чудо!
И глаза любимой —
Две тайны
Двух земных чудес.
Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде все одолевать
Прошел все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.
Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь

* * *

Любовью,
Гневом
Сердце мая,
Людей привык я разделять
На тех, которых я не знаю,
И тех, которых смог узнать.
И этих,
Что узнал поближе,
Я, приглядевшись,
Так делю:
Одних до радости люблю,
Других до боли ненавижу.

* * *

Я жил — не заметил
Ни дня,
Ни причину,
Что первую мне
Прописала морщину.
Я жил — не заметил,
Пора спохватиться,
Что было мне двадцать,
Что стало мне тридцать.
Я жил — не заметил;
Заметив не плачу,
Что много утратил,
Что больше утрачу.
Желанному счастью
Шагая навстречу,
Я, может быть,
Встретив его,
Не замечу.

ЛЕОНИД ХАУСТОВ

РАЗВЕДКА

В дело! Кончились все тревоги.
Мы уходим, а ветер такой,
Что связистка, встав на пороге,
Прикрывает глаза рукой.

Мы сливаемся с темью ночи,
Друг за другом идем туда,
Где у гати, меж черных кочек,
Чуть поблескивает вода.

Это вспыхивают ракеты
Над бессонной передовой.
Трассы длинные, как кометы,
Пролетают над головой.

«Языка» на себе тянули,
Выносили из-под огня,
И убило одною пулей
Двух товарищей у меня.

И остались лежать ребята
Там, где в берег стучит Нева.
Нерастраченные гранаты,
Недосказанные слова...

Не увидеть того, что близко,
Лишь теперь я понял с тоской —
Не от ветра телефонистка
Прикрывала глаза рукой.

УЛИЦЫ

Сколько совпадений, сочетаний
Бережливо сохраняет мозг!
Мы стихи на Пушкинской читали,
Навещали Поцелуев мост.

И по Охте, на заре туманной,
Мы Весенней улицею шли,
И на грустной улице Расстанной
Мы никак расстаться не могли.

Щели амбразур на перекрестках
В мертвую глядели синеву.
Но слова: «Живу на Маяковской»
Или «на Дзержинского живу» —

Согревали в темноте морозной
И бороться звали до конца.
Очи ленинградские бесслезны,
Го́рды ленинградские сердца.

Выстояли, вынесли блокаду,
И теперь по всем уже краям
Дарят люди имя Ленинграда
Улицам,
проспектам,
площадям.

«ЭЛЕГИЯ» МАССНЕ

Я шел сквозь город затемненный.
Хлестала по ногам шинель,
И в тишине настороженной
Запела вдруг виолончель.

Была в мелодии живая,
Берущая за сердце грусть.
Я шел, ее не узнавая,
Но все же помня наизусть.

Дул ветер, изморозь кололась,
Но я на миг про то забыл,
Когда знакомый низкий голос
Из репродуктора поплыл.

Он пел о счастье невозвратном,
Но я-то верил: счастью быть.
И это было так понятно,
Так неизбежно, как любить...

И навсегда со мною рядом
Навстречу солнцу и весне
Над осажденным Ленинградом
Плывет «Элегия» Массне.

ДОРОГА В ГРАЖДАНКУ

Дорога в Гражданку — название улицы в Ленинграде

Над каменным сном
Сигнал спозаранку.
Казармы в Лесном
По Дороге в Гражданку.

Там, готовясь к походам,
Я сроднился с винтовкой,
Занимаясь со взводом
Огневой подготовкой.

Мы шутили тогда
У гудящей времянки:
«Нам рукою подать
До гражданки».

В мае сорок второго
Наяву, а не в снах
Вышли мы из Лесного —
Лейтенанты в ремнях.

Стук сапог спозаранку
Разбудил тишину,
По Дороге в Гражданку
Мы ушли на войну.

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

* * *

Тугой удар — начало канонады,
Пехоту поднимающий сигнал.
И лето зашумело листопадом,
И воздух, жестким шорохом снарядов
Распоротый, заныл и застонал,
Наполнился и скрежетом и звоном...

Широким эхом подняли леса
Раскаты полковых, дивизионных
И дальнобойных пушек голоса.
Десятки вспышек золотых, багровых
В дыму рождались молнии быстрей —
От сорокапятимиллиметровых
До гаубичных мощных батарей.

Когда стволы орудий разогрелись
И на мгновенье оборвался гул,
Сел на траву оглохший батареец
И жадно воздух утренний глотнул.
Тогда к нему вернулись слух и память...

Рассеивался смрад пороховой,
Запахло папоротником, грибами,
И хвоей, и нагретою листвой.
Потом возникли щелканье, и щебет,
И свист, и дятлов точный перестук,
И ликованье жаворонка в небе —
Пленительный, почти забытый звук.

И от улыбок посветлели лица
Покрытых дымной копотью парней.
И пели им обстрелянные птицы,
Привыкшие к соседству батарей.

А тем, что вслед за орудийным валом
Несли штыки в атаку на весу,
Кукушка долголетье куковала
В истерзанном снарядами лесу.

ЗВЕЗДА

Л. Озерову

Осенней ночью падает звезда.
В холодном небе — света борозда.
Примета есть: звезды летучей свет —
Тревожный признак, чьей-то смерти след.

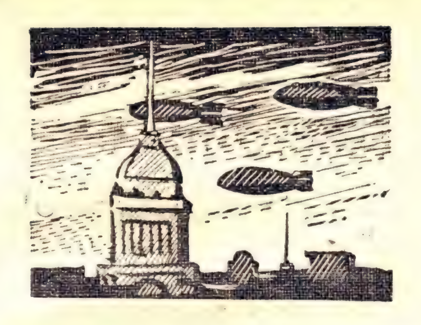
Примета есть. Но как поверить ей?
Мы пережили тысячи смертей.
Беззвездной ночью, в окруженье тьмы,
Друзей в походе хоронили мы
И дальше шли — в снегу, в чаду, в пыли...

Ах, если б звезды скорбный счет вели
И падали под тяжестью утрат,
Какой бы разразился звездопад!

О, сколько б звезд низринулось в ночи
Над теми, что расстреляны в Керчи,
Над павшими у Вязьмы и в Орле,
Над школьницей, что умерла в петле,
Над Бабьим Яром, где за рядом ряд
Мои друзья и земляки лежат,
Над теми, что от отчих мест вдали
Укрыты горсткой неродной земли,
Над теми, что в Берлине сражены
За две минуты до конца войны,—
Весь Млечный Путь в безмолвии ночном
Осыпался бы горестным дождем.

Но с вышины студеной, чуть видна,
Срывается звезда. Всего одна.
Подсказывает мне падучий свет
Иное толкование примет:
Слетает равнодушная звезда —
Кого-то позабыли навсегда.
А тот, кто вечен в памяти у нас,
Тот во вселенной тоже не погас.

Взгляну в зенит полночный и найду
Матросова солдатскую звезду.
И, потянувшись к чистому лучу,
Звезду Космодемьянской отыщу.
И, озарив осенний небосклон,
Взойдут созвездья — Брест и Краснодон.



АНАТОЛИЙ ЧЕПУРОВ

РАССВЕТ

Полуторка скользила по камням.
Был город тих. Ни звука, ни ракеты.
Сквозил рассвет. Летел навстречу нам,
И не было преграды для рассвета.
Мелькнула сзади пестрая мечеть,
Мосты, решетки оставались сбоку.
Хотелось нам навек запечатлеть,
Навек запомнить след войны глубокий.
Мы вглядывались в стены, в ворота,
От Марсова пересекая Невский.
И мужества нагая правота
И неприступность обороны дерзкой
Пред нами возникали наяву
Отметинами бомбы на фасаде,
Траншеями к жилищу твоему
И постоянством у тебя во взгляде.
Любимая, ты вновь передо мною
У голубых задумчивых оград.
Морщинки, наведенные войною,
О пережитом живо говорят.
Я помню ночь в окопе, перед боем.
В ее тиши, у скрытого костра,
Мне довелось наедине с собою
Пробыть тогда до самого утра.
Потом мы шли в осатанелый визг,
Одолевали надолбы, завалы.
Ни дня, ни ночи. Только лунный диск

Затеплится над насыпью, бывало,
И сделается сразу веселей,
Спадет мороз, кустарник посинеет,
Но стук артиллерийских батарей
В минуты те был жестче, был сильнее.
Ты дождалась. Ты верила. Ты знала.
Ты шла во имя жизни напролом...

Встает рассвет, могучий, небывалый,
Над Ленинградом, Киевом, Орлом.
Поет земля в ромашках и гвоздиках,
Вода шумит по склонам, по холмам.
Весь этот мир, сияющий и дикий,
Летит навстречу новым временам.
Замри на миг. Почувствуй запах ветра.
Прильни к стволам родных зеленых ив...
Ошеломленный силою рассвета,
Иду вперед, дыханье затаив!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как звонок этот зимний воздух,
Как много в нем тепла,
Когда в зеленоватых звездах
Береговая мгла,
Когда совсем ушли печали
И снова тишина,
Когда полмира за плечами,
А родина одна!

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН

КЛЯТВА БАЛТИЙЦЕВ

Поклянемся, друзья, гордой честью своей,
Нашей славной балтийскою чистою,
Что вовек не сдадим наших светлых морей
Ненавистным и черным фашистам.

Поклянемся, друзья, счастьем жен и детей,
Встанем грудью за честь Ленинграда.
Мы за муки отцов и за стон матерей
Будем бить, будем бить без пощады.

И покуда крепка на гранате рука,
Мы отвагой морской поклянемся.
Что пока до конца не добьем мы врага —
По домам с кораблей не вернемся.

Гнев священный несет наша Родина-мать
Всенародному злому убийце,
Выбивать, добивать, до конца истреблять
Поклянемся еще раз, балтийцы!

ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ

Споемте, друзья, ведь завтра в поход —
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

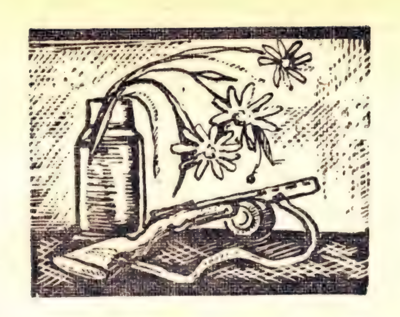
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя,
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья.

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.



ЯКОВ ШВЕДОВ

БЕРЕЗКА

Среди полей на перекрестке
Взлетел крылатый столб огня,
Снаряд ударил в ствол березки,
А показалось, что в меня.

В июльский полдень, под обстрелом,
Я вспомнил детство, отчий дом,
Березку, что легко шумела
Своей листвою под окном.

Я вспомнил, как она собою
Нам украшала бедный сад,
Сквозная, чистая весною
И золотая — в листопад.

...Пусть пулеметы снова брызнут
Смертельным яростным огнем.
В бой за березку, за отчизну,
За солнце яркое идем!

Идем за милый край отцовский,
А если сгинем мы в боях,
То пусть товарищи березку
У нас посадят в головах.

Не надо почести и тризны
Погибшим в схватках боевых.
Им слово краткое «отчизна»
Дороже было слов иных.

Идет огонь на нас стихией,
Летит трассирующих нить...
Березка,
Солнце и Россия
Живут и будут вечно жить!

СМУГЛЯНКА

Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирала виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
«Станем над рекою
Зорьки летние встречать!»

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Я влюбленный и смущенный пред тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

А смуглянка-молдаванка
Отвечала парню в лад:
«Партизанский молдаванский
Собираем мы отряд.
Нынче рано партизаны
Дом покинули родной.
Ждет тебя дорога
К партизанам в лес густой».

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Здесь, у клена, мы расстанемся с тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

И смуглянка-молдаванка
По тропинке в лес ушла.
В том обиду я увидел,
Что с собой не позвала.
О смуглянке-молдаванке
Часто думал по ночам.
Вдруг свою смуглянку
Я в отряде повстречал.

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Здравствуй, парень, забубенный, мой родной!
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

ВАДИМ ШЕФНЕР

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная высится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены,—
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытиё.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет. И что бы
ни случилось —
Враг никогда не отразится в нем!

ОЖИДАНИЕ

Ты помнишь дни?.. Гремя металлом,
И день и ночь трудиться рад,
Перекликался порт с вокзалом, —
Так брата окликает брат.

И отходящему составу
Корабль, покинувший причал,
Через кварталы и заставы
Гудком веселым отвечал.

Теперь в порту не слышно песен.
Дым не струится в высоту, —
Покрыли ржавчина и плесень
Сооружения в порту.

Суда застыли на приколе,
За молом море им видно,
Но дни идут... идут, —
доколе
Им ждать отплытья суждено?

Их загнала сюда блокада,
Во дно вогнала якоря,
Но тихих пристаней не надо
Гигантам, помнившим моря...

...Умолк вокзала грохот резкий,
На всем молчания печать, —
Здесь расставаться больше не с кем,
Здесь больше некого встречать.

Перрон асфальтовой пустыней
Уходит вдаль
Туман и мгла.
Здесь паровозы дальних линий
В тупик блокада загнала.

Они стоят темны и строги,
Безмолвно вглядываясь вдаль, —
Им снятся дальние дороги
И рельс мерцающая сталь.

Им сна не надо и ночлега,
Пред ними путь прямой, как меч.
О, только дайте им для бега
Стальные мускулы напречь!

А город, взором соколиным
Вонзаясь в дымный сумрак дня,
Стоит бессмертным исполином
В кольце металла и огня.

Настанет час —
неудержимо
Мой город двинется вперед
И, как огромная пружина,
Врага на запад отшвырнет.

И под винтами пеной белой
Вскипит балтийская вода,
И словно огненные стрелы
В туман вонзятся поезда.

И после многодневной ночи,
В мазутном блеске и дыму,
Вокзал проснется, загрохочет —
И порт откликнется ему.

ПАВЕЛ ШУБИН

ОПОЛЧЕНЦЫ

Четким шагам отряда
Зво́нок ответ торцов:
К подступам Ленинграда
Нарвская шлет бойцов.

Кто там в рядах? Спецовка,
Кепка да пиджачок,—
Но на ходу винтовка
Словно вросла в плечо;

Словно никто доселе
С грозных Октябрьских дней
Даже в своей постели
Не расставался с ней!

Сивая встала старость
С юностью — без усов,
Их побратала ярость
Против фашистских псов.

Плеч своих не сутуля,
С Армией Красной в ряд
Вместе пойдет под пули
Штатских бойцов отряд.

С львиной отвагой в сердце —
Сто́ит любой троих,
Гадам не отвертеться,
Не убежать от них.

Весь Ленинград за ними,
Ротам потерян счет, —
Улицами прямыми
Словно река течет.

Нарвцев прошли колонны, —
Снова штыки видны:
Двинулись батальоны
Выборгской стороны.

* * *

Санная дорога до Чернавска
Вьется,
Вьется снежная пыльца;
Свист саней от самого Ельца,
Ветер — у лица. И — даль. И пляска
Тонкого поддужного кольца...

А в снегах — без края, без конца —
Древняя, дремучая побаска,
Все звенит, все бредит детской лаской,
Лепетом младенца-бубенца;

До зари вечерней опояска
Где-то там, у отчего крыльца.

Дальнозоркой памятью увижу
За сто верст отсюда на закат
Низкую соломенную крышу,
Вровень с ней сугробы, а повыше —
Дым над черепичною трубою:
Башенкой белесо-голубою
В небо он уходит, языкат...

У отца на это свой загад:
Дым высокий — будет день хороший,
Утро ляжет легкою порошей...

Он коня выводит на раскат,
К проруби на речке, к водопою.
Ловит воду, заступив в ушат,
Конь стоялый бархатной губою.

Дома —
Шкуры волчьи на распялках,
Веники сухого чабреца,
Кадка взвару,
Меду полкорца,
Печь в полхаты; в петухах и галках
Цвета молодого огурца —
Мудрое художество отца...

Ночь.
Зеленый месяц на прогалках
Стекол, в рамах, тяжелей свинца,
Теплая, дремотная ленца,
Отсвет лампы на дубовых балках.

А селом —
Гармоника с Донца,
Песни, песни — ничего не жалко!
Кони — в лентах, сани — в бубенцах,
Девушки в пуховых полушалках, —

Встреться —
И не вспомнишь об иных!

Только
Звездный свет в глазах у них,
Только губы — запах пьяных вишен...
И навеки станет сердцу слышен
Легкий бег кошевок расписных.

Родина! В подробностях простых
Для меня открылась ты однажды,
И тебе я внял кровинкой каждой,
И навек запомнил, словно стих.

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

ОН

Ей восемнадцать скоро... А ему,
Кого в мечтах лишь иногда видала?
Он, может быть, в ночную глядя тьму,
Влезает в танк, а может, у штурвала
Забрызган черноморскою волной,
А то стоит в забое, коренастый,
А может, где-то мчат его по насту
Шесть пар собак полярною весной...
Где б ни был он, —он есть на белом свете,
Сумеет тридевять земель пройти,
Чтоб не другую, а ее найти:
Ведь он не где-нибудь — на этой же планете!

* * *

Природа! Человек — твое творенье,
И этой чести у тебя не отберут,
Но на ноги поставил с четверенек
И человеком сделал предка труд.

Труд... Есть ли что упорней и крылатей!
Покорны людям горы, ярость рек.
Кто в наш рабочий век с трудом в разладе,
Тот и сейчас для нас не человек.

ЛИТЬЕ

Завалочному крану не легко
Работать у прожорливых печей.
Здесь разливают сталь, как молоко,
Берет начало тысяча вещей.
Литье у нас прославлено в стране.
Мы разбудили жизнь холодных руд.
Во всем — в иголке, в танковой броне —
Живет горячий сталевара труд.

* * *

Пускай умру, пускай летят года,
Пускай я прахом стану навсегда.

Полями девушка пойдет босая.
Я встрепенусь, превозмогая тлен,
Горячей пылью ног ее касаясь,
Ромашкою пропахших до колен.

СОЛОВЕЙ

Марии Петровых

Где березняк, рябой и редкий,
где тает дымка лозняка,
он, серенький, сидит на ветке
и держит в клюве червяка.

Но это он, простой, невзрачный,
озябший ночью от росы,
заворожит поселок дачный
у пригородной полосы.

ОСЕНЬ

Кончен с августом расчет,
и дожди не ждут указок.
Серая вода течет
струйками с зеленых касок.

От дождя звенит в ушах.
И хотя не замечаем,
осень с нами в блиндажах
греется горячим чаем.

Под ветвями мокнут танки
на исходном рубеже,
и вода в консервной банке
плещется на блиндаже.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Казалось, было холодно цветам,
И от росы они слегка поблёкли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
Обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
И пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
Влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
Что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чем,
А славил бы всю жизнь свою дорогу,
Когда б армейским скромным трубачом
Я эти пять минут трубил тревогу.

В ЗАСАДЕ

Под мокрым небом яблони озябли.
В саду засада наша. Враг — вблизи.
Тяжелый танк врыт между старых яблонь,
И он весь в листьях желтых и в грязи.

Еще грознее будет он, упорней
Стоять, свершая отомщенье, тут
За то, что яблоням мы подрубили корни
И что весной они не расцветут.

* * *

Ты порой целуешь ту, порою — эту
в папиросном голубом дыму.
Может быть, в упреках толку нету,
да читать мораль и не к лицу поэту, —
только страшно стариться тому,
кто любовь, как мелкую монету,
раздавал, не зная сам кому.

ПАВШИМ

Весь под ногами шар земной.
Живу Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
погибшие в бою.

Пусть всех имен не назову,
нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
что умерли они?

Была б кощунственной моя
тоскливая строка
о том, что вот старею я,
что, может, смерть близка.

Я мог давно не жить уже:
в бою, под свист и вой,
мог пасть в соленом Сиваше
иль где-то под Уфой.

Но там упал ровесник мой.
Когда б не он, как знать,
вернулся ли бы я домой
обнять старуху-мать.

Кулацкий выстрел, ослепив,
жизнь погасил бы враз,
но был не я убит в степи,
где обелиск сейчас.

На подвиг вновь звала страна.
Солдатский путь далек.
Изрыли бомбы дочерна
обочины дорог.

Я сам воочью смерть видал.
Шел от воронок дым;
горячим запахом металл
запомнился живым.

Но все ж у многих на войне
был тяжелее путь,
и Черняховскому — не мне —
пробил осколок грудь.

Не я — в крови, полуживой
растерзан и раздет, —
молчал на пытках Кошевой
в свои шестнадцать лет.

Пусть всех имен не назову,
нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
что умерли они?

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
достойна будет жизнь моя
солдатской смерти их.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

Что было городом — дремучий лес,
И человек, услышав крик зловещий,
Зарылся в ночь от ярости небес,
Как червь слепой, томится и трепещет.
Ему теперь и звезды невдомек,
Глаза закрыты, и забиты ставни.
Но вдруг какой то беглый огонек —
Напоминание о жизни давней.
Кто тот прохожий? И куда спешит?
В кого влюблен?
Скажи ты мне на милость!
Ведь огонька столь необычен вид,
Что кажется — вся жизнь переменилась.
Откинуть мишуру минувших лет,
Принять всю грусть, всю наготу природы,
Но только пронести короткий свет
Сквозь черные, томительные годы!

* * *

Не раз в те грозные, больные годы,
Под шум войны, средь нищенства природы,
Я перечитывал стихи Ронсара,
И волшебство полуденного дара,
Игра любви, печали легкой тайна,
Слова, рожденные как бы случайно,

Законы строгие спокойной речи
Пугали мир ущерба и увечий.
Как это просто все! Как недоступно!
Любимая, дышать и то преступно...

* * *

В лесу деревьев корни сплетены,
Им снятся те же медленные сны,
Они поют в одном согласном хоре,
Зеленый сон, земли живое море.
Но и в лесу забыть я не могу:
Чужой реки на мутном берегу,
Один, как перст, непримирим и страстен,
С ветрами говорит высокий ясень.
На небе четок каждый редкий лист.
Как, одиночество, твой голос чист!

* * *

Как эти сосны и строенья
Прекрасны в зеркале пруда,
И сколько скрытого волненья
В тебе, стоячая вода!
Кипят на дне глухие чувства,
Недвижен темных вод покров,
И кажется, само искусство
Освобождается от слов.

1941

Мяли танки теплые хлеба,
И горела, как свеча, изба.
Шли деревни. Не забыть вовек
Визга умирающих телег,
Как лежала девочка без ног,
Как не стало на земле дорог.
Но тогда на жадного врага
Ополчились нивы и луга,

Разъярился даже горицвет,
Дерево и то стреляло вслед,
Ночью партизанили кусты
И взлетали, как щепа, мосты.
Шли с погоста деды и отцы,
Пули подавали мертвецы,
И, косматые, как облака,
Врукопашную пошли века.
Шли солдаты бить и перебить,
Как ходили прежде молотить,
Смерть предстала им не в высоте,
А в крестьянской древней простоте,
Та, что пригорюнилась, как мать,
Та, которой нам не миновать.
Затвердело сердце у земли,
А солдаты шли, и шли, и шли,
Шла Урала темная руда,
Шли, гремя, железные стада,
Шел Смоленщины дремучий бор,
Шел худой зазубренный топор,
Шли пустые тусклые поля,
Шла большая русская земля.

* * *

Знакомые дома не те.
Пустыня затемненных улиц.
Не говори о темноте:
Мы не уснули, мы проснулись.
Избыток света в поздний час
И холод нового познанья,
Как будто третий, вещий, глаз
Глядит на рухнувшие зданья.
Нет, ненависть — не слепота.
Мы видим мир, и сердцу внове
Земли родимой красота
Средь горя, мусора и крови.

* * *

Они накинулись, неистовы,
Могильным холодом грозя,

Но есть такое слово «выстоять»,
Когда и выстоять нельзя,
И есть душа — она все вытерпит,
И есть земля — она одна,
Большая, добрая, сердитая,
Как кровь, тепла и солона.

* * *

Так ждать, чтоб даже память вымерла,
Чтоб стал непроходимым день,
Чтоб умирать при милом имени
И догонять чужую тень,
Чтоб не довериться и зеркалу,
Чтоб от подушки утаить,
Чтоб свет своей любви и верности
Зарыть, запрятать, затемнить,
Чтоб пальцы невзначай не хрустнули,
Чтоб вздох и тот зажать в руке,
Так ждать, чтоб, мертвый, он почувствовал
Горячий ветер на щеке.

* * *

Было в жизни мало резеды,
Много крови, пепла и беды.
Я не жалуюсь на свой удел,
Я бы только увидать хотел
День один, обыкновенный день,
Чтобы дерева густая тень
Ничего не значила, темна,
Кроме лета, тишины и сна.

* * *

Были липы, люди, купола.
Мусор. Битое стекло. Зола.
Но смотри — среди разбитых плит
Уж младенец выполз и сидит,
И сжимает слабая рука
Горсть сырого теплого песка.

Что он вылепит? Какие сны?
А года чернеют, сожжены...
Вот и вечер. Нам идти пора.
Грустная и страстная игра.

* * *

Белеют мазанки. Хотели сжечь их,
Но не успели. Вечер. Дети. Смех.
Был бой за хутор, и один разведчик
Остался на снегу. Вдали от всех
Он как бы спит. Не бьется больше сердце.
Он долго шел — он к тем огням спешил.
И если не дано уйти от смерти,
Он, умирая, смерть опередил.

* * *

Был час один — душа ослабла.
Я видел Глухова сады
И срубленных врагами яблонь
Еще незрелые плоды.
Дрожали листья. Было пусто.
Мы постояли и ушли.
Прости, великое искусство,
Мы и тебя не сберегли.

* * *

Есть время камни собирать,
И время есть, чтоб их кидать.
Я изучил все времена,
Я говорил «на то война»,
Я камни на себе таскал,
Я их от сердца отрывал,
И стали дни еще темней
От всех раскиданных камней.
Зачем же ты киваешь мне
Над той воронкой в стороне,
Не резонер и не пророк,
Простой дурашливый цветок?

* * *

Гляжу на снег, а в голове одно:
Ведь это — день, а до чего темно!
И солнце зимнее, оно на час —
Торопится, глядишь, и день погас.
Под деревом солдат. Он шел с утра.
Зачем он здесь? Прошли давно войска.
И день прошел. Но не пройдет тоска.

* * *

Мир велик, а перед самой смертью
Остается только эта горстка,
Теплая и темная, как сердце,
Хоть ее и называли черствой,
Горсть земли, похожей на другую, —
Сколько в ней любви и суеверья!
О такой и на небе тоскуют,
И в такую до могилы верят,
За такую, что дороже рая,
За лужайку, дерево, болотце,
Ничего не видя, умирают
В час, когда и птица не проснется.

* * *

Ракеты салютов. Чем небо черней,
Тем больше в них страсти растерзанных дней.
Летят и сгорают. А небо черно.
И если себя пережить не дано,
То ты на минуту чужие пути,
Как эта ракета, собой освети.

* * *

Когда я был молод, была уж война,
Я жизнь свою прожил — и снова война.
Я все же запомнил из жизни той громкой
Не музыку марша, не грозы, не бомбы,
А где-то в рыбацком селенье глухом

К скале прилепившийся маленький дом.
В том доме матрос расставался с хозяйкой,
И грустные руки метались, как чайки.
И годы, и годы мерещатся мне
Все те же две тени на белой стене.

* * *

Я смутно жил и неуверенно,
И говорил я о другом,
Но помню я большое дерево,
Чернильное на голубом,
И помню милую мне женщину,
Не знаю, мало ль было сил,
Но суеверно и застенчиво
Я руку взял и отпустил.
И все давным-давно потеряно,
И даже нет следа обид,
И только где-то то же дерево
Еще по-прежнему стоит.

* * *

Чужое горе — оно, как овод,
Ты отмахнешься, и сядет снова,
Захочешь выйти, а выйти поздно,
Оно — горячий и мокрый воздух,
И как ни дышишь, все так же душно.
Оно не слышит, оно — кликуша,
Оно приходит и ночью ноет,
А что с ним делать — оно чужое.

* * *

Умру — вы вспомните газеты шорох,
Ужасный год, который всем нам дорог.
А я хочу, чтоб голос мой замолкший
Напомнил вам не только гром у Волги,
Но и деревьев еле слышный шелест,
Зеленую таинственную прелесть.
Я с ними жил, я слышал их рассказы,
Каштаны милые, оливы, вязы.
То не ландшафт, не фон и не убранство,
Есть в дереве судьба и постоянство,
Уйду — они останутся на страже,
Я начал говорить, они доскажут.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

ТОВАРИЩУ ПО ОКОПУ

Комиссару Андрею Лебедеву

Теперь бы нам поля дожинать.
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
К зиме с молотком утеплять дома.

В березах чуфыкают косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь разводить в печи
И молча греться у огонька...

Но мины, мины свистят вокруг,
Война занесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг!
Лежи, мой друг,
Не дрожи, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни на шаг.

В Москве не достроены корпуса.
Мы, школ не окончив, пошли в поход
За наши дороги, за наши леса,
За русскую землю,
За наш народ.

Фашисты берут на шум, на испуг,
Стреляют, не целясь,
Идут в дыму.
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча выщелкивай по одному.

Мы жен разослали по деревням,
Детей переправили в глубь страны.
Так пусть обернется лицом к врагам
Весь ужас большой жестокой войны!

Не мины — трусость в бою страшна.
Но мы — моряки,
И сосед — моряк.
За нами стоит родная страна,
Кремля стена,
Ленинграда стена...
Так не отступим, мой друг, ни на шаг!

* * *

Что нам тысячи километров!
Имя вслух мое назови —
И домчится, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденье за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую, оживу.

СОДЕРЖАНИЕ

Л 62 Лирика 40-х годов. Вступит. слово, сост. и ред. В. Я. Вакуленко. Ф., «Кыргызстан», 1977 ©
768 с. (Русская советская лирика)

В антологию «Лирика 40-х годов» вошли лирические произведения русских советских поэтов, созданные ими в период с 1940 по 1950 г.

Р 2

Л $\frac{742-75}{М 451 (17)-76}$ 201—77

ЛИРИКА 40-х ГОДОВ

(Русская советская лирика)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО,
СОСТАВЛЕНИЕ И РЕДАКЦИЯ
ВАЛЕРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА ВАКУЛЕНКО

Рецензент: доктор филологических наук профессор *Е. К. Озмитель*

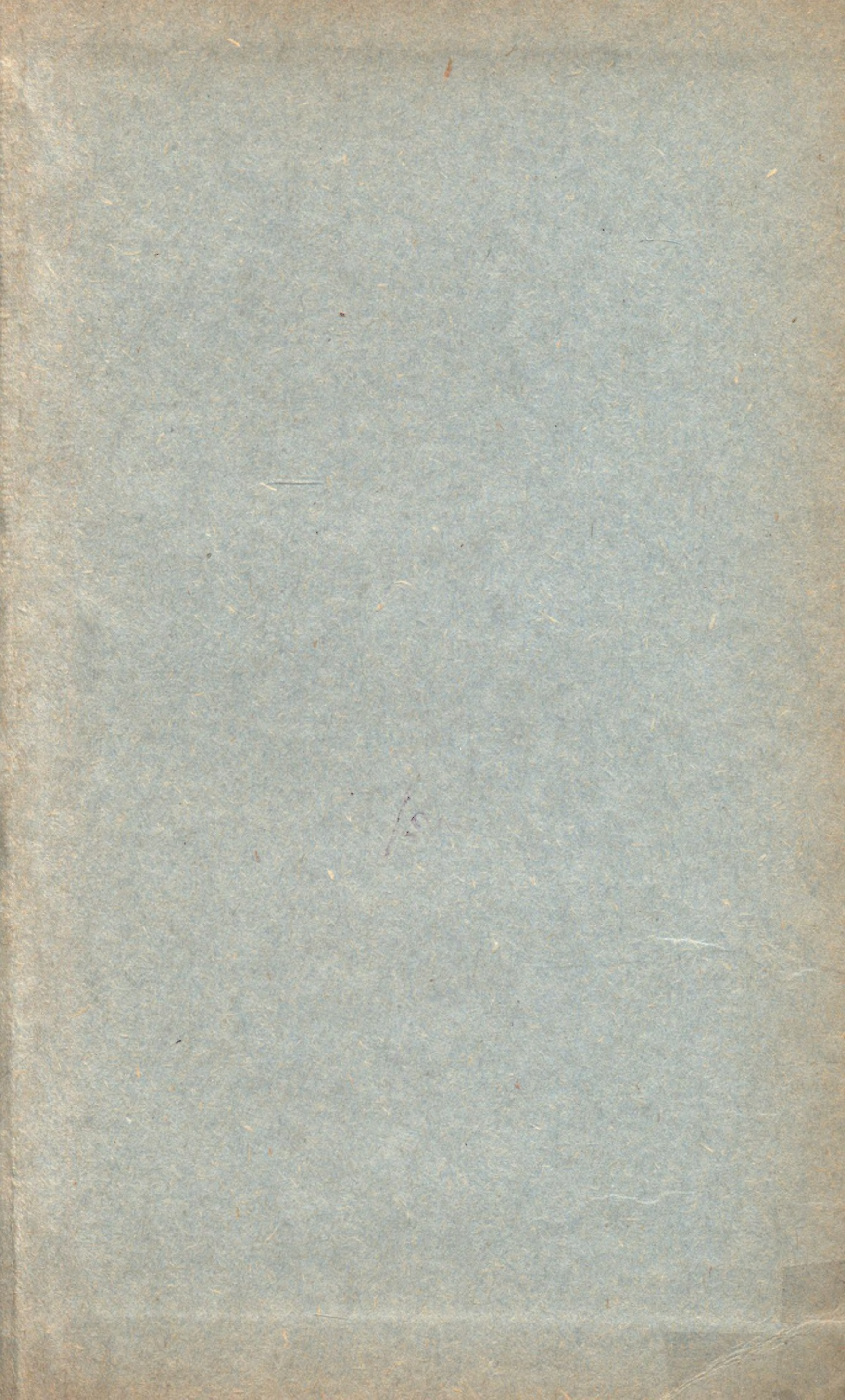
ИБ № 531

Мл. редактор ***С. М. Кузьмина***
Художник *И. Ф. Бульба*
Техн. редактор ***Р. Я. Ревенко***
Корректор *Л. М. Челнокова*

Сдано в набор 16/X-1976 г. Подписано к печати 3/III-1977 г. Д—00232. Бумага типографская № 3. 84×108$^{1}/_{32}$, 24,0 физич. печ. л., 40,32 условн. печ. л., 34,76 учет.-изд. л. Тираж 250000. (2 завод 75000). Заказ № 160. Цена 3 р. 33 к.

720002, г. Фрунзе, Советская, 170. Издательство «Кыргызстан».

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулёвская, 102, Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.



3 р33к

Лирика 40-х годов